Z 80/94
т. 2

Сочиненія

И. Ѳ. Горбунова.

II.

С.-Петербургъ
1904.

Сочиненія

И. Ѳ. Горбунова.

С.-Петербургъ
1904.

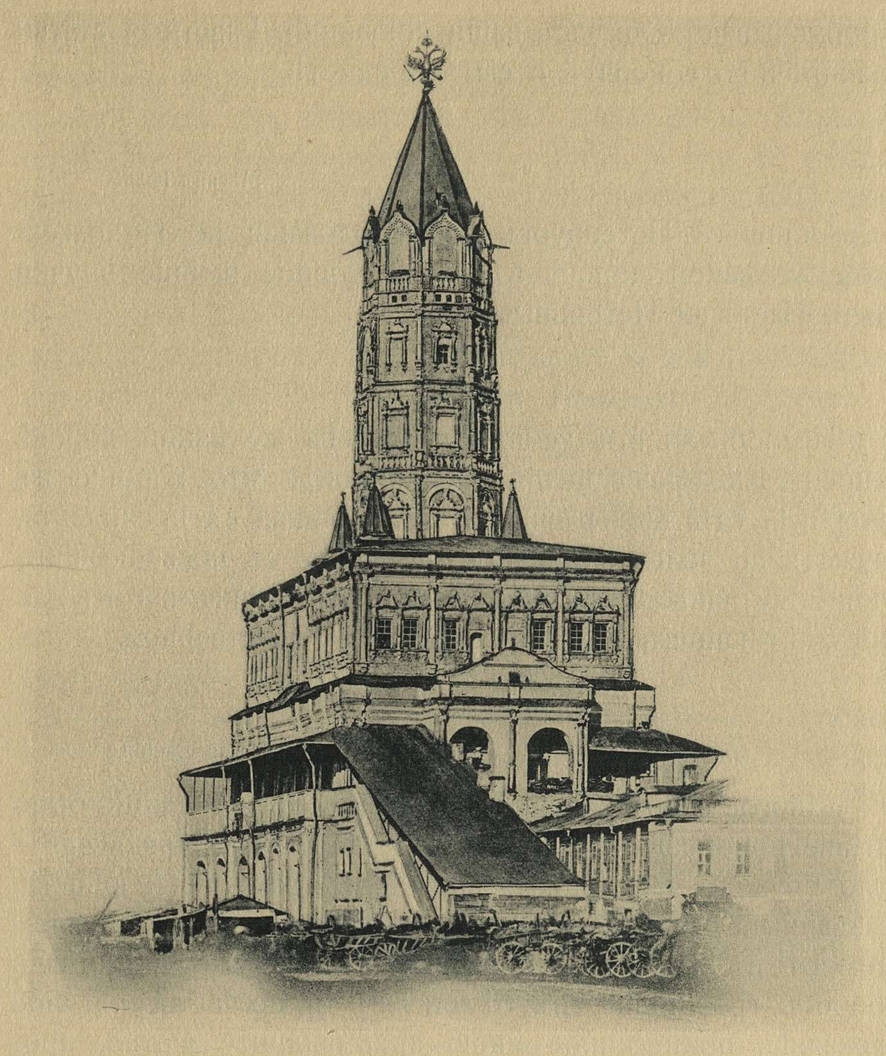
Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ, Звенигородская ул., № 11.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Н. Пановъ

ГЕНЕРАЛЪ ДИТЯТИНЪ.

Генералъ Дитятинъ.



Записная тетрадь стараго москвича.

Тетрадь сія предназначается для вписыванія моихъ мимолетныхъ мыслей и замѣтокъ и составляетъ продолженіе первыхъ тетрадей, на сей предметъ учиненныхъ.

Годъ 1875. Мѣсяцъ іюнь.

Несмотря на нѣкоторое въ умахъ броженіе, у насъ на Петербургской сторонѣ тихо, чему не мало способствуетъ какъ дѣятельность полицейской власти, такъ и отдаленность мѣстности.

Нѣкоторое сомнѣніе возстаетъ въ умѣ моемъ о томъ,

не обманываютъ ли насъ наши союзники. Газетныя статьи разнорѣчиво говорятъ о семъ предметѣ.

Мѣсяцъ іюль.

Оставилъ Петербургъ для слѣдованія по Николаевской желѣзной дорогѣ въ подмосковное имѣніе внучки моей, Настасьи Петровны.

Несообразности усматриваются на желѣзной дорогѣ относительно размѣщенія пассажировъ. Что хорошо въ Америкѣ, гдѣ всѣ равны, и всѣ, начиная съ президента, служатъ по вольному найму, не всегда съ пользою примѣнимо у насъ. Отчего бы не отдѣлить одинъ вагонъ для лицъ, имѣющихъ право на уваженіе общественное.

Волховская станція.

Многое вспомнилось. Неподалеку отъ сей станціи было имѣніе покойнаго графа Алексѣя Андреевича Аракчеева—село Грузино. Вспомнился мнѣ одинъ грѣхъ моей юности, вызванный, разумѣется, моею молодостью и неустановившимися въ то время понятіями. Дѣло уже принимало оборотъ, грозившій мнѣ бѣлой лямкой, но чистосердечное раскаяніе, принесенное мною архимандриту Фотію, проѣзжавшему въ Грузино къ графу, утишило угрозу. Фотій, назвавъ меня дерзновеннымъ офицеромъ, взялъ подъ свое покровительство. Графъ приказалъ примѣрно наказать содержателя постоялаго двора за попустительство, а меня выдержалъ мѣсяцъ, и то по предстательству почтеннѣйшей Настасьи Федоровны, на гауптвахтѣ, при военномъ поселеніи находившейся. Что же касается до нея... кладу храненіе устамъ. Иногда и пріятныя воспоминанія дѣлаются непріятными вслѣдствіе минувшей молодости.

Въ воспоминаніяхъ о прошломъ заснулъ и видѣлъ во снѣ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева: сидитъ въ бѣломъ одѣяніи и съ добродушной улыбкой перелистываетъ какую-то книжку.

Въ Твери проснулся и былъ на платформѣ привѣтствованъ какимъ-то неизвѣстнымъ мнѣ весьма пожилымъ человѣкомъ, но, очевидно, меня знающимъ. Стремясь мысленно къ цѣли моего путешествія, я его не распрашивалъ. Въ Твери я былъ послѣдній разъ въ 1830 году, бывъ командированъ туда съ весьма щекотливымъ секретнымъ порученіемъ. Въ Петербургѣ стали ходить нелѣпые слухи, что въ Твери проживаетъ секретно дочь Наполеона I, родившаяся въ Москвѣ уже послѣ изгнанія его изъ предѣловъ Россіи. Сначала говорили шопотомъ, а потомъ стали говорить вслухъ. Былъ посланъ одинъ изъ благонадежнѣйшихъ въ то время сыщиковъ для производства негласнаго дознанія. Сыщикъ, ужъ теперь не упомню, какъ его фамилія, отвѣчалъ рапортомъ, что онъ пришелъ къ всесовершеннѣйшему убѣжденію въ томъ, что дочь Наполеона находится въ Твери и отъ преслѣдованія скрывается. Бывъ командированъ, я прибылъ въ Тверь... Впрочемъ, все сіе дѣло, какъ на ложныхъ слухахъ основанное, кончилось ничѣмъ, хотя съ мнимой дочери Наполеона и была отобрана мною подписка въ томъ, что она дочь французскаго парикмахера Наполеона Прево, въ распускаемыхъ о ней ложныхъ слухахъ не участвовала и впредь, подъ опасеніемъ наказанія, учавствовать не будетъ, которую она чистосердечно, со слезами, подписала. Французское посольство выразило удовольствіе.

Москва.

По странному стеченію обстоятельствъ, я въѣхалъ въ Москву въ тотъ же самый день, въ который, тридцать лѣтъ тому назадъ, изъ оной выѣхалъ. Не есть ли какая-либо тайна руководящаго меня Провидѣнія? Хотѣлъ, по старому, остановиться на Тверской, въ гостинницѣ Шевалдышева, но оная, какъ оказалось, болѣе не существуетъ. Вся Тверская улица перестроена, дворянскихъ домовъ нынѣ уже не видно, лишь на воротахъ англійскаго клуба сохранились львы—эмблема силы и власти. Не безъ грусти проѣхалъ я по этой улицѣ, направляясь къ Прѣсненскимъ прудамъ, къ старинному другу своему, Ивану Максимовичу Невзорову. Сохранивши до преклонныхъ лѣтъ зрѣніе и умъ, столь необходимый для всякаго человѣка, старикъ удалился отъ современнаго общества и живетъ

уединенно въ собственномъ домѣ, въ которомъ прежде тайно собирались массонскія ложи. Старикъ несказанно мнѣ обрадовался. Стали пересчитывать живыхъ. Оказалось, что насъ осталось только трое: я, онъ и Степанъ Васильевичъ Промзинъ, проживающій въ собственномъ домѣ у Донскаго монастыря, да еще какой-то знакомый ему протоіерей. Разговорились о современномъ положеніи дѣлъ. На тотъ случай, что сія тетрадь можетъ попасть кому-либо въ руки — сужденія наши, касавшіяся, разумѣется, строя политическаго, я здѣсь упускаю, хотя нѣкоторыя мысли старика и слѣдовало было записать. Не могу не выразить удивленія передъ неосмотрительностью одного извѣстнаго мнѣ генерала, съ полнымъ откровеніемъ напечатавшаго въ „Русскомъ Архивѣ" свои записки и критически коснувшагося нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ. Зачѣмъ?

Былъ у Степана Васильевича Ворлянскаго (помнится, фамилія его упоминается въ комедіи Грибоѣдова). Въ молодыхъ лѣтахъ былъ массонъ. Теперь не узнаетъ никого, и меня не узналъ. Разсказывала мнѣ безотлучно находящаяся при немъ женщина, что онъ раза три въ годъ приказываетъ подавать себѣ мундиръ, въ намѣреніи ѣхать на дворянскіе выборы и, одѣвшись, засыпаетъ. Къ удивленію моему, онъ принялъ меня за графа Закревскаго, и когда я ему на сіе возразилъ, онъ погрозился на меня пальцемъ.

Бывъ при открытіи памятника гражданину Минину и князю Пожарскому, нарочно пошелъ на Красную площадь. Къ сожалѣнію, надпись на памятникѣ, объясняющая значеніе сего мавзолея, обветшала и обсыпалась, самый же памятникъ окруженъ ломовыми извозчиками и мелкими торговцами, что и препятствуетъ быть ему величественнымъ.

Былъ на Вшивой горкѣ. Въ бывшемъ поражавшемъ своимъ великолѣпіемъ дворцѣ Шепелева помѣщается для чернорабочаго класса больница. Домъ сей, по великолѣпію убранства и барской пышности, былъ въ Москвѣ одинъ

изъ первыхъ. На воротахъ дома супруги генералъ-аншефа Варвары Алексѣевны Болдиной нынѣ написано: купчихи Ефремовой. Что сказать о семъ? Иванъ Максимовичъ говоритъ: погоди, еще не то будетъ!

Былъ въ Сокольникахъ. Густой вѣковой соснякъ на половину вырубленъ. Причина тому—передача этой рощи изъ казеннаго вѣдомства въ вѣдѣніе городской думы, которая и пожелала изъ онаго сдѣлать подобіе парижскаго булонскаго сада. Напрасно. Въ старину здѣсь цари занимались соколиной охотой, отчего и роща получила названіе рощи Сокольницкой. Любопытствующіе могутъ прочитать о семъ въ книгѣ г. Любецкаго.

Иванъ Максимовичъ говорилъ, что французскій языкъ, прежде достояніе одного высшаго общества, сталъ нынѣ проникать и въ дома купеческіе. Несогласенъ я съ этимъ.

Въ одномъ изъ первѣйшихъ московскихъ барскихъ садовъ, на Самотекѣ, нынѣ засыпанной, устроено гулянье народное, именуемое Эрмитажемъ. Большая часть деревъ вырублена, пруды затянуло иломъ. Въ двадцатыхъ годахъ, садъ этотъ принадлежалъ Корсакову, въ коемъ собиралась московская знать, угощаемая роскошнымъ ужиномъ, при спускѣ на прудахъ фейерверка и домашняго оркестра. Осталось еще нѣсколько деревьевъ, бывшихъ свидѣтелями прежняго барскаго житья. Гуляя въ семъ Эрмитажѣ, съ глубокимъ сожалѣніемъ вспомнилъ я о временахъ минувшихъ.

Подъ Новинскимъ, въ домѣ, бывшемъ князя Ивана Львовича, гдѣ была свадьба покойной княгини Анны Борисовны, помѣщается нынѣ трактиръ, и въ ономъ виситъ портретъ Фридриха Великаго, во весь ростъ, на конѣ, принадлежавшій князю. Что приличествуетъ барскому дому—неумѣстно въ трактирѣ. Не это ли одна изъ причинъ, что нынѣшнее, такъ называемое, молодое поко-

лѣніе, взирая безъ должнаго уваженія... Впрочемъ, разсужденіе сіе оставляю до деревни.

Былъ на Воробьевыхъ горахъ, со стороны Москвырѣки, по своей крутизнѣ, почти неприступныхъ. Въ первый разъ я былъ здѣсь съ моимъ гувернеромъ. Въ то время еще виднѣлись слѣды разрушенія, оставшіеся послѣ отступленія Наполеона, и это возбудило во мнѣ страсть къ службѣ военной, хотя бабка моя, по своимъ связямъ, предназначала мнѣ карьеру дипломатическую. Не знаю, было ли бы это лучше: Нессельроды не часты.

Пріобрѣлъ покупкою у Сухаревой башни весьма сходственный портретъ Дибича, а другой, кажется, Платовъ; оба писаны масляными красками.

Не во всемъ я съ мнѣніемъ „Московскихъ Вѣдомостей“ согласенъ.

Посѣтилъ меня одинъ молодой человѣкъ, въ трехъ училищахъ бывшій и нигдѣ курса не окончившій, съ просьбою о пособіи. Возымѣлъ онъ непреодолимое желаніе поступить въ оперетку Оффенбаха, посему и домъ родительскій оставилъ, и отъѣзжаетъ въ Саратовъ, гдѣ оная оперетка публикою любима. На совѣтъ мой возвратиться къ родителю—разсердился. Не малое удивленіе сей молодой человѣкъ мнѣ доставилъ своимъ свободомысліемъ. На вопросъ мой, почему онъ является ко мнѣ, незнакомому ему человѣку, отвѣтствовалъ: для артиста всѣ двери открыты. Не зналъ этого, что для подобныхъ артистовъ всѣ двери должны быть открыты. Въ наше время артистъ было званіе почтенное и почетное, большимъ трудомъ достигавшееся, а нынѣ кто играетъ на гитарѣ „Чижика“, уже артистомъ именуется и концертъ даетъ.

Тоже дама, мужемъ оставленная, просила о пособіи. Необыкновенная потребность развилась въ современномъ

обществѣ на пособія, всѣ нуждаются въ ономъ: протягиваетъ руку швейцаръ, подающій тебѣ шинель, парикмахеръ, обрившій у тебя бороду, дама, имѣющая возможность ѣздить на извозчикѣ, полный здоровья и силы молодой человѣкъ и т. п. Благотворительныя общества не успѣваютъ давать концертовъ и спектаклей для удовлетворенія просьбъ своихъ потребителей. „Подымаю завѣсу сѣдой старины“ и вижу, что въ наше время пособія бѣдными людьми испрашивались токмо на паперти церковной. Одинъ изъ благотворителей, самъ живущій на счетъ благотворимыхъ, у Ивана Максимовича за обѣдомъ говорилъ, что сія причина есть обновленіе общества. Можетъ. Не спорю. Но не отвлекаютъ ли сіи пособія отъ труда личнаго? Не усматриваю я никакого обновленія въ томъ, что даже сытый швейцаръ, несущій одинъ изъ наилегчайшихъ въ мірѣ трудовъ, является паразитомъ общественнымъ. Впрочемъ, вопросъ сей требуетъ обстоятельнаго разсужденія.

У Ивана Максимовича было вчера собраніе московскихъ ученыхъ, толковали о массонахъ и въ немалое удивленіе пришли, узнавши о личномъ знакомствѣ моемъ со Сперанскимъ и Аракчеевымъ. Нѣкоторыя неправильныя разсужденія въ современныхъ журналахъ о сихъ сановникахъ мною исправлены. О привязанности Сперанскаго къ нюхательному табаку никто изъ нихъ не зналъ.

Простившись съ Иваномъ Максимовичемъ, выѣхалъ въ деревню.

РѢЧЬ.

Мнѣ помнится, что предыдушій ораторъ упомянулъ о свободѣ. Смѣю думать, что онъ сказалъ о свободѣ цензуры.

Эта свобода всегда существовала, даже въ то время, когда книги выходили изъ типографіи Любія, Гарія и Попова и печатались съ указки дозволено и съ дозволенія Управы благочинія.

Если же вы чувствуете стѣсненіе, то оно происходило не отъ меня. Я былъ пассивнымъ зрителемъ, жалѣвъ стѣсняемыхъ и не препятствовалъ стѣсняющимъ.

Если же ораторъ намекнулъ на свободу передвиженія съ мѣста на мѣсто, такой свободы нѣтъ во всемъ мірѣ.

У нѣмца написано:

— „Halt!“

Онъ поворачиваетъ назадъ.

У насъ написано:

— „По соглашенію Министра Путей Сообщенія съ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ здѣсь ходить и ѣздить воспрещается“.

Мы идемъ впередъ...

Рѣчь на обѣдѣ въ честь Тургенева.

1878.

— Милостивые государи, вы собрались здѣсь чествовать литератора сороковыхъ годовъ, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева.

Я противъ этого ничего не имѣю...

По приглашенію господъ директоровъ, я явился сюда неприготовленнымъ встрѣтить такое собраніе Россійскаго ума и образованности.

Хотѣлось бы говорить, но говорить, находясь среди васъ, трудно: во-первыхъ, разница нашихъ взглядовъ, во-вторыхъ, свойственная людямъ моей эпохи осторожность. Насъ учили больше осматриваться, чѣмъ всматриваться, больше думать, чѣмъ говорить, словомъ, насъ учили тому, чему, къ сожалѣнію, теперь... уже болѣе... не учатъ.

Милостивые государи, вы слишкомъ молоды! Среди васъ нѣтъ ни одного, кто былъ бы свидѣтелемъ того перелома и треска въ литературѣ, коего я былъ свидѣтелемъ.

Объясняюсь...

Въ началѣ 30-хъ годовъ, выражаясь риторическимъ языкомъ, среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ

Дмитріевъ былъ внезапно обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ.

Подняли шумъ...

Критикъ скрылся...

Далѣе, генералъ-лейтенантъ, сочинитель патріотической повѣсти 12-го года, Михайловскій-Данилевскій былъ обруганъ.

Были приняты мѣры...

Критикъ испыталъ на себѣ быстроту фельдъ-егерской тройки...

Стало тихо.

Но на почвѣ, удобренной и усѣянной мыслителями тридцатыхъ годовъ, показались всходы. Эти всходы заколосились и первый тучный колосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были „Записки Охотника", принадлежавшія перу чествуемаго вами нынѣ литератора сороковыхъ годовъ, отставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева.

Въ простотѣ солдатскаго сердца, я взялъ эти „Записки", думая найти въ нихъ записки какого-либо *военнаго* охотника.

Оказалось... что подъ поэтической оболочкой скрываются *такія* мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому.

Графъ сказалъ:

— Я знаю.

Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну.

Онъ сказалъ:

— Это дѣло администраціи, а не мое.

Я сообщилъ митрополиту Филарету.

Владыка мнѣ отвѣтилъ:

— Это вѣяніе времени.

Я увидѣлъ что-то странное. Я понялъ, что мое дѣло проиграно и... посторонился.

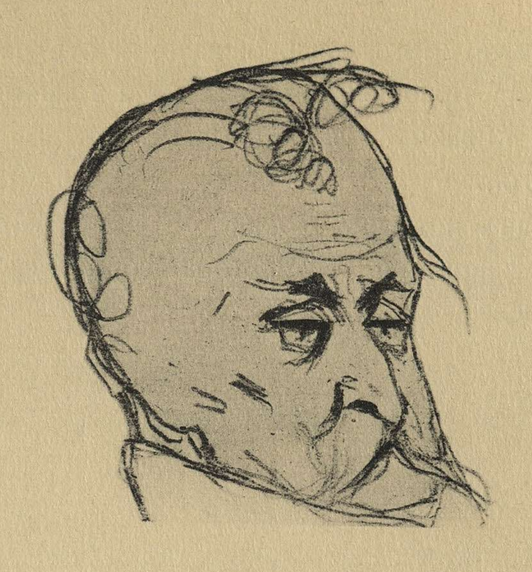
Теперь, милостивые государи, я стою въ сторонѣ, пропуская мимо себя нестройные ряды идей и мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, но я всѣмъ говорю:

— Хорошо!

Но мнѣ уже никто, какъ бывало, не отвѣчаетъ „рады стараться, ваше превосходительство", а только взводные съ усмѣшкой киваютъ головой.

Я кончилъ...

И еще разъ подымаю бокалъ за здоровье отставного коллежскаго секретаря, литератора сороковыхъ годовъ Ивана Тургенева.



Р Ѣ Ч Ь,

сказанная генералъ-маіоромъ Дитятинымъ при освященіи танцовальной залы въ Дирекціи Императорскихъ Театровъ, 28 сентября 1891 года.

Почтеннѣйшее собраніе!

Древніе небожители, при раздѣлѣ между собою почетныхъ должностей, въ экстренномъ засѣданіи на высотахъ священнаго Олимпа, отдали театръ въ вѣдѣніе тремъ дѣвицамъ-богинямъ—Мельпоменѣ, Таліи и Терпсихорѣ.

Дѣвицы признали невозможнымъ троевластіе, т. е. совмѣстное правленіе, и полюбовно раздѣлились между собою.

Мельпомена взяла подъ свое покровительство драму, Талія—комедію, а Терпсихора—балетъ.

Поставили дѣвицы свои храмы, утвердили въ нихъ жертвенники, которые немедленно обступили жрецы и жрицы.

Первые люди, возложившіе свои тучныя жертвы на жертвенникъ Мельпомены были, если исторія не ошибается, Эсхилъ, Софоклъ, и Эврипидъ; на жертвенникъ Таліи—Аристофанъ; у жертвенника Терпсихоры юноши и старцы принесли въ жертву самихъ себя.

Всѣ народы міра послѣдовали примѣру грековъ и воздвигли у себя храмы въ честь богини сценическаго искусства.

Шли вѣка...

Палимые огнемъ, разрушаемые землетрясеніемъ, засыпаемые пепломъ гибли великіе города, стирались съ лица земли цѣлыя государства, измѣнялись народные обычаи и нравы, но непоколебимо стоялъ жертвенникъ богинѣ сценическаго искусства.

Наконецъ, насталъ вѣкъ куртажа и наживы, это теперешный вѣкъ, въ который мы съ вами влачимъ свое существованіе, и жертва Таліи и Мельпоменѣ оскудѣла.

Не возвышающую душу драму, не услаждающую и веселящую сердце комедію несутъ къ подножію ихъ жертвенниковъ, а раздирающую душу тоску, въ пяти дѣйствіяхъ, мѣщанскую скорбь въ стихахъ, будни жизни, дурацкій куплетъ и злокачественную оперетку.

Жрецы, обязанные пожрать все приносимое, стоятъ около жертвенника въ унынiи.

Нѣтъ великаго Шекспира.
Живъ и здравствуетъ.....

Nomina sunt odiosa...

Только на вашемъ жертвенникѣ, о жрицы Терпсихоры, горитъ неугасимо божественный огонь, возженный вашей богиней.

О, какъ сильно бьется подъ станиславской звѣздой мое сердце, когда я взираю на васъ, стоящихъ у жертвенника. Что-то неизъяснимое, что-то таинственное совершается со мной! Душа въ одряхлѣвшемъ тѣлѣ наполняется восторгомъ.

Вспоминаю минувшіе дни, проведенные мною въ Царствѣ Польскомъ при Паскевичѣ, когда я... впрочемъ, я начинаю увлекаться...

Почтеннѣйшія художницы! Мы присутствуемъ при открытіи для вашихъ занятій вновь устроенной залы.

Вамъ это мало: желаю,

Чтобъ построили вамъ храмы,
Золотые алтари,
Гдѣ-бъ курились ѳиміамы
Отъ зари и до зари...

А вы перенесите насъ въ иной міръ—въ міръ очарованій, въ міръ красоты и обаянія, какъ въ былые годы ваши подруги—Фанни Эльслеръ и Санковская.

Подъ тактъ живыхъ созвучій,
Чуть касаясь до земли,
Восхитительной кочучей
Къ Андалузіи кипучей
Живо насъ перенесли.

Довольно словъ!

Содвигнемъ бокалы,
Чокнемся разомъ!
Да здравствуютъ музы!
Да здравствуетъ разумъ!

ПИСЬМО ИЗЪ БУЗУЛУКА.

[Графу С. Д. Шереметеву].

Бузулукъ 1-го іюня 1887 года.

Осматривая по должности ввѣренные мнѣ артезіанскіе колодцы въ Россіи, я, проѣздомъ изъ Оренбурга, остановился для отдыхновенія въ г. Бузулукѣ.

Объ этомъ городѣ вскользь упоминается въ сокращенной географіи Адольфа Пинкертона, изданіе 1803 года: „Бузулукъ былъ временнымъ пребываніемъ злодѣя Пугачева“.

А въ географіи Ивана Гейма болѣе пространно о семъ городѣ сказано: „Бывши въ древности сторожевымъ постомъ отъ набѣга кочующихъ народовъ и находясь при сліяніи двухъ рѣкъ Бузулука и Самары, сей городъ въ наше время процвѣтаетъ торговлею, утучняя волжскіе караваны пшеницею“.

Исторія сего города мнѣ неизвѣстна. Есть вѣроятіе, что онъ основанъ „вольными людьми“, бѣжавшими въ

степь „за зипуномъ“, ради грабежа, или просто — „отъ тѣсноты и жесточи московскаго государства“. Обратившись потомъ „въ сидячихъ людей“, они основали городъ, представляющій въ настоящее время нѣчто невообразимое.

Населенъ онъ дикими купцами и по невѣжеству своему занимаетъ первое мѣсто въ Россійскомъ государствѣ.

Въ административномъ отношеніи онъ подчиненъ Самарскому губернатору Ал. Дм. Свербееву, моему старинному знакомому, а для быстрыхъ, не требующихъ отлагательства распоряженій, уѣздному исправнику съ товарищемъ.

Кромѣ двухъ рѣкъ, въ городѣ имѣется грязной жидкостью наполненная канава, „въ ней же свиньи преплаваютъ“.

Ходятъ эти свиньи и по улицамъ массами и въ одиночку.

Лѣтомъ — ослѣпляющая пыль, осенью — невылазная грязь, останавливающая движеніе канцелярскихъ бумагъ, прекращающая взысканіе и описи имущества, ибо къ описуемымъ въ это время пробраться невозможно и, не смотря на все это, обыватели города Бузулука (здѣшнія барыни называютъ Бузулюкъ) точно такъ же, какъ люди „въ странахъ, благословенныхъ природою“, могутъ находить счастіе.

Процвѣтаетъ невѣжество, процвѣтаетъ и торговля.

Главная отпускная торговля города—водка. Ее отпускаютъ изъ складовъ и оптомъ, и въ розницу, и распивочно, и на выносъ.

Совсѣмъ обрусѣвшій нѣмецъ изъ Марбурга, въ дѣтствѣ сидѣвшій на школьной скамейкѣ съ Бисмаркомъ, имѣетъ здѣсь единственную типографію. Онъ мнѣ сказывалъ, что типографія его кромѣ какъ этикетовъ на водку ничего не печатаетъ.

„Иванъ Вышнеградскій, чувствуй!“

Думаю заняться прожектомъ экспедиціи заготовленія водочныхъ этикетовъ и ярлыковъ.

Въ Оренбургъ я ѣздилъ по своимъ дѣламъ частнымъ. У меня тамъ была башкирская земля, но оказалось — ее взяли у меня обратно вслѣдствіе ревизіи Ковалевскаго.

Наплевать, не надо!..

степь „за зипуномъ", ради грабежа или просто — „отъ тѣсноты и жесточи московскаго государства". Обратившись потомъ „въ сидячихъ людей", они основали городъ, представляющій въ настоящее время нѣчто невообразимое.

Населенъ онъ дикими купцами и по невѣжеству своему занимаетъ первое мѣсто въ Россійскомъ государствѣ.

Въ административномъ отношеніи онъ подчиненъ Самарскому губернатору Ал. Д. Свербееву, моему старинному знакомому, а для быстрыхъ, не требующихъ обстоятельства распоряженій, уѣздному исправнику съ товарищемъ.

Кромѣ двухъ рѣкъ, въ городѣ имѣется грязной жидкостью наполненная канава, „въ ней же свиньи преплаваютъ".

Ходятъ же свиньи и по улицамъ массами и въ одиночку.

Лѣтомъ — ослѣпляющая пыль, осенью — невылазная грязь, останавливающая движеніе канцелярскихъ бумагъ, прекращающая взысканіе и описи имущества, ибо къ обывателямъ въ это время пробраться невозможно [illegible] обыватели города Бузулука (главнымъ [illegible]) такъ же, какъ люди „въ старину, [illegible]" могутъ находить счастье.

Процвѣтаетъ невѣжество, [illegible].

Главная отпускная торговля города — водка. Ее отпускаютъ изъ складовъ и оптомъ, и въ розницу, и распивочно, и на выносъ.

Совсѣмъ обрусѣвшій нѣмецъ изъ Марбурга, въ дѣтствѣ сидѣвшій на школьной скамейкѣ съ Бисмаркомъ, имѣетъ здѣсь единственную [illegible]. Онъ мнѣ сказывалъ, что [illegible] на водку [illegible].

„[illegible]!"

[illegible] является предметомъ экспедиціи заготовленія [illegible] и ярлыковъ.

Въ Оренбургъ я ѣздилъ по своимъ дѣламъ частнымъ. У меня тамъ была башкирская земля, но оказалось — ее взяли у меня обратно вслѣдствіе ревизіи Ковалевскаго.

Наплевать на землю.

ПРІѢЗДЪ ШАХА ПЕРСИДСКАГО.

[Письмо графу С. Д. Шереметеву].

При жарѣ, достигающей по Реомюрову градуснику до 30 град., берусь за перо, чтобы побесѣдовать съ Вами. Мы, старики, болтливы, а потому не осудите меня, если письмо мое будетъ длинно, а можетъ быть и безсодержательно. Это будетъ зависѣть какъ отъ жары, такъ и отъ нѣкотораго чувствоваемаго мною въ послѣднее время мозговаго переутомленія.

Начну со встрѣчи Шаха Персидскаго, которую я смотрѣлъ съ балкона гостинницы Коммерціи Совѣтника и кавалера Константина Палкина.

Быстрый проскокъ Его Величества, Царя царей, не далъ мнѣ возможности разсмотрѣть орлиный взоръ его, одинъ только носъ повелителя Ирана неизгладимо запечатлѣлся въ моей памяти. Не одними только внѣшними украшеніями — алмазами и бриліантами — выдѣляется онъ изъ среды своихъ подданныхъ: величайшему изъ земныхъ царей дарованъ природою величайшій изъ земныхъ носовъ носъ.

Репортеры хотѣли было подвергнуть его осмѣянію, но имъ внушили, что бы они не касались этого предмета, какъ предмета для Иранцевъ священнаго, дабы не испортить нашихъ переговоровъ относительно Персидскаго залива.

Сэръ Моррісръ приказалъ своимъ агентамъ тщательно просматривать русскія газеты, чтобы найти предлогъ испор-

тить наши отношенія. Извѣстно, что англичане всячески стараются отвлечь наше вниманіе отъ Персидскаго залива и добровольно предлагаютъ намъ морскую стоянку въ Баб-ель-Мандебскомъ проливѣ. Это мнѣ откровенно разсказывалъ генералъ-адъютантъ шаха Насируль-Мулькъ, съ отцомъ котораго я былъ знакомъ въ Рештѣ въ 1838 году.

На другой день по пріѣздѣ, былъ представленъ Шаху, когда его величество сидѣлъ въ ваннѣ, содержатель увеселительнаго сада Аркадія Гюнцбургъ и въ комическомъ видѣ представлялъ итальянскихъ пѣвцовъ.

Звѣзда Льва и Солнца 2 степени.

По выходѣ изъ ванны представлялось безчисленное множество фотографовъ.

Звѣзды разныхъ степеней. Генералъ-фотографу Насвѣтевичу 1 степени.

Старый другъ мой Тайный Совѣтникъ Гамазовъ представилъ его величеству мои сочиненія.

1. „Превосходство кремневаго ружья".
   Мысли стараго служаки (Москва въ тип. Селивановскаго. 1843 г.).
2. „Ошибки военачальника въ битвѣ при рѣкѣ Калкѣ". Военно-критическій этюдъ. Извлеч. изъ журнала „Благонамѣренный".
3. „Неудобства пистоннаго запала". Извлеч. изъ журнала „Инвалидъ". 1846 г.
4. „Возможность столкновенія на рѣкѣ Шпрее". Разсужденіе. Извлеч. изъ жур. „Московскій Листокъ". 1888 г.

Принято благосклонно. Послѣднее сочиненіе приказано перевести на персидскій языкъ. Собственноручно написано.

Что значитъ:

„Благодарю. Не оскудѣвай умомъ".

А фотографамъ звѣзды:

О Востокъ!

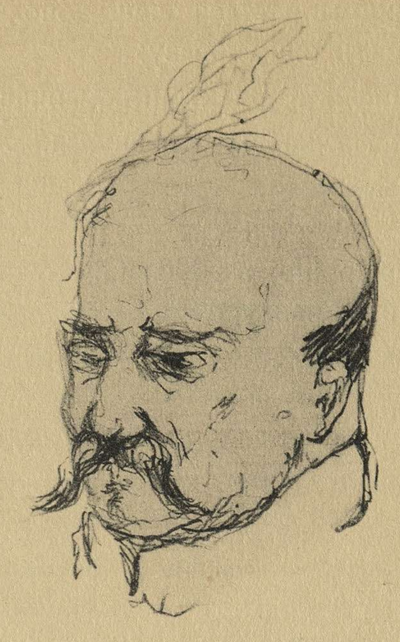
Зимнимъ дворцомъ остался очень доволенъ. Все время пребыванія повторялъ одну фразу:

— „Пале манификъ! Электрикъ манификъ!“

Отъ портрета Паскевича отвернулся. Эривань вспомнилъ.

Не любишь!..

Въ Сербіи нехорошо, въ Испаніи тоже: по газетамъ, Королева уѣхала въ Аранхуецъ.



НОЧЬ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Въ городѣ все шло своимъ порядкомъ, всѣ готовились къ встрѣчѣ Новаго года. Надвигалась ночь; вспыхнули электрическіе фонари, замигали газовые, грустнымъ, едва брезжущимъ свѣтомъ озарили себя керосиновые свѣтильники зарѣченскихъ частей. На улицахъ было тихо, не было обыкновеннаго праздничнаго шума. Городовые безмолвно стояли на своихъ постахъ, ближайшіе ихъ помощники, дворники, бдѣли у своихъ воротъ, завернувшись съ головой въ овчинные тулупы, предохраняющіе тѣло отъ холода и уши отъ всякаго слышанія. Пѣшеходы все рѣдѣли и рѣдѣли. Вонъ въ калитку одного дома незримо для охраняющаго домъ проникнули два опустошителя петербургскихъ чердаковъ. Вонъ извощичья продрогшая отъ холода лошадь оставила въ полпивной своего хозяина и пошла домой одна. Вотъ несчастный, у котораго въ жизни нѣтъ никакихъ праздниковъ, а сплошные мрачные дни и ночи, бѣглымъ шагомъ стремится на ночлегъ.

Не пойти ли намъ за нимъ въ его юдоль нищеты, въ юдоль печали и воздыханія, гдѣ безсильны и слово утѣшенія и самая широкая благотворительность.

— „Эхъ, Петя! На горе я тебя родилъ! говорилъ квартирантъ, укладывая своего сына на узенькую нару:—кому Новый годъ, а намъ съ тобой слезы“.

И слезы ручьемъ брызнули изъ глазъ несчастнаго отца. Лѣтъ семи мальчикъ тоже прослезился.

— На, пятачекъ, отнесся къ нему сосѣдъ его по нарамъ: завтра булку ему купишь. Безъ праздника ему тоже нельзя. Хоша и ребенокъ, а все онъ чувствуетъ.

Нѣтъ, лучше проникнемъ вонъ въ ту квартиру, въ которой виднѣется елка... Впрочемъ, тамъ нѣтъ ничего интереснаго. Тамъ бѣдный семьянинъ устроилъ для своихъ дѣтей елку. Ну что мы тамъ увидимъ? Увидимъ золотушныхъ дѣтей, увидимъ нѣсколько гостей, чиномъ не свыше титулярнаго совѣтника, увидимъ на столѣ копченаго сига, кусокъ лимбургскаго сыру, селедку съ лукомъ, услышимъ дурно играющаго тапера...

Мимо!

Лучше пойдемъ вотъ туда, вонъ въ ту, ярко освѣщенную, квартиру. Въ залѣ, за карточными столами, сидятъ мундиры и фраки...

— Что изволите сказать?

— Двѣ черви.

— Пасъ!

— Пасъ.

— Два безъ козыря...

— Пасъ...

Тоска... Вонъ!..

Пойдемъ туда, гдѣ весело, гдѣ живутъ... Не тамъ ли? — Балъ! Блѣдныя, изнуренныя танцами и безсонными ночами, дѣвицы, молодые люди, пожилые люди со звѣздами, старые люди безъ звѣздъ; начальникъ отдѣленія, начальникъ эксплоатаціи, директоръ банка, директоръ правленія, директоръ-распорядитель, военный врачъ, просто врачъ, инженеръ, генералъ, еще генералъ, еще, еще... Grand rond! Chaîne à droite! Chaîhe à gauche!

— Двѣ трефы. Три бубни. Пасъ! Пасъ! Пасъ!

Душно и жарко... Вонъ!..

Ура! слышится изъ полурастворенной двери одной изъ квартиръ богатаго дома. Блескъ и роскошь. На стѣнахъ дорогія картины. На столѣ масса серебра и драгоцѣнной посуды. Веселыя лица чокаются бокалами, цѣлуются... Съ Новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ! Рука хозяйки начинаетъ изнемогать отъ нанесенныхъ ей поцѣлуевъ.

Смолкло.

Выпрямляется во весь ростъ отставной генералъ Дитятинъ и начинаетъ говорить.

— Я буду, по возможности, кратокъ, на столько кратокъ, что не утомлю вашего вниманія и прошу почтительнѣйше меня выслушать.

Въ средѣ собравшагося общества, усматриваю находящихся здѣсь различныхъ профессій дѣятелей, какъ-то: художниковъ, музыкантовъ, писателей или такъ называемыхъ литераторовъ и ученыхъ.

Всѣхъ васъ я отъ полноты души моей привѣтствую и поздравляю съ Новымъ годомъ...

— Браво!..

— Позвольте, я еще ничего не сказалъ. Привѣтствуя васъ, я долженъ вамъ высказать мои благопожеланія и сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, которыя вы, можетъ быть, примете къ свѣдѣнію.

Всѣ вы идете впередъ, дѣлая большую ошибку въ томъ, что по временамъ не оборачиваетесь умственнымъ окомъ назадъ. Мы все время тоже шли быстро впередъ, но до предѣльности. Дойдя до предѣльности, мы отдыхали, осматривались, провѣряли пройденное и съ новыми силами устремлялись уже за предѣльность, которая уже не становилась для насъ предѣльностью.

Такъ, атакованная крѣпость составляетъ для воина предѣльность, а взятая, предѣльность свою теряетъ.

Вы шли впередъ безъ отдыху, обходя крѣпость и оставляя у себя въ тылу враговъ.

Такъ, художники имѣютъ теперь въ тылу злѣйшаго врага—олеографію; музыканты бросили родные мотивы и атакованы нѣмцами и, несмотря на всѣ усилія, не могутъ пробиться сквозь вагнеровскую команду, хотя наши родные мотивы начинаютъ уже касаться до чуткаго нѣмецкаго уха.

Современные драматурги пользуются драматическимъ фуражемъ въ Германіи и Франціи, хотя любезное наше отечество, при талантѣ и внимательномъ его изученіи, представляетъ для драматурга матеріалъ болѣе обильный и для общества болѣе полезный.

Пью за самостоятельное русское искусство, чуждое иностранныхъ заимствованій...

Генералъ осушилъ бокалъ.

Находившійся въ числѣ гостей драматическій писатель чокнулся съ нимъ, но пить не сталъ.

ПИСЬМО.

[Графу С. Д. Шереметеву].

Орѳографія генерала Дитятина.

Санктъ петербургъ.
Маія 5-го числа.

Съ радостію берусь за перо что бы приветствовать васъ въ вашемъ прекрасномъ Кустковѣ гдѣ вы по словамъ бр: Барсуковыхъ и тайнаго советника Кобеки встречаете весну; у насъ сдесь все произшествіи, молодыя люди застреливаются изъ пистолетовъ, пожилыя люди въ чинахъ воруютъ казенныя деньги и по при мененіи книмъ 3-го пункта уходятъ наслаждаться жизнію какъ древніи гипербореи: питаться сокомъ цвѣтовъ и росою, у понта ефсинскаго; въ театральномъ вѣдомствѣ учинилъ воровство помошникъ управляющаго бывшій поручикъ Кан....въ, ему открыли сводъ законовъ заставили приложиться къ третьему пункту и отпустили къ женѣ; въ трактирахъ каждый день юбилеи справляютъ; ночью на Невскомъ попадаются молодыя дѣвицы основательно знающія физику и физіологію. Я этому радуюсь! и восклицаю администрацыя не мешай просвѣщенію плоды созрѣли; сравни прежнюю прельстительницу съ нынѣшней; собственно говоря долженъ я скоро по дѣламъ быть въ Москве и когда буду не лишите меня великаго удовольствія быть у васъ въ Кустковѣ.

Съ благопожеланіями остаюсь

Борисъ Петровъ
Дитятинъ

отставной русской службы генералъ-маіоръ служившій въ кавалеріи но не кавалеръ.

О НѢКОТОРОМЪ ЗАЙЦѢ.

КОПИИ СО СТАРИННЫХЪ ПИСЕМЪ.

[Графу Пав. С. Шереметеву].

Min Her граѳъ.

Зазаеца благодарствую і тово заеца немешкаѳъ на асанблеи съ ели і івашку хмельницкова многажды нелеподносно тревожыли понеже заецъ вельми жыренъ былъ и шпігусомъ зело чіненъ чаели и жывоту небыть да сілою ідействіемъ івашки іпредстательствомъ отца нашего всешутейшаго Кура живы сущі і ѳ здравіі пребываемъ і отомъ подлино вамъ от пісываю.

Piter.

Фотій—князю А. Н. Голицыну.

Вчера, въ четвертокъ, послѣ малаго повечерія, въ тонцѣмъ снѣ пребывалъ и присные мои дали покой очима своими и вѣждома своима дреманіе. И се гласъ не человѣчь, а собаки нѣкоторыя лаяли и визжали и ко святымъ вратамъ бросались, а всадники на коняхъ трубили въ

трубы и хлопали бичами. Я выслалъ служку вопросить — какія ради нужды монастырь окружили? Нѣкій человѣкъ, подобіемъ миѳологическій центавръ отвѣтствовалъ—яко бы заяцъ въ монастырѣ скрывается. А у меня заяцъ въ монастырѣ давно пребывалъ, подъ камнемъ жилъ (писано бо есть: „камень прибѣжище заяцемъ") и кормилъ я его рукама своима, и того зайца центавры изъ монастыря изгнали и псамъ на растерзаніе отдали, а нѣкоторая пестрая псица старцу Досиѳею рясу подаренную Анной изорвала. Защити, другъ великій.

Князь А. Н. Голицынъ—Фотію.

На письмо Вашего Высокопреподобія имѣю честь отвѣтствовать, что я не преминулъ написать новгородскому губернатору о семъ крайне огорчившемъ меня происшествіи. Очень грущу, что нарушили ваше безмолвіе, необходимое для спасенія души, но врагъ темный и оскверненный всегда съ нами и за нами и несть иже укрыстся онъ него, а я

Есмь и пр...

Новгородскій губернаторъ—кн. А. Н. Голицыну.

На письмо Вашего Сіятельства высокопочтительнѣйше имѣю честь отвѣтствовать, что по собраннымъ мною свѣдѣніямъ вышеупомянутаго зайца затравили дворовые люди Его Сіятельства, Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева, по приказанію Анастасіи Ѳеодоровны, для ея стола и сдали его повару Порфирію. Они же застрѣлили въ Волховѣ трехъ частныхъ гусей, принадлежащихъ села Взгорья діакону Островидову, и разложивъ въ полѣ огонь изжарили и съѣли крестьянскую овцу и все то дѣлали именемъ Анастасіи Ѳеодоровны. Вмѣстѣ съ тѣмъ мною поручено исправнику, подъ личной его отвѣтственностію, произвести строжайшее разслѣдованіе.

Съ глубочайшимъ и пр...

Капитанъ Исправникъ — Новгородскому губернатору.

Получивъ словесное повелѣніе Вашего Превосходительства о разслѣдованіи затравленнаго зайца, оный заяцъ, по негласнымъ свѣдѣніямъ и присяжнымъ показаніямъ, оказался не монастырскимъ, монастырскій же, по поиманіи онаго, будетъ доставленъ отцу Архимандриту. Касательно гусей, то отецъ діаконъ отъ оныхъ отказался и призналъ таковыхъ перелетными, а люди, распространявшіе тревожные слухи, заключены въ тюремный замокъ.

Исправникъ...

ПИСЬМО.

[Графу С. Д. Шереметеву].

Отъ неключимаго и скудоумнаго раба преименитому Графу миръ.

Беззаконіе и пререканіе во градѣ.

Палестинское Общество у самого, въ его прокурорскихъ палатахъ, собиралось. Архіереи и вельможи были, Саблеръ былъ, эстонецъ Кулинъ докладывалъ и славословилъ дѣвицу Савельеву: пріучаетъ арабскихъ дѣвокъ къ чистоплотности, чешетъ и моетъ ихъ и трудами своими достигла того, что они, въ короткое время, выучились говорить по-русски: „здравствуйте и прощайте". Хвалю и я дѣвицу Савельеву.

„Дерзай, дщи!"

Четыреста тысячъ денегъ отъ благодѣтелей собрали, домъ хотятъ во Іерусалимѣ для православныхъ поклонниковъ строить, а Іезуиты поклонниковъ богомерзкою малаксовою раскорякою въ римскую б.... уловляютъ.

О горе, горе!

Эстонецъ Кулинъ все это сказывалъ и *самъ* „зракъ раба пріимъ", слушалъ и архіереи слушали и вельможи слушали.

„Да не возглаголятъ уста моя дѣлъ человѣческихъ".

Статью философа нѣкоего, Владиміра Соловьева (чадо по крови іерейское, отъ іерея рожденное) читалъ: православныхъ къ папской туфлѣ зоветъ. Святителей и угодниковъ божіихъ, добрыхъ страдальцевъ и страстотерпцевъ „въ горахъ, вертепахъ и пропастѣхъ земныхъ" подвизав-

шихся ни во что вмѣняетъ, въ папѣ де все спасеніе. О безуміе! О б.... римская!

Аще беззаконіе назриши, Господи, кто постоитъ?

И другое сочиненіе того жъ философа читалъ. Въ Европѣ свѣтъ, мы же во тьмѣ невѣдѣнія пребываемъ. „Не достанетъ ми повѣствующу“ о тѣхъ свѣтилахъ науки, которыя во тьмѣ свѣтятся.

О золотой валютѣ говорятъ.

Жестоковыйные сломили выю Ивана Алексѣевича. Съ Кобекой и съ иными хитрыми людьми совѣщается.

Купцы мятутся...

Гласъ въ Рамѣ слышенъ....

Австріецъ препоясываетъ чресла на брань. Бисмаркъ озирается, „іскій кого поглотити“.

Мы же съ вѣрою взираемъ на начальника вѣры. Аминь.

Фотій.

Февр. 17.
1888.

ПИСЬМО

Тверскому Губернатору Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Ахлестышеву:

Сіи на колесницахъ и сіи на коняхъ, ты же паромъ движимый прибылъ. Радуюсь. Палата ликовствуетъ. Въ среду, 17, трапеза по уставу Палатскому. Ей гряди, скачи и играя, яко Давидъ предъ сѣннымъ ковчегомъ, да отверзутся уста наша на твое хваленіе. Графъ Сергій будетъ и иніи.

Смиренный Фотій.

Патріаршая Палата
17 Ноября, 1893.

ПИСЬМО.

[Графу С. Д. Шереметеву].

Пушкино.
Іюня 21/1892.

Въ преименитую и пресловущую, небесъ подобную Михайловскую обитель, ближнему боярину, царскому особнику, благоподражательнѣ пустынножителямъ тишину возлюбившему, добротою сіяющему, древнихъ писаній ревнителю, вѣтви благороднаго густолиственнаго древа, великодержавнаго скиѳтра графу, государю моему Сергію Дмитріевичу, нѣкто зовомый Ивашка Ѳедоровъ Горбуновъ, касаясь честнымъ стопамъ твоимъ, много челомъ бьетъ. И тебѣ бы, государь, меня пожаловать—отписать какъ тебя Господь Богъ милуетъ и поздорову ль живешь. А про мое худородство вопросишь и я, худородный, въ семъ сланѣмъ житейстѣмъ морѣ, бурею носимъ, яко оный древній Ной въ ковчезѣ, въ здравіи пребываю съ женишкою своею Марьицею да съ дочерью Татьяной въ селеніи Его Пресвѣтлаго царскаго величества всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца Алексѣя Михаиловича ближняго его боярина Пушкина (не Мусина глаголемаго) жительствую. А жительство мое тихое, точію отъ нѣмецъ и арменъ одолѣніе, а ино отъ нищихъ, кои на пути предстоятъ во множествѣ, со умиленіемъ просяще — овіи гладомъ, овіи жаждою пьянственнаго питія нудими.

Храмъ древній, каменный, святѣйшимъ Московскимъ Патріархомъ Кѵръ Адріаномъ, изъ его патріаршія домов-

нія казны, построенный и въ онѣхъ лѣтѣхъ зѣло дивенъ и красенъ былъ, нынѣ же тщаніемъ и благоусердіемъ пушкинскихъ торговыхъ мужиковъ лѣпоты своея лишенъ; другой храмъ деревянный, по благословенію Епископа Дмитровскаго Амвросія, соименнаго Амвросію Медіоланскому, московскими купцами и нѣмецкими колонистами воздвигнутый, въ немъ же въ праздники безкровная приносится и алемански рещи—рауты совершаются: жены и юницы, въ многопестротныя одежды облекостася, изъ домовъ своихъ исходятъ не горѣ имѣя сердца, но окрестъ очима помизающе, угодье мужемъ творяще, блуднаго ради смѣщенія. Оле окаянства!

„Потсдамъ, 8 іюня. (Вольфъ). Въ 6 час. 22 мин. на станцію Вильдпаркъ прибыли король и королева Итальянскіе. Ихъ привѣтствовали императоръ, императрица и принцы прусскаго королевскаго дома. Императоръ нѣсколько разъ обнялся и поцѣловался съ королемъ, а королеву поцѣловалъ въ щеку; король поцѣловалъ въ щеку императрицу. [Вырѣзка изъ газетъ].

По пріѣздѣ во Дворецъ короли немедленно обмѣнялись брюками: король прусскій снялъ брюки съ короля итальянскаго, а король итальянскій снялъ брюки съ короля прусскаго и явились къ своимъ супругамъ, тѣ заплакали и бросились въ объятія—нѣмецкая Императрица къ королю итальянскому, а итальянская королева къ королю прусскому. Бисмаркъ, узнавши объ этомъ воскликнулъ: „Finis Deutschland“.

Въ „Императорскомъ Указателѣ“ опубликованы тосты, произнесенные вчера на парадномъ обѣдѣ. Императоръ въ своемъ тостѣ вспомнилъ о первомъ пребываніи королевской четы въ Новомъ дворцѣ во время крестинъ принцессы Маргариты, когда, окруженный нынѣ сказаніями, образъ императора Вильгельма сіялъ передъ глазами ихъ величествъ во всей полнотѣ своей красоты и силы: затѣмъ императоръ упомянулъ о тѣсныхъ отношеніяхъ обоихъ царствующихъ домовъ и прибавилъ: „Моими устами свѣтлорусая Германія привѣтствуетъ свою прекрасную сестру Италію. [Вырѣзка изъ газетъ].

Блаженна убо еси, о Нѣмецкая Корона! Блаженны есте и треблаженны и вы, нѣмецтіи сынове, яко таковаго государя содержите!

Въ Москвѣ былъ. Съ городскимъ Алексѣевымъ познакомился. Обѣдалъ съ нимъ. Духомъ веселъ, нравомъ крутъ.

Сказывалъ мнѣ, что въ нѣдра священнаго седмихолмія московскаго чугунныя трубы кладетъ, во еже нечистому изъ града исходити. Финансъ-министръ денегъ даетъ.

Старѣйшины московскіе мятутся: отъ созданія святого града, говорятъ, никогда сего не бывало, ни единый глава не нарушалъ таинственнаго покоя холмовъ московскихъ.

Преименитые и приснопамятные градоправители, графъ Закревскій и Князь Долгоруковъ, вѣдая нечистоту, не касались ихъ и въ священномъ ужасѣ отступали отъ нихъ, болѣя о спокойствіи ввѣренныхъ ихъ попеченію гражданъ и памятуя словеса премудраго Сираха! — „касаяйся смолѣ—очернится“.

О главо, главо! Вспомни и ты слова писанія: „ровъ изры, ископа и падетъ въ яму, юже содѣлалъ“.

Яко и Моисей у купины огненной—„изуй сапоги отъ ногъ твоихъ, мѣсто бо свято есть“.

За обѣдомъ сидѣлъ рядомъ съ полицейскимъ правителемъ, коему ввѣренъ градъ, во еже вязати и рѣшити мятущихся въ немъ.

По глаголу нѣкоего купца—благоувертливъ и нестяжателенъ сый.

Исходитъ во утріи на дѣла и на дѣланіе свое до вечера и нощію обтекаетъ градъ, да вси сущіи въ немъ въ благополучіи почиваютъ, ему же бдящу и нѣсть злой, иже укрыется отъ него и не иманъ будетъ и вязанъ и веденъ амо же не хощетъ.

Съ одною купчихою, у ней же мужъ отъ юности лишенъ разума, два стакана игристаго кагору выпилъ и ухлѣбихся довольно, восхищенъ былъ духомъ — многое говорилъ изъ свѣтскаго и отъ писанія, и порицалъ дѣла человѣческія и тайно изъ одного купца бѣса пьянаго изгналъ; аеромъ изшелъ изъ него.

Зміевиденъ, величествомъ малъ.

Видѣлъ самъ очима моима.

Германскій въ умѣ помрачился, съ бездушнымъ предметомъ говорилъ, яко съ человѣкомъ живымъ и имя ему нарекалъ.

Германія. При спускѣ новаго военнаго судна въ Бредовѣ, императоръ Вильгельмъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

„Ты уже готова теперь сойти въ свой новый элементъ, ты вступишь въ ряды императорскихъ военныхъ судовъ и будешь носить флагъ нашей страны. Твой стройный остовъ, твой легкій строй, не имѣющій грозныхъ фортовъ и тяжелыхъ башенъ для обороны, какія имѣются на судахъ моего флота для борьбы съ врагомъ, свидѣтельствуютъ намъ, что ты посвященъ мирному дѣлу. Легко летать по морямъ, изъ одной страны въ другую доставлять отдыхъ и покой трудолюбивымъ людямъ, доставлять радость императорскимъ дѣтямъ и высокой матери страны—вотъ твоя задача. Больше для украшенія, чѣмъ для боя, ты имѣешь легкую артиллерію. Теперь тебѣ нужно дать имя. Ты будешь носить имя, которое носитъ тотъ высокій, поднимающійся къ небу зàмокъ въ прелестной Швабіи, который далъ имя нашему роду. Съ этимъ именемъ связаны для моего отечества многовѣковой трудъ, совмѣстная дѣятельность съ народомъ, жизнь и трудъ для народа, и въ бою, и въ борьбѣ защита народа. Вотъ, какое имя ты будешь носить. Приноси же честь твоему имени и твоему флагу и помни о великомъ курфирстѣ, который первый указалъ намъ морской путь, помни о моихъ великихъ предкахъ, которые, частью среди жестокой борьбы, умѣли охранять и увеличивать славу и величіе нашего отечества,—я нарекаю тебя „Гогенцоллерномъ“.

[Вырѣзка изъ газетъ].

Паки и паки реку: „благословенна еси ты, о Нѣмецкая Короно!“

Французскіе аргонавты сюда пріѣзжали. Жервей со иными. Веліе утѣшеніе было. Вифъ лефрансъ кричали. Благословеніе отъ митрополита воспріяли, а англійская пріятъ ихъ во свояси и трапезу многопестротную готовитъ. Восклицаю со псалмопѣвцемъ:

„И на враги моя воззрѣ око мое“.
Нѣмецкій ногу ушибъ и падоша....
Возстанетъ ли?
„Беззаконіе и пререканіе во градѣ“.
„Да не возглаголятъ уста мои дѣлъ человѣческихъ“.
Умолкаю. Аминь.

Фотій.

ПИСЬМО

при посылкѣ портрета съ подписью:
„Константинъ Первой, Императоръ Всероссiйскiй“.

[М. И. Семевскому].

Присылаемая при семъ персона сукцессора въ надлежащей конфиденцiи находиться у Васъ имѣетъ и никому генерально оную не объявлять и отъ подлыхъ всячески скрывать надлежитъ, дабы какой бездѣльный и мизерабельный человѣкъ, малоумiемъ своимъ, сатисфакцiи не учинилъ и въ тайную канцелярiю о семъ не донесъ. А я со всякою охотою, сколько моего слабаго смысла есть, Вамъ, моему милостивцу, служить впредъ готовъ...

Нигдѣ не напечатанное письмо изъ „Писемъ русскаго путешественника“.

О, съ какимъ наслажденiемъ каждый день я гуляю по стогнамъ историческаго села Пушкина. Мысли мои невольно уходятъ въ старину сѣдую и я какъ бы присутствую при совершившихся историческихъ событiяхъ. Вижу тишайшаго царя, совершающаго молитвенный походъ въ Троицкую Лавру; вижу буйныхъ стрѣльцовъ, скачущихъ на гнѣдыхъ коняхъ, отыскивая укрывшагося въ Лаврѣ царя-отрока, будущаго просвѣтителя государства Россiйскаго; вижу и мать его, царицу Наталью, въ уединенной келiи разсказывающую благообразному старцу монаху объ интригахъ „зазорной персоны“ Софьи; сердце мое сжимается при воспоминанiи о казни измѣнниковъ стрѣльцовъ, обезглавленныя тѣла коихъ, долгое время не бывъ убраны, приводили въ ужасъ мирнаго пушкинскаго поселянина; вспоминаю молитвенную прогулку къ Троицѣ царственныхъ паломницъ Анны, Елизаветы и Екатерины, кои свергнувъ (вмѣсто зачеркнутаго: стряхнувъ) на время тяжелое бремя государственнаго управленiя, склонивши въ стѣнахъ святой обители державныя колѣна, возносили горячiя молитвы о благоденствiи Богомъ ввѣреннаго имъ государства.

Переносясь мыслю къ первой половинѣ текущаго столѣтiя, въ воображенiи моемъ проходятъ вереницею богомольцы, стремящiеся въ обитель со всѣхъ концовъ необъятнаго нашего отечества; мнѣ какъ бы слышатся

валдайскіе колокольчики лихихъ московскихъ троекъ, везущихъ въ Лавру московскихъ купцовъ, непросвѣщенныхъ чистымъ познаніемъ истиннаго Бога, впрочемъ набожныхъ и благотворительныхъ.

Я вижу страшный пожаръ. Огненная стихія безжалостно пожираетъ убогія хижины и раскрашенныя избы зажиточныхъ пушкинскихъ поселянъ *). Бѣлая сельская церковь озаряется зловѣщимъ свѣтомъ, сквозь дымъ и миріады искръ несутся голуби. Животныя съ ревомъ и ржаньемъ мчатся по улицѣ и скрываются въ темномъ пространствѣ. Присущая отъ начала нашей исторіи стыдливость русскихъ деревенскихъ красавицъ забыта: покинувъ незатѣйливое ложе свое, въ ночномъ одѣяніи, они стремглавъ выбѣгаютъ на улицу и, со слезами отчаянія, исчезаютъ въ толпѣ сельскихъ ловеласовъ. Крикъ, вопль матерей, плачъ дѣтей... Картина достойная кисти итальянскаго художника!.. Но чу! Свистокъ локомотива. Наступаетъ дѣйствительность.

Прощайте, любезные друзья мои! Я ѣду въ очаровательный Потедамъ (Потсдамъ), къ почтенному профессору Кирхенлебендорфу.

---

*) И всему причиною кабакъ и распущенность начальства.

Позднѣйшее примѣчаніе Министра Юстиціи И. И. Дмитріева.

Дѣло по поводу рожденія Михаила Барсукова.

[Ив. П. Барсукову].

179....

I.

Признали мы за благо: Новорожденнаго Михаила Барсукова написать Лейбъ-Гвардіи нашей въ Семеновскій полкъ въ Сержанты.

II.

Переименовывается: Новорожденный Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка Сержантъ Михаилъ Барсуковъ въ Коллежскіе Регистраторы и числить его въ спискахъ Юстицъ-Коллегіи. Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать по сему надлежащее распоряженіе.

III.

Новорожденнаго Коллежскаго Регистратора, Михаила Барсукова и брата его, неимѣющаго чина, Сергѣя Барсукова именовать гдѣ приличествуетъ Барсуковыми-Сухаревскими.

IV.

Кадету Борису Барсукову состоять въ распоряженіи новорожденнаго Коллежскаго Регистратора Михаила Барсукова.

V.

Господинъ Надворный Совѣтникъ Барсуковъ.

Оказанныя вами къ службѣ ревность и усердіе даютъ вамъ право на особенное наше благоволеніе, въ ознаменованіе коего, новорожденному сыну вашему Михаилу мы повелѣли, впредь до совершеннолѣтія состоять въ Правительствующемъ Сенатѣ за Оберъ-Прокурорскимъ столомъ въ рангѣ штатскаго дѣйствительнаго Совѣтника.

VI.

Мы царь царей, верховный вождь народовъ, неусыпный блюститель правды, неумолимый каратель беззаконія и пр. и пр. и пр. Насръ-Эддинъ-Шахъ.

Симъ препровождаемымъ орденомъ Льва и Солнца жалуемъ и украшаемъ грудь новорожденнаго сына россkаго Сановника Ивана Барсукова — Михаила Барсукова. Да получитъ онъ чрезъ сей великій знакъ отличія къ себѣ уваженіе. Данъ въ столицѣ нашей Тегеранѣ.

[Съ персидскаго переводилъ Тайный совѣтникъ Гамазовъ].

VII.

Отрывокъ изъ оды на рожденіе Михаила Ивановича Барсукова.

Восторгъ внѣзапный умъ плѣнилъ!
Се зрю я съ Сухаревой башни —
На свѣтъ явился Михаилъ!
Покрылись зеленію пашни,
Пернатыхъ хоръ, віясь, поетъ,
Привѣтъ рожденному приноситъ,
У вратъ стекается народъ
И радость въ домъ въ сердцахъ уноситъ.
О, долгоденствуй, отроча,
Печали всѣ тебя минутся.
Сіяй какъ яркая свѣча...
. . . .
. . . .
. . . .

VIII.

За вѣрную преданность Австрійскому дому русскаго Надворнаго Совѣтника Іогана Барсукова назначаю новорожденнаго сына его Михеля своимъ Камеръ-Пажемъ.

Марія Терезія.

[Переводъ съ нѣмецкаго].

IX.

Господинъ Московскій Губернаторъ и Кавалеръ!

Имѣете вы негласно, но неослабно наблюдать за поведеніемъ Надворнаго Совѣтника Ивана Барсукова. Кажется онъ Нашею Милостію недоволенъ.

X.

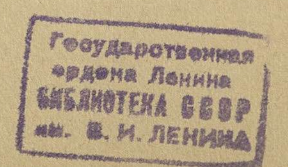
Господинъ Московскій Губернаторъ и Кавалеръ!

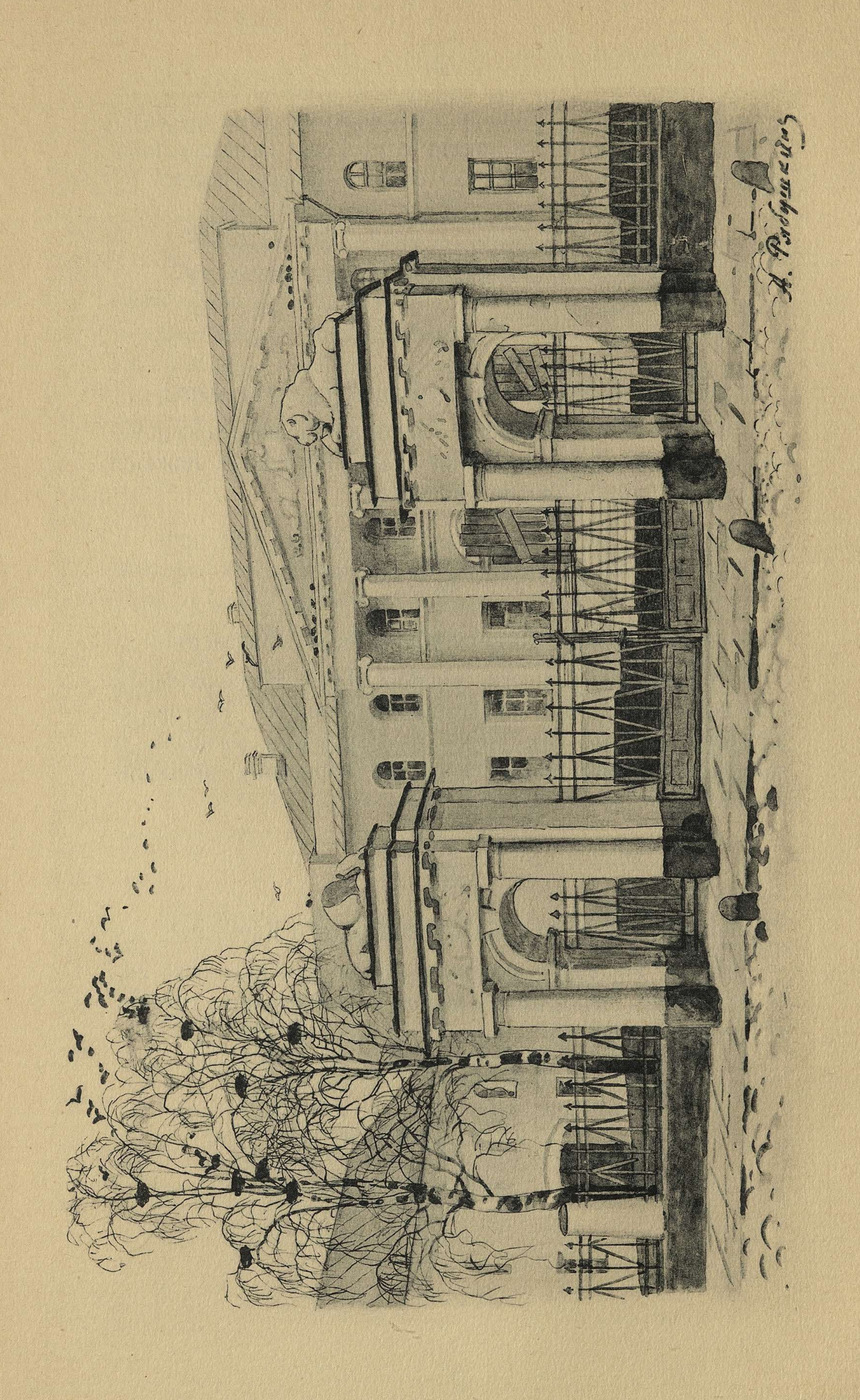
Съ благонадежнымъ квартальнымъ Надзирателемъ вышлите куда-нибудь подальше трактирщика Тѣстова, у котораго надняхъ въ трактирѣ Барсуковъ ужиналъ и говорилъ непристойныя слова. А Барсукову намыльте голову.

XI.

Господинъ Московскій Губернаторъ и Кавалеръ!

Марью Ивановну постричь въ Монастырь, мужа ея, за допущеніе, написать въ рядовые, а Барсукова сослать вѣчно въ Соловки.





ЗАБЫТЫЙ ДОМЪ.

На одной изъ московскихъ захолустныхъ улицъ стоитъ старинный

Домъ—дворецъ роскошный,
Длинный, двухъэтажный,
Съ садомъ и съ рѣшеткой.

Онъ опустѣлъ и разрушается. Ворота заперты, подъѣзды заколочены, стекла мѣстами повыбиты, дворъ заросъ травою. У одного льва на воротахъ время вырвало щитъ, а другому грозою снесло голову.

Принадлежалъ онъ прежде отставному генералъ-маіору Барканову, переселившемуся въ Москву изъ Петербурга съ воцареніемъ Павла и отшедшему въ вѣчность въ сороковыхъ годахъ. Прахъ его мирно покоится вмѣстѣ съ супругою подъ сводами Новоспасскаго монастыря. По смерти генерала, онъ перешелъ къ его наслѣднику князю Чемезову. Боковые флигеля его долго служили на пользу общественной благотворительности. Въ нихъ помѣщалось „сиропитательное заведеніе“, „отдѣленіе для накожныхъ больныхъ“. Надъ входомъ въ роскошный садъ, съ непроницаемыми липовыми аллеями, очень долго красовалась вывѣска: „увеселительное заведеніе „Каскадъ“. Въ настоящее время, очень недавно, его пріобрѣлъ купецъ и уже приступилъ къ вырубкѣ сада.

Проникаю въ подъѣздъ. Охватываетъ спертымъ, зат-

хлымъ воздухомъ. Широкая лѣстница. Много варваръ потрудился надъ ея истребленіемъ: отбилъ у статуй носы, мѣстами сдѣлалъ непристойныя надписи, отодралъ бронзовыя украшенія, раскололъ мраморныя ступени.

Громадная зала. Воркуютъ голуби. На стѣнахъ штофная обивка превратилась въ грязныя тряпицы. По угламъ паутина. На потолочныхъ фрескахъ отъ сырости образовались желтыя пятна. Тяжелая инкрустированная мебель изъ корельской березы сдвинута въ кучу. Въ разбитое окно влетѣла галка и, увидавъ присутствіе человѣка, заметалась по угламъ, голуби тоже встрепенулись и шибче заворковали. Направо амфилада комнатъ. Пусто.

И уноситъ меня воображеніе въ старую жизнь. Мнѣ представляется роскошный балъ, на которомъ безпрестанно подаваемы были служащіе къ прохлажденію напитки и нынѣшняго времени фрукты и конфекты. Причемъ для смотрѣнія столовъ и бала впускаемы были также въ покои купечество и мѣщанство, а въ саду особливо для нихъ сдѣланъ былъ театръ, на которомъ „учрежденные отъ полиціи актеры представляли разныя комедіи“.

Вотъ театръ. По бокамъ четыре ложи. Воображенію моему представляется спектакль. Въ ушахъ моихъ раздаются звуки доморощеннаго изъ крѣпостныхъ Фингала:

Чтобы руки моей исчезла дивна сила!
И твердость, мужество Фингаловой души,
Какъ быліе долинъ во цвѣтѣ, изсуши!
Чтобъ въ пѣсняхъ бардовъ я въ потомствѣ не гремѣлъ,
Въ дому отцовъ моихъ чтобъ щитъ мой не висѣлъ.

На этомъ театрѣ, въ старину, „по временамъ слухъ прельщаемъ былъ мастерскою игрою концертовъ и пріятнымъ пѣніемъ итальянскихъ арій пѣвицами и пѣвцами“.

Вотъ библіотека. Шкафы закрыты проволочною сѣткою, обтянутою зеленой тафтой. Сквозь разодранную мѣстами тафту можно прочитать заглавіе нѣкоторыхъ книгъ, такъ: „Ключъ къ таинствамъ натуры, Экарстгаузенъ“, „Антеноровы путешествія по Греціи и Азіи“, „Исторія Аббата Милота“, „Размышленія о политической экономіи“, „Кадмъ и Гармонія“ и др.

Изъ оконъ видѣнъ огромный садъ, большая часть деревьевъ покрыта вороньими гнѣздами, бесѣдки разрушены, пруды высохли и заросли.

Домъ этотъ игралъ большую роль въ 12-мъ году. Въ немъ помѣщался одинъ изъ маршаловъ Наполеона. Это было такъ.

Въ 12 году, генералъ забылъ служебныя непріятности и сталъ снова въ ряды защитниковъ отечества, бился подъ Бородинымъ и при отступленіи на рязанскую дорогу, состоя при Милорадовичѣ, пропускалъ мимо своего дома изнуренныя боемъ войска. У воротъ онъ слѣзъ съ лошади, дворня бросилась къ нему на встрѣчу.

— Что, батюшка, ваше превосходительство, заливаясь слезами, началъ старый дворецкій Михаилъ Егорычъ.

— Ничего, старый хрычъ, ничего, отвѣчалъ ласково генералъ:—будьте покойны.

— Сумнительно намъ, батюшка, Растопчинъ проѣхалъ, нагайкой помахивалъ...

— Пусть его помахиваетъ, васъ не тронетъ: вы— мои.

— Отецъ ты нашъ! выступилъ здоровенный кучеръ:— коли ежели что—въ топоры пойдемъ! Мы ихъ такъ располосуемъ!.. Зубами грызть будемъ... въ клочья изорвемъ...

— Бей, коли придется.

— А куда, батюшка, изволите идти, вкрадчиво спросилъ Михаилъ Егорычъ.

— Про то фельдмаршалъ знаетъ.

— Растопчинскіе люди вчера болтали... нашего, говорятъ, не послушали...

— А вы имъ морду растычьте, чтобъ не болтали... Принесите-ка квасу.

Всѣ бросились.

— Пошли въ Тальково къ генеральшѣ, чтобъ не безпокоилась, что мы всѣ живы.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Ну, а тутъ дѣлай, какъ знаешь... Береги, если можно; если нѣтъ—дѣлать нечего.

— Все прибрано, батюшка, все прибрано... Кладовую кирпичемъ забрали... Кое-что въ саду закопалъ... Все цѣло будетъ.

Со стороны Кремля послышались выстрѣлы. Михаилъ Егоровичъ вздрогнулъ. Генералъ ободрилъ его.

— Ничего, не бойся...

Священникъ Маргаритовъ протискался сквозь ряды войскъ, окропилъ святой водой своего прихожанина и дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ: „Зрите и мужайтеся, подобаетъ бо всѣмъ симъ быти, обаче не тогда кончина".

Генералъ поблагодарилъ священника, благоговѣйно принялъ отъ него благословеніе и, вскочивши на сѣдло, крикнулъ рѣзкимъ баритономъ:

— Полковникъ Босоноговъ, отчего у васъ офицеры не на своихъ мѣстахъ... Это меня удивляетъ!

А ряды войскъ все напираютъ, напираютъ, стискиваются, останавливаются...

— Батюшки, голубчики, пропустите насъ съ Владычицей, говорятъ изъ толпы.

Всѣ посторонились. Спѣшно пронесли большую икону въ серебряной, украшенной дорогими каменьями ризѣ и двѣ хоругви.

Слышится пронзительный женскій визгъ.

— Бабенку раздавили, объясняетъ кто-то.

— До бабенки-ли теперь — только унеси Господи... Со всѣхъ концовъ народъ тронулся.

— Все одно, какъ плотину прорвало...

— Засвѣтло-то въ Роговскую и не попадешь.

Народъ бѣжитъ за войскомъ толпами. Изъ оконъ домовъ раздаются крики отчаянія.

Цѣловальникъ Афонька Щекинъ одѣляетъ солдатъ калачами.

— Купецъ, въ нашу роту не попало, говорятъ ему изъ строя.

— На-те батюшки, на-те, голубчики... Получайте... ободрались-то вы какъ, миленькіе...

— Обошьемся! Далъ-бы Богъ до Рязани дойдти...

— А въ Рязань гонятъ-то? спрашивалъ кто-то изъ толпы.

— Нѣтъ, въ Казань! иронически отвѣчаетъ солдатикъ.—Эка дура!.. Сама собой значится.

— Братцы, будутъ на Трехъ Горахъ сражаться? спрашиваетъ, пробѣгая мимо рядовъ, пьяный мастеровой.

— Будутъ! Ступай!

— Мы сейчасъ пойдемъ! Всѣ кабаки уничтожимъ! Всѣ! Нѣтъ погоди! Купецкой сынъ на Лубянкѣ вздумалъ бушевать—сейчасъ графъ раздѣлюцію ему сдѣлалъ... Я-те говоритъ, побушую!... Ребята, говоритъ, возьмите! Сейчасъ наши мѣщане растеребили! Потроху не осталось! Отецъ его стоялъ въ воротахъ, плакалъ... Ничего не сдѣлаешь—приказано! Бей, говоритъ, въ мою голову!..

На другой день, на разсвѣтѣ, во дворъ генеральскаго дома въѣхало нѣсколько французскихъ всадниковъ. Михаилъ Егорычъ вышелъ къ нимъ на встрѣчу и почтительно ихъ привѣтствовалъ. Они до мельчайшихъ подробностей осмотрѣли домъ, спускались въ подвалъ, заходили въ кухню, прошлись по саду и очень ласково обошлись съ Михаиломъ Егоровичемъ: трепали его по плечу, гладили по сѣдой головѣ. „При семъ рабски имѣю честь вашему превосходительству присовокупить, что по головѣ меня гладили, только словъ ихнихъ я разобрать не могъ. При семъ взяли часы изъ угловой гостинной“, отписалъ онъ тотчасъ же въ Таньково къ генеральшѣ. Въ вечерни всадники вернулись обратно въ сопровожденіи поляка, говорившаго по русски. Онъ снялъ съ старика допросъ, пригрозилъ смертію и объявилъ, что въ домѣ будетъ

жить маршалъ съ своимъ штабомъ и „чтобъ угощеніе было приличное“. Благодаря этому обстоятельству, домъ и сосѣднія съ нимъ зданія остались цѣлы во время всеобщаго пожара. Добродушное, почтенное лицо Михаила Егоровича очень понравилось маршалу и онъ обращался съ нимъ ласково, называя его въ шутку старымъ скифомъ.

Грозные годы прошли. Генералъ, контуженный подъ стѣнами Парижа, вышелъ въ отставку и вернулся въ Москву, въ которой жизнь скоро опять вступила въ свою колею: опять начались „обѣды, ужины и танцы“. Ослѣпительная роскошь обстановки его дома, богатѣйшее собраніе картинъ обращали на себя всеобщее вниманіе. Генералъ продолжалъ жить на старый екатерининскій ладъ. Домъ его былъ центромъ московской знати. Въ усъ никому не дувшіе столбовые важно толковали въ немъ о правительствѣ, супруги ихъ сидѣли за зеленымъ столомъ, старые наши знакомые: Павелъ Ивановичъ Фамусовъ вертѣлся около столбовыхъ, пьяный Репетиловъ, въ саду, въ бесѣдкѣ, за бутылкой шампанскаго, разсказывалъ Левону и Боринькѣ непристойные анекдоты, Наталья Дмитріевна вела тихую бесѣду съ московскимъ камендантомъ, а молодежь вертѣлась на паркетѣ до разсвѣта.

Ароматныя благоуханія отъ зрѣлыхъ плодовъ и отъ разбросанныхъ кстати цвѣтовъ доставляли удовольствіе обонянію. Жемчужно-пѣнящимися винами разлакомленный вкусъ услаждался сытными и роскошными явствами. Генеральскіе повара гремѣли на всю Москву.

— Ты бы, Тимофѣюшка, моего Митьку взялъ поучить, ласково обращалась къ баркановскому повару княгиня Софья Сергѣевна.

— Слушаю, ваше сіятельство, извольте доложить генералу. Выучимъ.

— Выучи, батюшка, выучи. Я буду тебѣ благодарна.

И вотъ поваръ Дмитрій, на старости лѣтъ, вновь поступаетъ въ ученье.

— Тебѣ бы, по Божьему-то, въ богадѣльню пора, а тебя въ ученье отдаютъ, замѣчаютъ ему генеральскіе поварята.

— Воля господская, отвѣчаетъ со вздохомъ старикъ, — ихняя воля... Велятъ и фалеторомъ сядешь... Кто жъ имъ можетъ въ кушаньѣ потрафить? То имъ съ перцемъ давай, то зачѣмъ перецъ кладешь. Запарные левашники теперича ужъ какъ я умѣю: положить на блюдо-то — воркуетъ, словно живой, а онѣ кушать не могутъ. Да все!.. Возьмите вы галантиръ—оттянетъ его чище зеркала, причесываться можно, а они говорятъ, ты меня, какъ собаку, кормишь. Такой капризъ въ себѣ имѣютъ, ни одинъ поваръ на нихъ угодить не можетъ.

Круглолицый, толстый, съ двумя подбородками и четырьмя складками на затылкѣ, въ изящномъ гладенькомъ каштановаго цвѣта парикѣ баринъ, выпуская изо рту клубы табачнаго дыму, ведетъ такую бесѣду съ поваромъ:

— Ты его отпарь, понимаешь?

— Какъ обнаковенно...

— Отвари фунтъ бѣлыхъ грибовъ и въ этомъ бульонѣ свари кашу. Когда каша будетъ готова, сдѣлай въ пѣнкѣ окошечко и пропусти туда гусинаго жиру.

У повара глаза начали съуживаться, вѣки опустились.

— И на полчаса поставь въ печь. Потомъ выложи на сковороду, поруби яичко, подложи костяныхъ мозговъ... Или вотъ что: не покрошить-ли туда налимьей печенки? Какъ думаешь?

— Она... печенка... пойдетъ, отвѣчалъ съ разстановкою поваръ.

— Потомъ поджарь и зашей все это, въ желудокъ-то, да въ духовомъ шкапу и подбодри. Только корку сдѣлай такъ, чтобы она таяла...

При послѣднихъ словахъ обжора сплюнулъ, поваръ обтеръ увлажившіяся губы.

Но годы идутъ. Не молодыя уже лѣта, контузія, стали брать свое. Знаменитые того времени врачи Лаврецкій и Мухинъ посовѣтовали генералу отправиться къ минеральнымъ водамъ. Генералъ долго колебался, но долженъ былъ внять совѣту и началъ готовиться въ отъѣздъ. Два мѣсяца продолжались сборы, наконецъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилось объявленіе: „Отправляющіеся за границу: отставной генералъ-маіоръ Павелъ

Дмитріевичъ Баркановъ, съ супругою Марьею Алексѣевной, при нихъ дворовые люди ихъ: Корнѣй Клыковъ съ женою Дарьею и дворовая дѣвка Александра". Въ одно прекрасное утро, огромный дорожный дормезъ, начиненный всякими сундуками и чемоданами, запряженный шестеркой лошадей, съ форейторомъ, вывезъ генерала съ супругою по направленію къ Серпуховской заставѣ. Купцы почтительно провожали глазами внушительный экипажъ.

Домъ какъ бы замеръ. Тотчасъ по отъѣздѣ спущенныя шторы засвидѣтельствовали объ отсутствіи хозяина. Дворъ, на которомъ постоянно стояли экипажи, мгновенно опустѣлъ. Кучерская огласилась пѣсней:

Ахъ, насъ, крестьянъ,
Господа тѣснятъ!
Мы не ряженые,
Не помаженые,
А и въ насъ душа...

Тимофей, въ новомъ сюртукѣ, съ огромнымъ синимъ зонтикомъ, вышелъ за ворота, три раза перекрестился на церковь и важно кликнулъ извозчика. Вечеромъ вся дворня высыпала за ворота. Заиграла гармоника.

— Хоть бы денечекъ такъ пожить, по вашему... не безъ зависти говоритъ лакей изъ сосѣдняго дома.

— Да! Теперь намъ жисть! — отвѣчаетъ радостно кучеръ: — теперь намъ только молись Богу! Слободно! Хорошо!.. Дай Богъ всякому! Теперь намъ — хоть по пашпорту; не хошь — такъ пребывай. Запрету нѣтъ. На произволенье. Енералъ именно говорилъ: какъ кому угодно.

Михаилъ Егоровичъ трое сутокъ приводилъ домъ въ порядокъ: закрывалъ мебель, занавѣшивалъ хмурые лики генераловъ двѣнадцатаго года. Платова закрылъ особенно тщательно, промолвивъ:

— Муха, вѣдь, она дура. Вѣдь, она тебя, батюшку, не пожалѣетъ.

Блюхера оставилъ открытымъ.

Кипучая жизнь въ домѣ замѣнилась сномъ и праздностью.

— Экъ тебя разнесло! Словно боровъ сталъ, ворчитъ Михаилъ Егоровичъ на выѣздного лакея Алешку.

— Какой же я боровъ, обидчиво ворчитъ лакей: — обнаковенный барскій человѣкъ.

— Да ужъ ты не ходишь, а ползаешь.

— Ноги болятъ. Двадцать годовъ на запяткахъ-то стою...

— Сохрани Богъ, княгиня къ обѣду потребуетъ, вѣдь ты тарелки ронять будешь. Ишь ты какъ расплылся!..

Лакей мрачно выслушалъ замѣчаніе и пошелъ спать подъ лѣстницу.

Мало-по-малу слава генеральскаго дома померкла. Объ немъ всѣ забыли. Открылись новые дома съ зажимающими рты обѣдами, ужинами и танцами, маскарадами и каруселями. „Нельзя надивиться достаточно роскоши и великолѣпію — описываетъ одинъ балъ публицистъ того времени — съ которыми принималъ у себя на святкахъ московскую знать графъ Григорій Аркадьевичъ. Всѣ звѣзды московскаго аристократическаго неба сіяли у него въ домѣ. Его сіятельство г. московскій военный генералъ-губернаторъ съ первѣйшею московскою красавицей Анной Григорьевной открылъ балъ польскимъ. Изумительный блескъ отъ тысячъ хрустальныхъ на люстрахъ и канделябрахъ подвѣсокъ дѣлалъ картину очаровательной. Но вотъ, какъ электрическимъ токомъ, были всѣ поражены пронесшимися по залѣ словами: ряженые, ряженые... И въ залу входитъ дородная, въ ослѣпительномъ сарафанѣ, русская боярыня Татьяна Александровна, ведя за руку супруга своего его превосходительство и пр.“.

Время пошло впередъ. Вмѣсто крѣпостной труппы, московская знать сама снизошла до драматическаго искусства. Во многихъ домахъ появились благородные спектакли. Имени прежняго увеселителя генерала Барканова никто уже почти не вспоминалъ. Порвавши всѣ связи съ Москвою, онъ жилъ-проживалъ за границей, проводя все время въ попеченіи о своей больной супругѣ. Наконецъ, она скончалась въ Неаполѣ. Состарившійся, сгорбленный, онъ привезъ прахъ ее въ Москву и торжественно похоронилъ въ Новоспасскомъ монастырѣ. Оставшись рѣшительно одинъ безъ наслѣдниковъ, онъ взялъ къ себѣ своего дальняго родственника, сироту князька Сережу, коренастенькаго мальчика лѣтъ тринадцати, окружилъ его гувернерами, дядьками, закрылъ свой домъ для всѣхъ и предался созерцательной жизни и аскетизму. Въ усъ недующихъ столбовыхъ смѣнили смиренные иноки московскихъ

обителей. Бесѣда съ ними стала потребностью его души. Вмѣсто пѣнія итальянскихъ арій, домъ огласился пѣніемъ божественнымъ. Вмѣсто „ароматнаго благоуханія отъ зрѣлыхъ плодовъ и отъ разбросанныхъ кстати цвѣтовъ", появилось въ домѣ благоуханіе отъ ладана. Вмѣсто „прохладительныхъ напитковъ и нынѣшняго времени фруктовъ" — на столѣ стояла скромная трапеза отшельника. Молодой князь очень скоро полюбилъ своего дѣда и, не смотря на отроческія лѣта, нелѣностно слѣдовалъ за нимъ въ дѣлѣ благочестія. Онъ по долгу молился съ нимъ въ его образной комнатѣ, внимательно слушалъ бесѣды и чтеніе андроньевскихъ монаховъ и самъ бойко научился читать по титламъ. Генералъ называлъ его „монашкомъ".

— Ты бы, монашекъ, спать шелъ, у тебя вѣдь уроки. Что мнѣ нужно — тебѣ еще рано. Съ тебя Богъ не взыщетъ.

Что дѣлали съ мальчикомъ гувернеры — генералъ не зналъ, да ему и не до того было. А гувернеры дѣлали свое дѣло. Нѣмецъ для прогулокъ занимался утромъ и вечеромъ перевязкою своихъ фонтанелей, а днемъ лежалъ на диванѣ, не выпуская изо рту вонючей сигары. Французъ Пейсаръ, приглашенный для развитія физическихъ силъ ребенка, бродилъ съ нимъ по бульварамъ, водилъ его на кулачные бои, на медвѣжью травлю, однимъ словомъ — развивалъ въ немъ дурные инстинкты. Другой французъ Ноэль, приставленный для усовершенствованія во французскомъ языкѣ, часто посѣщалъ съ своимъ воспитанникомъ перчаточный магазинъ г-жи Сихлеръ, гдѣ онъ пріучался къ изящнымъ манерамъ и тонкому обращенію. Одни крѣпостные дядьки добросовѣстно исполняли свое дѣло: чистили сапоги, умывали, причесывали, стлали постель и т. п. Учителя ходили для формы.

— Сегодня князь учиться не будутъ, у дѣдушки присутствуютъ, встрѣчаетъ дядька учителя русской словесности: — а билетъ извольте получить.

Учитель бралъ билетъ и довольный уходилъ.

Нервный, раздражительный учитель математики Хитрецовъ, разсерженный постояннымъ отсутствіемъ своего ученика и невнимательнымъ отношеніемъ его къ урокамъ, вышелъ изъ терпѣнія и прочиталъ ему такую нотацію:

— Я бы, на вашемъ мѣстѣ, князь, совсѣмъересталъ этими пустяками заниматься. Скажите, пожалуйста, зачѣмъ

вамъ учиться? Развѣ вы не замѣчаете, что наука относится къ вамъ съ полнымъ презрѣніемъ, она бѣжитъ отъ васъ. Бросьте, вы ее не догоните. Я къ вамъ ходить больше не буду. Мнѣ стыдно.

Князь поблѣднѣлъ, затрясся.

— Прощайте, окончилъ рѣзко учитель и вышелъ изъ комнаты.

Мосье Ноэль, присутствовавшій при этой сценѣ, успокоилъ князя, назвавши учителя дикимъ человѣкомъ, непонимающимъ тонкаго обращенія, а дядька замѣтилъ:

— Много ихъ по Москвѣ-то путается. Другого наймемъ. Только что пуговицы-то свѣтлыя, а солидности никакой нѣтъ. Жидкій человѣкъ, а какого форсу запущаетъ!..

Были у князя двѣ тетки по отцу, старыя дѣвицы. Одна страдала постояннымъ флюсомъ и, не смотря на почтенныя лѣта, прыгала по гостиннымъ, разсыпая московскія сплетни; другая, обиженная своимъ дѣвическимъ положеніемъ, обрѣла себѣ утѣшеніе въ ханжествѣ. Генералъ не принималъ ихъ.

Монашекъ подросъ, ему ужъ 17 лѣтъ, онъ уже сформировался въ юношу, на губахъ показался черный пушокъ, монастырскія бесѣды ему попретили, онъ сталъ избѣгать ихъ и страстно привязался къ лошадямъ, окончательно отодвинувъ въ сторону классныя занятія. Кучера, барышники, наѣздники стали первыми его друзьями; скачки, бѣга сдѣлались для него необходимостью. Проводя большую часть времени въ конюшнѣ, онъ не гнушался выпить съ кучерами стаканчикъ водки.

— Покорнѣйче благодаримъ, ваше сіятельство, за неоставленіе, а мы вамъ все произведемъ, какъ должно, отвѣчали ему кучера за оказанное имъ вниманіе: — все одно какъ генералу, такъ и вамъ по гробъ жизни, какъ есть мы всѣ ваши.

Нѣмецъ для прогулокъ оказался уже лишнимъ и, щедро награжденный, былъ отпущенъ. Онъ тотчасъ же пристроился въ винный погребъ Карла Крича. M-r Пейсаръ тоже получилъ увольненіе. Молодой князь, съ разрѣшенія дяди, отправился съ m-r Ноэлемъ на лѣто въ деревню. Ноэль прихватилъ съ собой француженку изъ перчаточнаго магазина въ качествѣ сестры. Въ деревнѣ кругозоръ князя расширился. Онъ уже окончательно сознаъ, что онъ единственный наслѣдникъ огромнаго

богатства и порѣшилъ со всѣми вопросами, твердо увѣренный, что ему не предстоитъ на жизненномъ пути „тренія и волчцовъ“, что дорога передъ нимъ торная и расчищенная. Въ деревнѣ онъ предался любимому своему занятію—верховой ѣздѣ, ему постоянно сопуствовала прелестная амазонка изъ перчаточнаго магазина,—стрѣлялъ по цѣлымъ часамъ изъ пистолета, по временамъ устраивая живую цѣль изъ собакъ и куръ. Старикъ генералъ между тѣмъ съ каждымъ днемъ угасалъ. Онъ уже не могъ ходить, его возили въ комнатной колясочкѣ. Божественную службу онъ слушалъ сидя. Наконецъ, въ день битвы бородинской, тихо и незамѣтно отошелъ въ селеніе праведныхъ. Постоянно находившійся при немъ іеромонахъ, отецъ Иларій, не успѣлъ даже прочесть отходную. Вся Москва собралась провожать бренные остатки превосходительнаго аскета. По вскрытіи духовнаго завѣщанія, князь оказался полнымъ наслѣдникомъ и надъ нимъ не замедлили учредить попечительство. Княжна съ флюсомъ, узнавши, что на ея долю въ духовной ничего не назначено, остервѣнилась и двѣ недѣли прыгала по гостиннымъ, ругая покойнаго старымъ чортомъ; княжна безъ флюса впала въ уныніе и стала учащать свои визиты въ сумасшедшій домъ къ Ивану Яковлевичу и къ юродивой Марфушѣ. Иванъ Яковлевичъ городилъ ей несвязную нелѣпицу, надъ которой она ломала голову — чтобы это такое значило? А Марфуша вмѣстѣ съ ней предавалась воздыханію.

Попечитель добросовѣстно приступилъ къ своимъ обязанностямъ. Онъ внушилъ князю, что онъ, по своему происхожденію и богатству, не можетъ оставаться въ такомъ положеніи, что онъ долженъ поступить въ университетъ или идти въ военную службу, и въ обоихъ случаяхъ ему нужно готовиться къ экзамену. Князь избралъ университетъ и тотчасъ былъ окруженъ лучшими представителями науки. На первой же лекціи профессоръ русской словесности Шевыревъ убѣдился, что будущій студентъ не только не можетъ отличить ямба отъ хорея, но словъ этихъ никогда не слыхивалъ; профессоръ богословія, при экзаменованіи князя, уклонился отъ лекціи, предложивъ „въ замѣстители“ своего родственника, молодого человѣка, только что поставленнаго въ священники, съ обязанностію самому наблюдать за ходомъ занятій. Такъ же поступили и другіе профессора: предложили слѣдить за

успѣхами князя. Такъ и сдѣлали. Пригласили снова учителей. Наконецъ, въ дѣло воспитанія вмѣшались тетки. Одна предлагала племяннику тотчасъ же ѣхать въ Петербургъ и поступить въ лейбъ-гусары или въ конную гвардію.

— Ну, ты подумай, что лучше, говорила она ему: — студентъ или гусаръ? Ты будешь стоять во дворцѣ въ караулѣ, будешь флигель-адъютантомъ... Боже мой, воскликнула она въ порывѣ восторга: — я бы всю Москву отдала, чтобы видѣть тебя флигель-адъютантомъ!..

Другая совѣтовала ѣхать въ Донской монастырь къ архимандриту Феофану и поговорить съ нимъ серьезно и откровенно и, что онъ скажетъ, такъ и поступить.

Мозги князя совсѣмъ перевернулись, онъ не могъ ничего сообразить: не то въ университетъ, не то въ гусары, не то къ Феофану, не то въ Сокольники съ амазонкой... Онъ былъ жалокъ. А совѣсть и самолюбіе дѣлали свое дѣло, онѣ стучались въ его душу, онѣ не давали ему покоя. Въ эти отчаянныя минуты посѣтилъ его благодушнѣйшій, хотя грубоватый на рѣчахъ отецъ Иларій, духовникъ покойнаго дѣда. Князь уже давно покончилъ съ монахами, но отца Иларія уважалъ и любилъ. Глаза князя были заплаканы: онъ только что имѣлъ непріятную сцену съ теткой, которая точила его два часа, такъ что онъ вышелъ изъ терпѣнія и сказалъ:

— Вы бы, ma tante, отдохнули.

Княжна завизжала по французски и вылетѣла изъ кабинета. Князь заплакалъ.

— Коея ради вины, отче Сергіе, слезы источаеши, началъ Иларій, преподавая благословеніе. И тебѣ-ли плакать, Божьему избраннику. Плачутъ тѣ, отъ кого Богъ лицо свое отвратилъ, а тебя Онъ взыскалъ неизреченною своею милостью. За это ты Ему благоугождать долженъ, а не гнѣвить Его. Полно! Ты и маленькой-то не плакалъ, а большому-то ужъ стыдно.

— Тетка меня разозлила, отвѣчалъ порывисто князь.

— Разозлила? Такъ развѣ отъ злости плачутъ? А я думалъ, ты плачешь отъ того, что не знаешь „къ чему прилѣпиться“. Съ богачами это бываетъ. Вчера я былъ у купца Нарукавникова... вотъ тому можно плакать. Старикъ оставилъ пять милліоновъ! Дураку-то! Пять милліоновъ оставилъ! Грамотѣ не умѣетъ, общенія ни съ кѣмъ, по своему невѣжеству, имѣть не можетъ... Ну, плачь!.. Перевертывайся съ боку на бокъ да поглядывай на потолокъ,

какія на немъ узоры расписаны. Почтенный старецъ не зналъ, что онъ вонзилъ князю ножъ прямо въ сердце.

— А тебѣ отчего плакать, продолжалъ монахъ:—кончишь курсъ и явись благодѣтелемъ рода человѣческаго, чтобы и къ тебѣ отнеслись слова Спасителя: „Нагъ бѣ и одѣясте меня“. Дай обѣтъ Богу въ жизни кромѣ добра ничего не творить. Онъ тебѣ и труды по ученью облегчитъ. Пошлетъ ангела своего, да никогда преткнеши о камень ногу твою. „На аспида и василиска наступиши“ и то невредимъ будешь. Мнѣ что твой покойный дѣдушка сказывалъ... Да что, братъ, сухая-то ложка ротъ деретъ, вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ: ты бы меня чайкомъ побаловалъ; вѣдь я къ тебѣ прямо отъ поздней, маковой росинки еще не было.

Князь позвонилъ. Вошелъ лакей.

— Чайку бы, Радивонъ, сказалъ ему отецъ Иларій.

— Слушаю, почтительно отвѣчалъ лакей.

— Только мнѣ генеральскаго... Помнишь? Чудеснѣйшій чай былъ!.. Али ужъ, пожалуй, того-то не держите?..

— Все тотъ же...

— Ну, такъ его и давай.

Лакей повернулся и пошелъ.

— Да ты вотъ что — продолжалъ ему вслѣдъ отецъ Иларій:— ты горяченькой калачикъ принеси или ситничка нѣтъ-ли... Можно? отнесся онъ добродушно къ князю.

— Да сдѣлайте милость, отецъ Иларій, отвѣчалъ князь, вы закусить не прикажете-ли... позавтракать?

— Нѣтъ, спасибо, я къ тебѣ лучше завтра обѣдать приду. Ты мнѣ ушку изъ окуньковъ вели сдѣлать. Вотъ и будетъ мнѣ отъ тебя многопестротная трапеза. Ахъ ты мой милый, продолжалъ Иларій, послѣ минутнаго перерыва, устремивши добрые голубые глаза на князя. Дорогой ты мой барченокъ! Чѣмъ мнѣ одарить не знаю... „Сребра и злата не имамъ“... Постой-ка я тебя благословлю.

Князь всталъ и приклонилъ голову. Отецъ Иларій поправилъ рукавъ рясы и, возлагая руку, произнесъ торжественно:

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Да будетъ надъ тобою милость великаго, истиннаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Да сохранитъ тебя во всѣхъ путяхъ твоихъ.

На глазахъ у него навернулись слезы.

— Вѣдь я тебя люблю такъ же, какъ и дѣдушку покойника любилъ, продолжалъ онъ, оправившись отъ волненія. Да, вѣдь объ немъ я давеча заговорилъ. Онъ мнѣ что разъ разсказывалъ... Сидитъ онъ, миленькой, въ колясочкѣ, а я читаю ему кононы Андрея Критскаго. Вдругъ въ диванной хлопнуло окошко. Я туда... Смотрю, на дворѣ пыль поднялась, такъ воронкой и завертѣло. Потомъ туча нашла, да такая туча, что и теперь вспомнить страшно. Темно сдѣлалось, какъ ночью. Я ему и говорю: „я васъ, батюшка, отвезу отъ окошка“.—„Нѣтъ“, говоритъ, „я люблю грозу“. Помнишь, вѣдь онъ немножко въ носъ говорилъ:—„я, говоритъ, люблю грозу“. Потомъ—градъ, да во-какой, съ кулакъ, такъ въ стекла и бьетъ, а у него, батюшки, глаза такъ и сверкаютъ, словно бы радость ему какая... „Видишь“, говоритъ, „отецъ Иларій?“ — „Вижу“, говорю „и трепещу“.—„Вотъ такъ“, говоритъ, „и подъ Бородинымъ было, только здѣсь градъ, а тамъ пули летали, а я не трепеталъ. Тучковъ, говоритъ, со мной рядомъ стоялъ — его убили, а я, видишь, живъ. Я, говоритъ, когда поѣхалъ, всѣмъ своимъ крестьянамъ вольную написалъ. Женѣ говорю: ты со своими какъ знаешь, а моихъ всѣхъ отпусти. Вотъ я и не боялся, зналъ что они обо мнѣ молятся, Богъ меня и спасъ за ихъ молитвы“. Вотъ твой дѣдушка какой былъ. Такъ и ты: дай обѣтъ Богу, да и держи его крѣпко и счастливъ будешь. Вѣрно тебѣ говорю! Однако, я заговорился, окончилъ онъ, поспѣшно допивая чай, а мнѣ некогда: мы сегодня монастырскую кружку потрошить будемъ. Прощай, голубчикъ. Завтра приду.

Князь пошелъ его провожать. Въ залѣ онъ остановился и взглянувши на портретъ покойнаго генерала, сказалъ съ живостью:

— Вотъ онъ!

И перекрестясь три разапроизнесъ:

— Упокой, Господи, душу усопшаго раба твоего. Великій былъ праведникъ!

— Да! я забылъ тебѣ сказать: прогони ты этого француза. Католикъ! Соблазнъ! А впрочемъ, какъ знаешь. Мое дѣло сказать. Не хорошо про него говорятъ.

Въ передней на него наткнулся лакей Родіонъ.

— Ты что-жъ, курицынъ сынъ, въ монастырь-то пересталъ ходить, отнесся къ нему ласково Иларій: приходи, по

старой памяти, просвирку дамъ. И преподавъ ему благословеніе, вышелъ.

Князь нѣсколько успокоился, простая безхитростная рѣчь добраго старца освѣжила его. Будущность ему начала представляться въ розовомъ цвѣтѣ. Ну, буду готовиться, думалъ онъ, буду сидѣть дни и ночи... Ну, настою на своемъ. Онъ взялъ университетскую программу, началъ ее перелистывать, ему казалось, что это немного, что можно въ годъ все перезубрить, потомъ вдругъ пришелъ въ ужасъ!.. Мидяне (Зендъ-Авеста). Персы. Киръ и Крезъ. Камбизъ. Дарій... Вѣдь это двадцать страницъ, ихъ надо выучить!.. Мардоній. Мильтіадъ. Походъ Ксеркса. Фермопилы. Саламинъ. Платея и Микале. Въ самомъ дѣлѣ, не поступить ли въ военную службу. А война? Разъ, и готовъ! На лбу у него выступилъ холодный потъ. Ну еще съ исторіей можно помириться, можно какъ-нибудь словами. Можно... Теорія русской словесности. „Образованіе составного предложенія по способу подчиненности или присоединеніемъ“. „Совпаденіе суфикса съ флексіею у первыхъ и всегдашнее ихъ различіе у послѣднихъ“.

— Нѣтъ, это не возможно, воскликнулъ онъ, съ отчаяніемъ схвативъ себя за голову, и позвавши Родіона, приказалъ сѣдлать лошадь.

— Скажи M-r Ноэлю, что мы поѣдемъ съ нимъ въ паркъ.

— А я думалъ, мы съ вами поѣдемъ по границамъ Европы, да заѣдемъ въ Азію, дорогой князь, весело заговорилъ вошедшій учитель-репетиторъ. Во-первыхъ, это путешествіе гораздо разнообразнѣе и доставитъ вамъ больше развлеченія; во-вторыхъ, вы не наглотаетесь пыли. Ну, здравствуйте, окончилъ онъ, пожимая обѣими руками руку князя.

Я нѣсколько останавлюсь на характеристикѣ этого учителя. Звали его Иваномъ Алексѣевичемъ, фамилія его была Поповъ. По формулярному его списку родового имѣнія за нимъ не значилось, а благопріобрѣтенное было: дипломъ на званіе учителя исторіи и географіи и сопряженный съ этимъ званіемъ синій вицъ-мундиръ съ тѣмъ, чтобы всю жизнь его не снимать. Спокойный и добродушный, съ большимъ запасомъ юмора, онъ каждодневно съ девяти часовъ утра до пяти пополудни былъ на урокахъ, а свободное время ходилъ на Москву-рѣку удить рыбу. Это было у него единственное удовольствіе и раз-

влеченіе въ жизни. Классъ его въ училищахъ относился къ числу самыхъ легкихъ, по необыкновенной способности его ладить съ учениками. Лѣнивыхъ у него не было. Считалось не только стыдомъ, а какъ бы преступленіемъ не приготовить урока „изъ Ивана Алексѣевича“. Даровитаго ученика онъ обласкаетъ, заставитъ къ самому себѣ почувствовать уваженіе; колеблющагося ободритъ и наставитъ; надъ лѣнивымъ посмѣется горькимъ словомъ и непремѣнно заставитъ его учиться.

Вотъ онъ входитъ въ классъ и, по прочтеніи молитвы, садится за столъ, кладетъ на него платокъ и табакерку. Тишина. Ученики мысленно подзубриваютъ.

— Кажется, начинаетъ онъ, обращаясь къ старшему ученику: намъ, Сергѣй Сергѣевичъ, задано на сегодня повтореніе пройденнаго?

— До Италіи, отвѣчаетъ ученикъ.

— Ужъ будто до Италіи?! съ удивленіемъ восклицаетъ Иванъ Алексѣевичъ. Многонько! Ну, да вѣдь я надѣюсь, вы повторили...

Молчаніе.

— Ну, молчаніе есть знакъ согласія. Приступимъ, оканчиваетъ онъ, чертя на доскѣ карту Греціи.

Карта готова, Иванъ Алексѣевичъ опять садится, открываетъ классный списокъ, просматриваетъ его и начинаетъ урокъ.

— Я думаю, что у насъ безъ нулей сегодня не обойдется, ужъ очень много задано-то!.. Г-нъ Блязовъ!..

Съ задней скамейки вскакиваетъ хохлатенькій, чумазенькій ученикъ съ обкусанными до тѣла ногтями и лѣниво подходитъ къ доскѣ.

— Судя по вашей лѣнивой походкѣ, по скучной минѣ на вашемъ лицѣ, я прихожу къ убѣжденію, что вы заданнаго не повторили. Я очень счастливъ буду, если вы заставите меня ошибиться въ моемъ предположеніи, которое я основываю на вашемъ дурномъ прошломъ.

— Я приготовилъ, робко произноситъ ученикъ.

— Извольте-съ. Что за звѣрь нарисованъ на доскѣ?

— Греція.

— Превосходно! Именно, она и есть. Что же такое Греція: городъ, деревня, почтовая станція?

— Королевство.

— Прекрасно, королевство! Какіе же его границы?

Чѣмъ оно вотъ сюда граничитъ? продолжалъ Иванъ Алексѣевичъ, тыкая линейкой въ карту.

— Отраслію Пинда, водами озера Врахори, рѣками Аспропотамо или древней Ахелой, Василипотамо или древней Эвротасъ.

— Отлично! Спасибо! Ставлю тебѣ, въ примѣръ другимъ, пять съ плюсомъ и совѣтую тебѣ не сходить съ этого бала. Садись!

Съ заискрившимися отъ выступившихъ слезъ глазами ученикъ весело идетъ на свою скамейку.

— Ай-да Блязовъ! продолжалъ Иванъ Алексѣевичъ, не ожидалъ!.. Сконфузилъ меня!

За десять минутъ до конца класса, Иванъ Алексѣевичъ вступалъ съ учениками въ частный разговоръ, относившійся больше всего до рѣки, до лѣсу, до рыбной ловли. Съ затаеннымъ дыханіемъ слушали ученики, какъ у него сорвалась съ крючка огромная щука и какъ онъ упалъ съ плота въ воду.

— Любите, господа, природу, говорилъ онъ, любите рѣку, лѣсъ... Легче жить будетъ. Я вотъ ни въ карты не играю, ни вина не пью, а мнѣ всегда весело. Я лѣтомъ за десять верстъ хожу соловьевъ слушать, своихъ у меня штукъ десять... У меня цѣлая опера въ домѣ, да какая!.. Книга васъ умудритъ, а природа умягчитъ сердце. Ну, прощайте, ребятушки. Въ слѣдующій разъ потолкуемъ, а теперь въ институтъ къ барышнямъ направлюсь.

— А хорошо барышни учатся, Иванъ Алексѣевичъ? спрашиваетъ кто-то изъ воспитанниковъ.

— Да какъ вамъ сказать-то? По правдѣ ежели, такъ учатся всѣ такъ... на живую нитку. Да вѣдь имъ этого и не нужно. А танцуютъ отлично! Любуюсь!..

Весь классъ провожаетъ Ивана Алексѣевича до передней, подаетъ ему пальто, палку, шляпу.

— Вы меня, братцы, точно архіерея облачаете, говоритъ онъ.

— Любятъ тебя... вотъ что! замѣчаетъ швейцаръ Дементьичъ, отставной служивый, беззубый старикъ, лѣтъ восьмидесяти, съ густыми сѣдыми, закрывавшими всѣ глаза бровями. Вотъ латынскому не подадутъ. Какъ увидять словно горохъ разсыпятся... То же вѣдь они вороватые, знаютъ... А тебѣ да священнику завсегда.

— А, Дементьичъ! Былъ въ Парижѣ? шутливо спрашивалъ Иванъ Алексѣевичъ.

— Забирали въ тѣ поры... Былъ. Ротный командиръ говоритъ...

Иванъ Алексѣевичъ, не дослушавъ разсказа, ушелъ. Это былъ обыкновенный пріемъ шутить надъ Дементьичемъ. Спросятъ его — былъ ли онъ въ Парижѣ, да и уйдутъ, а старикъ самому себѣ разсказываетъ, какъ ему ротный командиръ приказалъ достать курицу.

Иванъ Алексѣевичъ живъ и теперь. Богадѣльный старецъ, сѣдой, какъ лунь, съ бѣлыми незрячими глазами, въ форменномъ халатѣ, онъ стоитъ неподвижно во время божественной службы на хорахъ церкви Шереметевской больницы, тихо подтягиваетъ пѣвчимъ.

Князь приказалъ отказать и M-r Ноэлю, и лошади и сѣлъ заниматься.

— Ну, что, мой сіятельный студентъ, пробовали ли вы безъ меня чертить карточку? заговорилъ Иванъ Алексѣевичъ.

— Извините, некогда было, отвѣчалъ князь, нѣсколько сконфузясь, то-есть, не то что некогда, я вамъ долженъ откровенно сказать: мнѣ чертить очень трудно.

— Не могу, князь принять въ уваженіе! Простите меня! Говорю вамъ, какъ другъ, а не наставникъ. А я неоднократно замѣчалъ, что уклоняетесь отъ занятій. Конечно, это не мое дѣло, мнѣ выгоднѣе, если вы не будете заниматься — мы съ вами дольше проучимся; но, какъ честный человѣкъ, долженъ вамъ сказать, что усложняете себѣ трудъ. Что можно сдѣлать теперь, въ будущемъ будетъ гораздо труднѣе. Простите меня за мою откровенность. Вы для меня не князь, не графъ, даже не коллежскій регистраторъ, а просто ученикъ, кототому учитель обязанъ по совѣсти сказать правду. Я такъ смотрю на мои къ вамъ отношенія. Дорогой князь, встряхнитесь! Кому же не учиться-то, какъ не вамъ? Богъ надѣлилъ васъ всѣмъ: вы князь, красавецъ собой, богатый; въ будущемъ у васъ все: звѣзды, ленты, камергерскій ключъ... все!.. Обратите вниманіе на тѣхъ несчастныхъ юношей, у меня ихъ много, которые почти безъ сапогъ, а ужъ безъ бѣлья-то это вѣрно, безъ книгъ, выползаютъ по утрамъ изъ душнаго подвала, чтобы за три, за четыре версты по дождю, по слякоти, бѣжать въ храмъ науки. А что у нихъ впереди? Опять тотъ же голодъ, опять тотъ же тяжелый трудъ и лишенія. Нѣтъ, милый князь, давайте учиться серьезно. Я весь къ вашимъ услугамъ.

Князь сидѣлъ неподвижно, глаза его увлажились слезами.

— Бросимъ все на время, продолжалъ Иванъ Алексѣевичъ, обратимся къ наукѣ. Повѣрьте, она скоро полюбитъ васъ. Ужъ если она архангельскимъ рыбакомъ, сѣрымъ человѣкомъ, не побрезговала, а обняла его, какъ мать любимаго сына, такъ неужели она васъ-то отъ себя оттолкнетъ, если вы пойдете къ ней съ любовью на встрѣчу. Невозможно!

Клопъ, неожиданно попавшій въ стаканъ чистой воды, не могъ произвести такого сильнаго отвращенія, какое произвелъ на Ивана Алексѣевича вбѣжавшій въ комнату французъ Ноэль въ высокихъ сапогахъ, съ хлыстикомъ.

— Князь, лошадь готовъ, заговорилъ онъ ломанымъ русскимъ языкомъ, не снимая шляпы и не привѣтствуя почтеннаго учителя.

Иванъ Алексѣевичъ посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ.

— Я сказалъ, что не поѣду, отвѣчалъ князь.

— Намъ, г-нъ гувернеръ, учиться надо, сказалъ съ достоинствомъ Иванъ Алексѣевичъ.

— А потомъ ви поѣдитъ?.. Князь, ви поѣдитъ?.. Потомъ?..

— Вы бы намъ не мѣшали, а пожаловали бы послѣ урока, прервалъ гнѣвно Иванъ Алексѣевичъ.

M-r Ноэль не ожидалъ такого афронта. Онъ привыкъ свое слово ставить князю въ законъ и князь всегда повиновался. Обиженный, онъ опрометью выскочилъ изъ комнаты. Иванъ Алексѣевичъ снова началъ свою бесѣду. Съ душевной теплотой и краснорѣчіемъ, яркими красками онъ обрисовалъ князю его положеніе. Безхарактерному юношѣ дѣваться было некуда, онъ долженъ былъ убѣдиться, что ему говорятъ правду, которой онъ никогда ни отъ кого не слыхалъ.

— Вотъ что въ концѣ-концовъ совѣтую, милый Сергѣй Львовичъ, такъ окончилъ Иванъ Алексѣевичъ свою рѣчь: удалите-ка вы этого мѣшающаго вамъ заниматься француза и начните жить сначала. Будемъ съ вами учиться и, даю вамъ слово, черезъ два года вы будете въ университетѣ.

Князь бросился къ нему на шею. Иванъ Алексѣевичъ обнялъ его и поцѣловалъ въ лобъ.

— Вы любите соловьевъ? быстро спросилъ онъ князя.

— Ужасно! восторженно отвѣтилъ князь.

— Ну, такъ въ слѣдующій разъ я вамъ соловья подарю, а теперь прощайте, сказалъ Иванъ Алексѣевичъ, и снова обнявъ князя, ушелъ.

По уходѣ учителя, князь какъ бы переродился. Онъ подошелъ къ зеркалу, ему весело было смотрѣть на самого себя. Онъ сталъ ходить по залѣ, придумывая какую бы пакость сдѣлать Ноэлю за то, что онъ вошелъ къ нему въ кабинетъ, при постороннемъ человѣкѣ, въ шляпѣ. Это ужъ слишкомъ! думалъ онъ. Рѣшилъ, что не будетъ съ нимъ двѣ недѣли разговаривать. Потомъ передумалъ и назначилъ ему такое наказаніе: не буду съ нимъ обѣдать, буду выѣзжать одинъ, наконецъ, просто предложу ему совсѣмъ меня оставить. Слова отца Иларія и Ивана Алексѣевича запали ему въ душу. Чѣмъ онъ больше думалъ, тѣмъ больше M-r Ноэль казался ему гадкимъ. Онъ вспомнилъ прежнія оскорбленія, которыя тотъ ему наносилъ. Вспомнилъ, какъ онъ разъ въ деревнѣ не позволилъ француженкѣ ѣхать съ нимъ верхомъ и та сказалась больной, наконецъ, поставилъ ему въ вину и то, что онъ француженку нагло выдавалъ за свою сестру. Однимъ словомъ—надъ головой Ноэля скучилось столько обвиненій, что дальнѣйшее пребываніе его въ домѣ казалось невозможнымъ. А онъ, бѣдный, въ то время когда составлялся противъ него обвинительный актъ, взбѣшенный послѣдней сценой въ кабинетѣ князя, бѣгалъ безсмысленно по всѣму дому, ругая всякаго встрѣчнаго и поперечнаго; французскій нравъ его расходился, ему не было удержу. Пробѣгая мимо стараго швейцара, онъ бросился на него:

— Ти сабакъ! ти русскій сюкинъ синъ!

— Ай-да баринъ, сказалъ ему вслѣдъ швейцаръ: пятьдесятъ лѣтъ я въ домѣ живу, никто меня не ругивалъ. Меня и генералъ покойникъ не обижалъ... Безстыдникъ!..

Послѣ швейцара онъ накинулся на Родіона, потомъ на дѣвушку, которая несла изъ аптеки для старой нянюшки бобковую мазь, наконецъ, бросился въ конюшню, но тутъ потерпѣлъ крушеніе. Такъ разъяренный звѣрь мечется по лѣсу, пока не набѣжитъ на смѣлаго охотника.

Кучера благодушествовали, выпивая седьмой полштофъ и закусывая печенкой. Имъ было угощеніе отъ барышника, который за безцѣнокъ купилъ у князя лошадь, а они этой покупкѣ содѣйствовали, убѣдивши князя, что лошадь плохая. Они ужъ, по ихъ выраженію, распустили хайло, т. е.

ругались. Опытный человѣкъ въ это время къ кучеру не подойдетъ, тѣмъ болѣе съ несправедливымъ замѣчаніемъ, но m-r Ноэль этого не зналъ. Кучеръ Лаврюшка взялъ въ руки стаканъ, сплюнулъ очень далеко въ сторону и только что хотѣлъ „облить свою душу“, какъ вбѣжавшій Ноэль подтолкнулъ стаканъ подъ донушко и разразился бранью. Такой поступокъ съ кучеромъ равнялся тому, какъ бы кто вздумалъ вырвать изъ рта у тигра кусокъ говядины.. Мигъ! И французъ, крутясь и вертясь, какъ въ бурю осенній листъ, вылетѣлъ на улицу. Кучеръ ударилъ его поперекъ узкой таліи. Кучера въ одинъ голосъ произнесли:

— Чудесно!..

— Легче бы мнѣ бороду выдралъ, чѣмъ этотъ стаканъ вышибъ, захайлилъ Лаврюшка, только было приладился, а онъ... Чтобъ-те псу провалиться.. Бей, коли праву имѣешь, а стаканъ не трогай!.. Можетъ, въ стаканѣ вся душа моя, такъ аль нѣтъ? обратился онъ вопросительно къ товарищамъ.

— Это дѣйствительно!

— Какъ возможно! поддакнули другіе. Стаканъ дѣло святое... Стаканъ не трогай!

Несчастный, уничтоженный, опозоренный Ноэль едва пришелъ въ себя, снова началъ бѣгать по дому.

— Меня бить! Меня бить! кричалъ онъ со слезами, пробѣгая мимо швейцара.

— Дѣло ваше, съ полнымъ равнодушіемъ произнесъ швейцаръ.

— Это не можъ! Mon prince, заговорилъ онъ, вбѣгая въ кабинетъ князя, но его не было, онъ ушелъ гулять. Ноэль опять побѣжалъ въ конюшню.

— Вы всѣ видѣль? обратился онъ къ кучерамъ.

— Да какъ, сударь, не видѣть — видѣли! При насъ вашу милость трепанулъ... отвѣчали насмѣшливо кучера.

— Тебѣ будетъ льба стричъ... льба! бормоталъ, трясясь всѣмъ тѣломъ, Ноэль: ты будешь сольда... Ти идетъ въ сольда... Тебя будутъ палька... такъ... И онъ сдѣлалъ жестъ, какъ бьютъ палкой.

— На твою же погибель пойду: застрѣлю при первомъ свиданіи, отвѣчалъ, раскосивши пьяные глаза, Лаврюшка.

Положеніе Ноэля было безвыходное: князя нѣтъ дома, въ дворнѣ не только сочувствія, а простой жалости къ

человѣку онъ не встрѣтилъ; напротивъ, ему казалось, что всѣ какъ будто довольны, а Родіонъ даже видѣлъ всю эту сцену изъ окошка и покатывался со смѣху. Онъ поѣхалъ къ попечителю, который всегда въ этотъ день обѣдалъ въ англійскомъ клубѣ. Это былъ того времени важный московскій баринъ, гордый, неприступный, считавшій плюху, полученную не привиллегированнымъ человѣкомъ, за дѣло самое обыкновенное; онъ и самъ былъ не прочь заѣхать въ рыло, если, по его мнѣнію, встрѣчалась въ этомъ надобность. Толстый, въ бѣломъ жилетѣ, гладко выбритый, въ золотыхъ очкахъ, онъ предсталъ въ передней клуба передъ Ноэлемъ; тотъ изложилъ причину своего пріѣзда и просилъ принять участіе въ его положеніи. Баринъ выразилъ удивленіе, что его осмѣливаются безпокоить такими пустыми вещами, и при томъ въ клубѣ, куда онъ пріѣзжаетъ отдыхать. Что это дѣло не такое важное, которое требуетъ немедленно какихъ-либо мѣропріятій и что онъ вообще не доволенъ поступкомъ Ноэля.

— Прошу васъ быть впередъ осмотрительнѣе въ выборѣ причинъ для свиданія со мною, окончилъ онъ, уходя въ зало.

Обиженный Ноэль наговорилъ вслѣдъ ему дерзостей и погрозилъ консуломъ.

Князь между тѣмъ воротился съ прогулки. Ему все разсказали. Хотя онъ и пожалѣлъ Ноэля, но мысленно былъ радъ, что такой пассажъ заставитъ его удалиться изъ дому, а его избавитъ отъ непріятности входить съ нимъ въ какія-либо объясненія. Бѣдный французъ проплакалъ всю ночь, а Лаврюшка пропилъ всю ночь, готовясь на утро „къ жестокому истязанію“.

Прочіе кучера тоже почесывались, разговаривали въ полголоса.

— Не влетѣло бы и намъ, говорилъ старшій пьяница Глѣбъ Тимофеевъ.

— За что?

— А такъ! Скидавай, да получай жалованье.

— Ежели ему апетитъ придетъ, онъ всѣхъ переберетъ. Люди-то его какъ огня боятся. Звѣрь, говорятъ, какъ есть!...

— А Лаврюшкѣ попадетъ!

— Про Лаврюшку ужъ что говорить — Лаврюшка рѣшеный!.. Какъ вздыхаетъ, братецъ мой, жалости по-

добно! Теперича безрукавку заложилъ, всю, говоритъ, ночь пропью.

— Не повѣсился бы. Надо бы поглядывать... Садъ большой, долго-ли до грѣха. Ужъ онъ однова былъ въ петлѣ-то...

— Богъ милостивъ, окончилъ Глѣбъ, перевернувшись на лѣвый бокъ.

На другой день въ полдень, въ открытой коляскѣ, съ лакеемъ на запяткахъ, пріѣхалъ попечитель князя. Онъ засталъ его за урокомъ съ Иваномъ Алексѣевичемъ, передъ которымъ весьма мягко извинился, что помѣшалъ своимъ приходомъ, поинтересовался успѣхами его ученика и мало-по-малу разговорился объ наукѣ вообще, похвалилъ восходящую въ то время звѣзду — профессора Грановскаго, отнесся съ уваженіемъ къ Погодину и сказалъ, что онъ часто бываетъ въ обществѣ славянофиловъ и, пожалуй, во многомъ согласенъ съ ними, но, по своимъ воззрѣніямъ, принадлежитъ къ чистымъ западникамъ. Тамъ чтобы они ни говорили, а западъ для насъ все!

Болѣе всего онъ распространялся о гуманности, что западъ насъ *гуманизировалъ*. Слово это въ то время было новое и ему очень нравилось. Во время разговора онъ проспрягалъ его во всѣхъ временахъ и, любезно простившись, вышелъ.

— А скажите, пожалуйста, Сергѣй Львовичъ, сколько у него крестьянъ? обратился къ князю, по уходѣ попечителя, Иванъ Алексѣевичъ.

— Тысячи три, говорятъ, отвѣчалъ князь.

— Для западника это не дурно, иронически замѣтилъ Иванъ Алексѣевичъ и приступилъ снова къ прерваннымъ занятіямъ.

Попечитель между тѣмъ направился къ конюшнѣ. У кучеровъ кровь прилила къ сердцу. Гуманный западникъ въ одно мгновеніе превратился въ дикаго азіата, глаза его заблестѣли отвратительнымъ, злымъ блескомъ.

Здѣсь опускается занавѣсъ.

По отъѣздѣ попечителя, оставилъ домъ и m-r Ноэль, въ предвидѣніи чернаго дня достаточно заручившійся. Черезъ годъ на Кузнецкомъ мосту надъ однимъ магазиномъ появилась вывѣска „Noël et C-ie“.

Оставимъ на время князя, не будемъ ему мѣшать готовиться къ экзамену.

Москва въ то время жила умно и весело. Въ ней

процвѣтала литература, на университетскихъ кафедрахъ стояли даровитые ученые, русская сцена была полна блестящими талантами, балы смѣнялись балами—одинъ другого веселѣе, одинъ другого роскошнѣе; такъ балъ, данный Римскимъ-Корсаковымъ, ослѣпилъ всю Москву; но въ полицейскомъ отношенiи она была страшная неряха: грязная, не умытая, не подметенная. Днемъ во всю глотку кричатъ форейторы, кричатъ кучера полицейскихъ чиновниковъ, кричатъ извозчики, по собачьи бросаясь на пѣшеходовъ; ночью кричатъ будочники, кричатъ ночные сторожа, кричатъ подвергавшiеся ограбленiю обыватели и повсюду непрерывный на всю Москву лай собачiй и тьма!.. Фонарное масло не дѣйствовало; стали подбавлять спиртъ. Хуже стало: фонарщики оказались химиками, стали отдѣлять спиртъ отъ масла и пить на утѣшенiе души. Требовалась сильная рука, которая бы все безобразiе привела въ порядокъ. И она не замедлила явиться.

Въ одно прекрасное утро, на стогнахъ Москвы показалась красивая фигура новаго оберъ-полицiймейстера Лужина. Вся Москва закричала: вотъ это молодецъ! Такого Москвѣ и нужно! Новый полицiймейстеръ тотчасъ явилъ себя молодцомъ. Въ одну темную непроглядную ночь, когда сторожевые псы изнемогали отъ усиленнаго лая на пустое пространство, онъ побывалъ на всѣхъ семи холмахъ, или, по выраженiю поэта, „на седьмихолмiяхъ священныхъ“, и отобралъ у спавшихъ будочниковъ алебарды. Когда частные пристава явились съ рапортомъ, приказалъ имъ возвратить алебарды по принадлежности. Слава новаго оберъ-полицiймейстера загремѣла.

— Теперь можно спать спокойно, заговорили обыватели.

— Во все входитъ, замѣчали другiе:—будочники есть первые мошенники! Пьяный ночью не проходи, сейчасъ обчистятъ!

— А на Хитровомъ рынкѣ будочникъ сапожника зарѣзалъ, поддакивали третьи.

Одинъ пiита того времени стихами воспѣлъ дѣянiя новаго оберъ-полицiймейстера.

Горе бутарямъ несчастнымъ:
На часахъ нельзя дремать.
Приставамъ пришлося частнымъ
Алебарды ихъ держать.

Этотъ случай былъ и нуженъ,
Чтобъ полицья не спала.
Молодецъ полковникъ Лужинъ!
Тебѣ честь и похвала!

Дотронувшись до будочниковъ, новый оберъ-полиціймейстеръ не могъ коснуться московской грязи, ибо она есть достояніе предковъ; не могъ отвратить пыли, ибо не могъ источить воды; не могъ зажать кричащимъ кучерамъ ротъ, ибо и у самого кучеръ для параду распускалъ глотку отъ края до края Москвы. Это суждено было сдѣлать другому, болѣе его сильному и твердому. „По нѣкоемъ же времени грѣхъ нашихъ ради", по выраженію лѣтописца, въѣхалъ въ Москву суровый графъ Закревскій, „его же никако же возможно приклонити къ воли своей, сила бо нѣкая помогала ему. Старъ сый. Людіе же, стрѣлою страха уязвленни, убояшася". Дѣйствительно, всѣ испугались. Потихоньку разговаривали, что онъ пріѣхалъ съ такими полномочіями, какихъ ни у кого не было... Говорили, что у него есть бланки, по которымъ и т. д. Однимъ словомъ, страшно стало.

— Этотъ причешетъ, со вздохомъ произнесъ секретарь перваго департамента гражданской палаты.

Въ сущности графъ не былъ такимъ свирѣпымъ, какимъ его представляли. Фигура его дѣйствительно была внушительная: круглая большая голова, совершенно голая, съ торчащими, какъ у ежа, по вискамъ и на трехскладочномъ затылкѣ гладко-остриженными сѣдыми волосиками; лицо безъ усовъ, гладко выбритое, съ выраженіемъ полновластія; плечистый, высокій, тучный, онъ говорилъ отрывисто и хриплымъ голосомъ. По необразованію своему онъ сидѣлъ на такой же скамейкѣ, какъ и многія важныя лица того времени. Простой и невзыскательный въ домашнемъ быту, онъ былъ радушнѣйшимъ хлѣбосоломъ для своихъ гостей. Если онъ не зналъ законовъ, такъ это незнаніе съ избыткомъ замѣнялось въ немъ необыкновенной способностью приказывать; когда надо, своей властью попирать законы.

— Осмѣлюсь доложить вашему сіятельству, что это будетъ не законно. Правительствующій Сенатъ...

— Я ему дѣло говорю, прерываетъ его графъ, а онъ мнѣ законъ тычетъ! Сдѣлать такъ!...

Тотчасъ по вступленіи въ должность, графъ началъ

причесывать и приглаживать. Столбовые, привыкшіе къ аристократическимъ пріемамъ предшественника графа, князя Щербатова, увидавъ передъ собою простоватую фигуру новаго генералъ-губернатора, насупились. Но это продолжалось не долго: лица снова расправились и отразили на себѣ выраженіе: „какъ прикажите“.

На улицахъ Москвы безобразничалъ кучеръ полиціймейстера Беринга, нарушая общественную тишину и спокойствіе дикимъ дурацкимъ крикомъ. Велѣно ему зажать ротъ, „чтобы и другимъ дуровать было не гораздо“. И другіе кучера смолкли и дуровать перестали.

Извѣстный московскій литераторъ Н. Ф. Павловъ поставилъ это графу въъ заслугу.

Но лишь за то скажу спасибо я теперь,
Что кучеръ Беринга не мчится своевольно
И не кричитъ уже, какъ разъяренный звѣрь,
По тихимъ улицамъ Москвы первопрестольной.
Что Берингъ самъ позналъ величія предѣлъ:
Закутанный въ шинель, ужъ онъ, съ отвагой дикой,
На дрожкахъ не сидитъ, какъ нѣкогда сидѣлъ,
Несомый бурею, на лодкѣ Петръ Великій.

Въ Москвѣ скоро привыкли къ графу и полюбили его. Всякій могъ получить у него защиту, и лѣзли къ нему со всякимъ вздоромъ. Купчиха жаловалась на мужа, что онъ ведетъ нетрезвую жизнь, и ошпаренный графомъ купецъ даетъ тутъ же подписку, что впредь онъ „дуровать не будетъ“. Произошелъ какой-нибудь семейный раздоръ, и ужъ виновная половина дрожащей рукой строчитъ: „Я, нижеподписавшійся, далъ сію подписку“ и т. д. Пьяный купецъ высадилъ раму въ трактирѣ и на другой день трясется, какъ осиновый листъ, въ пріемной графа.

— Во все входитъ, говорили обыватели.

Власть свою онъ проявлялъ быстро и рѣшительно.

Несчастные откупщики, „сироты цѣловальники“, обратились съ почтительнѣйшей просьбой къ графу, что московскіе трактиры не выбираютъ у нихъ такого количества водки, какого бы имъ желалось, и что отъ этого имъ „тѣснота великая и убытки большіе, и ему бы ихъ пожаловать-велѣть московскимъ людямъ пить до воли, а трактирщикамъ бы ихъ не тѣснить и выбирать водки столько, сколько они, откупщики, по своему произволенію положатъ“.

Предписано: трактирщикамъ откупщиковъ, „бѣдныхъ сиротъ цѣловальниковъ“ не обижать. Трактирщики уперлись. Предписано: Запечатать въ трактирахъ органы. Органы и оркестріоны умолкли. Нечего дѣлать. Трактирщикамъ надо было смириться, потому что Москва безъ музыки не пьетъ. Уступили, ударили челомъ откупщикамъ и попросили помилованія. Откупщики пожаловали—трактирщикамъ дурость ихъ простили. И снова заиграли органы и снова полилась очищенная.

Прошло четыре года съ тѣхъ поръ какъ мы оставили князя готовиться къ экзамену. Бѣдный Иванъ Алексѣевичъ и другіе учителя не могли ничего съ нимъ сдѣлать. На первомъ же вступительномъ экзаменѣ онъ провалился и предался веселью. Въ домѣ у него стали появляться такія личности, которыя при покойномъ дѣдѣ не принимались даже въ передней. Какіе-то гитаристы, цыганъ, танцовщикъ изъ театра, изумительно плясавшій трепака, отставной кавалеристъ, пившій съ утра дѳ утра, какая-то неопредѣленная личность, отлично подражавшая пѣнію соловья, ему мазали лицо горчицей; когда онъ пьяный засыпалъ, кавалеристъ разрисовывалъ ему жженой пробкой физіономію; его заставляли лазать подъ биліардъ, его заставляли исполнять самыя низкія порученія; кавалеристъ наказывалъ его за обѣдомъ безъ блюда и т. п. Жизнь онъ свою прекратилъ на улицѣ: пьяный замерзъ. Князь ужъ началъ пить вино, какъ слѣдуетъ совершеннолѣтнему. Онъ жилъ въ нижнемъ этажѣ своего дома, а въ верхнемъ понемногу началось расхищеніе. Портреты Кутузова и Барклая давно ужъ висѣли въ лавочкѣ старыхъ вещей у Сухаревой башни. Севрскій фарфоръ шелъ потихоньку въ розницу. Библіотека очищалась. Князь не зналъ, какія у него въ домѣ художественныя драгоцѣнности. Съ утра до ночи предававшійся всевозможнымъ чувственнымъ наслажденіямъ, онъ ничего не замѣчалъ. Про домъ начала ходить дурная слава. Дворня спилась. Зашелъ разъ вечеромъ на первой недѣлѣ великаго поста, послѣ эфимоновъ, отецъ Иларій „генеральскаго чайку“ попить, да наткнулся на такую оргію, что долженъ былъ отрясти прахъ отъ ногъ своихъ.

— Экой соблазнъ-то! Въ жизнь не видывалъ! шепталъ онъ про себя, возвращаясь въ монастырь: —И въ какіе дни!... Господи, въ какіе дни!...

А для князя и его веселой компаніи всѣ дни были одинаковы.

Княжна съ флюсомъ рѣшилась, наконецъ, поговорить съ княземъ сурьезно. Ѣздила къ нему нѣсколько разъ и все не заставала его дома. На ея визиты онъ не отвѣчалъ, зная, что изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ. Наконецъ, ей посчастливилось застать его. Пьяная прислуга не досмотрѣла, она влетѣла въ кабинетъ безъ доклада и увидала кавалериста въ сообществѣ съ такой особой женскаго пола, что ей сдѣлалось дурно. Придя въ себя, она рѣшила тотчасъ ѣхать къ графу Закревскому и просить его обратить вниманіе на безпорядочнаго племянника. Хотя это былъ и неурочный часъ и графъ никого не принималъ, но она добилась своего. Доложили графу, который только что воротился съ прогулки и раскладывалъ гранъ-пасьянсъ. Онъ вышелъ удивленный и прохрипѣлъ:

— Что вамъ, сударыня, угодно?

Взволнованнымъ голосомъ, всхлипывая, она изложила графу причину своего пріѣзда и умоляла принять отеческое участіе въ гибнущемъ молодомъ человѣкѣ.

Графъ выслушалъ и опять прохрипѣлъ:

— Очень хорошо!..

Отдано приказаніе, чтобы князь былъ въ семь часовъ въ кабинетѣ генералъ-губернатора и приказаніе это въ точности исполнено. Оробѣвшій князь хотѣлъ сказаться больнымъ, но пріѣхавшій за нимъ адъютантъ посовѣтовалъ лучше отправиться. Ровно въ семь часовъ графъ, въ разстегнутомъ безъ эполетъ сюртукѣ, вошелъ въ кабинетъ.

— Я много знаю нехорошаго о твоемъ поведеніи, князь, началъ онъ, опершись лѣвой рукой на кресло.— Мнѣ тебя жалко. Я служилъ съ твоимъ дѣдомъ, онъ былъ человѣкъ прекрасный. Я желаю, чтобы ты исправился. Надѣюсь, что ты сдѣлаешь мнѣ честь — поступить на службу въ мою канцелярію и будешь всегда на моихъ глазахъ. Завтра явись къ правителю канцеляріи, скажи — отъ меня. Онъ тебя устроитъ. Исправься, пожалуйста. Я не люблю шалуновъ. Лучше тебѣ въ вицъ-мундирѣ ходить, чѣмъ въ сѣрой шинели.

Послѣднюю фразу графъ подчеркнулъ.

— Я дамъ тебѣ всякую возможность исправиться и быть настоящимъ княземъ. Прощай! Сдѣлай такъ, какъ я тебѣ приказалъ, а приказываю я тебѣ, какъ отецъ...

Графъ проговорилъ эту рѣчь тихо, спокойно, ровнымъ голосомъ. Молча раскланявшись, князь вышелъ изъ

кабинета. „Боже мой, что же это такое! думалъ онъ.— Меня, князя, свободнаго человѣка, заставляетъ служить, когда я не хочу, грозитъ сѣрой шинелью, говоритъ мнѣ „ты“... Злобѣ его не было предѣловъ. Онъ сейчасъ догадался, что во всемъ этомъ виновата тетка и порѣшилъ при свиданіи наговорить такихъ дерзостей, какихъ она никогда не слыхивала. Дома онъ не засталъ никого: всѣ разбѣжались, думая, что и ихъ графъ взыщетъ своею милостію. Дѣйствительно о всей веселой компаніи наведены были справки. Кавалеристу было внушено, что если онъ впредь будетъ развращать молодыхъ людей, то онъ опять сядетъ на лошадь, но ужъ не въ качествѣ офицера. Соловья почему-то выдержали двѣ недѣли въ Басманной части. За пріѣзжающими къ князю велѣно имѣть секретное наблюденіе.

На другой день князь явился къ правителю канцеляріи и былъ причисленъ къ лику ничего не дѣлавшихъ чиновниковъ канцеляріи генералъ-губернатора.

Не смотря на строгій надзоръ графа, чиновникъ его канцеляріи не переставалъ продѣлывать разныя штуки, наконецъ, учинилъ такой скандалъ, котораго не могъ замять даже всемогущій его начальникъ. Онъ былъ высланъ изъ столицы и имѣніе его взято въ опеку. Десять лѣтъ онъ безвыѣздно прожилъ въ деревнѣ, женился тамъ и окончательно уходившійся, былъ возвращенъ въ Москву, гдѣ и скончался, оставивъ своимъ малолѣткамъ разстроенное имѣніе и въ конецъ разграбленный домъ. Мнѣ случайно попался дневникъ, веденный, какъ надо полагать, его дворецкимъ или управляющимъ изъ крѣпостныхъ. Эта тетрадь въ четвертку, обвернутая синей сахарной бумагой. Дневникъ писанъ безграмотно. На первой страницѣ находится подпись:

„Сія тетрадь принадлежитъ дому его сіятельства князя Льва Сергѣевича Чемезова Сократу Корнѣеву“.

Дневникъ этотъ я при семъ прилагаю.

ДНЕВНИКЪ ДВОРЕЦКАГО.

Четвергъ.

Сегодня исполнилось ровно два года со смерти покойной ея сiятельства графини Софьи Александровны. Заупокойная литургiя была въ Донскомъ и въ Андроньевомъ.

Понедѣльникъ.

Сегодня цѣлый день шелъ снѣгъ. Никого принимать не приказано. Графъ игралъ на гитарѣ и пѣлъ. Вечеромъ поѣхалъ въ клубъ.

Вторникъ.

Графъ воротился на разсвѣтѣ. Будить не приказано. Проснулся въ четвертомъ часу. Читалъ въ постелѣ смѣшную книжку. Вечеромъ на дому была всенощная. Служилъ священникъ отъ Iоанна Предтечи. Послѣ всенощной игралъ съ батюшкой въ шашки.

Пятница.

Графъ до трехъ часовъ стрѣлялъ въ оранжереѣ изъ пистолета, потомъ игралъ на гитарѣ и пѣлъ. Вечеромъ поѣхалъ въ Грузины въ таборъ. Воротился въ двѣнадцать часовъ. Стоялъ на молитвѣ до часу. Будить не приказано.

Суббота.

Проснулся въ часъ. Приказано достать моченыхъ яблоковъ. Вечеромъ поѣхалъ въ Суконныя бани. Парили четверо. Григорiй, Лаврюшка, да два банщика. Лаврюшку вытащили замертво. Отпоили квасомъ.

Вторникъ.

Роговская вся выгорѣла. Говорятъ—подожгли ямщики.

Суббота.

Померъ скоропостижно покойнаго графа камердинеръ Григорій Никитинъ отъ угару. Похоронили за Рогожской заставой, позади медвѣжьей травли. Жену приказано отправить на скотный дворъ, а малолѣтныхъ раздать въ ученье. Квартальному за хлопоты десять рублей и сукна на брюки.

Понедѣльникъ.

Приказано наказать Лаврюшку въ оранжереѣ.

Среда.

Всталъ въ восемь часовъ. Терли спину льдомъ. Читалъ Четъ-Минею, а послѣ стрѣлялъ изъ пистолета. Передъ обѣдомъ, для аппетита, тянулся съ кучеромъ Глѣбомъ на палкѣ. Послѣ обѣда спалъ до десяти часовъ и въ таборъ.

Пятница.

Утромъ былъ докторъ Топоровъ и дѣлалъ выговоръ. Цѣлый день лежалъ на диванѣ, примачивалъ голову уксусомъ. Приказано, чтобы въ домѣ кошекъ не было.

Воскресенье.

Ѣздилъ съ тетенькой Натальей Алексѣевной къ донскому архимандриту Ѳеофану. Весь вечеръ ходилъ въ картинной залѣ и вздыхалъ. Стоялъ на молитвѣ до часу.

Понедѣльникъ.

Утромъ ѣздилъ въ Грузины къ цыгану крестить. Вечеромъ весь таборъ былъ у насъ въ домѣ. Плясалъ съ цыганками и пѣлъ.

Суббота.

Пасмурно. Лаврюшкѣ приказано лобъ забрить, а онъ сбѣжалъ.

Воскресенье.

Сегодня день моего ангела. Подносилъ крендель. Благодарилъ и пять рублей. Вечеромъ пріѣхала съ отцомъ

изъ театра Вѣра Аѳонасьевна. Ужинали до свѣту. Графъ игралъ съ ней на фортепіано и пѣлъ. Отецъ благодарилъ, что графъ имъ не гнушается. Графъ подарилъ ему лягаваго кобеля.

Понедѣльникъ.

Весь день не выходилъ изъ дому. Разрисовывалъ красками птицу въ клѣткѣ.

Вторникъ.

Повара Ваську на двѣ недѣли въ Троицкій трактиръ учиться готовить селянку въ кострюлькѣ. Вечеромъ были дѣвицы. Прислугѣ быть не приказано. Были танцы.

Пятница.

Утромъ былъ отецъ актрисы Вѣры Аѳонасьевны. Графъ потребовалъ его къ постели и пилъ съ нимъ чай. Подарилъ ему пѣнковую трубку, которая съ покойнымъ графомъ была подъ Бородинымъ, а ему подарена фельдмаршаломъ. Къ обѣду пріѣхалъ князь. Вечеромъ графъ никуда не ѣздилъ—разрисовывалъ птицу.

Суббота.

У меня пала корова отъ неизвѣстной причины. Снѣгъ.

Воскресенье.

Приказано вечеромъ доставить на тройкѣ къ Яру, за Тверскую заставу, Вѣру Аѳонасьевну. Возилъ Глѣбъ.

Четвергъ.

По случаю рожденья его сіятельства, исполнилось двадцать четыре года, былъ въ нашемъ домѣ молебенъ съ водосвятіемъ. Апостолъ читалъ отецъ Вѣры Аѳонасьевны. Вечеромъ были танцы съ дѣвицами, а таборъ пѣлъ пѣсни. Кончили забавляться съ солнышкомъ.

Воскресенье.

Вчерашняго числа, графъ въ театрѣ одному купцу далъ плюху. Хочетъ судиться. Графа потребовали къ военному губернатору, а онъ, по болѣзни своей, не поѣхалъ. Ея сіятельство Наталья Алексѣевна пріѣзжала и плакала. Графъ отправилъ съ ней просьбу къ губернатору: проситъ отъ купца защиты.

Суббота.

Пріѣзжалъ полиціймейстеръ, поѣхалъ съ графомъ къ военному губернатору, а оттуда свезли графа на Ивановскую гауптвахту, а купца забрали въ Тверскую часть. Графиня Марья Алексѣевна хочетъ подать просьбу, чтобы графа на Кавказъ, а имѣніе въ опеку. Подушки и бѣлье на гауптвахту возилъ Владиміръ.

Вторникъ.

Купца заставили помириться. Графъ прямо съ гауптвахты поѣхалъ въ Троицкую лавру. Графиня Настасья Алексѣевна ѣздила по этому дѣлу къ митрополиту.

Среда.

Нянюшка Дарья Филипьевна волею Божіею помре на восемьдесятъ шестомъ году своей жизни. Къ удивленію всѣхъ, третій день на Спасскихъ воротахъ часы не бьютъ. Въ сей день собирали въ часть дворниковъ присутствовать при наказаніи двухъ портныхъ за неповиновеніе властямъ.

Пятница.

Графъ воротился изъ лавры съ отцемъ Вѣры Аѳонасьевны. Приходилъ квартальный, отбиралъ съ графа подписку, что онъ впредь драться не будетъ и купца прощаетъ. Дано три рубля.

Вторникъ.

Поѣхалъ на цѣлый день къ Яру. Кучеръ Глѣбъ носъ отморозилъ, докторъ говоритъ — безвозвратно. Въ больницу идти не желаетъ. Приказано гдѣ-нибудь въ трактирѣ купить самаго лучшаго соловья. Стоялъ на молитвѣ не долго.

Среда.

Форейторъ Семенъ ѣздилъ въ одиночкѣ за докторомъ Топоровымъ и привезъ онаго. Поваръ Никита впалъ отъ пьянства въ бѣлую горячку и зарѣзался. Въ эту ночь пойманы на Лубянкѣ, въ домѣ Шипова, фальшивые монетчики, а одинъ поддѣлываетъ пачпорта. Вѣроятнѣе всего — будутъ наказаны.

Воскресенье.

Третью недѣлю графъ не выѣзжаетъ. Сегодня пріѣзжала графиня Наталья Алексѣевна съ игуменіей. Графъ не принялъ. Наталья Алексѣевна плакала.

Четвергъ.

Графъ въ первый разъ послѣ болѣзни выстрѣлилъ изъ пистолета. Чувствуетъ слабость. Лаврюшка изъ бѣговъ явился. Графъ простилъ: велѣлъ наказать въ оранжереѣ и выдать пачпортъ. Кучеру Глѣбу приказано выдать вольную: безъ носу не кучеръ.

Пятница.

Видѣлъ удивительный сонъ: будто покойный графъ назначенъ тверскимъ губернаторомъ и весь домъ переѣзжаетъ туда. Была графиня Наталья Алексѣевна. Удостоился поцѣловать ручку. Ты, говоритъ, одинъ вѣрный рабъ и плакала.

Понедѣльникъ.

Графъ послѣ болѣзни пробовалъ силу: разсѣкъ въ саду пополамъ живую собаку.

Вторникъ.

Сегодня ѣздили за Рогожскую заставу на травлю, разстрѣливать стараго медвѣдя, заплочено тридцать рублей. Ночью былъ слышенъ на улицѣ необычайный крикъ.

Четвергъ.

При полномъ освѣщенiи всего дома былъ балъ. Ужинъ накрывали на шестьдесятъ персонъ. Мороженое и питье съ Кузнецкаго, отъ Дубле. Прислуга въ новыхъ ливреяхъ. Тепловскiе музыканты играли за тюлевой занавѣсью въ малой гостиной. Отецъ Вѣры Аѳонасьевны былъ допущенъ сидѣть съ музыкантами. За хозяйку была старая генеральша. Танцы происходили въ портретной залѣ. Графъ танцовалъ съ княжной, дочерью Ольги Николаевны, супруги Василья Владимiровича, и, какъ думается, не намѣчаетъ ли генеральша княжну ему въ невѣсты. Все въ руцѣ Божiей! Марья Дмитрiевна выговаривала его сiятельству московскому генералъ-губернатору, что онъ въ карты играть не умѣетъ, а онъ ей, противъ ея словъ, тоже выговаривалъ. Знатные люди! Высокаго чину! Подумаешь, до какой высокой степени Богъ можетъ вознести человѣка! Сѣли кушать въ четвертомъ часу. Разъѣхались въ пять. Актрисинъ отецъ ушелъ послѣ танцевъ, но только стащилъ ананасъ.

Суббота.

Послѣ покойнаго графа остался лекарственный порошокъ „кремартакторъ“. Принимаю оный съ большой для себя пользою.

Понедѣльникъ.

Недѣля мясопустная.

Приказано завтра блины на весь таборъ. Весь день игралъ на гитарѣ.

Сія тетрадь принадлежитъ дому его сіятельства графа Павла Павловича дворовому его человѣку Емельяну Дыркову. Пріобрѣтена покупкою, пятьдесятъ коп. ассигнаціями. Описаніе жизни въ домѣ его сіятельства. Описывалъ собственноручно крѣпостной дворовый его человѣкъ своею охотою Емельянъ Дырковъ 1847 году.

Вторникъ.

Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному. Пріѣзжала Наталья Алексѣевна. Графъ почивалъ. Изволила ходить въ оранжерею. Въ три часа сѣли за столъ: художникъ отъ Мясницкихъ воротъ изъ училища, невѣдомый мнѣ купецъ, театральный актеръ, отецъ Вѣры Аѳонасьевны и весь таборъ. Блины были грешневые и прѣсные. Удостоился отъ графа пить за мое здоровье шампанское. Всѣ были пьяные. Поѣхали неизвѣстно куда. Родителю Вѣры Аѳонасьевны приказано подать графскій бекешъ и шляпу.

Среда.

Графъ не возвращался. Вечеромъ пріѣзжали за бѣльемъ. Съ четверга начнутся поклоны. Господи и владыко живота моего.

Пятница.

Графъ совсѣмъ оправился. Отпустилъ весь домъ съ субботы до понедѣльника.

Суббота.

Былъ у племянницы своей, на Поварской улицѣ, услыхалъ, что господа ея отправляются по веснѣ на теплыя воды, а ее отдаютъ замужъ за выѣздного лакея Родіона Михайлова, а ея есть желаніе, по не любви къ нему, выкупиться на волю. Плачетъ. Совѣтовалъ господамъ покориться. Противъ моихъ словъ говорила: „Лучше утоплюсь“. Она дѣвица молодая, красивая, а онъ кривой. Вся причина въ барынѣ, желаетъ, чтобъ ея господскаго приказанія слушались.

Воскресенье.

Наступаютъ дни страшные. Ей Господи царю, даруй ми зрѣти моя прегрѣшенія! Весь домъ въ расходѣ. При-

казано быть лошадямъ къ театру къ тремъ часамъ. На завтрашнее число приказано къ завтраку: капуста, отварные грибы, грибной бульенъ съ пирожками, жареный картофель съ лукомъ, свѣжая бѣлуга. Накрывать на двѣнадцать человѣкъ.

Понедѣльникъ.

По всей Москвѣ раздается рѣдкій звонъ къ часамъ. Всталъ въ восемь часовъ. Никодимъ былъ съ постной молитвой. Приказалъ всѣмъ быть, до послѣдняго „фалетора“. Молитву читалъ въ картинной залѣ, а послѣ говорилъ чувствительное внушеніе дворнѣ, какъ своихъ господъ въ такіе великіе дни почитать. Умный человѣкъ! Дано три рубля. Послѣ также „съ постной“ приходилъ іерей отъ Іоанна Предтечи, но какъ она молитва была читана Никодимомъ, то такъ дано два рубля. Сѣли за столъ въ часъ. Были тѣ же, что и на масляницѣ, еще докторъ изъ дома Разумовскаго съ Гороховаго поля, да гитаристъ изъ благороднаго званія, остальные мнѣ неизвѣстные. Графъ рыбы не кушалъ и вина не пилъ. У купца былъ глазъ завязанъ. Пилъ онъ квасъ и молчалъ. Послѣ завтрака собрались у фортепіано и пѣли „Помощникъ и покровитель“. Въ третьемъ часу графъ поѣхалъ въ Донской на ефимоны. Вечеромъ въ Суконныя бани. Въ сомнѣніи нахожусь: дадена ли актрисину отцу бекешка совсѣмъ или только на подержанье? Онъ назадъ не приноситъ, а вещь дорогая. Думаю намекнуть.

Вторникъ.

Графъ внезапно уѣхалъ въ лавру. Велѣно всему дому говѣть.

Святыя и великія четыредесятницы,
недѣля четвертая.

Образъ житія нашего безъ перемѣнъ. Чувствую отягченіе ногъ.

Четвергъ.

Невѣдомый мнѣ купецъ оказался Маракушевъ. Принимать его больше не велѣно за его безобразіе и что съ графомъ на одну ногу хочетъ встать, забывая свое крѣпостное происхожденіе.

Воскресенье.

Племянница моя и крестная дочь Любовь Ивановна, дворовая дѣвушка господъ Т. (фамилія не разобрана), отъ гро-

зящей ей неминуемой бѣды быть замужемъ за выѣзднымъ лакеемъ Родіономъ Михайловымъ, проглотила три булавки и скончалась въ судорогахъ, въ чемъ священнику на духу и покаялась. Упокой, Господи, душу ея въ селеніяхъ праведныхъ. Вчера цѣлый день плакалъ. Мать ея, сестру мою Надежду, свезли въ больницу: чувствуетъ приближеніе живота.

Среда.

Пріѣзжали тетенька Марья Алексѣевна со стряпчимъ Бабушкинымъ, просила подписать какую-то бумагу. Графъ послалъ ее къ чорту, а на стряпчаго замахнулся чубукомъ: ты, говоритъ, мошенникъ. Думали, что графъ, по молодости лѣтъ, въ кляузныхъ дѣлахъ не понятенъ, а дѣла ея въ разстройствѣ. Кричала. Хочетъ на высочайшее имя.

Четвергъ.

Графу прислали чинъ, ибо онъ значится по канцеляріи.

Воскресенье.

Пріѣзжалъ отецъ Герасимъ изъ лавры съ письмомъ отъ графини Маріи Алексѣевны и для увѣщанія. Не принялъ и письма не принялъ. Не интрига-ли въ этомъ дѣлѣ игуменьи? Похоже.

Вторникъ.

Было веселье — танцы. Посылали къ Серпуховскимъ воротамъ въ винный погребокъ за приказчикомъ и привезли онаго: превосходно пѣсни поетъ.

Суббота.

Сегодня разрѣшеніе икры. Послано въ Донской Ѳеофану десять фунтовъ и свѣжій огурецъ турецкій. Поѣхалъ ко всенощной съ вербой стоять въ университетъ, и я стоялъ у Ильи пророка, что на Воронцовомъ полѣ, а послѣ чай пилъ съ липовымъ медомъ на земляномъ валу въ трактирѣ съ другомъ своимъ дворецкимъ княгини Бибарсовой. Необыкновенный дьяконъ служилъ, а нездѣшній; пареміи читалъ прокофьевскій пѣвчій Николай, пѣлъ необыкновенно, ибо только что изъ больницы вышелъ и голосъ очистился. Пѣли два хора — синодальный и прокофьевскій: кто громче — не умѣю сказать.

Великая суббота.

Приказано къ вечеру форменный вицъ-мундиръ. Поѣдетъ къ заутрени въ домъ московскаго главнокомандующаго, тамъ и разговляться будетъ.

Свѣтлое.

Христосъ воскресе! Ликуй нынѣ и веселися! На Болвановкѣ ударили къ заутрени прежде Ивана Великаго и звонъ разсыпался по всей Москвѣ не во время. Говорятъ, вина болвановскаго трапезника. Христосовался со всѣми по три раза. Денежное положеніе роздано, какъ при покойномъ графѣ: по три рубля. Тремъ семействамъ объявилъ вольную: повару Герасиму, камердинеру Владиміру и старой горничной покойной графини Егоровнѣ съ племянникомъ. И могутъ они вольными жить въ нашемъ домѣ и служить его сіятельству по прежнему. А на повара разставляла зубы графиня Марья Алексѣевна, хотѣла его вымѣнять у графа на садовника Филиппушку: Богъ не попустилъ. Вечеромъ съ художникомъ отъ Мясницкихъ воротъ рисовали. Посылали въ Троицкій трактиръ за поросенкомъ къ ужину.

Понедѣльникъ.

Сегодня у насъ цѣлый день духовенство. Вышло четыре кулича и три пасхи — двѣ съ кардамономъ и одна простая, — ветчину и осетрину почти всю скушали безъ остатка, яицы — безъ счету. Были монахи изъ Донского, изъ Андроньева, изъ Новоспасскаго, игуменія была съ двумя сестрами; причтъ отъ Іоанна-Предтечи, изъ Шереметевской больницы, отъ Успенья на Покровкѣ, отъ Спаса въ Чигасахъ и многія другія были духовныя особы. Благодарили графа, что онъ для духовенства ведетъ тѣ-же порядки, какъ было при покойной графинѣ. Завтра ожидаемъ лаврскихъ монаховъ. Необыкновенный дьяконъ оказался тверской, сюда его выписалъ одинъ купецъ для пробы, а у насъ былъ съ іоанновскимъ причтомъ и говорилъ октавой графу многолѣтіе. Особо ему пять рублей.

Вторникъ.

Пріѣзжала Вѣра Аѳонасьевна со своимъ родителемъ, похристосовалась съ графомъ шелковымъ яичкомъ, а графъ вручилъ ей золотое съ брилліантовымъ кольцомъ. Про-

были они недолго, ибо графъ ожидалъ лаврскихъ монаховъ, которые и прибыли въ часъ пополудни. Были Анастасій, Герасимъ, Савватій и протодіаконъ Іоаннъ. Отпѣли канонъ пасхѣ. Іоаннъ сказалъ многолѣтіе. Такъ какъ въ сей день объѣздъ имъ большой, то закуска была малая. А такъ какъ въ залѣ, на большомъ столѣ, стояло много соблазну, то и была она подана въ желтой гостинной. Іоаннъ налегалъ на малагу, говорилъ — для очищенія голоса и что въ лаврѣ у Конькова такой малаги достать невозможно, а оная малага стоитъ въ нашемъ погребѣ больше тридцати лѣтъ. Графъ вечеромъ выѣхалъ, изъ табора пріѣзжали за гитарой. Большихъ денегъ стоитъ графу эта цыганка!...

Воскресенье.

При такой расточительной жизни графъ можетъ разориться.

Вторникъ.

Про бекешъ докладывалъ. Изволилъ сказать: „чортъ съ нимъ, пускай носитъ". Какъ соболью вещь не носить!

Суббота.

Ужь третью недѣлю графъ ходитъ пасмурный. Причина не иначе та, что смущеніе съ тетками, ибо Марья Алексѣевна... (Здѣсь вырвано больше половины всей тетради, такъ что неизвѣстно что дѣлалось лѣтомъ, слѣдующая за тѣмъ страница начинается съ переносу),— а она склонности къ нему не имѣетъ и, какъ по замѣчанію, хочетъ себя соблюсти и выговаривала на счетъ жизни и что въ карты играетъ, а онъ стоялъ на колѣнкахъ, плакалъ и божился цыганскій духъ изъ дому вывести и образокъ покойной графини цѣловалъ, а она его по головѣ гладила и какъ бы словно сама прослезилась. Всего этого я самъ не видѣлъ, а камердинеръ Владиміръ за ними подсматривалъ и въ кучерской разсказывалъ.

Середа.

Великій сегодня шумъ былъ у насъ въ домѣ. Слава Богу, что графъ не былъ въ игру замѣшанъ. Великое будетъ несчастіе, коли графъ себя не сократитъ.

Суббота.

Оттепель.

Вторникъ.

Изъ клуба воротился въ пятомъ часу. Проснулся въ три. За столъ сѣли послѣ завтрака. Металъ Линевъ. Съ Петромъ Васильевымъ во время игры сдѣлалось какъ бы трясеніе всего тѣла. Повезли домой и на Яузскомъ мосту въ каретѣ скончался.

Середа.

Послѣ покойнаго Петра Васильевича осталась супруга Екатерина Павловна, при ней шестеро барчатъ, двое въ кадетскомъ корпусѣ. Имѣніе все заложено въ опекунскомъ совѣтѣ.

Пятница.

Похоронили Петра Васильевича въ Даниловомъ. Отпѣвалъ съ Савинскаго подворья архіерей Агапитъ. Въ этотъ день картъ въ домѣ не было. Не принималъ никого; сидѣлъ у камина и жегъ письма и старыя бумаги покойнаго графа.

Воскресенье.

Портной съ Кузнецкаго моста Сатіасъ снималъ мѣрку съ родителя Вѣры Аѳонасьевны: приказано сшить новый коричневый фракъ со свѣтлыми пуговицами и бѣлый жилетъ для концерта Вѣры Аѳонасьевны въ залѣ Римскаго-Корсакова по фортепіанной игрѣ.

Вторникъ.

„О дивное чудо! Невидимыхъ Содѣтель за человѣколюбіе плотію пострада“... Вспомнилъ Любушку, такъ какъ великая скука въ нашемъ домѣ. Никто къ намъ изъ знакомыхъ не ѣздитъ и подобный нашъ домъ сталъ обыкновенному дому, если не хуже. Помяни, Господи, во царствіи твоемъ раба твоего графа Павла и рабу твою графиню Софію. Большіе господа были.

Четвергъ.

Вторые сутки нѣтъ дома.

Пятница.

Сегодня святыхъ безсребренниковъ и чудотворцевъ Козьмы и Даміана. Наборъ. Кирюшка находится подъ сомнѣніемъ, кажется ему не уйдти.

Суббота.

Видѣлъ во снѣ Любушку. Пришла ко мнѣ въ кисейномъ платьѣ, на головѣ золотой вѣнецъ, а въ рукахъ два

херувима. Не зоветъ ли это она меня къ себѣ? А тошно жить становится. Господи, вспомнишь, что нашъ за домъ былъ! Да, пожалуй, что ниже предводителя и господъ-то у насъ не бывало.

Воскресенье.

Отецъ Вѣры Аѳонасьевны пріѣзжалъ на лихачѣ пьяный. Графа не было дома. Пошелъ въ кабинетъ: Владиміръ не допустилъ. Обругалъ насъ всѣхъ, прирожденныхъ дворовыхъ графскихъ слугъ, холуями, а Владиміра налаживался бить, но только тотъ присутствія своего духа не потерялъ и сказалъ: „тронь". Велѣлъ выслать извозчику три рубля, но оныхъ денегъ у насъ не было, а извозчикъ между тѣмъ кричалъ на весь дворъ и собралось стеченіе публики и одинъ мимошедшій говорилъ: „львовъ на воротахъ поставили, а бѣдному извозчику денегъ не платятъ", не знаючи того, что вся сила въ пьяномъ человѣкѣ, не нашего дома.

Вторникъ.

Въ залѣ Римскаго-Корсакова былъ концертъ. Вѣра Аѳонасьевна разыгрывала на фортепіано при всей публикѣ. Графъ посылалъ Линева къ Финтельману въ садъ за букетами и за вѣнкомъ изъ лавроваго листу. Послѣ концерта всѣ поѣхали къ Яру, а оттуда пріѣхали въ домъ въ два часа ночи. Графъ и Линевъ ввели Вѣру Аѳонасьевну на лѣстницу подъ руки. Она хохотала и била, какъ бы въ шутку, Линева вѣеромъ, говорила, что у нея голова кружится, что она пьяная и дѣйствительно, какъ мною замѣчено, глаза у нея помутились. Приказано въ шампанское налить мараскину. Графъ стоялъ на колѣнкахъ и цѣловалъ у нея руки, а она то расхохочется, то заплачетъ. Все спрашивала—гдѣ отецъ? А Герасиму приказано возить его пьянаго по всей Москвѣ и изъ саней не выпускать. На рукахъ снесли въ желтую гостинную и заперлись. Какъ ударили къ заутрени, вырвалась изъ гостиной развращенная, металась по всему дому, кричала и кусала руки. Графъ былъ въ безчувствіи. Бросилась въ переднюю, хотѣла бѣжать на улицу: прислуга не допустила. Линевъ съ кучерами завернулъ ее въ салопъ и велѣлъ кучеру Трофиму везти домой, а тотъ пьяный, не понявши дѣла, свезъ ее въ Екатерининскую больницу.

Четвергъ.

Вчера графъ проснулся въ пять часовъ, походилъ по

залѣ и опять легъ. Всталъ въ девять часовъ. Посылалъ въ дворянскій клубъ за Линевымъ. Не нашли. Одѣлся и уѣхалъ. Въ два ночи пріѣхали съ Линевымъ. Допрашивали Трифона.

Воскресенье.

Объ случаѣ въ нашемъ домѣ говоритъ вся Москва.

Понедѣльникъ.

Вѣра Аѳонасьевна скончалась въ Екатерининской больницѣ и какъ полагаютъ отъ какихъ-то порошковъ.

Четвергъ.

Линева посадили въ острогъ. Трифонъ сидитъ въ Басманной части.

Пятница.

У нашего дома сталъ останавливаться народъ. Графъ съ утра до ночи куда-то ѣздитъ. Никого у насъ не бываетъ. Видѣлъ во снѣ покойнаго графа: верхомъ ѣздилъ въ картинной залѣ. Что бы это значило?

Понедѣльникъ.

Графа свезли на гауптвахту. Завтра весь домъ будутъ пригонять къ присягѣ. Трифонъ всѣхъ запуталъ. Упокой Господи душу раба Твоего Павла и рабу Твою графиню Софію, сестру мою рабу Надежду и дочь ея Любовь и меня грѣшнаго совокупи съ ними. Глаза бы на свѣтъ не глядѣли.

Суббота.

Отца Вѣры Аѳонасьевны схватили у Серпуховскихъ воротъ въ трактирѣ.

Мысли вслухъ на парадномъ подъѣздѣ.

Въ передней бывшаго великосвѣтскаго дома, перешедшаго со всей мебелью, картинами, фамильными портретами, мраморными изваяніями, севрами, гербовой посудой во владѣніе одного банкира, сидѣлъ старый сѣдой, какъ лунь, съ важной осанкой, швейцаръ Сила Андреевъ Богатыревъ. Онъ также вмѣстѣ съ домомъ перешелъ къ банкиру. Лицо его изображало полнѣйшее отвращеніе къ занимаемому имъ посту: онъ считалъ себя выше того общества, которому служилъ. Онъ нехотя подымался съ своего мѣста, когда кто-нибудь спрашивалъ, принимаютъ или нѣтъ, и грубо отвѣчалъ: „пріему нѣтъ". Передъ нѣкоторыми, отъ которыхъ онъ не чаялъ особенной благостыни, даже не вставалъ, а просто указывалъ пальцемъ на листъ бумаги:—„тамъ можно расписаться". Полувѣковая практика въ швейцарской до того развила въ немъ чувство осязанія, что онъ, опуская въ карманъ врученную ему бумажку, не глядя, на ощупь, зналъ, какого она достоинства. Если сумма превышала норму, установившуюся для вознагражденія швейцаровъ въ высокоторжественные дни (обыкновенно эта норма колеблется между двугривеннымъ и тремя рублями, глядя по рангу швейцара и по тамбуру, въ который онъ впускаетъ), онъ провожалъ посѣтителя до тротуара, помогалъ ему сѣсть въ экипажъ; но когда даяніе далеко превышало норму, когда, напримѣръ, какой-нибудь счастливецъ, въ первый разъ, въ

Новый годъ, оттитуловавшійся Богатыревымъ „вашимъ превосходительствомъ“, въ порывѣ восторга, вручалъ ему десять рублей, лицо почтеннаго швейцара тотчасъ оживлялось, строгое выраженіе перемѣнялось на благоговѣйно-умильное, потухавшія глаза на мгновенье вспыхивали и онъ съ чувствомъ устремлялся отворять дверь новому „превосходительству“. Врученная ему бумажка производила на него сильное впечатлѣніе. „Вотъ это я понимаю, говорилъ онъ мысленно:—а ужъ кинарейки-то, признаться сказать, надоѣли“. Кинарейками онъ называлъ рублевые кредитные билеты.

Передъ военными генералами онъ вытягивался во весь ростъ и въ голосѣ его слышался трепетъ и подобострастіе.

— Принимаютъ? спрашиваетъ генералъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство: поѣхали къ министру финансовъ, отвѣчалъ онъ съ важностью. Мы, дескать, вотъ какіе—къ министру финансовъ ѣздимъ. Ты какъ насъ понимаешь?

— А Фанни Августовна?

— Поѣхали къ мама, къ Адельфинѣ Өедоровнѣ.

Пока генералъ добывалъ карточку, онъ дѣлаетъ замѣчаніе: „сегодня холодно, ваше превосходительство“, или „какой новый годъ-то сердитый, холодный“. Когда генералъ выходилъ, онъ его провожалъ на тротуаръ и, вскрикнувъ хриплымъ голосомъ кучеру „давай“, помогалъ ему сѣсть въ карету и захлопывалъ дверцы. Возвращаясь, онъ говорилъ: „свой человѣкъ, маленькаго его мы пажемъ къ себѣ брали. Не помнитъ меня! Да и гдѣ помнить—лѣтъ-то много. А я очень хорошо его помню. На плацъ-парадѣ имъ съ покойнымъ графомъ и производство въ офицеры было“.

Старикъ говорилъ это для поддержанія своего престижа: генералъ, ни въ пажахъ никогда не былъ, ни дома этого никогда не посѣщалъ и онъ его видѣлъ въ первый разъ.

— Двѣ звѣзды заслужилъ, замѣтилъ кто-то изъ прислуги.

— У нашего покойнаго ихъ было...

— Много?

— Да если съ турецкими считать, такъ пожалуй и счетъ потеряешь. Своихъ пять штукъ, да тамъ еще... пой-

дутъ иностранныя: Марія Тверезвія, св. Парламеритъ. Много регальевъ этихъ было...

День клонился къ вечеру. Движеніе экипажей мало-по-малу прекращалось. Измученный безполезной ѣздой и бѣганьемъ по лѣстницамъ городъ сталъ приходить въ себя. Курсъ на извозчиковъ мгновенно упалъ. Торговля въ буфетахъ Невскаго проспекта быстро оживилась: начали появляться трехъуголки, цилиндры, бобровыя и бараньи шапки, фраки, мундиры, всѣ спѣшили отогрѣть продрогшіе члены. Идетъ оживленный разговоръ.

— Съ новымъ годомъ...

— Благодарю васъ...

— Что это такой парадный?..

— А какъ же? Порядокъ! Ужасъ какъ усталъ, если бы вы знали!.. Къ самому... У Льва Савича по старинѣ... расписался. Я его люблю, онъ человѣкъ хорошій!.. Отъ него къ старику... Какъ хотите, старика обижать не слѣдуетъ!.. Обрадовался! Всѣ, говоритъ, меня позабыли. Потомъ... Дайте мнѣ бѣлой померанцевой и бутербродъ со свѣжей икрой. Пожалуйста, чтобъ зеленый лукъ былъ... Скорѣй! Фу, какъ иззябъ! Отъ старика къ этой подлой... Ну, не могу! Самъ знаю, что дрянь, а все... Ну, что ты станешь дѣлать!..

— Вы гдѣ встрѣчали?

— Дома.

— Человѣкъ, да давайте-жъ мнѣ водки скорѣй. Вѣдь это-жъ нельзя. Полчаса-жъ я сижу и все водки нѣтъ. Вѣдь это-жъ безобразіе!..

— Батюшка, въ какихъ вы украшеніяхъ!

— Да-съ, имѣлъ честь поздравить съ Новымъ годомъ швейцаровъ! Ѣздилъ внушать къ себѣ за рубль серебромъ уваженіе. Михаилъ Валентиновичъ, позвольте мнѣ водки и, если есть, сухарной. А закуска будетъ зависѣть отъ вашего ко мнѣ расположенія. Съ своей же стороны, я полагалъ бы закусить пирогомъ. Ей-Богу! Вѣдь это глупо ѣздить поздравлять швейцаровъ и вносить имъ деньги.

— А вы зачѣмъ ѣздите?

— Ахъ вы либералъ этакой! Да швейцаръ-то можетъ обидѣться. Посмотритъ въ прошлогодній листъ, ахъ, скажетъ, онъ въ прошлый годъ былъ, а нынче не удостоилъ, и сейчасъ приметъ мѣры...

— Какія мѣры?

— Разумѣется административныя: будетъ отказывать,

когда придешь по дѣлу, не будетъ принимать пальто, будетъ, наконецъ, грубить глазами.

— Какъ глазами?

— А ты не знаешь, какъ швейцары грубятъ молча, глазами?

— Въ первый разъ слышу!..

Разговоры шли оживленнѣе и оживленнѣе. Буфетъ стоялъ на высотѣ своего назначенія.

На парѣ кровныхъ рысаковъ, покрытыхъ коричневыми съ голубой оторочкой попонами, въ шорахъ, возвратился банкиръ отъ министра финансовъ. Сіявшая на его груди звѣзда Льва и Солнца отражала лучи свои на самодовольномъ лицѣ его.

— Всѣмъ бы генералъ, только чего-то не хватаетъ, говорилъ про него швейцаръ.

Онъ тихо поднялся на лѣстницу. Черезъ нѣсколько минутъ послышался повелительный голосъ банкирскаго камердинера: „никого не принимать“.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! произнесъ иронически Богатыревъ, подкладывая въ едва тлѣвшій каминъ каменнаго угля.

Весело запылалъ каминъ, повеселѣло и на душѣ у стараго швейцара.

— Вотъ теперь и отдохнуть можно, произнесъ онъ, усаживаясь въ кресло противъ камина. — Это день такой сумасбродный — никакого порядку въ немъ нѣтъ, точно съ цѣпи сорвавшіе бѣгаютъ. А нельзя! Такіе порядки заведены—и не хочешь, да бѣги... Ужъ это что говорить!

Глядя на разгоравшійся каминъ, онъ предался размышленію. Ему вспомнилось его дѣтство, какъ онъ взятъ былъ изъ деревни въ барскій домъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Какъ онъ плакалъ, когда его остригли и нарядили въ казакинъ съ красными сердцами на груди. Какъ онъ прислуживалъ на половинѣ старой барышни: сопровождалъ ее на прогулкахъ, и съ утра до ночи чесалъ ея собаченокъ... Какъ ѣздилъ съ ней въ Юрьевскій монастырь къ архимандриту Фотію и т. п.

— Добрая была, прекрасная женщина, богомольная, если бы не эта у ней собачья слабость, произнесъ онъ со вздохомъ.

Воображеніе его все разыгрывалось и разыгрывалось. Ему живо представилась страшная картина петер-

бургскаго наводненія. Онъ былъ свидѣтелемъ самаго момента, когда

Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь —
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась...

Передъ нимъ, какъ живые, встали его растерявшіеся господа, смотрѣвшіе въ окно на проявленіе Божьяго гнѣва. Ему какъ бы слышались стоны и вопли несчастныхъ, застигнутыхъ грозной стихіей.—Помираемъ, помогите! Православные, помираемъ! Хоть ребеночка-то возьмите!.. кричалъ кто-то съ рыбачьей лодки, потерявшей весла. Но вотъ лодка мигомъ перевернулась, по дну ея гребнемъ скользнула волна и помчалась дальше за новыми жертвами. Ему представились плывущія бревна, лошади, однимъ словомъ, передъ нимъ возстала вся ужасная картина ужаснаго дня.

— Страшный, можно сказать, день былъ! Именно ужъ страшный, не виданный, забыть его невозможно!..

Мало-по-малу мрачные эпизоды въ его воображеніи начали смѣняться болѣе отрадными. Онъ уже молодой человѣкъ: въ ливрейномъ фракѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, прислуживаетъ на балу кавалерственной дамѣ; на парадномъ обѣдѣ стоитъ „съ раболѣпствомъ нѣмымъ“ за стуломъ князя Циціанова; набиваетъ въ кабинетѣ трубку какой-то знатнѣйшей особѣ; командируется съ посылками въ Грузино къ умирающему льву, графу Аракчееву.

— Господи, что это за особы величественныя, были восклицаетъ Богатыревъ и опять предается размышленіямъ.

Въ домѣ балъ. Лѣстница убрана тропическими растеніями. Ароматъ живыхъ цвѣтовъ и благовонныхъ куреній распространился по всему дому. Онъ стоитъ въ парадной швейцарской красной ливреѣ, на плечѣ у него генеральская эполета, на головѣ трехугольная шляпа, въ рукахъ тяжелая булава. Съ улицы слышится шумъ подъѣзжающихъ экипажей. Вотъ два гайдука вносятъ какую-то важную особу женскаго пола. Вотъ влетѣлъ въ звѣздахъ и въ голубой лентѣ, съ совершенно голой головой, низенькій, бойкій старичекъ. Вотъ изъ-подъ тяжелой шинели показалась усѣянная звѣздами, крестами и медалями грудь стараго воина. Вотъ быстрѣе лани вскочилъ на лѣстницу длинный, тощій господинъ во фракѣ. Направо и налѣво

лакеи снимаютъ бархатные сапоги съ прекраснаго пола. Съ улицы дверь шумно растворилась, вбѣжалъ придворный лакей въ сѣрой шинели съ волчьимъ воротникомъ и широкими красными оторочками на капюшонѣ.—Фельдмаршалъ, произнесъ онъ рѣзкимъ тономъ... Фельдмаршалъ! разнеслось мгновенно по лѣстницѣ и быстрѣе телефона достигло до ушей хозяина, и лишь фельдмаршалъ переступилъ порогъ передней, какъ хозяинъ былъ уже на половинѣ лѣстницы. Какъ-то все принизилось, притаилось.— „Ухъ, какой бы отличный тамбуръ-мажоръ былъ", произнесъ фельдмаршалъ, обративъ невольно вниманіе на высокую, статную фигуру швейцара.

— Мнѣ бы тогда сказать: — рады стараться, ваша свѣтлость, а мнѣ не въ догадь. И вышелъ съ моей стороны какъ бы конфузъ, опять подумалъ вслухъ Богатыревъ.

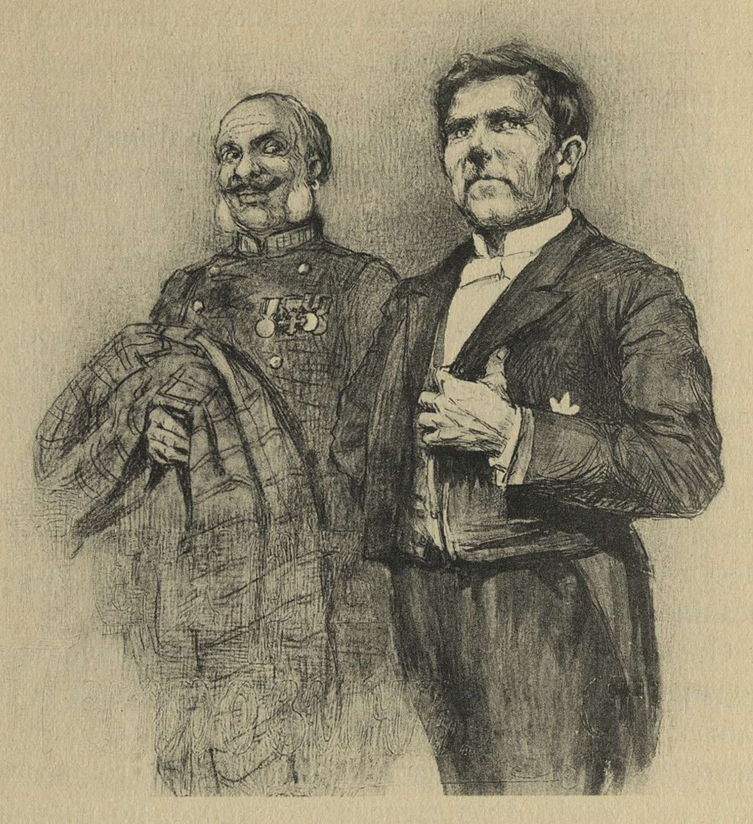
Промелькнула въ его воспоминаніяхъ и смерть стараго графа, похороны его въ Невской лаврѣ, послѣдовавшія затѣмъ перемѣны въ домѣ, наконецъ, мечта довела его до великаго историческаго событія—освобожденія крестьянъ.

— Такъ все и рухнуло, такъ все и покатилось подъ гору! И удержать ужъ теперь никакъ невозможно!.. Такъ мы всѣ и опустились! Спервоначалу даже словно бы страшно стало. Годъ-другой прошелъ — привыкать стали, стали понимать, что безъ господъ не помремъ. А то ухъ, какъ жутко было!.. Слышимъ-послышимъ — Прасковьино купецъ купилъ и въ графскомъ домѣ ткацкую фабрику завелъ. Слезы, ей-Богу, слезы! А тамъ смотримъ, въ спасской рощѣ ужъ топоръ гуляетъ. И пришпектъ липовый, а ему лѣтъ двѣсти будетъ, тоже сняли... А тутъ добрались и до дому. Молодой графъ уѣхалъ заграницу и управляющаго опредѣлилъ изъ благороднаго званія. Какъ пошли это тащить да разносить — индо сердце кровью обливалось. Господи, думалось, старики-то копили, копили, старались, старались и все это прахомъ!.. И какіе это воры, на мою примѣту, ласковые: по плечу тебя гладитъ, а самъ что-нибудь, глядишь, и уволокъ. Одинъ пришелъ со стекляшкой въ глазу, все съ управляющимъ обнявшись по дому ходили, смотрю—въ графскомъ кабинетѣ турецкаго пистолета съ серебряной насѣчкой ужъ нѣтъ! А тутъ и мнѣ, прирожденному въ этомъ домѣ слугѣ, разрѣшеніе идти на всѣ четыре стороны. Хорошо, что этотъ оставилъ на прежнемъ положеніи. Ну, куда бы я, на старости лѣтъ,

пошелъ? Опять же какъ привыкши я къ этой должности... Само-собой, очень обидно, послѣ такихъ великихъ господъ, служить у незнатнаго человѣка, да къ дому-то этому, я, можно сказать, приросъ и умереть въ немъ мнѣ хочется...

На дворѣ стемнѣло.

Каминъ, дымяся, погасалъ. Погасало и воображенiе Силы Богатырева. Его околдовалъ сонъ. Онъ захрапѣлъ.



ПЕТРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

(типъ).

Холодно... или нѣтъ — лучше: вѣтрено... Впрочемъ, можно и такъ: съ моря дулъ сильный вѣтеръ... Предоставляю это, многоуважаемый мною читатель, твоему благосклонному выбору: съ какой тебѣ фразы угодно будетъ начать чтеніе моего разсказа, если ты осчастливишь его своимъ вниманіемъ, съ той и начинай. Если ты сидѣлъ на школьной скамьѣ въ дореформенное время россійской словесности, учился по реторикѣ Кошанскаго и хрестоматіи Пенинскаго, то тебѣ, разумѣется, начало или „приступъ" моего разсказа не понравится. Въ наше время— помнишь!—обыкновенно начинали съ подробнаго описанія природы:

„Посмотрите, солнце, какъ огневидный лебедь, выплываетъ на кристальный горизонтъ изъ-за синяго лѣса и освѣщаетъ нивы и луга, дотолѣ скрытые подъ пеленою сѣдого тумана".

Эти времена прошли безвозвратно. Теперь выработа-

лись новые пріемы для описанія природы. Теперь природу описываютъ однимъ штрихомъ. Напримѣръ:

„Грязно. Она сидѣла на маленькой кушеткѣ и „выглядѣла“ утомленной“ и т. д.

Или:

„На дворѣ снѣгъ. Поднявши воротникъ боброваго пальто, онъ опрометью бѣжалъ по Невскому проспекту“ и т. д.

Или, если разсказъ изъ народнаго быта:

„Деревня. Мужики сидятъ около кабака“ и т. д.

Ты ужъ самъ, безъ сомнѣнія, можешь вообразить, какъ бываетъ грязно, какъ идетъ снѣгъ, а ужъ про деревню-то и говорить нечего: всѣ деревни, какъ двѣ капли, одна на другую похожи. Если ты хочешь послушаться моего совѣта, то начинай читать мой разсказъ съ третьей фразы, а я сдѣлаю небольшое отступленіе отъ существующихъ пріемовъ и распространюсь нѣсколько въ описаніи природы.

Съ моря дулъ сильный вѣтеръ. Нева надувалась отъ напора воды, наводняя рѣчки и каналы. Съ бастіона Петропавловской крѣпости раздавались выстрѣлы, извѣщавшіе обитателей Гавани о наступленіи стихійнаго врага. По одной изъ линій Васильевскаго острова, по направленію къ Смоленскому кладбищу, слѣдовали, запряженные парою исхудалыхъ клячъ, погребальныя дроги; на дрогахъ стоялъ желтый гробъ, покрытый невообразимо грязной тряпицей, носящей, для важности, званіе „покрова“. Впереди гроба шелъ съ непокрытой головой отставной служивый въ военномъ сюртукѣ стараго унтеръ-офицерскаго покроя, держа въ рукахъ маленькій образокъ. Мимоходящіе не обращали никакого вниманія на процессію, лавочники не выскакивали изъ своихъ лавокъ съ вопросомъ: кого хоронятъ? У кладбищенскихъ воротъ даже нищіе не привѣтствовали прахъ покойнаго крестнымъ знаменіемъ: одинъ только солдатъ, на деревянной ногѣ, перекрестился и то только потому, что впереди съ образомъ шелъ „ундеръ“, свой братъ. Предавши прахъ землѣ въ самомъ отдаленномъ разрядѣ кладбища, ундеръ зашелъ въ попутный трактиръ, выпилъ стаканчикъ водки, посидѣвши—выпилъ другой и предался размышленію.

— Куда же мнѣ себя теперича опредѣлить? Въ швейцары ежели... мѣста есть хорошія—знакомства нѣтъ... безъ знакомства въ швейцары не попадешь...

Бралъ онъ въ разсчетъ свою безусловную честность, четыре медали, способность не спать двадцать четыре часа въ сутки и т. д.

— Авось Господь Богъ милостивъ, окончилъ онъ думу:—пойду къ брату на Пороховые, а тамъ видно будетъ.

Кого же схоронилъ отставной служивый?

— Петра Петровича. Кто это Петръ Петровичъ? Да, вы, вѣроятно, его видали, да только не обращали вниманія. Онъ былъ не высокаго роста, курносый, гладко выбритый, тщательно причесанный, ходилъ постоянно во фракѣ, изъ—подъ нависшихъ бровей у него сверкали сѣрые кошачьи глаза съ зеленымъ ободкомъ вокругъ зрачковъ. По солидности фигуры его можно было принимать, по крайней мѣрѣ, за статскаго совѣтника, но онъ не былъ таковымъ, потому что когда его разъ спросили, не въ этомъ ли чинѣ онъ состоитъ, онъ обидѣлся, принявъ это за насмѣшку.

— Такъ что же, не коллежскій же регистраторъ, говорятъ ему.

— Тамъ чиновъ, отвѣчалъ онъ, указавши пальцемъ на небо, не спрашиваютъ.

Россійскихъ орденовъ онъ не имѣлъ, а имѣлъ персидскую звѣзду „Льва и Солнца“ и носилъ ее не по установленію, т. е. открыто, у самаго сердца, а подъ бортомъ фрака, выпуская наружу только частицу лучей и надѣвалъ ее лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда желалъ имѣть, какъ онъ выражался, входъ за кавалергардовъ, т. е., когда желалъ проникнуть на какое-нибудь торжественное богослуженіе или собраніе, на военный парадъ и т. п.

Жилъ Петръ Петровичъ въ Казанской улицѣ, во дворѣ одного четырехъ-этажнаго дома. Квартира его состояла изъ двухъ комнатъ и небольшой передней. Кухни у Петра Петровича не имѣлось, потому что онъ дома никогда не обѣдалъ и слугѣ своему, отставному фейерверкеру Соколову, выдавалъ каждодневно на харчи по 20 коп. Единственно кто бывалъ у него, это — писарь изъ военнаго министерства, переписывавшій ему какія-то бумаги, да разъ, а иногда два въ мѣсяцъ посѣщали его какія-то родственницы, про которыхъ Соколовъ говорилъ: „Знаемъ мы этихъ родственницъ-то!“ Петръ Петровичъ наканунѣ предувѣдомлялъ его объ ихъ посѣщеніи.

— Что, Соколовъ, начиналъ онъ: — у тебя, кажется, братъ на Пороховыхъ живетъ?

— Точно такъ, ваше скородіе.

— Такъ бы навѣстилъ его завтра. Вечеромъ ко мнѣ родственница придетъ... тебѣ дѣлать нечего.

— На Пороховые, ваше скородіе, далече, назадъ не обернешь, а я въ Тентелеву деревню къ кумѣ смахаю...

— Ну, махай!..

На другой день, въ семь часовъ вечера, Петръ Петровичъ приходилъ домой, приносилъ съ собою корзиночку сладкихъ пирожковъ отъ Доминика, полбутылки портвейну и, отпустивъ Соколова въ Тентелеву деревню, садился у окна поджидать родственницу.

Соколовъ, разумѣется, не ходилъ, ни на Пороховые, ни въ Тентелеву деревню, а просиживалъ урочное время въ дворницкой или въ мелочной лавкѣ.

— Мнѣ такое счастье, говорилъ онъ дворнику:—мнѣ все такіе господа попадаются. Нашъ батарейный командиръ тоже ухъ какой баловникъ былъ!.. Въ Польшѣ мы тогда стояли, такъ, бывало... Бѣдовый былъ! А польки эти жидкія всѣ—и сейчасъ ежели что—сейчасъ плакать...

Ни одно торжество, освященіе, напримѣръ, часовни, открытіе пріюта, бенефисъ танцовщицы, а тѣмъ болѣе торжество, на которомъ предполагался завтракъ или закуска, не обходились безъ Петра Петровича. Въ новый годъ или другіе высокоторжественные праздники, въ которые установлено напоминать въ швейцарскихъ и переднихъ о своемъ чинѣ и фамиліи, на испещренныхъ разными почерками листахъ, вездѣ можно было встрѣтить фамилію Петра Петровича. Въ эти дни между нимъ и швейцаромъ происходили недоразумѣнія. Петръ Петровичъ не имѣлъ обыкновенія привѣтствовать швейцаровъ рублемъ, находя это косвеннымъ налогомъ, а швейцары не сходились съ нимъ во взглядахъ и выражали ему полное свое неудовольствіе. Нѣкоторые даже не вставали при появленіи его въ швейцарской.

— Я даже не всталъ, когда онъ пришелъ, сказалъ одинъ швейцаръ лакею:—пусть почувствуетъ.

Но Петръ Петровичъ, разумѣется, этого не почувствовалъ и до самой кончины своей не далъ ни одному швейцару ни одной копѣйки.

Торжественное собраніе Академіи Наукъ. Петръ Петровичъ тамъ... сидитъ и слушаетъ рѣчь ученаго мужа, изрѣдка поматывая головой въ знакъ того, что онъ съ его доводами согласенъ, хотя рѣчь шла „о подлинности Краледворской рукописи“, о существованіи которой онъ даже не слыхивалъ. Публика начинаетъ расходиться. Петръ Петровичъ становится у лѣстницы и творитъ большіе и малые поклоны выходящимъ сановникамъ. Лицо его дѣлается чувствительнѣе стекла, приготовленнаго для снятія фотографическаго портрета: изъ серьезнаго оно мгновенно превращается въ подло-ласкательное, потомъ принимаетъ выраженіе рабской покорности: „Прикажите, ваше превосходительство!“ Если въ собраніи присутствовалъ духовный сановникъ, онъ подходилъ къ нему смиренно подъ благословеніе и принимая оное, тихо шепталъ: „Молитвами святого владыки нашего, Господа... и т. д.“.

— А, Петръ Петровичъ, обращается къ нему генералъ, сходя съ лѣстницы, вѣдь интересно!

— Необыкновенно, ваше превосходительство! Превосходное изложеніе! поспѣшно отвѣчалъ Петръ Петровичъ, помогая генералу всунуть лѣвую руку въ рукавъ пальто.

— Спасибо!.. Крайне интересно...

— А вѣдь тоска, по правдѣ сказать, Петръ Петровичъ... говоритъ съ апломбомъ бѣлокурый, полнолицый статскій совѣтникъ:—ну, что за интересъ въ Любушиномъ судѣ...

— Ха, ха, ха! иронически отвѣчаетъ Петръ Петровичъ:—странно все какъ-то!.. Вы говорите тоска, а вонъ его превосходительство Аверьянъ Александровичъ, только что вотъ внизъ спустился, говоритъ—превосходно!..

— Да вы-то поняли что-нибудь?

— Да я про себя не говорю... мы—что!.. Мы... ужъ про насъ-то вы не говорите... Только я одно скажу: чѣмъ объ Любушиномъ судѣ говорить—на свои-то бы обратили вниманіе. Тамъ, батюшка, теперь...

— Ахъ, Петръ Петровичъ, да вы либералъ!..

— Да что... либералъ... Вѣрно!

Въ одномъ домѣ, въ Ямской улицѣ, поминки по богатомъ купцѣ, около кармана котораго Петръ Петровичъ терся нѣсколько лѣтъ. Онъ ужъ тамъ! Съѣлъ три ложки

кутьи, девять блиновъ, не отказывался и отъ прочихъ блюдъ, даже сцапалъ голову поросенка, нарочно выписаннаго изъ Москвы и предназначавшагося только для почетныхъ гостей, сидѣвшихъ, какъ говорится, въ переднемъ углу. Совершилъ онъ это столь мгновенно, что одинъ изъ почетныхъ гостей, разсчитывавшій на эту голову, не успѣлъ опомниться и мысленно произнесъ: „экая скотина!“ а сосѣдъ Петра Петровича невольно наклонился, когда голова поросенка перелетѣла на вилкѣ черезъ его голову.

— Вотъ это вещь! Это я понимаю! заговорилъ Петръ Петровичъ, проникая вилкой во внутренность черепа. И только въ Москвѣ! Въ одной только Москвѣ! У Тѣстова! Необыкновенно!

Послѣ обѣда, онъ посидѣлъ съ полчаса, вытаращивъ глаза, потомъ повелъ бесѣду съ однимъ изъ родственниковъ покойнаго.

— Любилъ меня покойникъ, другъ мнѣ большой былъ, началъ онъ:—а умеръ, не примирившись со мной... а все изъ-за Станислава.

— Нѣтъ, онъ больше, надо вамъ, Петръ Петровичъ, доложить, изъ-за водянки. Докторъ ему говорилъ: „сократи себя, Маркелъ Мосеичъ, не пей!“ А онъ, бывало, почнетъ этотъ портфеинъ глушить—только держись! Ну, онъ тамъ въ воду все и обращался.

— Нѣтъ, я про себя-то говорю: хотѣлъ онъ все Станислава въ петлицу получить...

— Да, это точно... желательно ему было. Бывало, говоритъ, хоть въ зеркало на себя бы посмотрѣлъ...

— Ну, а Станиславы-то на улицѣ не валяются и даромъ ихъ не даютъ. Погоди, говорю, выхлопочу.

— Конфузно ему было. Другіе, прочіе которые, превозвышены, а онъ, по своему капиталу, въ забвеніи. Его мысли такія были, какъ бы въ генералы попасть. Разъ, пьяный—„весь, говоритъ, свой капиталъ на пріюты распишу, только бы, говоритъ, мнѣ до такой степени дойдти, чтобы въ трехъугольной шляпѣ ходить. Кажется бы, говоритъ, и спать въ ней согласенъ“.

— Жалко, заключилъ Петръ Петровичъ, направляясь къ выходу:—немножко бы еще подождалъ, ходилъ бы съ Станиславомъ.

Пріемъ у сановника оконченъ. Удовлетворенные и неудовлетворенные просители разошлись. Петръ Петровичъ входитъ въ кабинетъ.

— Честь имѣю кланяться, ваше высокопревосходительство, говоритъ онъ, почтительнѣйше кланяясь.

— А, здравствуй, Петръ Петровичъ, отвѣчаетъ почтенный, убѣленный сѣдиной сановникъ.

— Какъ изволите себя чувствовать, ваше высокопревосходительство...

— Отлично!

— Дай Господи, вашему высокопревосходительству... При тяжкихъ вашихъ трудахъ...

— Ты что подѣлываешь?

— Вчера, ваше высокопревосходительство, въ Невской лаврѣ хиротонія была: ректора семинаріи архимандрита Наѳанаила во епископа...

— А балетъ какой вчера былъ? съ громкимъ смѣхомъ прерываетъ его сановникъ.

— Ваше высокопревосходительство!..

— Да въ балетѣ-то былъ?

— Ваше высокопревосходительство!

— Ну, былъ?

— Не смѣю лгать передъ такой особой—былъ!..

— Какъ же это, Петръ Петровичъ, соединить вмѣстѣ—хиротонія и балетъ!.. Ха, ха, ха...

— Ваше высокопревосходительство, каюсь! Въ беззаконіяхъ зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя.

— Ты зайди къ Елизаветѣ Ивановнѣ, она вчера объ тебѣ спрашивала.

— Боюсь, ваше высокопревосходительство.

— Чего? съ живостью спросилъ сановникъ.

— Опять выгонитъ, ваше высокопревосходительство... Въ прошлый разъ выгнала и не приказала больше являться.

— Ну, я тамъ не знаю, за что вы поссорились, а только ты иди къ ней, а то и мнѣ за тебя достанется.

— Повинуюсь волѣ вашего высокопревосходительства.

Елизавета Ивановна супруга сановника. Это была добрѣйшая, еще не старая женщина, немножко взбалмошная, разсѣянная, говорившая рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ. Петръ Петровичъ былъ у нея свой человѣкъ. Она давала ему всякія порученія, ругала его за неаккуратное исполненіе, выгоняла вонъ, опять приказывала

являться. Петръ Петровичъ безропотно переносилъ всѣ ея капризы.

— Что вы, старый чертъ, пропадаете, встрѣтила его шутливомъ тономъ Елизавета Ивановна. Когда васъ нужно, васъ никогда нѣтъ.

— Не смѣлъ явиться, ваше высокопревосходительство, съ низкимъ поклономъ отвѣчаетъ Петръ Петровичъ.

— Я вамъ хотѣла дать порученіе.

— Жду приказаній вашего высокопревосходительства.

— Мнѣ очень много нужно... Поѣзжайте на дачу и все приготовьте. На будущей недѣлѣ я переѣду.

— Ваше высокопревосходительство, не рано ли? Вы и въ прошломъ году въ это время изволили насморкъ получить.

— Не ваше дѣло! Я такъ хочу! Поѣзжайте.

— Слушаю, ваше высокопревосходительство.

— Что вы дѣлаете?

— Одно мнѣ осталось—съ сокрушеннымъ и смиреннымъ сердцемъ ожидать смертнаго часа...

— Вздоръ! Вы еще здоровы. Вы еще взятки берете...

— Ваше высокопревосходительство! воскликнулъ растерявшійся отъ неожиданной фразы Петръ Петровичъ.

— Я слышала! Вы, да еще одинъ чиновникъ съ купцовъ взятки берете. Гдѣ строятъ желѣзныя дороги, вы тамъ и берете. Вы не себѣ берете, а кому-то ихъ носите. Это я навѣрное слышала, да!.. Еще я слышала, что вы не хорошій человѣкъ, съ молодыми людьми на Морской кутите... Вотъ вамъ!.. Вы не хорошій!.. Я васъ защищала. Я говорила, что вы богомольный, все къ обѣднѣ ходите, митрополитовъ любите, просвирки ѣдите... Такъ поѣзжайте... сейчасъ. И пожалуйста, обои въ моей спальнѣ новые... голубые... Да купите мнѣ, пожалуйста, книжку—маленькая, семь копѣекъ стоитъ. Я у княгини видѣла.

— Какая же это ваше высокопревосходительство?

— Святая, объ странникахъ—маленькая. Я у княгини видѣла... семь копѣекъ стоитъ.

— Я вамъ нѣсколько принесу, ваше высокопревосходительство, извольте сами выбрать.

— Пожалуйста, нѣсколько. Я сама выберу. Да съѣздите къ Сережѣ въ училище, скажите, что онъ скверно учится, я на него сердита.

— Ребенокъ, ваше высокопревосходительство... хотѣлъ защитить Петръ Петровичъ.

— Не ваше дѣло! Ступайте.

Лакей доложилъ, что поданъ завтракъ.

— Пойдемте завтракать. Хоть вы не стоите, чтобъ васъ кормили, а все-таки пойдемте, закончила Елизавета Ивановна, направляясь въ столовую.

— Ваше высокопревосходительство—позвольте оставить на вашемъ столѣ вотъ эту бумажку, униженно произнесъ Петръ Петровичъ, вынимая изъ кармана вчетверо сложенный листъ бумаги. — Осмѣлюсь, ваше высокопревосходительство... Лично я не имѣю права обратиться къ Александру Сергѣевичу... А ваше предстательство... Купецъ тутъ иногородній ходатайствуетъ...

Они вошли въ столовую. Какой былъ дальнѣйшій разговоръ между Елизаветой Ивановной и Петромъ Петровичемъ, автору неизвѣстно, но изъ послѣдующаго разсказа будетъ видно, что Елизавета Ивановна за купца „предстательствовала“.

Въ одномъ изъ кабинетовъ трактира „Малоярославца“ въ честь Петра Петровича идетъ пиръ. Приносится ему въ жертву огромная желтобрюхая двинская стерлядь. По седьмой рюмкѣ водки, у пирующихъ развязываются языки, и нѣкоторые порываются говорить рѣчи, но какъ-то сдерживаются. Но вотъ полилось шампанское, вмѣстѣ съ нимъ полилось и слово.

— Господа, началъ кто-то: — позвольте предложить тостъ за здоровье Петра Петровича.

— Ура!..

— Напрасно вы, господа, встаетъ Петръ Петровичъ,— предложили тостъ за мое здоровье прежде хозяйскаго. Что я здѣсь такое? То же, что и вы—простой гость. Дорогой хозяинъ пригласилъ насъ раздѣлить съ нимъ, по русскому обычаю, хлѣбъ-соль, по поводу полученной имъ награды. Я то тутъ причемъ? Не я его награждалъ.

— Вѣрно! воскликнулъ кто-то изъ пирующихъ, удрученный бѣлой померанцевой водкой.

— Шши!..

Тотъ окинулъ всѣхъ мутнымъ взглядомъ и смолкъ.

— Я только... началъ снова Петръ Петровичъ.

— Нѣтъ, Петръ Петровичъ, еслибы не вы... перебилъ награжденный.

— Позвольте, прервалъ Петръ Петровичъ:—я только нашелъ возможность, и считаю себя счастливымъ, замолвить во время слово и не скрою отъ васъ, что я сказалъ.

Я сказалъ: представленный къ наградѣ—честнѣйшая русская душа, желающая, посредствомъ благотворительности, стать въ ряды интеллигенціи, снять съ себя смазные сапоги, войти, такъ сказать...

— Сильно сказано! вновь промычалъ удрученный бѣлой померанцевой: — только смазные сапоги-то тутъ причемъ?

Раздалось энергическое „шши!“.

— Позвольте, продолжалъ Петръ Петровичъ, моя рѣчь впереди. Я сказалъ: онъ устроилъ въ своемъ городѣ богадѣльню. Отчего, говорятъ, не училище? Я отвѣчалъ, что училище, по семейнымъ своимъ обстоятельствамъ, онъ устроить не могъ... Родственники его были противъ училища. Вѣрно я сказалъ?

— Вѣрно, Петръ Петровичъ, отвѣчалъ награжденный: бабушка наша ни за что! Хоть и не ея капиталъ, да силу она у насъ большую имѣетъ. Да намъ, главная причина, награда что!.. Намъ бы только Господь привелъ помереть съ чистымъ покаяніемъ.

— Итакъ, господа... сталъ было продолжать Петръ Петровичъ, но долженъ былъ остановиться, потому что ужъ всѣ стали говоритъ вдругъ, стали цѣловаться, стали обижаться, стали порицать поступки удрученнаго бѣлой померанцевой водкой, который сталъ на стулъ и кричалъ:

— Позвольте, милостивые государи! Отецъ мой вышелъ изъ народа... Мы стоимъ на рубежѣ, когда...

— Еще что!? закричали пирующіе.

— Ничего! Мы стоимъ на рубежѣ. Я хочу сказать... Наше соціальное положеніе... При всемъ томъ, я не могу понять—почему смазные сапоги, почему не лапти, почему...

— Довольно!

— Для васъ довольно, а для меня мало, бушевалъ ораторъ. — Хоть я купеческій сынъ, но прежде всего я соціалистъ! Читали вы въ „Петербургскомъ Листкѣ“...

Петръ Петровичъ въ это время велъ разговоръ съ награжденнымъ въ смежномъ кабинетѣ, изъ котораго изрѣдка доносились отрывочныя фразы: „Разумѣется, съѣздите. Онъ человѣкъ бѣдный, тоже содѣйствовалъ. И въ другой разъ будетъ полезенъ“.

Въ 12 часовъ ночи, т. е. когда пирующіе уже перестали узнавать другъ друга, когда одинъ изъ нихъ сталъ цѣловаться съ лакеемъ и пить съ нимъ брудершафтъ, Петръ Петровичъ ушелъ потихоньку.

Соціалистъ предложилъ тостъ „за сліяніе сословій“ и тоже выпилъ съ лакеемъ брудершафтъ, сказавши ему:

— Дѣйствуй въ извѣстномъ направленіи и сольешься!

Лакей поблагодарилъ его и сказалъ:

— Не извольте безпокоиться.

Дома у себя Петръ Петровичъ нашелъ записку, вложенную въ изящный конвертъ, который Соколовъ раздушилъ немножко керосиномъ.

— Ты бы мылъ руки-то, замѣтилъ онъ ему.

— Лампу заправлялъ, ваше скородіе, а она и стучитъ...

— Кто она?

— Сродственница, должно быть... не могу доложить. Отдай, говоритъ... Чтобы безпремѣнно...

„Дорогой Петръ Петровичъ, было написано въ запискѣ: вы меня совсѣмъ забыли, но я очень больна, мнѣ нужно васъ видѣть. Пріѣзжайте, а то буду сердита. Marie“.

На другой день, ровно въ часъ, Петръ Петровичъ подавилъ пуговку электрическаго звонка у дверей Марьи Сергѣевны. Скромно, но съ большимъ вкусомъ одѣтая дѣвушка, отворила ему дверь. Пудель, шерсть котораго доведена была до снѣжной бѣлизны, сначала изъявилъ неудовольствіе и залаялъ, но узнавши Петра Петровича, бросился къ нему на грудь.

— Что у васъ тутъ такое, Аннушка, началъ громко Петръ Петровичъ, поправляя передъ зеркаломъ растрепавшіеся виски.

— Марья Сергѣевна нездорова, отвѣчала шопотомъ дѣвушка.

— Сильно? тоже шопотомъ и вытаращивъ глаза, спросилъ Петръ Петровичъ.

— Вчера докторъ былъ. Никого не приказали принимать, а объ васъ я сейчасъ доложу.

— Погоди, погоди... Ты мнѣ прежде разскажи все хорошенько.

Они вошли въ залу. Петръ Петровичъ одной рукой облокотился на рояль, а другую приложилъ къ уху, такъ какъ Аннушка должна была докладывать шопотомъ. Изъ доклада Петру Петровичу выяснилось, что въ четвергъ у Марьи Сергѣевны были гости, вертѣли столы, потомъ

Марья Сергѣевна пѣла по-цыгански, потомъ былъ ужинъ, ѣли устрицы. Послѣ ужина Марья Сергѣевна приказали привести тройку и пригласили какихъ-то двухъ гостей ѣхать съ ней на Каменный островъ. Егоръ Егоровичъ вышелъ съ ними вмѣстѣ, но сейчасъ же воротился назадъ и до прiѣзда Марьи Сергѣевны ходилъ все по залѣ, истопталъ ногами свою шляпу. По позвращенiи Марьи Сергѣевны, въ спальнѣ былъ шумъ, съ Марьей Сергѣевной сдѣлалась истерика...

„Дѣйствительному-то статскому совѣтнику и не слѣдовало бы такъ горячиться", подумалъ про себя Петръ Петровичъ.—Ну, а потомъ?

— Потомъ Егоръ Егоровичъ уѣхалъ... Утромъ Марья Сергѣевна проснулась въ два часа и весь день проплакала.

— Ну такъ это пустяки, простой капризъ, заключилъ Петръ Петровичъ. Поди, доложи.

Черезъ минуту Аннушка пригласила Петра Петровича войти въ гостиную. Комнату эту нельзя, впрочемъ, было назвать гостиной, а скорѣе отдѣленiемъ магазина рѣдкихъ вещей. Я не стану ее описывать, потомучто это уже своевременно было исполнено судебнымъ приставомъ. Замѣчу только, что на стѣнѣ обращалъ на себя вниманiе портретъ хозяйки, писанный знаменитымъ художникомъ. Петръ Петровичъ взялъ съ этажерки китайскую чашечку, дунулъ въ нее, повертѣлъ въ рукахъ и поставилъ на мѣсто, потомъ осмотрѣлъ еще какую-то вещицу, потомъ перелистовалъ альбомъ съ фотографическими карточками, потомъ поправилъ абажуръ на лампѣ, потомъ невольно встрепенулся: изъ полуотворившейся двери въ спальню послышался голосъ хозяйки:

— Петръ Петровичъ, войдите ко мнѣ. Я больна.

Петръ Петровичъ мгновенно пригладилъ виски — это была его привычка—и скорчивъ гримасу, какую дѣлаютъ дѣти передъ тѣмъ, какъ хотятъ плакать, — вошелъ въ спальню.

На раззолоченной чернаго дерева кровати, покрытая голубымъ атласнымъ одѣяломъ, лежала Марья Сергѣевна, красавица женщина, лѣтъ тридцати.

— Что съ вами, матушка, Марья Сергѣевна? началъ Петръ Петровичъ.

— Извините, Петръ Петровичъ, что я васъ такъ принимаю... вы свой человѣкъ. Садитесь, пожалуйста. Аннушка, подвиньте сюда Петру Петровичу стулъ.

Дѣвушка подвинула къ постели тубаретку.

— Вѣроятно, легкая простуда... Не бережетесь, продолжалъ нѣжнымъ тономъ Петръ Петровичъ. — Все это троечки ваши... Хе-хе-хе...

— Я очень люблю на тройкѣ.

— Ну, вотъ! Если бы я былъ на мѣстѣ его превосходительства...

— Я съ нимъ разругалась.

— Съ Егоръ Егорычемъ?! съ притворнымъ удивленіемъ воскликнулъ Петръ Петровичъ. — Если бы не вы сами мнѣ это сказали... Впрочемъ, это очень хорошо!..

— Что же тутъ хорошаго?

— Любовь этими ссорами скрѣпляется... Хе-хе-хе...

— Я не понимаю, какое онъ имѣетъ право меня ревновать?..

— Ревность-то, матушка, Марья Сергѣевна... Какъ бы вамъ это сказать... безъ нея нельзя.

— Почему нельзя? спросила съ живостью Марья Сергѣевна.

— Да вотъ видите: его превосходительство... вѣдь этотъ титулъ не присвоивается людямъ, у которыхъ материно молоко на губахъ не обсохло; если и есть счастливцы, такъ ихъ можно по пальцамъ перечесть. Ну, знаете, люди въ его годахъ дѣлаются подозрительнѣе, а женщины видятъ, хе-хе-хе... видятъ, что... ну и... Вѣдь вы тоже!.. Кругомъ соблазнъ!.. Я, разумѣется, васъ не виню...

Петръ Петровичъ хотѣлъ сказать что-то особенное, но, разимый женской красотой, сталъ теряться вь мысляхъ. Плелъ онъ, плелъ несвязныя фразы и совершенно неожиданно для Марьи Сергѣевны поцѣловалъ съ обѣихъ сторонъ ея руку.

— Ахъ вы, старенькой! проговорила она, улыбнувшись.

У Петра Петровича во рту сдѣлалось сухо, въ глазахъ показались зеленыя облатки. Онъ всталъ, прошелся два раза и опять заплелъ.

— Конечно... его превосходительство... я бы такъ думалъ. Знаете, голубушка, Марья Сергѣевна... Я не оправдываю его превосходительство, прежде всего вы — женщина...

Марья Сергѣевна вывела его изъ затруднительнаго положенія.

— Сядьте, Петръ Петровичъ, сказала она:—мнѣ нужно съ вами поговорить объ одномъ дѣлѣ.

— Приказывайте, матушка, приказывайте... Для васъ... вѣдь вы знаете!.. засуетился Петръ Петровичъ, ерзая по табурету.

— Достаньте мнѣ денегъ, начала она, взявши обѣими руками руку Петровича.

У Петра Петровича завертѣлись зрачки.

— Денегъ? пробормоталъ онъ:—Много?

— Вѣдь вы знаете, я мало не люблю. Доставайте больше.

— Больше? Для такой божественной красоты да не достать денегъ — это тогда и жить не надо! Извольте, матушка. Да на ваше счастье и случай есть. Сибирякъ тутъ одинъ хлопочетъ, три года около него пропиваются чиновники. Человѣкъ онъ робкій, податливый. Вы съ своей стороны попросите за него Егоръ Егорыча.

— А вы знаете, что онъ не любитъ, когда я его прошу...

— Не любитъ? А любитъ онъ, когда передъ нимъ совершенство природы? Когда около него... Матушка, позвольте вашу драгоцѣнную ручку поцѣловать... Съ радостью я вамъ это дѣло устрою. Славный человѣкъ, денежный...

— Устройте, голубчикъ Петръ Петровичъ. У Егора Егоровича нѣтъ теперь ни копѣйки. Злой сдѣлался. А чѣмъ я виновата?

Черезъ нѣсколько времени Егоръ Егоровичъ уважилъ ходатайство Марьи Сергѣевны: сибирякъ достигъ желаемаго. Цѣлую недѣлю его можно было встрѣтить съ Петромъ Петровичемъ у Бореля завтракающимъ, у Донона обѣдающимъ. Петръ Петровичъ сталъ появляться на улицѣ въ новомъ пальто съ бобровымъ воротникомъ. Марья Сергѣевна подарила сибиряку свою фотографическую карточку, а тотъ обѣщалъ ей выслать изъ Екатеринбурга сибирскихъ камней. Разставанье его съ Петромъ Петровичемъ было самое нѣжное. Послѣ сытнаго обѣда, они отправились на желѣзную дорогу, гдѣ выпили послѣднюю, по выраженію сибиряка, „разгонную“ бутылку шампанскаго. Сибирякъ со слезами на глазахъ благодарилъ Петра Петровича и сказалъ, что если бы вино, которое онъ выпилъ въ Петербургѣ со своими благодѣтелями, опять разлить въ бутылки—можно было бы открыть погребокъ.

Въ одномъ изъ кабинетовъ ресторана Бореля

Бушуетъ вѣтренная младость.

Собрались молодые люди, только что оставившіе школьную скамью и люди, уже вкусившіе прелесть французскихъ ресторановъ и балетовъ, и цыганскихъ хоровъ, и всякихъ услаждающихъ душу увеселительныхъ заведеній. Быстро бѣжали они

По тропинкѣ бѣдствій,
Не предвидя отъ того
Никакихъ послѣдствій.

Весело было имъ. Они были увѣрены, что передъ ними скатертью дорога, что въ жизни все приложится имъ. Разговоръ или, вѣрнѣе, шумъ происходилъ на французскомъ языкѣ, потому что женскій элементъ между пирующими былъ француженки.

— А!!! гаркнула въ одинъ голосъ молодежь, бросаясь на встрѣчу вошедшему Петру Петровичу.

— Петръ Петровичъ, чертъ тебя возьми! Гдѣ ты пропадалъ? закричали одни.

— Ah, Petre Petrovitsch! воскликнула француженка, бросаясь на шею Петру Петровичу.

— Вася, ты развѣ не знакомъ съ Петромъ Петровичемъ?

— Нѣтъ. Кто онъ такой?

— Да тебѣ не все ли равно... Петръ Петровичъ...

— Какъ его фамилія?

— Да онъ безъ фамиліи. Петръ Петровичъ, вѣдь у тебя нѣтъ фамиліи? Ахъ ты, старый чертъ! Былъ на бѣгу?

— Что это вы, Петинька, какъ неприлично себя ведете — являетесь въ такой поздній часъ, обращается къ Петру Петровичу одинъ пирующій красавецъ.

— Виноватъ, ваше сіятельство.

— Петръ Петровичъ, поди сюда, я тебя познакомлю съ Ильей Гавриловичемъ. Илья Гаврилычъ... Илюша!..

Илья Гавриловичъ сидѣлъ на диванѣ, съ открытыми глазами, но ничего не понималъ, что кругомъ совершается.

— Илюша... позволь тебѣ представить Петра Петровича.

Илюша всталъ, притворился на одну минуту трезвымъ, пожалъ руку Петру Петровичу и, упавши на диванъ, заснулъ.

— Петръ Петровичъ, выпьемъ! кричалъ одинъ изъ пирующихъ.

— Petre Petrovitsch, випьемъ! какъ попугай, подхватываетъ представительница великой націи.

— Выпьемъ, старый чертъ!

— Випьемъ, стара тшортъ!

Не прошло четверти часа, какъ въ утробу Петра Петровича всадили цѣлую бутылку шампанскаго. Ужъ онъ началъ тяжело дышать и обращаться къ содѣйствію жаренаго миндаля.

— Петръ Петровичъ, посмотрите, какія я новыя картинки получилъ для стереоскопа. Эй, человѣкъ?.. Татаринъ! Князь, чертъ тебя возьми!..

Вошелъ слуга.

— Тамъ у меня въ пальто картинки... живо!

Приказаніе исполнено. Петръ Петровичъ сталъ разсматривать картинки съ видомъ знатока. Лицо его то осклаблялось, то ухмылялось.

— Вѣдь это вѣнскія? спросилъ онъ.

— Вѣнскія.

— Ну, что вы хотите, по моему — парижскія лучше.

— Petre Petrovitsch, париски лючъ! Випьемъ!..

— Такъ что же, Петръ Петровичъ, не подается, спрашиваетъ потихоньку Петра Петровича князь.

— Нѣтъ, батюшка, Павелъ Дмитріевичъ, и думать нечего! По крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту, отвѣчалъ уныло Петръ Петровичъ: — стѣна неприступная!

— Да неужели нѣтъ такихъ средствъ?

— Ничего нельзя сдѣлать, ни съ какой стороны подойти невозможно. Ужъ я всю подноготную узналъ. Правилъ безукоризненныхъ, влюблена, какъ кошка, въ какого-то педагога, знаете... нынѣшнія... Тетка не прочь стаканчикъ выкушать и ходитъ къ ней какой-то съ усами, физіономія внушительная... Попробую на тетку навести зажигательное стекло...

— Петръ, ѣдемъ! приступаетъ къ Петру Петровичу, едва держась на ногахъ, юноша.

— Пьеръ, ѣдемъ! вторитъ ему француженка.

— Куда прикажете?

— Въ Ташкентъ.

— А не поздно?

— Да тебѣ не все ли равно! Садись съ Альфонсиной на мою тройку, да и дуй! А я съ Ильюшей...

Весело, въ сытость, въ полное удовольствіе жилось Петру Петровичу. Здоровье, не смотря на почтенныя лѣта, было несокрушимое. Онъ только одинъ разъ въ жизни былъ боленъ и то въ молодости; на одной изъ черноръченскихъ дачъ, за карточнымъ столомъ, онъ получилъ небольшую трепку съ преломленіемъ трехъ реберъ и сильными контузіями лица. Это печальное происшествіе подѣйствовало на него благотворно: онъ навсегда оставилъ карты. Но время беретъ свое, старость стала предъявлять свои права: ужъ не могъ, съ легкостью серны, порхать по лѣстницамъ, память стала ему измѣнять. Молодые люди, съ которыми онъ вечерялъ у Дюссо и Бореля, возмужали, остепенились и забыли объ его существованіи. Одинъ гдѣ-то командовалъ, другой гдѣ-то управлялъ, третій и т. д. Балетъ потерялъ свое обаяніе и запустѣлъ. Двери особъ разныхъ классовъ передъ нимъ постепенно затворялись. Ужъ онъ сталъ чувствовать свое одиночество и жилъ воспоминаніями, но аппетитъ его къ устрицамъ и омарамъ, къ стерляжьей ухѣ и московскимъ поросятамъ оставался все тотъ же. Съ грустью останавливался онъ около Милютиныхъ лавокъ и поглядывалъ на выставленную иностранную снѣдь. Хорошо бы теперь, размышлялъ онъ, десяточка два фленсбургскихъ, да кусочекъ бри, да стаканчикъ другой-третій шабли. И разыгрывалось его воображеніе: вспомнилъ онъ, какъ въ лавкѣ Одинцова онъ былъ когда-то своимъ человѣкомъ.

Бывало, входишь—Петру Петровичу-съ!—Здравствуй, Иванъ Васильевичъ! Что устрицы?—Живыя, сударь! Дышутъ и родину свою вспоминаютъ. — А третьяго-то дня подгуляли. — Что дѣлать-то? Ужъ мы въ посольствѣ справки наводили, по какому случаю въ С.-Петербургъ свѣжія устрицы не пришли. Тамъ тоже не знаютъ. Въ морѣ, думаютъ, чего не случилось ли...—А кто вчера былъ?—Три украсителя сѣверной столицы, съ нимъ двѣ этранжерки, самимъ Наполеономъ третьимъ сюда на разводъ присланныя... Кушали устрицы, переполняли себя виноградными источниками.—Сядешь, бывало, обольешь свою душу водочкой, закусишь свѣжей икоркой... А вѣдь распутная, коли правду-то говорить, жизнь была, заключилъ онъ мысленно, отходя отъ окна.

Рессурсы его все сокращались и сокращались. Ужъ ему не къ кому было, какъ прежде, обращаться съ тщательно переписаннымъ на толстой министерской бумагѣ

прошеніемъ: „Имѣю честь почтительнѣйше испрашивать милостиваго вниманія вашего превосходительства на болѣзненное мое состояніе и т. д.“ Въ прежнее время онъ шелъ съ подобнымъ прошеніемъ какъ въ свой карманъ, зная навѣрное, что на поляхъ этого прошенія будетъ немедленно начертано: „50 руб. изъ типографскихъ суммъ“. Соколовъ не получалъ уже своего пайка и питался собственнымъ заработкомъ—починивалъ башмаки, лакировалъ мебель и т. п., иногда удѣляя изъ этого заработка и Петру Петровичу.

— Соколовъ, тамъ за мной, кажется, три рубля?

— Точно такъ, ваше скородіе!..

— Такъ дай мнѣ еще шесть гривенъ.

— Слушаю, ваше скородіе.

— Я вотъ получу скоро... мы разочтемся.

— Не извольте безпокоиться, ваше скородіе.

Побираясь такимъ образомъ, то отъ Соколова, то отъ своей старинной знакомой, бывшей знаменитой танцовщицы, то отъ какой-то барыни, въ судьбѣ которой онъ въ молодости ея принималъ участіе, то отъ какой-то Розаліи Ѳедоровны, бывшей буфетчицы одного маленькаго ресторанчика, которой онъ способствовалъ вступить въ законный бракъ съ какимъ-то ошалѣвшимъ отъ пьянства и промотавшимся до нитки графомъ,—Петръ Петровичъ дожилъ, наконецъ, до чернаго дня. Квартирная хозяйка сначала намекала ему, а потомъ рѣшительно объявила, что она болѣе держать его у себя не можетъ, что она сама бѣдная женщина.

— Вы, Петръ Петровичъ при своихъ „связяхъ“ можете поступить въ какую вамъ угодно богадѣльню, вамъ это ничего не стоитъ. Хлопочите, предложила она ему.

Петръ Петровичъ ничего не могъ возразить и на старческихъ глазахъ его выступили слезы.

— Гонятъ насъ съ тобой, служба, обратился онъ къ Соколову по уходѣ хозяйки:—вотъ до чего дожили! Милостыню на паперти долженъ буду просить.

— Богъ милостивъ, ваше скородіе, не сумнѣвайтесь. Можетъ еще какая линія выдетъ—поправитесь, успокоивалъ его почтенный служивый.

На другой день, послѣ объясненія съ хозяйкой, Петръ

Петровичъ, по обыкновенію, пошелъ къ Доминику, тамъ у него было насиженное мѣсто. Билліардная была въ полномъ ходу. Петербургскіе игроки обдѣлывали посредствомъ маркера, выдаваемаго ими за рыбинскаго купца, какого-то пріѣзжаго харьковскаго помѣщика. Игра была на столько интересна, что всѣ мѣста въ билліардной были заняты зрителями, между которыми обратилъ на себя вниманіе Петра Петровича одинъ худощавый, высокій господинъ, хотя въ очень поношенномъ, но щегольскомъ пальто, со стеклышкомъ въ глазу.

— Гдѣ-то я его видѣлъ, подумалъ Петръ Петровичъ. Господинъ со стеклышкомъ въ глазу тоже обратилъ вниманіе на Петра Петровича и тоже подумалъ: — Гдѣ-то я его видалъ. По выходѣ изъ билліардной, они столкнулись въ дверяхъ.

— Петръ Петровичъ! воскликнулъ съ изумленіемъ господинъ со стеклышкомъ.

— Василій Андреевичъ, голубчикъ! обрадовался Петръ Петровичъ.

Они сѣли за столикъ.

— Триста лѣтъ я не видалъ васъ! началъ Василій Андреевичъ: какой вы старикъ-то стали!

— Ну и вы-то тоже! Изъ этакого красавца... Я было васъ совсѣмъ не узналъ...

— Мнѣ-то не мудрено. Другой на моемъ мѣстѣ... Пиво пьете?

— Отчего-жъ его не пить, напитокъ хорошій.

— Скверное здѣсь! Человѣкъ, дай двѣ кружки пива. Какъ я радъ васъ видѣть! продолжалъ любезничать Василій Андреевичъ. Помните Настасью Матвѣевну?

— Умерла, бѣдная.

— Умерла!

— Въ больницѣ.

— Въ больницѣ?! Скажите! Я изъ прежнихъ своихъ друзей никого не вижу. Да! Петербургъ очень измѣнился... Пятнадцать лѣтъ тому назалъ — ухъ! Что это за время было!.. Помните графа Григорія Дмитріевича... Что это за пріемы были!.. Помните, когда онъ жилъ въ Лѣсномъ...

— Какъ же, все помню.

— Ну, какъ вы поживаете, что вы подѣлываете?

Петръ Петровичъ глубоко вздохнулъ и разсказалъ въ краткихъ словахъ свою печальную исторію.

— Ну ужъ, батюшка, Петръ Петровичъ, что я пере-

несъ въ своей жизни, началъ скорбѣть въ свою очередь Василій Андреевичъ: такъ это только я могъ выдержать. Выслали меня тогда изъ Петербурга — помните — административнымъ порядкомъ. Какъ, за что, почему, клянусь вамъ прахомъ моей матери, не знаю... Не знаю! горячился Василій Андреевичъ (Петръ Петровичъ очень хорошо зналъ, за что его выслали). Рано утромъ, только я воротился изъ клуба, пріѣхалъ полицейскій, отвезъ меня въ канцелярію оберъ-полицеймейстера, тамъ стоитъ жандармъ съ сумкой...—„Помилуйте“, говорю, „ваше превосходительство, за что?“—„Это“, говоритъ, „не по моему распоряженію“. И вотъ пятнадцать лѣтъ... Помните, тогда грязное дѣло о подлогахъ было... Да я-то тутъ причемъ? Я подписывалъ векселя направо и налѣво, но на себя... Я въ подлогахъ не участвовалъ.

— Ну, а теперь, слава Богу, вы опять здѣсь..

— Временно, и, долженъ вамъ, какъ старому другу, сказать, инкогнито. Не возвращаютъ!.. Никакія силы не дѣйствуютъ! Ужъ кто-кто за меня не просилъ. Тетка заграницей лично ходатайствовала... Нѣтъ! Да заходите ко мнѣ, Петръ Петровичъ: поговоримъ о старомъ. Я живу на Гороховой. Приходите, милый человѣкъ. А помните, какъ мы у Дюссо... Экая чудная женщина была Настасья Матвѣевна! Да вотъ вы сегодня гдѣ обѣдаете?

Петръ Петровичъ замялся. Ему неловко было отвѣчать, что онъ нигдѣ не обѣдаетъ.

— Приходите къ намъ сегодня. Я говорю—къ намъ, потому что я не одинъ живу. Я васъ познакомлю съ моимъ сожителемъ... Онъ будетъ очень радъ.

Старые знакомые разстались. Петръ Петровичъ прошелся два раза по солнечной сторонѣ Невскаго проспекта, зашелъ потомъ домой, велѣлъ Соколову приколоть къ фраку звѣзду и, выходя изъ дому, потрепалъ его ласково по плечу, сказавши:

— Не робѣй, служба! Молись Богу!

— Слушаю, ваше скородіе, отвѣчалъ форменнымъ тономъ Соколовъ.

Идучи къ Василію Андреевичу, Петръ Петровичъ припоминалъ прежнія скверныя дѣла его. Вспомнилъ онъ, что Василій Андреевичъ былъ прикосновененъ къ дѣлу „по опоенію дурманомъ“ одного купца во время карточной игры, вспомнилъ еще два-три гадкихъ дѣла, вспомнилъ, наконецъ, что судебный слѣдователь выразился про

него такъ: „нѣтъ такой статьи уложенія, по которой бы нельзя было привлечь его къ отвѣтственности“. Поднявшись на лѣстницу, Петръ Петровичъ позвонился въ пятый номеръ. Лакей Демьянъ, атлетическаго сложенія, могущій въ кольцо согнуть кочергу, отворилъ ему дверь.

— Дома Василій Андреевичъ?

— Дома, ваше превосходительство, пожалуйте!

Петръ Петровичъ не безъ удивленія услыхалъ, что онъ титулуется превосходительствомъ и, взглянувши на лакея, вспомнилъ, что подобные дантисты держутся постоянно въ игорныхъ притонахъ на случай спуска съ лѣстницы и вообще для такихъ пріемовъ, гдѣ требуется физическая сила. Онъ вступилъ въ устланную коврами залу, на стѣнахъ которой висѣли копіи съ картинъ Нефа и нѣсколько небольшихъ картинокъ въ золоченыхъ рамахъ. Посреди залы было составлено рядомъ три ломберныхъ стола. Не оставалось сомнѣнія, что въ квартирѣ происходитъ игра.

Василій Андреевичъ выбѣжалъ изъ столовой на встрѣчу Петру Петровичу.

— Ахъ, Петръ Петровичъ, а мы ужъ водку пьемъ... Милости просимъ. Сейчасъ я васъ познакомлю съ Иваномъ Данилычемъ.

Они вошли въ столовую. Иванъ Даниловичъ сидѣлъ въ движущемся на колесахъ креслѣ и уписывалъ свѣжую икру. Около закуски стояло нѣсколько гостей, Петру Петровичу не знакомыхъ.

— Иванъ Даниловичъ, позволь тебя познакомить съ стариннымъ моимъ другомъ, Петромъ Петровичемъ.

— Очень радъ! отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ. Извините, ваше превосходительство, что встать не могу: калѣка.

— Сдѣлайте милость, перебилъ Петръ Петровичъ.

— Господа, обращаясь къ гостямъ, продолжалъ Василій Андреевичъ: — Его превосходительство, Петръ Петровичъ.

Гости поочередно подошли и пожали ему руку.

— Болѣе, кажется, намъ ждать не кого. Сядемте, сказалъ хозяинъ, быстро подкатившись къ столу.

— А чѣмъ ты насъ будешь кормить сегодня, заговорилъ, усаживаясь, Василій Андреевичъ.

— Не я буду кормить — поваръ, меланхолично отвѣчалъ Иванъ Даниловичъ: — это его дѣло. Что онъ дастъ, то и будемъ кушать.

Василій Андреевичъ взялъ меню и началъ:—господа, прошу вниманія!

Супъ шоссеръ съ пирожками.
Гарнадингъ изъ телятины ковернезъ.
Осетрина по-русски.
Жаркое индѣйки.
Сильсифи фри.
Бордалю кондэ.

Гости размѣстились. Петра Петровича посадили рядомъ съ хозяиномъ, съ которымъ онъ весь обѣдъ проговорилъ о его болѣзни, сожалѣлъ, что онъ въ такихъ лѣтахъ, въ которыя еще можно бы приносить пользу отечеству. Хозяинъ говорилъ, что онъ долго служилъ въ Сибири, долженъ былъ, по обязанностямъ службы, разъѣзжать по снѣжнымъ пустынямъ на собакахъ, откуда у него явился зародышъ болѣзни, приковавшей его впослѣдствіи къ креслу. Передъ ликеромъ одинъ за другимъ послышались звонки, стали появляться еще гости. Пришелъ молодой купеческій сынъ Корнюша, пришелъ какой-то солидный интендантскій чиновникъ, пришелъ штатскій господинъ въ очкахъ, пришелъ еврей, выдававшій себя за итальянца, и т. п. Корнюша сталъ пить портеръ съ шампанскимъ, а другіе гости прикасались, кто къ коньяку, кто къ ликеру. Когда подали сигары, Петръ Петровичъ одну закурилъ, а другую, незримо для окружающихъ, положилъ въ карманъ.

— Что же, господа, золотое время терять, обратился къ гостямъ хозяинъ, быстро повернувши кресло, — не угодно ли...

Всѣ пошли въ залъ. Пропустивши гостей, Василій Андреевичъ остановилъ за руку Петра Петровича.

— Петръ Петровичъ, началъ онъ:—вы, я вижу, крайне нуждаетесь въ средствахъ. Мы съ Иваномъ Даниловичемъ—это превосходнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ—хотимъ помочь вамъ. Ходите къ намъ, пожалуйста. Я, въ память Настасьи Матвѣевны, съ которой вы были дружны и которую я обожалъ, какъ святыню, хочу сдѣлать для васъ доброе дѣло...

Растроганный старикъ прослезился.

— Чувствительнѣйше васъ благодарю, Василій Андреевичъ. Нищій я! Вѣрьте, на улицѣ умереть долженъ. Гроша мѣднаго взять не откуда. Богъ васъ наградитъ.

Старикъ хотѣлъ упасть на колѣни, но Василій Андреевичъ удержалъ его.

— Полноте, голубчикъ, что вы!..

— Только я вамъ долженъ доложить, предупредилъ успокоившійся старикъ:—я вѣдь не генералъ, а вы меня величаете превосходительствомъ.

— Да вы у насъ за тайнаго совѣтника пойдете, спокойно произнесъ Василій Андреевичъ.

— Какъ за тайнаго совѣтника? воскликнулъ съ изумленіемъ Петръ Петровичъ.

— Да не все ли вамъ равно, какъ васъ будутъ называть.

— Да... но...

— Вѣдь вы говорите, что вы нищій?

— Нищій...

— Ну, а въ чинѣ тайнаго совѣтника вы будете сыты и одѣты.

— Я все не могу понять... началъ окончательно теряться Петръ Петровичъ.

— Ахъ, Петръ Петровичъ! Стара стала—слаба стала, говорятъ армяне. — Вы намъ нужны для декораціи. Понимаете?

— Да!.. то-есть...

— То-есть мы будемъ представлять васъ гостямъ за тайнаго совѣтника. Намъ это нужно...

— Ну, все равно—тайный, такъ тайный, согласился, махнувъ рукой, Петръ Петровичъ.

Они вошли въ залу, гдѣ уже звенѣло золото, трещали карточныя обложки. Василій Андреевичъ занялъ мѣсто въ срединѣ сдвинутыхъ столовъ, взялъ карты, стасовалъ, предложилъ срѣзать и, окинувъ взглядомъ присутствующихъ, произнесъ цинически:

— Ну, господа, молитесь Богу.

Наступила мертвая тишина, начало совершаться преступленіе.

Было около двухъ часовъ ночи. Петръ Петровичъ, не разсчитавшій за обѣдомъ силы коньяку, едва сидѣлъ на стулѣ. Интендантъ продулся совсѣмъ и цвѣтъ лица его сравнялся съ цвѣтомъ воротника. Демьянъ бодрствовалъ въ передней, прислушиваясь къ малѣйшему шороху на лѣстницѣ... Въ кухнѣ что-то скрипнуло... Демьянъ навострилъ уши и сдѣлалъ быстрое движеніе. Смолкло. Еще скрипнуло... Онъ устремился впередъ и наткнулся въ коридорѣ на полицейскаго офицера. Мгновеніе—и офицеръ,

за нимъ двое городовыхъ и понятые свидѣтели очутились въ дверяхъ залы.

— Господа, покорнѣйше прошу васъ такъ и остаться, какъ вы изволите теперь сидѣть, произнесъ онъ внушительнымъ тономъ.

Всѣ растерялись, одинъ только Корнюша оказалъ храбрость. Довольно развязно подойдя къ офицеру, онъ окинулъ его скосившимися отъ портеру глазами и спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Ничего, спокойно отвѣчалъ офицеръ.

— Позвольте посмотрѣть предписаніе.

— Какое предписаніе?

— А относительно того: по какому праву...

— Не угодно ли вамъ сѣсть на свое мѣсто, рѣзко произнесъ офицеръ.

— Если вамъ это нравится—извольте, я сяду.

— Позвольте узнать вашу фамилію? отнесся офицеръ къ Петру Петровичу...

— Тайный совѣтникъ, Петръ Петровичъ...

— Тайный?.. почтительно переспросилъ офицеръ.

— Тайный... виноватъ! Титулярный совѣтникъ Петръ Петровичъ...

— Ну, это немножко поменьше тайнаго, замѣтилъ иронически офицеръ.— Почему же это у васъ звѣзда-то?

— Это, осмѣлюсь доложить, персидская, отвѣчалъ въ конецъ растерявшійся Петръ Петровичъ.

Офицеръ приступилъ къ составленію протокола.

Черезъ день въ одной газетѣ было напечатано: „Спѣшимъ передать читателямъ нашей газеты распространившійся въ городѣ слухъ, за вѣрность котораго мы ручаемся. Вчера ночью, по Гороховой улицѣ, въ домѣ № 00 открытъ вертепъ шулеровъ. Въ числѣ арестованныхъ находится одно лицо, состоящее (страшно сказать!) въ чинѣ тайнаго совѣтника. Неужели всякаго рода хищенія и неправда такъ глубоко въѣлись въ организмъ“ и д. т.

Въ другой: „Инцидентъ, имѣвшій вчера мѣсто на Гороховой улицѣ, принадлежитъ къ безотраднымъ явленіямъ въ жизни большого города. Подробности завтра“.

Въ третьей: „Вскорѣ мы будемъ имѣть счастье присутствовать на громкомъ процессѣ, при благосклонномъ въ немъ участіи одного тайнаго совѣтника, находящагося со вчерашняго дня въ распоряженіи г. прокурора. Собираемъ свѣдѣнія и сообщимъ ихъ читателямъ“.

Четвертая разразилась такъ: „Кандалы сюда! Мы не можемъ безъ остервененія слышать распространившагося позорнаго слуха... Приливъ желчи мѣшаетъ намъ въ настоящую минуту назвать по имени арестованнаго вчера интеллигентнаго разбойника... Сообщимъ завтра“.

Каково же было ни въ чемъ неповинному Петру Петровичу, сидя у Доминика, прочитывать эти строки, зная, что они относятся къ нему. Въ карты онъ не игралъ, никого въ игру не завлекалъ, только плотно пообѣдалъ, да коньячку выпилъ. Такъ и въ протоколѣ о немъ записано. А что назвался тайнымъ совѣтникомъ—такъ этого въ протоколѣ не записано. Обмолвился и сейчасъ же поправился — назвалъ настоящій свой чинъ. Бывшій въ понятыхъ грамотный дворникъ былъ виновникомъ газетной тревоги. Въ прихожей камеры мирового судьи онъ разсказывалъ, что ихъ ночью „тревожили“ на обыскъ, забрали картежниковъ, одного тайнаго совѣтника. Въ камерѣ былъ репортеръ одного листка, онъ подробно разспросилъ дворника, тотъ ему подробно навралъ, репортеръ...

Дальше нечего разсказывать.

Какъ бы то ни было, но это происшествіе сильно подѣйствовало на Петра Петровича. Онъ вдругъ похудѣлъ и осунулся и вдругъ потерялъ разсудокъ.

— Соколовъ, если меня будетъ спрашивать сегодня министръ юстиціи, сказалъ онъ своему вѣрному слугѣ по возвращеніи изъ камеры судебнаго слѣдователя, куда онъ вызывался въ качествѣ свидѣтеля, такъ ты скажи ему, что я уѣхалъ въ Старый Іерусалимъ.

Черезъ нѣсколько дней его не стало. Тихо сложилъ онъ съ себя тяжелое бремя своей жизни. Квартирная хозяйка приняла участіе въ похоронахъ Петра Петровича, а Соколовъ заложилъ для этого случая свои серебряные часы.

— Тихій былъ старикъ, добрѣйшій, сказалъ онъ хозяйкѣ. — Двадцать годовъ мы съ нимъ жили. Надо его справить какъ должно.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА.

I.

Мгла. Слякоть. Не то снѣгъ, не то дождикъ. Городъ весь на ногахъ. Гостиный дворъ кишмя кишитъ. Приказчики сбились съ ногъ.

Невскій проспектъ представляетъ картину города, въ который вторгся непріятель: лица у всѣхъ озабочены, спѣшатъ, бѣгутъ, ѣдутъ...

На Сѣнной площади картина еще ярче: городъ взятъ; непріятель приступилъ къ грабежу.

Шумъ, давка, несвязныя рѣчи.

— Ужъ ежели это не поросенокъ...

— Почтенный, наскрозь всю Сѣнную пройдешь—дешевле не купишь...

— Что, Надежда Павловна, какъ провизія?

— Приступу нѣтъ!..

— Ежели еще денекъ дать постоять—все раскиснетъ. Птица нѣжная, много ли ей надо.

— Да, маленько прихватитъ и не удержишь...

— Свинина выстоитъ, свининѣ ничего не сдѣлается, а птицѣ этакая погода—бѣда.

— Я тебя, каналью, въ санитарную коммиссію! кричитъ на продавца фуражка съ гражданской кокардой:— гусь твой въ періодѣ разложенія и воняетъ...

— Напрасно, гусь первый сортъ. Вы извольте посмотрѣть, отвѣчаетъ продавецъ:—гдѣ же онъ воняетъ?

— Понюхай!

— Вотъ и нюхаю.

— Ну что?

— Какъ есть гусемъ пахнетъ... чудесно!..

— Постой!.. Городовой!..

— Еще что, мамаша, обращается молодой торговецъ къ кухаркѣ.

— Есть рябчики, только чтобы не давленные?

— Кому давленые, а такой особѣ давленные не отпущаемъ. Что, папаша, требуется?

— Какъ ихъ можно давить. Птица летучая, петли на нее не накинешь..

— И что это дума дѣлаетъ... Что она дѣлаетъ!..

— Что тутъ дума — дѣло не въ думѣ, а въ невѣжествѣ!..

Внутри Александровскаго рынка сплошная масса толпящагося народа.

— Иванъ Семенову, съ наступающимъ!

— И васъ также.

— За обновами?

— Чуйку хотимъ справить.

— Почтенный, у насъ покупали...

— Тетенька, что вамъ требуется?.. Пожалуйте!..

— Послушайте, господинъ! Пять съ полтиной!.. Пять!..

— Три рубля...

— Развѣ можно съ лампасами за три рубля... Помилуйте...

— Господинъ, у насъ есть брючки случайные...

Въ темной, узенькой, заваленной разнымъ тряпьемъ, лавкѣ приказчикъ сбываетъ мужику кафтанъ.

— Да ты надѣнь!.. Надѣнь, да и посмотрись въ зеркало.

Мужикъ надѣлъ.

— Съ обновкой честь имѣю поздравить! По первой гильдіи теперь ходить можешь. Такого фасону...

— Помочи, перчатки, манишки...

— Пожалуйте.

— Послушайте!..

— Продаешь что ли?

— Продаю.

— Покажи-ко! Краденый?

— Зачѣмъ краденой, свой собственный. Къ празднику деньги требуются.

Въ конторахъ закладчиковъ тѣснота. Деньги требуются!

— Ждали мы наградныя-то къ празднику, а генералъ возьми да и захворай, такъ всѣ съ носомъ и остались, бесѣдуютъ двѣ почтенныя женщины.

— Да-съ! Вотъ и я тоже! Что ты станешь дѣлать, никакъ не обернешься. Ужъ какъ хотите, елку непремѣнно нужно... Въ ломбардъ сунулась...

— Можете принять это кольцо?

— Позвольте.

— Что вы датите?

— Два съ полтиной...

— Да вѣдь оно съ бюрюзой.

— А ежели бы безъ бирюзы было — цѣна бы ему была полтинникъ.

— Нѣтъ, я не могу.

— Это ужъ ваше разсужденіе.

— Вамъ что угодно?

— Вотъ, батюшка, девять ложекъ столовыхъ, три чайныхъ, ситечко, Станиславъ 4-й степени.

— Пожалуйте направо...

— Вы возьмете лисій салопъ?

— Нѣтъ-съ.

— А гдѣ можно заложить?

— У жидовъ, на Вознесенскомъ.

— Это ужасно!.. Отчего вы не возьмете?

— Мягкой рухлядью не занимаемся...

На углу Кирпичнаго переулка стоятъ извозчики.

— Деньги, деньги, гдѣ ихъ достать? говоритъ полный отчаянія иззябшій человѣкъ въ рваной жакеткѣ.

— А требуются? иронически спрашиваетъ его лихачъ-извозчикъ.

— Ахъ какъ надо, ахъ какъ надо: два дня не ѣлъ...

— Вотъ сейчасъ баринъ два пятиалтынныхъ уронилъ — поищи; можетъ найдешь...

— Ему на два пятиалтынныхъ не управиться, замѣ-

чаютъ со смѣхомъ другіе: — ему, по его характеру, пяти рублей теперича мало. Потому, первое дѣло, онъ долженъ къ Дюссѣ идти...

Къ разговаривающимъ подъѣзжаетъ извозчикъ.

— То-есть, кажется... легче бы въ острогѣ сидѣть... началъ онъ, подвязывая лошади торбу.

— Городовой что ли наклалъ?

— Накладай сколько хошь — не обидно... Ушелъ!..

— Кто ушелъ?

— Сѣдокъ ушелъ!.. То-есть, кажется... Нетокма — незаплатилъ — собственныхъ моихъ кровныхъ пять рублевъ унесъ.

— Что-жъ, праздникъ! Деньги всѣмъ требуются...

— Сѣлъ въ 8 часовъ, гонялъ, гонялъ... То-есть, кажется... Подъѣхали къ кіятру, подожди, говоритъ, билетъ выправимъ... часа два стоялъ... То-есть, кажется...

Свечерѣло.

Массы снующаго народа разошлись. Невскій проспектъ принялъ обычный видъ. Изрѣдка попадаются пѣшеходы, экипажей совсѣмъ не видно.

Послѣ полуночи торжественный гулъ казанскаго колокола нарушается неистовымъ крикомъ какихъ-то гулякъ, возвращающихся на тройкѣ изъ Самарканда.

— Ромаша, выручи! кричитъ одинъ изъ нихъ извозчику: — выручи! Сдѣлай для великаго праздника!..

II.

На пригоркѣ, окруженномъ сосновымъ лѣсомъ, стоитъ село Копнино. До чугунки черезъ него шла большая дорога. Мужики были богатые. Теперь оно въ упадкѣ.

Постоялые дворы полуразрушены; трактира и въ поминѣ нѣтъ; кабакъ едва держится. Народъ разошелся по промысламъ: кто на чугунку пристроился, кто въ Петербургъ сошелъ, а кто такъ доживаетъ дни свои.

У села есть преданія.

Старики разсказываютъ объ разныхъ значительныхъ господахъ, которые у нихъ останавливались; что неоднократно проѣзжалъ великій князь Михаилъ Павловичъ „и

оченно насъ ублажалъ и даже доволенъ былъ. Бывало, ѣдетъ — ужъ мы это чувствуемъ и сейчасъ всѣ къ нему. А старичекъ одинъ двумя дѣтьми его высочеству поклонился—великій князь велѣлъ въ гвардію взять и въ ундера произвелъ, а со старикомъ чай пилъ".

Большая церковь, старинной архитектуры, обнесена вѣковыми липами; барскій каменный домъ стоитъ безъ жилья. Село старинное. Оно принадлежало во второй половинѣ прошлаго столѣтія господину Красноперову, который и похороненъ у церкви. На памятникѣ его можно прочитать слѣдующее:

„Достопочтѣнный господинъ армійскихъ полковъ полковникъ Иванъ Ивановичъ Красноперовъ, служившій въ семилетнюю прускую войну, подкомандою тогда бывшаго генерала порутчика графа Петра Александровича Румянцова и при взятіи имъ крепости Колберха раненъ вногу, откоторой раны впослѣдствій времени вполскомъ городе Торупе преставился 1760 г. и перевезенъ на семъ мѣстѣ въ присутствіи пріехавшей изъ дону плачевной супруги и малолетняго тогда сына Павла да будетъ ему вечная память".

Садъ заросъ; пруды высохли.

Село переходило изъ рукъ въ руки такъ часто, что нѣкоторые помѣщики не бывали въ немъ никогда.

— Мы господъ-то своихъ, почитай что и не видывали говорятъ крестьяне.

Грамотныхъ въ селѣ очень много; есть даже начетчики. Про какого-то Филиппа Ильича разсказываютъ, что онъ съ протопопомъ могъ разговаривать „отъ писанія".

Просвѣщеніе въ селѣ и въ окружности насадила и укрѣпила старушка помѣщица Елизавета Осиповна. Она любила благолѣпіе храма Божьяго и имѣла свой хоръ изъ дворовыхъ людей. Есть старики, которые до сихъ поръ поютъ на клиросѣ.

Ночь.

Бѣлая снѣжная поляна освѣщена мѣсяцемъ. Село спитъ. Сквозь нѣкоторыя окна просвѣчиваетъ огонекъ. Изъ нѣкоторыхъ трубъ уже видѣнъ дымъ.

Люблю тебя святая деревенская тишина. Люблю тебя въ весну роскошную, люблю тебя въ лѣто жаркое,

Въ осень ненастную,
Въ зиму студеную.

Вотъ проскрипѣли сани: запоздалый мужичекъ торопится къ празднику.

— Баушка, а что еще Христосъ не народился? спрашиваетъ старуху проснувшійся мальчикъ.

— Нѣтъ, батюшка, еще не ударяли. Какъ въ церкви ударятъ, такъ онъ и народится. Ты спи пока.

— А ты скоро лепешки будешь печь?

— Пеку, батюшка, пеку. Опосля заутрени придешь— первую тебѣ лепешку...

— Съ творогомъ чтобы...

— Розговѣнье—какже безъ творогу-то?..

Раздается ударъ колокола. Мальчикъ бросается съ печи.

— Теперь народился?

— Народился, батюшка, народился Царь нашъ Небесный.

По всему селу засвѣтились огни.

Начетчикъ Филиппъ Ильичъ давно ужъ на клиросѣ. Онъ задаетъ дьячку вопросы, на которые тотъ, по незнанію, едва отвѣчаетъ.

— Вотъ ты и скажи: что значитъ — „съ небесъ сящите?".

— Обыкновенно что...

— Нѣтъ — что?

— Ну, съ небесъ...

— Да это мы понимаемъ... А ты скажи къ чему, какъ? Я тебѣ скажу, что этого слова никто не знаетъ. Покойница Лизавета Осиповна у архирея спрашивала, такъ и тотъ: „не могу, говоритъ, знать, ваше превосходительство". Вотъ какое это слово!

Звонъ умолкъ.

Входитъ священникъ и начинается заутреня по чину.

„Дѣва днесь" пропѣта нотная; регентомъ былъ самъ священникъ, дирижировавшій камертономъ, а прочіе размахивали руками.

Послѣ заутрени священникъ прославилъ въ трехъ богатыхъ домахъ. Особенно торжественное славленье было у бывшаго содержателя постоялаго двора Никиты Михеева. „Дѣва днесь" пропѣли опять нотную и самъ Никита Михеевъ подтягивалъ. Когда священникъ окончилъ, начали подходить славить деревенскіе ребята. Никита одѣлялъ

всѣхъ пятаками. Одинъ парень лѣтъ 20 прочиталъ даже рацею, которая оканчивается такъ:

Я хоть малъ, да понимаю
Сколько радости въ сей часъ.
И такъ нынѣ поздравляю
Съ сею радостію васъ.

За что получилъ сразу три гривенника.

Съ Новымъ годомъ! Съ новымъ счастьемъ!

Въ старину было обыкновенiе привѣтствовать новый годъ стихами. Стихи эти печатались въ журналахъ, газетахъ и преподносились даже швейцарами посѣтителямъ клубовъ. Такъ швейцаръ одного московскаго собранiя, Семенъ Кобелевъ, пробряцалъ своимъ членамъ, въ 1844 году, слѣдующее стихотворенiе:

Давно я это зналъ, юнѣйшiй сынъ вѣковъ,
Что будешь къ намъ ты посланъ Фебомъ,
И изольетъ свои щедроты Богъ боговъ
На грѣшныхъ жителей подъ небомъ и т. д.

И этотъ же годъ встрѣтилъ покойный Мятлевъ такими стихами:

Новый годъ сорокъ четвертый
Къ намъ пришелъ съ сумой протертой... и т. д.

Впрочемъ не одинъ новый годъ—прежде и масляница удостоивалась лиры:

Честь имѣемъ васъ поздравить
Съ сырною недѣлей
И спѣшимъ стихи представить
Въ эти дни веселiй.
Да цвѣтетъ на многи лѣта
Славный нашъ Московскiй!
Врядъ ли гдѣ въ предѣлахъ свѣта
Есть трактиръ таковскiй.

Такъ привѣтствовали своихъ посѣтителей половые знаменитаго Московскаго трактира.

Теперь это обыкновеніе прошло. Журналы и газеты стиховъ не печатаютъ, а половые подносятъ карточки съ изящно отпечатанными амурчиками и простою надписью: „Съ новымъ годомъ!“ Поздравительная карточка отъ служителей трактира И. Я. Тѣстова.

Одно только фараоново племя въ татарскихъ ресторанахъ, съ гикомъ, визгомъ и стономъ встрѣчаетъ обожателей безшабашнаго кутежа и неистовства приложенными на новый годъ куплетами:

„Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ
Поздравляемъ, господа“.
И желаемъ вамъ съ участіемъ
Жить премногіе года... и т. п.

И такъ, за отсутствіемъ стиховъ, поздравляю тебя, дорогой читатель, прозой: съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ! Дай тебѣ его Богъ. А если ты уже въ нощь сію осчастливленъ — радуюсь за тебя; если обойденъ — не унывай, крѣпись: не послѣдній это годъ; а если ты ничего не ожидалъ къ новому году—веселись и торжествуй. Пойдемъ на улицу. Обрати окрестъ взоры и смотри какое движеніе: шапки, цилиндры, кивера, треугольныя шляпы, обшитыя золотомъ, серебромъ, не обшитыя ни тѣмъ, ни другимъ, каски, на которыхъ

Вѣютъ бѣлые султаны,
Какъ степной ковыль...

Всѣ спѣшатъ,

„Слѣпо свершая назначенный трудъ“.

Къ извозчикамъ лучше не подходи—сегодня ихъ день, теперь ты отъ нихъ зависишь. Онъ не только не подбѣжитъ - не подойдетъ къ тебѣ, будучи вполнѣ увѣреннымъ, что ты въ немъ нуждаешься.

— Извозчикъ, до четырехъ часовъ...

— Семь рублей, отвѣчаетъ онъ разсѣянно.

— Что ты, очумѣлъ что ли!

— Помилуйте, сударь, день-то ныньче какой... Опять же закладка...

— А велика ѣзда будетъ? спрашиваетъ другой.

— Сказано: до четырехъ часовъ.

— Дайте шесть съ четвертью.

— Дуракъ!

— Какъ угодно! День-то ныньче... Годъ цѣлый его ждали.

— Извозчикъ, въ Моховую.

— Дайте семьдесять пять копѣекъ...

— Да вѣдь отсюда три шага...

— Что-жъ, сударь, дѣлать: день такой...

Вотъ изъ подъѣзда вышелъ какой-то господинъ въ штатскомъ пальто и форменной треуголкѣ. Онъ спѣшитъ.

— Извозчикъ, въ Смольный монастырь, оттуда на Литейную, потомъ... потомъ на Фонтанку... Потомъ... Ну, чертъ тебя возьми... Въ ту... ахъ ты, Господи! Какъ она называется?.. Въ Коломну.

Извозчикъ все выслушалъ и отвѣтилъ мрачно:

— Занятъ.

— Тьфу ты, анаѳема, отрѣзалъ господинъ и побѣжалъ.

— Вотъ-те и анаѳема? Промнись! Теперь извозчики-то... наплачешься, проворчалъ ему вслѣдъ извозчикъ.

У воротъ дома стоятъ, облизываясь, дворники. Они вышли на всякій случай, „потому, какъ есть, которые господа даютъ, можетъ на счастье, что и попадетъ".

Подъѣхалъ солидный баринъ. Дворникъ почтительно снялъ шапку и отстегнулъ полость. Другіе дворники тоже сняли шапки и умильно поклонились. Баринъ вышелъ изъ саней и вошелъ въ дверь.

— Что? Далъ?

— Нѣтъ, со вздохомъ отвѣчалъ дворникъ: — только поздравилъ. И тебя, говоритъ, также.

— Народъ! произнесъ иронически одинъ изъ его товарищей.

— Тутъ такихъ господъ почитай что и нѣтъ, продолжалъ дворникъ: — вотъ за три часа гривенникъ, да пятачекъ. А бывало въ домѣ Калугина, за это время, рубля два наберешь. Пустое дѣло — не стоитъ. Уваженье, кажись, дѣлаешь и праздникъ этакой...

— Великій, подхватилъ другой дворникъ.

— На что ужъ больше! Свѣтлый день, да этотъ... Нѣтъ, ужъ это домъ такой... Бывало въ домѣ Калугина всякій давалъ по силѣ возможности...

Подъѣхалъ еще господинъ—дворники всѣ бросились отстегивать полость. Опять та же исторія: опять только поздравленіе получили.

— Значитъ — совѣсти у человѣка нѣтъ. Для этакого

праздника... Тьфу! окончилъ дворникъ и ушелъ въ ворота; другіе послѣдовали его примѣру.

Парадный подъѣздъ.

Роскошная швейцарская. Мраморная лѣстница устлана богатымъ ковромъ.

„Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ".

Швейцаръ съ булавой то и дѣло отворяетъ дверь и оретъ какимъ-то сиплымъ дикимъ голосомъ:

„Подавай!"

На столѣ въ швейцарской груда визитныхъ карточекъ и три листа кругомъ исписанной бумаги.

Второй швейцаръ въ золотѣ, въ такомъ костюмѣ, про который русскій человѣкъ говоритъ, что „такъ нарядить человѣка, значитъ—осрамить и обругать его на всю жизнь".

Онъ нѣкоторымъ почтительно кланялся, приговаривая: „Съ Новымъ годомъ, ваше превосходительство"; а нѣкоторымъ просто показываетъ листъ съ нѣкоторой фамильярностью:

— Здѣсь можно росписаться.

Записавшій свое имя и званіе вручаетъ ему переводъ на государственный банкъ и быстро удаляется.

— Что, Алексѣй Савельичъ, какъ дѣла? обращается къ швейцару выѣздной лакей Павелъ.

— Благодареніе Богу, идетъ хорошо! Хорошо идетъ! Жаловаться нельзя, отвѣчалъ швейцаръ съ важностью: — Вицъ-директоръ только маленько проштрафился: въ прошломъ году пять, а теперь три. Я такъ понимаю, что ошибся... Слава Богу, идетъ чудесно! Не знаю вотъ кто это рубль сунулъ. Это, должно быть человѣколюбивый купецъ... больше его некому.

— Это какой же?

— А изъ человѣколюбиваго общества.

— Это со звѣздой-то?

— Вѣдь она у него персидская, не наша. Онъ вмѣстѣ съ прокуроромъ вышелъ. Прокуроръ далъ три... Ну, да это онъ и есть.

Просто подъѣздъ.

Швейцарская скромная и швейцаръ скромный. Нѣтъ той внушительной важности, какъ у швейцара параднаго подъѣзда, а что-то подло заискивающее, что-то умильно-

противное. Изъ подъ лѣстницы гдѣ его обитель, выглядываютъ трое ребятишекъ, поминутно спрашивая:

— Тятенька, сколько далъ?

— Сорокъ копеекъ.

— Манька, сорокъ копеекъ.

Въ этой швейцарской не та публика и цѣна не та: здѣсь за рубль швейцаръ вздрагиваетъ всѣмъ корпусомъ. Но все-таки разложенъ листъ бумаги и валяются пять шесть карточекъ. На листѣ записались:

Иванъ Павловъ.

Павлинъ Меліоранскій.

Чиновникъ на усиленіе средствъ Дымченко.

Николай Изразцовъ и т. п.

На углу Большой Морской такое движеніе, что полиція едва успѣваетъ направлять экипажи. Смотрите, сколько лицъ свѣтлыхъ, веселыхъ, мрачныхъ, равнодушныхъ, разсѣянныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ эту ночь осчастливлены. Вотъ этотъ, напримѣръ, непремѣнно осчастливленъ. Смотрите, какъ онъ весело глядитъ по сторонамъ. Онъ сегодня въ новомъ украшеніи будетъ играть въ карты въ благородномъ собраніи.

— Позвольте васъ поздравить, Иванъ Степановичъ, говоритъ ему партнеръ.

— О, полноте пожалуйста! Для человѣка служащаго это вещь неизбѣжная, отвѣчаетъ онъ равнодушно.

Неправда! Онъ всю ночь примѣривалъ у зеркала.

А вотъ этотъ ждалъ въ 12 часовъ пополуночи, ждалъ къ двумъ, ждалъ къ девяти утра и въ двѣнадцать пополудни узналъ, что сорвалось! Смотрите, какой онъ сердитый.

— Я думалъ васъ встрѣтить сегодня въ новомъ украшеніи, говоритъ ему партнеръ.

— О, полноте пожалуйста, я служу не для того...

Неправда!.. Эта ночь была для него мучительна.

Теперь пойдемъ къ нищетѣ и у ней тоже новый годъ сегодня. Еще не стемнѣло, она теперь на улицѣ.

Узкій переулокъ. Высокіе дома, всѣ въ вывѣскахъ:

„Кофейная на правахъ трактира“.

„Ресторація“.

„Трактиръ Любимъ“.

„Портерная лавка“.

„Пивная лавка съ разныхъ заводовъ“.

„Русскій буфетъ съ продажею пива и меда“.

„Погребъ иностранныхъ винъ купца Кривоногова“.

У воротъ дремлютъ дворники, не смотря на шумъ и движеніе.

— Съ новымъ годомъ! говоритъ, едва держась на ногахъ коренастый приземистый столяръ.

— Выпилъ?

— Порядочно! Больно праздникъ-то великъ, ну и выпилъ!

— Спать теперь пойдешь?

— Никакъ нѣтъ-съ. Спать намъ нельзя.

— Почему же?

— Потому у насъ положеніе...

— Какое?

— Обнаковенное положеніе: пей, пока не трогаютъ. Отнимутъ ежели — тогда не надо. Теперича я наскрозь буду пить... Городовой ежели скажетъ...

— А городового боишься?

— Страсть! Околоточный тише... Иванъ Павлычъ... а городовой — страсть! Теперича всѣ выпимши: портные, сапожники... вся мастеровщина какъ есть вся пьяная... Потому какъ есть новый годъ и, значитъ, дай Богъ, къ примѣру, всѣмъ...

— Спать бы шелъ.

— Невозможно!

Изъ Москвы я прибылъ въ Питеръ
Все по собственнымъ дѣламъ...

Запѣлъ пьяный человѣкъ и направился къ питейному заведенію.

Дѣйствительно мастеровщина вся пьяная. Всѣ заведенія торгуютъ бойко. Городовой сосредоточенно смотритъ на бѣснующуюся толпу и изрѣдка дѣлаетъ замѣчанія.

— Шумятъ, обращаюсь я къ нему.

— Никакъ, ваше благородіе, сообразить не могу. Хуже нѣтъ этого народу. Простой мужикъ лучше. Тотъ напьется, ткнется гдѣ попало и бери его живого; а мастеровой народъ не дай Богъ, особливо который въ пальтѣ ходитъ. Станетъ изъ себя доказывать — ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

— А долго будутъ шумѣть?

— Какъ все пропьютъ, такъ и кончено. Который самъ поползетъ, а котораго товарищи поведутъ. Больно, ваше благородіе, въ этомъ участкѣ рвани много и на что

она пьетъ, даже удивительно. Теперича она вся по трактирамъ, да по пивнымъ, а вотъ къ вечеру-то полѣзетъ... Нѣтъ никакой возможности.

— Чѣмъ они живутъ?

— Воруютъ, али такъ, побираются... Протестутки эти тоже... тьфу! окончилъ городовой, быстро бросившись къ толпѣ, въ которой началась драка: схватились портные. Это, по счету дежурнаго дворника, была десятая.

— Дерутся, замѣчаютъ дворнику.

— Пущай для новаго года погрѣются, это имъ хорошо, отвѣчаетъ дворникъ: съ утра стонъ стоитъ. Для новаго года да не напиться — не каторжные, заключилъ онъ, завертываясь въ тулупъ.

Смеркло.

Мы не пойдемъ въ ворота дома, по той грязной, вонючей лѣстницѣ, питомнику тифа, лихорадки и т. п., гдѣ ютится и скрывается отъ взоровъ полиціи рваная-рвань, голая-голь безпаспортная. Тебѣ страшно сдѣлается. Тамъ у человѣка нѣтъ образа и подобія Божія; тамъ уже слезы нѣтъ; тамъ грязь, рубища, удушливый кашель, на лицахъ кровяные подтеки, но и у нихъ, у этого несчастнаго отребья, тоже сегодня новый годъ. Поздравимъ ихъ мысленно, пожелаемъ и имъ въ новомъ году счастья и обновленія жизни.

— Пойдемъ лучше...

— Куда?

— А вонъ видишь залитый огнями этажъ. Тамъ сегодня раутъ. Только вѣдь тамъ скучно. Хотя...

Все такъ прилажено и тальи всѣ такъ узки,

а тоска безъисходная. Не идти ли намъ въ какой-нибудь клубъ или собраніе; но вѣдь тамъ завинтились до одурѣнія: тамъ тоже скучно...

— Гдѣ же весело-то?

— Не знаю.

УТРО ХОЛОСТОГО ЧЕЛОВѢКА.

(ДРАМАТИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ).

Обширный, роскошно убранный кабинетъ. Посрединѣ круглый столъ, на которомъ въ большомъ порядкѣ разложены книжки и альбомы. Стѣны увѣшаны портретами, писанными масляными красками, гравированными, литографированными и фотографическими. Въ средѣ ихъ есть и генералы, и штатскія персоны, и духовныя особы, и дамы, и младенцы, и какой-то турецкій сановникъ въ парадной формѣ. Въ простѣнкахъ, между оконъ, латы, кольчуги и вообще старинное оружіе. Письменный столъ въ большомъ безпорядкѣ. На столѣ, между шкафами съ книгами, телефонъ.

ДѢИСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Юрій Дмитріевичъ Аксановъ, изящный мужчина, лѣтъ 30.

Прасковья Өедоровна, его родственница, богатая московская барыня.

Бердыбаевъ, лѣтъ 40, истасканная физіономія, съ развязными манерами, въ весьма поношенномъ, но изящно сшитомъ платьѣ.

Өедоръ Лукичъ, старый слуга, низенькій и толстенькій, совершенно сѣдой.

Евстигней, камердинеръ, молодой человѣкъ, въ платьѣ съ барскаго плеча.

Иванъ Прохоровъ, крестьянинъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Входятъ Бердыбаевъ, за нимъ Өедоръ Лукичъ).

Бердыбаевъ.

Не ужели до сихъ поръ не вставали? Вѣдь это чертъ

знаетъ что такое—спать до сихъ поръ! (Подходитъ къ столу и перелистываетъ альбомъ). Не понимаю! Кто это такое? (Всматривается въ фотографическую карточку). Ты не знаешь кто это?

Лукичъ.

Не могу знать.

Бердыбаевъ.

Ничего ты, старый хрѣнъ, не знаешь.

Лукичъ.

Да гдѣ-жъ намъ, сударь, знать! Юрій Дмитричъ пришли, вставили... это ихнее дѣло.

Бердыбаевъ.

Давно?

Лукичъ.

И этого, сударь, доложить не могу, потому мы сюда не касаемся. Не касаемся потому, что это не наше дѣло. И зачѣмъ намъ входить въ барскія дѣла, когда у насъ своего дѣла много.

Бердыбаевъ.

Какія это у тебя дѣла?

Лукичъ.

А какъ же, сударь! То, другое, пятое, десятое... Помилуйте, не управишься. Хоть взять таперича лампы — четырнадцать ихъ штукъ надо заправить. Ну-съ, теперича все прибрать... Пыль теперича... А вѣдь я одинъ.

Бердыбаевъ.

А Евстигней что дѣлаетъ?

Лукичъ.

Что Евстигней-дѣлаетъ—напиросы набиваетъ и неудовольствіе его въ томъ, что не въ такомъ бы званіи ему быть—не въ лакейскомъ. И теперича вотъ повадился въ нѣмецкій клубъ въ барскомъ фракѣ ходить — бѣда да и только! А ужь я, сударь, старъ становлюсь. Скажешь когда, а онъ сердится. Ну, а до Юрья Дмитрича доводить не хочется, потому какъ онъ, по добротѣ своей души, ни во что не входитъ. (Оглядывается кругомъ и понижаетъ тонъ). Те-

перича то возьмите: у Юрья Дмитрича деньги несчитанныя: прiѣдетъ изъ клуба, али откуда—все разбросаетъ; ну такъ я самъ ихъ раздѣваю, одного его недопускаю... боюсь! А онъ сердится: я, говоритъ, камердинеръ, а не вы. Какой ты, говорю, камердинеръ? Ты, говорю, зарайскiй мѣщанинъ! А я, говорю, прирожденный камердинеръ! Покойному Дмитрiю Борисовичу служилъ... за старостiю лѣтъ только...

Бердыбаевъ.

Такъ ты думаешь онъ похватываетъ (дѣлаетъ рукой жестъ)?

Лукичъ.

А какъ же съ! Кабы, сударь, не мой глазъ—весь бы домъ разнесли. Вѣдь Юрья Дмитрича обери съ ногъ до головы—не почувствуетъ! (Тихо). Теперь повадилась какая-то курносая изъ клуба къ нему ходить... Пока еще, по моему замѣчанiю, варенье да сахаръ воруютъ, да въ носовыхъ платкахъ недочетъ, а вѣдь, пожалуй... Вотъ я посмотрю, посмотрю, да такъ турну и своихъ у меня не узнаютъ! Пакость этакую въ домѣ заводятъ!..

ЯВЛЕНIЕ II.

Входитъ Евстигней и кладетъ на письменный столъ визитную карточку.

Бердыбаевъ (взглянувъ на карточку).

Куда онъ поѣхалъ: направо или налѣво?

Евстигней.

Сказали кучеру въ Конюшенную.

Бердыбаевъ.

Что жъ ты не сказалъ, что я здѣсь?

Естигней.

Они не спрашивали.

Бердыбаевъ.

А у самого у тебя догадки-то нѣтъ? (Евстигней уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

Бердыбаевъ и Лукичъ.

Бердыбаевъ (посвистывая).

А что, Өедоръ Лукичъ, есть у Юрія Дмитрича деньги?

Лукичъ (многодумно).

Да какъ вамъ доложить... По моему замѣчанію... не должно быть.

Бердыбаевъ.

Да вѣдь ты вчера раздѣвалъ его?

Лукичъ.

Дѣйствительно я ихъ раздѣвалъ, но только что-то мнѣ не въ домекъ. А такъ, повидимому, словно бы нѣтъ... Духъ у нихъ не тотъ. По моему замѣчанію, когда у нихъ денегъ нѣтъ — они очень въ то время долго почиваютъ. Опять же вчера на ночь книжку въ постели читали—это значитъ: нѣтъ. Когда при деньгахъ — они сейчасъ засыпаютъ.

Бердыбаевъ.

Ужасно глупо! (Надѣваетъ шляпу). Я сейчасъ назадъ пріѣду.

Лукичъ.

Слушаюсь-съ. (Бердыбаевъ уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лукичъ.

Тоже много имъ на прожитіе требуется!.. Вотъ третій годъ моихъ двадцать пять за нимъ пропадаетъ. Спросить — словно бы какъ совѣстно, а самимъ имъ не въ догадъ. (Звонитъ телефонъ, подставляетъ къ уху трубку и отвѣчаетъ). Я-съ... Өедоръ... Почиваютъ... Никакъ нѣтъ-съ... Въ четвертомъ часу... Слушаю-съ... Слушаю-съ... Аркадій Дмитричъ... (закрываетъ телефонъ). Къ Медвѣдю просятъ завтракать. Будить надо, а какъ будить?.. Я ужъ и не знаю. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ V.

Входитъ Аксановъ, за нимъ слѣдуютъ огромный сенбернардскій песъ „Султанъ“, и Евстигней съ чайной сервировкой.

Аксановъ (беретъ исписанный клочекъ сѣрой бумаги).

Когда это принесли?

Евстигней.

Въ восемъ часовъ. Мужикъ принесъ. На кухнѣ дожидается.

Аксановъ.

Позови его. (Евстигней уходитъ, читаетъ): „Милостивому государю Юрьи Митричю что я тебѣ пишу Иванъ Прохоровъ Рошковъ изъ деревни Акишева съ Карякинской станціи что лоси стоятъ и 18 сего проверяли и стоятъ и медведь лижитъ крепко и крухъ небольшой“... (Входитъ Иванъ Прохоровъ). Ну, что?

Рожковъ.

Думалъ: можетъ не застану и въ томъ случаѣ письмо написалъ. Надо бы ѣхать, Юрья Митричъ, оказія-то очень хорошая. Три круга, помилуйте! И вытти некуда. А медвѣдь... Господи! Я такихъ и не видывалъ. Согнали мы его—за дровами ѣздили—такъ даже необнаковенно!.. Думали: не лошадь ли въ лѣсу запуталась! Черный! Лапища страсть!.. Пожалуйте, у насъ все готово.

Аксановъ.

Да вѣдь холода стоятъ...

Рожковъ.

Да вѣдь холода что! Холода ничего!..

Аксановъ.

Что это у тебя рука-то?

Рожковъ.

А рука моя, почитай, никуда не годится: палецъ отрубилъ. Въ самое заговѣнье.

Аксановъ.

Совсѣмъ отрубилъ?

Рожковъ.

Да вотъ, все одно, какъ собакѣ хвостъ рубятъ, такъ и я отхватилъ.

Аксановъ.

Какъ же это ты?

Рожковъ.

Такъ ужъ, грѣху быть? Слабость это наша... пьяный.

Аксановъ.

Жалко!

Рожковъ.

Спервоначалу-то и мнѣ жалко было... Разовъ пять плакать принимался, а теперь ничего, привыкъ...

Аксановъ.

Какъ же это Петръ Сергѣевичъ медвѣдя-то пропустилъ?

Рожковъ.

А вотъ извольте видѣть, Юрья Митричъ... Мнѣ душа нужна... Всю вамъ правду скажу... Морозъ былъ очено. Ихъ нумеръ пришелся какъ разъ на опушкѣ и мѣсто эдакое чудесное. Хорошо! Ежели, говорю, Петръ Сергѣичъ, онъ въ тотъ уголъ вдарится, такъ опричь какъ на васъ ему вытти не на кого, мы его отсюда на васъ-таки и поворотимъ; а вы только берегите, чтобы онъ скрозь не прошелъ, потому сзади чаща большая... такая чаща, даже до невозможности. (Одушевляясь). Ну вотъ сейчасъ... А они были башлыкомъ закрымши. Ну, вотъ сейчасъ стали какъ быть должно и сейчасъ я бабъ разстанавливать пошелъ, потому скучимши оченно были. Жмутся, подлыя, одна къ другой, да хоть ты что хочешь! Потому, пуганыя. Одну бабеночку въ запрошломъ году медвѣдь потрепалъ маленько.

Аксановъ.

Закусалъ?

Рожковъ.

Нѣтъ, а такъ, значитъ... маленько прищемилъ... Ничего! Выходилась. Мальченко съ ней рядомъ стоялъ, того шибко задралъ... Ну вотъ сейчасъ, подшелъ я къ бабамъ-то, а Павлуха кривой на лыжахъ, смотрю, бѣжитъ.

„Ты, говоритъ, что знаешь?" — „Что?" — „Медвѣдь-то ушелъ!" — „Какъ ушелъ?"—„Вотъ-те, говоритъ, и какъ?" Ну, думаю: ужъ отъ Петра Сергѣича живой я теперича не уйду.—Молчи, говорю... (Звонитъ телефонъ).

Аксановъ (подставляетъ трубку къ уху).

Да, всталъ... Сейчасъ пріѣду. Голандскихъ я не ѣмъ... Не хочу... И мнѣ тоже. Лукичъ! (Входитъ Лукичъ). Что-жъ ты мнѣ не сказалъ, что меня зовутъ къ Медвѣдю завтракать?

Лукичъ.

Шелъ докладывать...

Аксановъ.

Сани мнѣ. А ты ступай къ Петру Сергѣичу. Если онъ поѣдетъ и я поѣду. Прощай!

Рожковъ.

Прощенья просимъ. А что медвѣдь дивный идетъ. (Султанъ вытягивается во весь ростъ и кладетъ ему переднія лапы на плечи). А что Юрья Митричъ, волка ежели онъ живо обработаетъ.

Аксановъ.

Я думаю.

Рожковъ.

Я такъ понимаю—дохнуть не дастъ. Въ деревню бы намъ такого... Прощенья просимъ!.. (Уходитъ).

Аксановъ.

Однако это надоѣсть можетъ! (Подставляетъ трубку). Какой Книримъ? Чортъ знаетъ, что такое! Какія магистральныя трубы? Ничего не понимаю! — Кто говоритъ? Да слышу что Книримъ! Откуда говорятъ?—Ну такъ вы съ Бердовымъ заводомъ и разговаривайте! (Закрываетъ телефонъ). Это просто ужасно!

Лукичъ (входитъ).

Сейчасъ подадутъ.

Аксановъ.

Какой-то Книримъ въ телефонъ разговариваетъ!

Лукичъ.

А меня, сударь, разъ тоже кто-то, по ошибкѣ, спрашивалъ, въ которомъ часу скончался и когда панафида будетъ...

ЯВЛЕНІЕ VI.

Аксановъ и Прасковья Ѳедоровна.

Аксановъ (спѣшно идетъ на стрѣчу).

Bon jour, ma tante... (Цѣлуетъ руку).

Прасковья Ѳедоровна.

Я къ тебѣ на минутку... не задержу...

Аксановъ.

Сдѣлайте милость... я не тороплюсь... Ну какъ ваше здоровье?

Прасковья Ѳедоровна (садясь въ кресло).

Что мое здоровье!.. Плохо! Пріѣхала съ тобой посовѣтоваться. Ты знаешь, я на Матео перешла, гомеопатію оставила. Никакой она мнѣ пользы не приноситъ...

Аксановъ.

Ma tante, простите меня! Мнѣ кажется — вы совершенно здоровы!

Прасковья Ѳедоровна.

Нѣтъ, Юрушка, чувствую такую слабость, такое изнеможеніе...

Аксановъ.

А вы бросьте и Матеи и гомеопатію, всѣ эти крупинки, зернушки.

Прасковья Ѳедоровна.

Чтожъ, вы меня тогда черезъ недѣлю въ Невскую Лавру свезете... Ахъ, Юрушка, во мнѣ болѣзнь страшная, необыкновенная... Мой докторъ говоритъ: ужъ я, говоритъ, и не знаю, какія, вамъ средства давать.

Аксановъ.

А вы бы къ Боткину...

Прасковья Өедоровна.

Это микстуру-то пить!.. Мнѣ нуженъ хорошій гомеопатъ... Я свою натуру знаю.

Аксановъ.

Ma tante, смотрите—какая вы полная.

Прасковья Өедоровна.

Вотъ полнота-то и есть моя болѣзнь. Мой докторъ говоритъ: я вамъ даю самыя сильныя средства, которыя, какъ онъ выразился, которыя не всякая лошадь...

Аксановъ.

Полноте, ma tante, лошадь всю гомеопатическую аптеку выпьетъ и съ ней ничего не сдѣлается... Простите меня, пожалуйста!..

Прасковья Өедоровна.

Мнѣ очень грустно, Юрушка, что вы всѣ мнѣ не вѣрите; а на княгиню я даже разсердилась! Какъ это не вѣрить человѣку, когда онъ боленъ?

Аксановъ.

Гомеопатъ вамъ дастъ гранъ мышьяку, растворенный въ количествѣ воды, равномъ земному шару, увеличенному въ семь разъ...

Прасковья Өедоровна.

Ну ужь пожалуйста! Ты такой же, какъ твоя тетка Настасья Алексѣевна: вы ничему не вѣрите. Та меня и за Пашкова ругала...

Аксановъ.

Что жъ вамъ церквей что ли мало въ Петербургѣ?

Прасковья Өедоровна.

Оставьте меня, ради Бога! Напрасно я къ тебѣ пріѣхала. Ты знаешь, какъ мнѣ вредно волноваться...

Аксановъ.

Я бы на вашемъ мѣстѣ, ma tante поѣхалъ въ Ниццу, сѣлъ бы подъ пальму...

Прасковья Өедоровна.

А курсъ-то какой?

Аксановъ.

Неужели васъ, при вашемъ огромномъ состоянiи, можетъ безпокоитъ курсъ? Ma tante, вѣдь вы однѣ...

Прасковья Өедоровна.

Ты хочешь сказать, что умру я — все останется?

Аксановъ.

Нѣтъ, я этого не хочу сказать... Дай вамъ Богъ долго жить.

Прасковья Өедоровна.

Вы всѣ думаете, что я жадная, а я совсѣмъ не жадная и помогаю очень много. Да вотъ ты считай: тетка твоя Настасья устраиваетъ концертъ въ пользу бродячихъ малютокъ: выманила у меня за билетъ десять рублей. Княгиня заставила меня заплатить двадцать пять рублей за столовую, гдѣ мужиковъ кормятъ. Да вчера мой докторъ присталъ, затѣваетъ какое-то общество — ему... Да! Прочти пожалуйста, что это за общесто... Онъ мнѣ далъ и афишу печатную... Я никакъ понять не могу... (Подаетъ).

Аксановъ (читаетъ).

„При скученномъ населенiи столицы, при громадномъ наплывѣ рабочаго класса, ютящагося въ сырыхъ подвалахъ и грязныхъ углахъ, дороговизна жизненныхъ предметовъ первой необходимости является бичемъ человѣчества. Одна медицина не въ состоянiи бороться со зломъ: она ждетъ къ себѣ на помощь щедрую благотворительность. Предполагая учредить благотворительное общество введенiя въ организмъ людей рабочаго класса мясныхъ суррогатовъ, докторъ Азриль проситъ“...

Прасковья Өедоровна.

Я тридцать рублей дала...

Аксановъ.

Это, ma tante, хорошо.

Прасковья Өедоровна.

Хорошо? Признаться тебѣ, сказать, жалко было. Все-таки, какъ хочешь, сумма не малая. А ты знаешь, вѣдь я домъ-то московскій продала.

Аксановъ (съ удивленіемъ).

Какъ, тетушка!

Прасковья Өедоровна.

Продала купцу одному. Ужь и повѣренный отъ него пріѣзжалъ съ задаткомъ

Аксановъ.

Какъ же это, ma tante, вы вѣдь это продали историческій памятникъ!

Прасковья Өедоровна.

Чтожъ, сама я въ немъ не живу.

Аксановъ.

Вѣдь купецъ въ немъ трактиръ откроетъ! Неужели вамъ, ma tante, не жалко будетъ, когда въ залахъ, гдѣ перебывала вся старинная Москва, гдѣ бывали и Кутузовъ, и Барклай, заведется обжорный рядъ... Что вы, ma tante! Позвольте мнѣ не вѣрить...

Прасковья Өедоровна.

Ужь и самой теперь жалко, да дѣлать нечего... Ты ко мнѣ не ѣздишь, тетка твоя Настасья какъ была вертушка, такъ и осталась вертушкой... Посовѣтоваться мнѣ не съ кѣмъ, и при болѣзни моей, меня всякій можетъ обмануть... а тутъ подвернулся добрый человѣкъ, уговорилъ...

Аксановъ.

Это ужасно!

Прасковья Өедоровна.

Что-жъ тутъ ужаснаго, я не понимаю. Не разстроивай меня пожалуйста: я очень больна и вѣрь мнѣ, Юрушка, болѣзнь моя неизличима. Ахъ, ты знаешь, какъ меня Бердыбаевъ вашъ надулъ.

Аксановъ.

Денегъ взялъ?

Прасковья Өедоровна.

Тысячу рублей! Да вѣдь какой хитрый! Такъ поддѣлался, такого туману напустилъ!.. Больнымъ притворился, сталъ ко мнѣ ходить, изъ моихъ пузырьковъ капли принималъ. Потомъ... Ну, Богъ съ нимъ, ему, говорятъ, ѣсть нечего. И вѣдь его вездѣ принимаютъ. Ну, прощай, голубчикъ. Поѣду къ княгинѣ. Бранитъ она меня, а я ее люблю. (Встаетъ). Ахъ, ты знаешь, Алина разводится съ мужемъ, пятьдесятъ тысячъ даетъ ему...

Аксановъ.

Отступнаго?

Прасковья Өедоровна.

И ѣдетъ въ Парижъ. (Идетъ). Я всегда говорила, что это тѣмъ кончится... Ты знаешь, вѣдь она... (Въ дверяхъ показывается Бердыбаевъ и быстро останавливается). Прощай! (Аксановъ цѣлуетъ у ней руку; Прасковья Өедоровна проходитъ, отвернувшись отъ Бердыбаева).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Аксановъ и Бердыбаевъ.

Бердыбаевъ.

Я къ тебѣ во второй разъ... Чортъ меня принесъ!

Аксановъ.

Почему?

Бердыбаевъ.

Ты видѣлъ, какъ она...

Аксановъ.

Да! Что это значитъ?

Бердыбаевъ.

Долженъ! Сердится...

Аксановъ (надѣвая перчатки).

Скажи пожалуйста, какъ ты умудрился даже у моей тетки занять денегъ?.. Вѣдь она гроша мнѣ никогда не давала...

Бердыбаевъ.

Не спрашивай, сдѣлай милость, вспоминать противно...

Аксановъ.

Говорятъ, у тебя въ этомъ случаѣ гомеопатія была въ ходъ пущена.

Бердыбаевъ.

А ты почемъ знаешь?

Аксановъ.

Слышалъ. Не скажу, чтобы хорошо было сдѣлано...

Бердыбаевъ.

Разумѣется, скверно! Ты думаешь, я самъ этого не знаю. Что-жъ было дѣлать? Мимо Бореля пройти нельзя, у Дюссо Симонъ кривитъ рожу, дома съ утра до ночи рвутъ колокольчикъ. Наконецъ, этотъ мерзавецъ пугаетъ мировымъ. Ну, согласись самъ...

Аксановъ.

Положеніе дѣйствительно отчаянное!

Бердыбаевъ.

Ну, нечаянно, безъ всякаго умысла сказалъ, что вѣрю въ гомеопатію. Ей это понравилось. Пригласила обѣдать. Вижу, больная женщина, я ее успокоивать, говорю, самъ нѣсколько разъ вылечивался. Просидѣлъ весь вечеръ. Черезъ два дня навѣстить пришелъ. Вижу, я въ домѣ становлюсь первымъ человѣкомъ. Опять разговоръ объ гомеопатіи. Въ пять сеансовъ я постигъ всю гомеопатическую рецептуру; узналъ, что если болитъ високъ, надо принимать извѣстнаго средства десять капель, а если чешутся пятки — того же средства пять капель. Повѣрь мнѣ, еслибы я былъ безчестнымъ человѣкомъ, я бы могъ завладѣть всѣмъ ея состояніемъ — такъ она въ меня вѣрила—а я только за мѣсяцъ убійственно проведеннаго времени взялъ взаймы тысячу рублей. Вѣдь ты только представь себѣ: сидѣть съ больной женщиной цѣлый день и смотрѣть, какъ она глотаетъ крупинки, отсчитываетъ въ рюмку капли... Только и слышишь: разъ, два, три, четыре, пять, шесть... Застрѣлиться можно!

Аксановъ.

Однако, ты меня извинишь, мнѣ надо ѣхать.

Бердыбаевъ.

А ты не можешь мнѣ...

Аксановъ.

Если очень немного—пять рублей.

Бердыбаевъ.

Дай шесть.

Аксановъ.

Могу и шесть. (Даетъ деньги). Шелъ бы ты куда-нибудь служить.

Бердыбаевъ.

Куда я пойду? Ты знаешь мои взгляды на службу. Я не сочувствую...

Аксановъ.

Мало ли кто чему не сочувствуетъ.

Бердыбаевъ.

Здѣсь служить — я долженъ перековеркать всѣ свои традиціи; въ провинцію ѣхатъ — я заклятый врагъ всѣхъ губернаторовъ и вопросы ставлю ребромъ...

Аксановъ.

Да тебѣ не предложатъ ставить никакихъ вопросовъ: они всѣ давно поставлены; а дадутъ тебѣ занятіе, которое и будетъ тебя отвлекать отъ изученія гомеопатической рецептуры. Ни губернатору до тебя, ни тебѣ до губернатора никакого дѣла не будетъ.

Бердыбаевъ.

Однакожъ, долженъ же я буду проводить свои взгляды. Если я до мозга костей либералъ, не могу же я согласиться...

Аксановъ.

Евстигней, дай мнѣ другія перчатки.

Бердыбаевъ.

Ты богемскихъ цыганъ не слыхалъ?

Аксановъ.

Слышалъ.

Бердыбаевъ.

Не правда ли?

Аксановъ.

Хороши.

Бердыбаевъ.

Какой вчера бѣгъ былъ... Фіу!!.

Лукичъ.

Сани поданы.

Аксановъ.

Холодно сегодня? (Подходитъ къ окну и смотритъ на градусникъ). Десять градусовъ однако...

Бердыбаевъ.

А Фантошъ не видалъ?

Аксановъ.

Нѣтъ. (Идетъ).

Бердыбаевъ.

Ну, такъ ты ничего не видалъ. Вѣдь это прелесть! (Проходя мимо письменнаго стола, закуриваетъ папироску и кладетъ въ карманъ три сигары. Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Лукичъ (одинъ).

Вѣдь вотъ и благородного званія, а если плохо гдѣ что лежитъ — не брезгаютъ. А съ насъ взыщется. Эхъ, сударь! Тьфу!

МИЛАЯ ДѢВУШКА.

I.

Теперь ужъ нѣтъ такихъ чиновниковъ, т. е. того типа канцелярскихъ чиновниковъ, изъ которыхъ одинъ будетъ предметомъ моего повѣствованія. Прежній чиновникъ какъ будто и рождался въ томъ самомъ присутсвенномъ мѣстѣ, въ которомъ служилъ. Разумѣется, я говорю о тѣхъ канцелярскихъ чиновникахъ, которые въ чинахъ далѣе титулярнаго совѣтника не восходили и надъ которыми трунилъ водевиль сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, выставляя ихъ въ смѣшномъ и жалкомъ видѣ „на народныя очи“. Рѣдко кто изъ нихъ безболѣзненно оканчивалъ свою долголѣтнюю службу. Обыкновенно съ каждымъ новымъ чиномъ, какъ будто по штату, полагалась какая-нибудь хроническая болѣзнь: у губернскихъ секретарей, напримѣръ, развивался желудочный катаръ, у коллежскихъ секретарей удушье, а у титулярныхъ совѣтниковъ грыжа.

Герой моего разсказа Василій Ивановичъ Васютинъ принадлежалъ къ вышеописанному типу чиновниковъ. Онъ служилъ въ одной изъ многочисленныхъ того времени канцелярій и сидѣлъ въ такомъ столѣ, за которымъ, какъ говорили чиновники, не пообѣдаешь, т. е. просительская „благодарность“ обходила его. Въ немъ вершались дѣла, интересныя только для начальства. Напримѣръ: „Дѣло о найденныхъ костяхъ, повидимому солдатскихъ“. Или: „Дѣло о сличеніи чертъ младенца съ предполагаемымъ родителемъ“ и т. д. Онъ и стоялъ-то гдѣ-то въ углу. Чинов-

ники этого стола только издали созерцали, какъ въ другіе столы ниспадала просительская благостыня.

Тихій, робкій, работящій, Васютинъ у непосредственнаго своего начальства былъ на отличномъ счету. Старикъ столоначальникъ Захаръ Ивановичъ Кедровъ удивлялся его аккуратности и нерадивымъ чиновникамъ ставилъ его въ примѣръ.

— Ну, Вася, говорилъ онъ ему: — самъ я службу люблю, много черезъ мои руки чиновниковъ прошло, а такихъ какъ ты на моей памяти нѣтъ. Быть тебѣ съ этимъ!..

При этомъ онъ указывалъ на свой станиславскій крестъ.

— Покорно васъ благодарю, почтительно произносилъ Василій Ивановичъ.

— Вѣрно тебѣ говорю! продолжалъ Кедровъ:—чиновникъ ты удивительный! Можно сказать—артистъ. Такихъ, какъ мы съ тобою, теперь только двое: ты да я. Намъ бы съ тобой при Сперанскомъ служить. Я его помню: перья ему чинилъ. Ума былъ необыкновеннаго! Тоже нашъ братъ — изъ духовнаго званія. Что значитъ семинарія-то, вездѣ себя покажетъ! А ты вотъ смотри теперь: мой помощникъ — лицеистъ, кажется... ученый, а чиновникомъ никогда не будетъ: закваска не та. Нѣтъ этого... понимаешь? Жидель все!.. Мы съ тобой какъ пойдемъ работать — искры летятъ, а этотъ полълистика написалъ — головка заболѣла. Не люблю! Дайко табачку понюхать.

Василій Ивановичъ вынималъ табакерку.

— Подержи, голубчикъ, надо оба ствола зарядить, шутилъ Кедровъ, втягивая въ ноздрю щепоть табаку.

Молодой помощникъ столоначальника, лицеистъ, тоже по временамъ прикасался къ табакеркѣ Василія Ивановича, показывая ему тѣмъ свое расположеніе.

— А что, Василій Ивановичъ, не найдете ли возможнымъ дать мнѣ понюхать табачку.

— Осчастливьте.

— Съ бобочкомъ?

— Съ фіалкой!

Подержавши не безъ отвращенія около носа щепоть табаку, лицеистъ вступалъ съ нимъ въ разговоръ.

— Ну что, Василій Ивановичъ, супруга ваша здорова-ли?

— Слава Богу-съ!

— Дѣтки? Ахъ, виноватъ! Я забылъ, что у васъ нѣтъ ихъ. Отчего это, Василій Ивановичъ, у васъ такая красивая жена, а дѣтей нѣтъ? подшучивалъ лицеистъ.

— Богъ не даетъ, отвѣчалъ застѣнчиво Васютинъ.

— Возьми у меня штуки четыре, предложилъ ему архиваріусъ Ѳаворовъ, у котораго, несмотря на преклонныя лѣта, дѣти рождались каждогодно, такъ что начальникъ его сталъ отказываться у него крестить, а другъ его Кедровъ замѣчалъ ему:

— Что это, Назарушка, стыдно читать твой формуляръ — весь онъ дѣтьми замаранъ. Въ графѣ о службѣ только четыре строки, а эта вся исписана, точно поминанье какое: и Клавдія, и Надежда, и Ардаліонъ, и какихъ тамъ нѣтъ еще. Ты хоть бы Бога-то побоялся. Къ новому предсѣдателю твой списокъ попался, такъ онъ глаза вытаращилъ!.. „Хорошъ, говоритъ, гусь! Не жалѣетъ казны-то! Помретъ, говоритъ, всѣ эти Ардаліоны-то на шеѣ у нея останутся.“ Ты бы остепенился. Бери съ меня примѣръ: вѣкъ холостымъ прожилъ.

Захаръ Ивановичъ говорилъ не совсѣмъ правду: онъ тридцать лѣтъ жилъ съ своей прислугой-чухонкой „якобы въ бракѣ“ и находился въ полной отъ нея зависимости. Можетъ быть даже начальство было обязано ей, что у него на службѣ такой исправный чиновникъ. Утромъ она разбудитъ, напоитъ чаемъ, отправитъ въ присутствіе, по возвращеніи сниметъ съ него сапоги, надѣнетъ туфли, накормитъ, уложитъ спать, послѣ провѣтритъ его въ садикѣ и посадитъ за работу. Ни къ нему никто никогда не ходилъ, ни онъ ни къ кому никогда не заглядывалъ. Причитавшееся ему жалованье и деньги, благопріобрѣтенныя отъ просителей, всѣ полностью шли въ кассу его сожительницы.

— Вотъ это жалованье, а это... да не много... семь рублей только... Справку одинъ дѣлалъ... говорилъ онъ, выкладывая деньги на столъ.

— Вы что-то мало стали носить, Захаръ Ивановичъ, замѣчала ему подруга его сердца.

— Лѣто, матушка! отвѣчалъ Кедровъ. — Секретарь тоже морщится... Ау, братъ! Наклюнулось тутъ одно дѣло — консисторія намъ напакостила, тамъ тоже ѣсть хотятъ. Да съ голоду не умремъ, Богъ милостивъ.

Все носильное платье Захара Ивановича состояло изъ никогда не снимаемаго вицъ-мундира, камлотовой шинели

и бывшей когда-то енотовой шубы, которая уже болѣе не грѣла, а только кололась.

Всѣ событія, которыя тогда совершались въ Петербургѣ, прошли ими незамѣчеными. Только два эпизода остались у него въ памяти. Онъ помнилъ наводненіе и какъ Телушкинъ лазилъ на шпицъ Петропавловскаго собора. О послѣднемъ онъ любилъ очень разсказывать и, когда шелъ изъ присутствія съ кѣмъ-либо изъ сослуживцевъ, всегда на набережной останавливался и начиналъ такъ:

— Видишь какая вышина! Иду я въ присутствіе, погода была сѣрая, а у меня немножко голова болѣла. Смотрю: лѣзетъ! Ахъ чертъ его возьми! думаю. Индо мурашки у меня въ подошвахъ пошли. Послѣ ужъ узнали, что онъ лазилъ туда крыло чинить. Ты смотри, вышина-то какая! Медаль дали... и слѣдуетъ!

Въ другой разъ, когда ему приходилось разсказывать о Телушкинѣ, онъ опять начиналъ также точно: иду я въ присутствіе, погода была сѣрая, а у меня голова болѣла и т. д.

Василій Ивановичъ жилъ на Петербургской сторонѣ, въ Малозелениной улицѣ, въ мезонинѣ, одного деревяннаго домика. Кабинетъ его состоялъ изъ очень маленькой комнатки. На одной стѣнѣ висѣлъ въ золотой рамѣ портретъ какого-то стариннаго сановника въ красномъ мундирѣ (портретъ этотъ достался ему за четвертакъ въ лотереѣ, которую розыгрывалъ курьеръ), на другой — двѣ литографическія картинки. Подъ портретомъ стояло фортепьяно, не издававшее никакихъ звуковъ. На столѣ въ порядкѣ были разложены всѣ инструменты канцелярскаго мастерства: въ мѣдной оправѣ чернильница и песочница, маленькая пальмовая линеечка для подчеркиванія выдающихся мѣстъ: слушали, справка, приказали; транспарантъ, выпущенный въ свѣтъ съ разрѣшенія цензора Елагина, перочинный ножикъ, нѣсколько гусиныхъ перьевъ, моточекъ форменнаго шелку и неразлучный спутникъ всякаго того времени чиновника — завернутый въ бѣленькую тряпочку, сандаракъ. Кедровъ по сандараку составлялъ мнѣніе о канцелярскихъ труженикахъ.

— Этотъ у меня безъ сандараку валяетъ... Художникъ! отзывался онъ о прилежномъ. Или: этотъ безъ сандараку исповѣдываться не пойдетъ, замѣчалъ объ нерадивомъ.

Жена Васютина добрая, красивая, веселая, несмотря на нужды и лишенія, была предметомъ зависти его сослуживцевъ. Даже Захаръ Ивановичъ, потрепавъ однажды Васютина по плечу, ласково сказалъ: хоть бы не тебѣ, Вася! Береги! А помощникъ столоначальника, молодой лицеистъ, усиленно посѣщалъ Васютина и говорилъ, что онъ посредствомъ своего дяди, товарища министра, можетъ улучшить его положеніе и приглашалъ Софью Ивановну (такъ звали Васютину) въ итальянскую оперу и вообще распускалъ, какъ говорится, „нюни", но долженъ былъ прекратить свои посѣщенія.

— Дочь сенатскаго курьера, а разыгрываетъ изъ себя барыню, сказалъ онъ Кедрову.

— А вы завидѣли хорошенькую женщину, да сейчасъ и мертвую стойку... Иишь вы какіе! заступился Кедровъ.

Серьезный на службѣ, дома Васютинъ превращался въ юношу, особенно тогда, когда за обѣдомъ предстояло какое-нибудь особенное блюдо.

— Соня! Сейчасъ я прошелъ мимо лавки Елисѣева: свѣжіе огурцы—вотъ какіе!.. Редиска! какой-то красный ракъ въ поларшина!.. Такъ бы, кажется, стекла въ дребезги и пошелъ!.. Сначала бы на свѣжую икру навалился. Ужъ бы ей задалъ!

— А вѣть ты дуракъ, какъ я посмотрю! Ей Богу дуракъ! со смѣхомъ прерываетъ его Софья Ивановна.

— Да вѣдь другіе ѣдятъ же! восклицаетъ Васютинъ— При мнѣ двое прошли... Еслибы мнѣ теперь редисочку, я бы ее посолилъ... И знаешь, подлецы какіе: рубль пучекъ!

Помечтавши объ омарахъ и объ редискѣ, онъ закусилъ рѣдькой и сталъ уписывать гороховый супъ.

Кухарка Мавра съ торжествующимъ лицомъ поставила на столъ жаренаго окуня. Она тоже очень любила, когда въ крайне незатѣйливомъ меню Васютиныхъ встрѣчалось что-нибудь особенное. Она даже хвасталась передъ бѣдными жильцами, а иногда и привирала.

— У насъ сегодня рябчики были... Щипала, щипала, измучилась... говорила она, хотя рябчиковъ никакихъ не было, а были просто голуби.

— Батюшки, окунь! воскликнулъ Васютинъ, пораженный неожиданностію.—И вѣдь какъ я ихъ люблю!

— Да ты что думаешь: по случаю купила! замѣтила Софья Ивановна.

— Какъ по случаю?

— Угадай!

Окунь дѣйствительно былъ купленъ по случаю.

— Окуни, сударыня, случайные, не прикажете ли парочку, предложилъ Софьѣ Ивановнѣ проходившій разносчикъ.

— Какъ случайные?

— Енералъ заказывалъ, но только, между прочимъ, въ Кронштадтъ уѣхалъ.

— Да вѣдь они сонные...

— Зачѣмъ сонные!.. Окуни во всей формѣ!

— Они даже не шевелятся.

— Зачѣмъ имъ шевелиться. Это, сударыня, смирный сортъ. Такой ужъ это сортъ смирный... Вы не сумнѣвайтесь—живые... Къ енералу нельзя сонныхъ носить.

Вотъ одинъ изъ этого смирнаго сорта и поданъ былъ на столъ Васютину.

Вообще въ Малозелениной улицѣ въ то время жила большею частью бѣднота. Чиновницы сами ходили на рынокъ, а если у кого была кухарка, то она подвергалась или сожалѣнію, или осмѣянію отъ кухарокъ людей зажиточныхъ.

— И какъ это, матка, вы живете, даже намъ удивительно! говорила Васютинской кухаркѣ Маврѣ, встрѣтившись съ ней на рынкѣ, кухарка мѣстнаго отца протоіерея:—ныньче впроголодь, завтра впроголодь...

— Что-жъ дѣлать, живемъ! отвѣчаетъ уныло Мавра:—барыня очень ужъ у насъ безподобная. Послѣдній тебѣ кусокъ отдастъ... Не всѣмъ, голубушка, по вашему жить.

— У насъ хорошо живутъ, не безъ гордости говоритъ кухарка отца протоіерея.—Живутъ, можно сказать, чудесно. Ты то возьми—мы и квасъ-то дома варимъ, а не то что за каждой бутылкой въ лавку бѣгать. Опять же и то: десять человѣкъ за столъ садятся, а въ праздникъ съ племянниками, то и всѣ пятнадцать... Надоть ихъ ублаготворить!.. Да все народъ-то молодой, семинаристы... Наголодаются за недѣлю-то, волкамъ на подобіе сдѣлаются. Поставишь на столъ кулебяку-то, отецъ протоіерей благословить ее не успѣетъ, а ужъ они на части растерзали. Вымя теперича... Обожаютъ! Какъ пойдутъ хватать—только держись!.. И запрету имъ нѣтъ, пускай, говоритъ,

кушаютъ во славу Божію... Хорошо ѣдятъ, въ полное свое удовольствіе.

— Достатки, значитъ, матушка, хороши.

— Это ужь что говорить, достатки хорошіе! Безъ достатковъ ничего не сдѣлаешь. Сама вотъ только протопопица-то прижимиста.

— Нѣтъ, матушка, наша барыня все тебѣ отдастъ. Сколько ужъ я мѣстовъ произошла, а такой не видывала.

— Нѣтъ, ты бы у моей пожила—вотъ такъ сахаръ! вмѣшалась кухарка какого-то чиновника.—Картофель счетомъ выдаетъ!

— Картофель?.. выкликнула протоіерейская кухарка.— Да у насъ картофель-то... Да что это... Господи!

— Да я у армянина жила, перебила Васютинская кухарка.

— Какой армянинъ, другой армянинъ... перебила въ свою очередь кухарка отца протоіерея.

— Да вотъ какой армянинъ, дай Богъ ему здоровья этому армянину - то. Отецъ, а не армянинъ! закончила Мавра, направляясь въ мелочную лавку.

Оставшіяся кухарки еще немножко посудачили и разошлись.

Понездоровилось какъ-то Василью Ивановичу. Дни стояли осенніе, сырые, вѣтрянные. Не пошелъ онъ въ присутствіе. Захаръ Ивановичъ тоже болѣлъ, не спасла даже шуба! Ему надуло флюсъ — и онъ, заложивши за щеку разваренную въ молокѣ винную ягоду, сидѣлъ дома, разговаривалъ съ сожительницей жестами и сердился. Ужь если такой канцелярскій столбъ сидитъ дома, такъ ему-то и Богъ велѣлъ, успокоивалъ себя Васютинъ. Онъ взялъ клѣтку своего любимаго скворца, сказалъ ему нѣсколько привѣтственныхъ словъ, что онъ скворецъ умный, что онъ любитъ его больше другихъ птицъ, что канарейка дура и сталъ насыпать ему муравьиныя яйца.

— Да вѣдь вы тутъ толкуете, а не знаете какая у насъ бѣда въ кухнѣ стряслась, завизжала Мавра, опрометью вбѣгая въ комнату:—только что отвернулась, подъ самый, почитай, подъ носъ подкинули.

— Что подкинули, вскрикнулъ Васютинъ, уронивши на полъ банку съ муравьиными яйцами. Тьфу ты, дура проклятая! Подбирай теперь!..

— Вотъ вы въ кухнѣ-то теперь дѣла-то подбирайте, продолжала визжать Мавра: — въ лавочку побѣжала... Я

въ калитку, а она мнѣ на встрѣчу... Мнѣ бы ее опросить... Извѣстно, наша сестра глупая — не вдомекъ. Вся воля ваша, я ни въ чемъ не причинна, — извольте сами раздѣлываться!

Васютины бросились въ кухню: на столѣ лежалъ завернутый въ старое одѣяло младенецъ. Изъ подъ свивальника торчала записка: „некрещеная, ради Бога не оставьте". Василій Ивановичъ обомлѣлъ. Мавра металась изъ угла въ уголъ, выкрикивая:

— Хошь огни подо мной разжигайте! Вотъ запекись моя гортань кровью, коли я... Господи, сколько я мѣстовъ произошла!.. На чердакѣ въ тѣ поры сапожникъ удавился... Таскали, таскали меня, а чѣмъ я причинна... Я пошла бѣлье вѣшать... Какъ стали изъ петли-то вынимать—душеньку всю мою разворотило, замертво меня съ чердака-то стащили... Я подъ присягу пойду! Вотъ дай мнѣ Богъ святой воды не пить...

— Молчи, дура сумасшедшая, прервалъ ее наконецъ Васютинъ и понесъ младенца въ комнату.

— Соня, мы ее у себя оставимъ! Ей Богу! Обратился онъ къ женѣ: не объѣстъ насъ!.. А можетъ это наше счастье будетъ. Не подкинули къ богатому—-къ бѣдному принесли... Своихъ Богъ не даетъ — чужую возьмемъ. Возьмемъ, Соня, ей Богу!..

— Если теперь и мать за ней придетъ, я и матери не отдамъ, отвѣчала Софья Ивановна. Ты смотри — одни глаза чего стоятъ! Смотри-ко, словно вишни.

Глаза у ребенка были дѣйствительно необыкновенные.

Изъ кухни все еще доносились вопли кухарки:—Экая сука подлая! Свое рожденье, словно котенка какого, прости ты меня Господи!.. И къ кому подкинула-то: самимъ жрать нечего...

Смирный и нѣжный Васютинъ разсвирѣпѣлъ.

— Убью, подлая! закричалъ онъ, подбѣгая къ двери.— Молчать! Вонъ изъ моего дома! Ты забыла кто я!

Кухарка мгновенно смолкла.

Несмотря на нездоровье, Васютинъ тщательно побрился, надѣлъ вицъ-мундиръ и сталъ писать заявленіе въ кварталъ. Мавра въ это время обѣгала всѣхъ жильцовъ дома и ближайшихъ сосѣдей. Несмотря на слякоть, у воротъ дома начала собираться толпа и ужъ двѣ пары

старухъ проникли въ кухню, а одна даже пріотворила дверь въ комнату.

— Что вамъ угодно? съ удивленіемъ воскликнулъ Васютинъ.

— Ребеночка батюшка, полюбопытствовать пришли, отвѣчала старуха.

Васютинъ подъ носомъ у нея захлопнулъ дверь. Старуха заворчала.—И не въ такія хоромы вхожа, зашамшила она, опускаясь съ лѣстницы.

Вслѣдъ за ней вышелъ и Васютинъ. У воротъ встрѣтилъ его городовой.

— Случай тутъ у васъ, ваше благородіе, началъ онъ. Ребеночка прикажете въ часть взять?

— Зачѣмъ?

— Это ужь завсегда. Эти примѣры у насъ въ кварталѣ часто бываютъ. Мѣсто глухое, все сюда и несутъ. Изъ части его въ вошпитательный... тамъ его въ шпитомки оборотятъ. Можетъ когда и человѣкомъ будетъ, коли счастье ему...

— Я съ квартальнымъ поговорю, окончилъ Васютинъ, направляясь въ канцелярію квартала.

— Расходитесь! Что вы тутъ столпимши, чего не видали!.. обратился городовой къ собравшейся кучкѣ зрителей:—на Сѣнную ступайте, тамъ бѣлугу въ триста пудовъ привезли, не примѣръ любопытнѣе.

— Бѣлугу-то въ триста пудовъ? Да что ты, очумѣлъ что ли? возразилъ кто-то изъ толпы:—въ пятьдесятъ если пудовъ—и то много, а то въ триста!

— Проходи, проходи! настаивалъ городовой.

Кучка мало по малу разошлась.

Васютинъ отворилъ дверь канцеляріи въ тотъ моментъ, когда квартальный размахнулся, чтобы нанести ударъ по скулѣ провинившагося чѣмъ-то обывателя. Обыватель ужъ съежился и прищурился. Мигъ! и у него изъ глазъ полетѣли бы изумрудныя и сапфирныя искры, задрожала бы челюсть... Но дверь отворилась, квартальный опустилъ руку: молнія ударила въ землю...

— А Василій Ивановичъ! встрѣтилъ его ласково квартальный. Милости просимъ! А ты погоди, скотина! Я до тебя еще доберусь, отнесся онъ къ обывателю: — пошелъ вонъ, да помни!..

Обыватель поклонился квартальному въ ноги, про-

говорилъ: „покорнѣйше благодарю, что поучили“ и вышелъ.

— Счастливъ твой Богъ, что ему некогда, а то бы онъ тебя пригладилъ, сказалъ ему на лѣстницѣ будочникъ.

— Ахъ ты кислая шерсть! отвѣтилъ ему обыватель.

— Что прикажете, Василій Ивановичъ? началъ квартальный, вводя Васютина въ свой кабинетъ.

Васютинъ подалъ заявленіе, въ которомъ изъявилъ желаніе оставить младенца у себя.

Квартальный прочиталъ.

— Э, батюшка, вонъ оно что! Да вы, тово... не собственную ли свою подкинули, заговорилъ онъ иронически: — согрѣшили гдѣ нибудь на сторонѣ — ребенка-то жалко, а жены-то страшно!

— Что вы, Порфирій Алексѣевичъ! возразилъ сконфуженный Васютинъ.

— Да примѣры-то эти бывали! продолжалъ тѣмъ же тономъ квартальный. — Вы ужъ мнѣ-то сознайтесь, я-то васъ не выдамъ.

Скромный Васютинъ началъ теряться.

— Шучу, шучу! ободрилъ его квартальный. А знаете, что я вамъ скажу: вѣдь это все штабные писаря пакостятъ. Сколько вѣдь ихъ здѣсь чертей живетъ! Что вы станете дѣлать съ этимъ народомъ! Перетянетъ талію, нафабритъ усы, я, говоритъ, экзаменъ на офицера держу. Да вотъ я теперь объ одномъ такомъ молодцѣ произвожу дознаніе. Три мѣсяца его женихомъ считали, мать однихъ ихъ съ невѣстой въ театръ отпускала... Ну да изъ моихъ рукъ онъ не вывернется! Шпоры анаѳема привинчивалъ! Писарь-то!.. Я самъ въ старинные годы на конѣ сидѣлъ! Кавалерію въ обиду не дамъ. Дѣло доброе, Василій Ивановичъ! Не щенка берете—человѣка. Все, что отъ меня зависитъ — сдѣлаю. Разумѣется, для очищенія совѣсти, мы немножко мамашу-то поищемъ, можетъ опять какойнибудь и писаренокъ тутъ попадется, окончилъ Порфирій Алексѣевичъ, провожая Васютина до двери. При пожатіи руки, Васютинъ оставилъ въ рукѣ квартальнаго рублевую бумажку.

— Да напрасно, не стоитъ, сказалъ квартальный: а впрочемъ, вы сами служащій — понимаете. Не мнѣ вѣдь зто — труженникамъ моимъ канцелярскимъ. Одного вотъ недавно въ острогъ посадили: фальшивый паспортъ напи-

салъ. А гдѣ ты ихъ найдешь... честныхъ-то?.. Да и у оберъ-то полиціймейстера въ канцеляріи за этимъ народомъ тоже гляди да гляди... Рвутъ съ живого и съ мертваго. Охъ эта полицейская служба! Да! Не сосводничаете ли вы мнѣ письмоводителя. Отличный у меня былъ—спился, подлецъ! Въ бѣлой горячкѣ на купца одного бросился, насилу оттащили.

Васютинъ обѣщался поговорить съ однимъ чиновникомъ.

По соблюденіи всѣхъ формальностей, подкинутый ребенокъ былъ окрещенъ, нареченъ Вѣрой и оставленъ на воспитаніи у Васютина. Захаръ Ивановичъ пришелъ въ умиленіе отъ поступка своего подчиненнаго и обѣщался ему, по выходѣ въ отставку, уступить свое кресло.

— Старъ я, Вася; изломанъ, говорилъ онъ ему:—къ Назарушкѣ въ архивъ на полку пора. Третью кожу на стулѣ протираю. Сорокъ лѣтъ, братъ! Хочу на покой проситься, объ тебѣ тогда... Да некого и назначить! Назаръ племянника хочетъ изъ консисторіи сюда перевести, да онъ кривой. Въ консисторіи-то сидитъ гдѣ-нибудь за шкафомъ, тамъ его не видать, а здѣсь вѣдь анфилада... Видишь! Ужъ хлопотать буду! Вотъ, скажу — человѣкъ! У предсѣдателя ты тоже на хорошемъ замѣчаніи. Намедни шуткой мнѣ говоритъ: кажется, говоритъ, Васютинъ-то у насъ безъ сандараку?—Такъ точно, говорю, ваше превосходительство. Засмѣялся.—Молодецъ ты, Василій! Хвалю! Моя тоже очень тобой довольна. Умная вѣдь она у меня женщина... простая, но министерскій умъ.

Дни пошли за днями, Вѣрочка стала воспитываться. Васютины сосредоточили на ней всю свою любовь. Тутъ мы ее оставимъ и встрѣтимся съ ней въ ея разцвѣтѣ, т. е. въ то время, когда она стала поражать своей красотой Малозеленину улицу и называлась уже не Вѣрочкой, а Вѣрой Васильевной.

Повѣствую. Много воды утекло, много перемѣнъ случилось во время ея воспитанія. Захаръ Ивановичъ уступилъ свое кресло племяннику товарища министра и три года донашивалъ свою шубу въ качествѣ отставного коллежскаго ассесора, а потомъ переселился въ вѣчное упокоеніе, завѣщавъ Васютину камлотовую шинель, и могильный холмъ его уже сравнялся съ землей. На мѣстѣ старенькихъ домиковъ, во многихъ мѣстахъ появились очень красивенькіе новенькіе. Прежніе штабные писаря

смѣнялись поколѣніемъ новыхъ, съ болѣе развязными манерами и съ выпущенными изъ-подъ борта бронзовыми цѣпочками. Бывшій квартальный Порфирій Алексѣевичъ жилъ уже частнымъ человѣкомъ, но все-таки ходилъ въ форменной шинели и въ картузѣ съ краснымъ околышемъ. Его можно было встрѣтить и въ мелочной лавкѣ, и въ табачной лавкѣ, и въ трактирѣ, гдѣ онъ бесѣдовалъ о былыхъ временахъ полицейскихъ.

— Разъ мнѣ приказано было задержать одного фальшиваго монетчика, начиналъ онъ. Я въ Ижору—нѣтъ! Я въ Красненькій—сейчасъ только на лихачѣ удралъ. Галаховъ тогда оберъ-полиціймейстеромъ былъ: кричитъ на меня—подъ судъ отдамъ. И гдѣ-жъ мы его взяли? На Сѣнной! Монахомъ переодѣлся и идетъ... Ну тутъ его сейчасъ... пожалуйте!

— Трудная ваша служба была, замѣчаетъ ему молодой лавочникъ.

— Трудная! Теперь что! Теперь городовые ходятъ, да отъ скуки въ свисточки посвистываютъ, а я еще трещотки помню!

— Какъ трещотки?

— Трещотки были, а послѣ колотушки, ну а теперь вотъ свистки. Ужъ это безъ меня... Теперь все не то!.. Бывало въ часть-то приведутъ человѣка, онъ дрожитъ словно передъ смертью, знаетъ, что онъ оттуда безъ полутораста не выйдетъ. А теперь приведутъ: какъ тебя, голубчикъ, зовутъ?—Павелъ Семеновъ.—Извини, что побезпокоили, ступай на всѣ четыре стороны.

— Строгое ваше время было.

— Строгое, чудесное время было!.. Въ нашей части арестантскія-то въ подвалѣ были, арестанты такъ и звали ихъ „склепомъ". Если, бывало, мазурикъ попадетъ туда на недѣльку-на двѣ—долго послѣ не попадается. Я и по службѣ-то туда только два раза спускался. Юдоль! Разъ какой-то графъ своего камердинера, гордый этакой холуй былъ — на недѣльку къ намъ погостить прислалъ. Его и посадили... Умеръ! Не выдержалъ!.. Вонь! Духота!..

Пробесѣдовавши съ лавочникомъ, Порфирій Алексѣевичъ шелъ въ табачную лавку и тамъ тоже начиналъ бесѣду.

— Въ мое время, бывало... тогда на улицѣ курить ни-ни! Иду я разъ по Малой Невкѣ, тогда мы еще въ трехъугольныхъ шляпахъ ходили—смотрю какой-то гусь идетъ

съ сигаркой въ роту. Я къ нему.—Это, говорю, что значитъ?! А онъ идетъ да покуриваетъ. Постой, думаю, до будки дойдешь, я тебя тамъ раба Божьяго... Глядь—за нимъ кучеръ ѣдетъ, спина золотымъ позументомъ вышита... Посланникъ!

— Попались, замѣчаетъ торговецъ.

— Попался, попался, вѣрно попался! Ну, думаю... Ничего, прошло!..

Если вечеромъ онъ попадалъ въ трактиръ, то разсказамъ его не было конца.

— Вотъ потемнѣе-то будетъ, пойдутъ, начиналъ онъ, заглядывая въ окно.

— Это насчетъ чего вы изволите, Порфирій Алексѣевичъ? спрашивалъ буфетчикъ.

— Да вотъ... насчетъ мазуриковъ. Всѣ вотъ скоро повылѣзутъ... Кто по чердакамъ за бѣльемъ пойдетъ, кто...

— Сколько этого народа въ Санктъ-Петербургѣ, замѣчаетъ буфетчикъ.

— Ловить ихъ теперь не умѣютъ. У меня разъ вотъ какой случай былъ, одушевлялся Порфирій Алексѣевичъ и разсказывалъ какой-нибудь страшный случай изъ своей полицейской практики: какъ онъ накрылъ въ пустой баркѣ цѣлую шайку мазуриковъ и т. п.

Софья Ивановна скончалась. Васютинъ сгорбился и посѣдѣлъ. Вѣрѣ Васильевнѣ исполнилось двадцать лѣтъ. Ужъ въ двери ея сердца постучался купидонъ, прапорщикъ Ластоваго экипажа лѣтъ пятидесяти. „Господь, по неисповѣдимой своей благости, сотворилъ человѣка, сотворилъ ему и помощницу“, такъ начиналось это письмо къ ней: что онъ давно искалъ дѣвушку „съ красотой и скромностью“ и оба эти качества нашелъ въ ней. Что онъ родился въ Новороссійскѣ, первоначальное образованіе получилъ тамъ, „въ училищѣ малолѣтнихъ черкесовъ“, служилъ въ черноморскомъ флотѣ и т. д.

Ходить ей по улицѣ безъ провожатаго стало неудобно, потому что военные писаря стали ей „подкашливать“. Это особенный пріемъ заставлять обращать на себя вниманіе. Одинъ попробовалъ вступить съ ней въ разговоръ. Откинувши лѣвую руку за спину, а большой палецъ правой заложивши за пуговицу, онъ обратился къ ней съ слѣдующими словами: „вотъ мы сейчасъ толковали съ моимъ сослуживцемъ, въ чемъ состоитъ счастье кажной женщины:

онъ говоритъ—въ достаткахъ, а я говорю, въ непорочной любви“.

Другой писарь написалъ письмо: „Если вы думаете, что съ моей стороны дурацкія намѣренія, то вы жестоко ошибаетесь. Я согласно своему оффиціальному положенію долженъ искать предмета, съ которымъ предъ алтаремъ налоя надѣть брачный вѣнецъ, но при всемъ томъ, не желая впутывать въ это дѣло свахи, я хотѣлъ узнать доказательства вашего расположенія. И такъ до свиданія. Съ правомъ на чинъ 14 класса Скворцовъ“.

Третій писарь начиналъ свое письмо такъ: „Находясь въ лабиринтѣ несчастія, отдавши руль жизни судьбѣ, я долго бился и мучился отъ несправедливости высшей сферы начальства“, и т. д.

Волей-не волей Вѣра Васильевна должна была сидѣть дома, подругъ у нея не было. Темныя осенніе вечера повергали ее въ отчаяніе. Въ комнатѣ тишина, какъ въ могилѣ, на улицѣ тоже тишина и непроглядная темь, потому что, хотя освѣтительный матеріалъ — спирто-скипидарная жидкость—для Малозелениной улицы и полагался, но между фонарщиками находились химики, которые отдѣляли спиртъ отъ скипидара для внутренняго употребленія и огню, не смотря на все его всесокрушающее начало, трудно было справиться съ мокрой свѣтильней и обезсилившею жидкостью. Фонари то мигали, то, мгновеніе вспыхивали, то испускали черезъ свои отверстія зловонный дымъ.

Изрѣдка къ Васютину заходилъ приходскій отецъ дьяконъ, пилъ у него чай и игралъ съ нимъ въ шашки. Это нѣсколько оживляло Вѣру Васильевну. Она подсаживалась къ играющимъ и хохотала до упаду.

— Преумнѣйшая игра, барышня, говорилъ отецъ дьяконъ, многодумно смотря на шашки. — Преумнѣйшая игра! Нѣтъ, вы эту-то кушайте, Василій Ивановичъ, а то я фукну.

— Фукнете вы...

— Фукну!..

— Теперь я васъ понимаю...

— Трудно меня понять, ибо я особенное вамъ удовольствіе въ лѣвомъ углу намѣреваюсь устроить.

— Въ лѣвомъ углу? Не думаю!

— Пожалуйте, пожалуйте.

— А вотъ такъ! восклицалъ Васютинъ, подвигая шашку.

— Да, этакъ-то вы... задумывался отецъ дьяконъ. А мы вотъ какъ!

— Вы такъ!

— Мы такъ!

Сыгравши партіи четыре, обыкновенно „ни въ чью", потому что оба были отличные игроки, они приступали къ граненому графинчику.

— Пора, пора! ужъ девятый въ началѣ, говорилъ, наливая рюмку, отецъ дьяконъ.

— Нѣтъ, ужъ я свои часы знаю, они у меня вотъ гдѣ! При этомъ онъ тыкалъ себя большимъ пальцемъ въ животъ. Это у меня такой Брегетъ—никогда не обманетъ.

Выпивши рюмочки по двѣ, они начинали бесѣду.

— У васъ тоже, говорятъ, Василій Ивановичъ, доходы теперь пообрѣзаны.

— Какіе наши доходы! уныло отвѣчалъ Васютинъ.

— Слышалъ! У насъ тоже плохо стало. Голосу съ дьяконовъ не спрашиваютъ, а по родственному больше мѣста даютъ. Хоть дишкантомъ многолѣтіе говори, а коли ты родственникъ—тебѣ и мѣсто. Мнѣ, по моему голосу, надо въ Казанскомъ соборѣ быть, потому у меня и средина, и октава, и верха есть! Въ Москвѣ, говорятъ — не бывалъ я тамъ—за такой голосъ отъ купцовъ сотни летятъ, подбирай только.

— Не тѣ ужъ времена, продолжалъ тѣмъ же тономъ Васютинъ.

— Не тѣ, окончилъ отецъ дьяконъ, вставая изъ-за стола. Пора! И не дальній путь, а за тьмою-то, хоть и малая опасность, а все-таки есть. Сіянье-то это фонарей очень слабое. Освѣщая себя, не освѣщаютъ того, что освѣщать должны. Прощайте, барышня. Прощайте, Василій Ивановичъ. У насъ завтра богатыя похороны—чревонасыщеніе будетъ большое. До скораго свиданія, заключилъ онъ, спускаясь по узкой лѣстницѣ. Черезъ минуту раздался густой басъ отца дьякона:

— Извозчикъ!

— Экой голосъ-то прекрасный, сказалъ Васютинъ и пошелъ заниматься дѣлами. Вѣра Васильевна тоже удалилась въ мертвящую тишину своей комнаты, въ которую изрѣдка доносился скрипъ пера строчащаго Васютина.

II.

Иногда, по праздникамъ, заходила къ нимъ дальняя родственница Васютина, вдова отставного титулярнаго совѣтника, способная убить самое веселое расположенiе, разстроить самые крѣпкiе нервы. То она жаловалась на какую-то „внутреннюю болѣзнь“, которую ни одинъ докторъ понять не можетъ, то говорила о своей нищетѣ, то объ обидахъ, которыя наносятъ ей въ различныхъ установленiяхъ, въ которыхъ она ищетъ пособiя.

— Представьте себѣ, говорила она: — мы, говоритъ, не можемъ принять ваше прошенiе, оно не по формѣ написано.—Помилуйте, говорю, я болѣзненная женщина.—Все равно, говоритъ, и ушелъ. Что же это такое, — я васъ спрашиваю: мой мужъ государственный человѣкъ былъ, два ордена въ петлицѣ имѣлъ... Докторъ тоже какъ меня обидѣлъ! Порошки мнѣ прописалъ.—А не будетъ, говорю, отъ нихъ вреда?—Ступайте, говоритъ. Да такимъ голосомъ, словно на горничную.—По крайней мѣрѣ, говорю, въ какой ихъ водѣ принимать? — Въ мокрой, говоритъ. Приняла я два порошка, у меня такъ заболѣло горло, что я и сказать вамъ не умѣю. Я опять къ нему.—У меня, говорю, г. докторъ, отъ вашихъ порошковъ горло горитъ.— Что же, онъ говоритъ, ужь и дымъ показался? Мнѣ совѣтовали на него въ физикатъ подать.

Васютинъ во время ея монологовъ ходилъ изъ угла въ уголъ да посвистывалъ.

— Я пришла посовѣтоваться съ вами, Василiй Ивановичъ, по родственному: не подать ли мнѣ въ комиссiю прошенiй?..

— Откажутъ, отрывисто отвѣчалъ Васютинъ.

— То есть, почему же это откажутъ? тоже отрывисто, спросила она.

— Потому что туда съ такими пустяками не ходятъ.

— Какъ пустяки?! Болѣзненная я женщина!.. Всѣ родственники противъ меня! У сестры Настасьи была. Ну чтобы, кажется, ей стоило... Вѣдь знаетъ мое положенiе... Ну что-жъ, будемъ терпѣть, будемъ страдать!...

— Да вы всякiй день гдѣ-нибудь да просите, вѣдь вы денегъ много набираете...

— Чтожъ, въ комитетѣ къ Рождеству десять рублей мнѣ вышло, да вѣдь, сколько я ходила-то!... Три года! Да

и то сказали, что это въ послѣдній разъ. Въ благотворительное общество подавала прошеніе—рубль дали. И разговѣться не на что было. Вамъ хорошо разговаривать. Вонъ и не родной дочери, а платья-то какія...

— Ну, ужь это вы оставьте! вспылилъ Васютинъ.

— Да что — оставьте! Завсегда правду скажу. И дочерей такъ не одѣваютъ! А то на-ко поди! Не благородную какую подкинули...

— Да какое вамъ до этого дѣло?

— Дѣло! Родственницы съ отрепаннымъ подоломъ ходятъ, а она...

— Хотѣлъ было я вамъ рубль серебромъ дать, а теперь гривенникъ у меня попросите и того не дамъ! Ступайте съ Богомъ! Вы скверная женщина! Вы попрошайка!— горячился Васютинъ. Вы не можете смотрѣть спокойно, когда человѣку есть что пообѣдать.

— Не могу! Чужихъ съ вѣтру кормятъ, а родственницъ...

— Какая вы мнѣ родственница? Седьмая вода на киселѣ! Ступайте вонъ!...

Родственница разрыдалась и ушла. Вѣру Васильевну подобныя сцены не огорчали: она привыкла къ нимъ; но на Васютина онѣ дѣйствовали. Чтобы успокоиться, онъ одѣвался и шелъ въ трактиръ посидѣть въ билліардной.

По высокоторжественнымъ днямъ постоянно приходилъ къ Васютину съ поздравленіемъ отставной сенатскій курьеръ, родной дядя покойной Софьи Ивановны, добрѣйшій старецъ, сѣдой какъ лунь, унтеръ-офицеръ Михеичъ. Васютинъ и Вѣра Васильевна любили его за необыкновенное добросердечіе. Онъ всегда приходилъ съ узелкомъ, въ которомъ находилось нѣсколько яблоковъ, изюмъ, мятные пряники — это гостинецъ Вѣрѣ Васильевнѣ, которую онъ любилъ съ дѣтства.

— Здравія желаю, ваше скородіе. Съ праздникомъ честь имѣю поздравить! произносилъ онъ, вытянувшись во фронтъ.

— А, здравствуй, Михеичъ, встрѣчалъ его Васютинъ:— ты еще больше состарѣлся.

— Лѣтà, васкородіе: припадать сталъ.

Съ радостію выбѣгала къ нему изъ своей комнаты Вѣра Васильевна.

— Михеичъ, голубчикъ!

— Съ праздникомъ честь имѣю поздравить, ваше скородіе. Пожалуйте гостинчика.

— Что ты, Михеичъ! Я уже не маленькая...

— Ужь пожалуйте, ваше скородіе!

— Спасибо, голубчикъ.

— Садись, Михеичъ, предлагалъ ему Васютинъ.

— Постоимъ, ваше скородіе!

— Садись, садись...

Михеичъ усаживался на диванъ.

— Трубочку не хочешь ли? спрашивалъ его Васютинъ.

— Пожалуйте-съ. Признаться сказать, съ утра не курилъ. Обѣдню у Вознесенья отстоялъ, да и къ вамъ.

— Ты озябъ, Михеичъ. Сейчасъ чай будемъ пить. Трубочку послѣ покуришь, предупреждала Вѣра Васильевна.

— Нѣтъ, съ первоначалу трубочку.

— Ну, какъ хочешь.

Послѣ чаю онъ дѣлался развязнымъ, осматривалъ васютинскій вицъ-мундиръ, говорилъ, что воротникъ надо „отпарить“, что онъ его возьметъ съ собой, а его знакомый портной даромъ ему сдѣлаетъ. Увидавши въ комнатѣ Вѣры Васильевны старые башмаки, онъ тоже говорилъ, что возьметъ съ собой, что у него есть знакомый башмачникъ, починитъ ихъ и они опять будутъ новыми. Послѣ обѣда онъ шелъ въ кухню, спалъ тамъ, курилъ свой собственный табакъ, который только и можно было курить въ кухнѣ и то при условіи, чтобы труба въ печкѣ была открыта, что кухарка и дѣлала.

— Ну ужъ, Михеичъ, начадилъ ты у меня тутъ!— замѣчала она ему.

— Въ другой разъ приду, цыгарку для тебя закурю, та много легче,—шутливо отвѣчалъ старикъ.

— Такъ я мундиръ-то, ваше скородіе, возьму и башмаки возьму, говорилъ, вернувшись въ комнату: онъ его отпаритъ и все сдѣлаетъ...

— Башмаки-то не стоитъ! — замѣчала Вѣра Васильевна.

— Какъ не стоитъ, матушка, новые будутъ!

Забравши вещи, онъ становился во фронтъ и форменнымъ тономъ говорилъ: „счастливо оставаться, ваше скородіе“ и уходилъ.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, Михеичъ какъ-то особенно суетился. Онъ осмотрѣлъ всѣ вещи, могущія идти въ починку, вбилъ въ стѣну гвоздь въ передней,

наконецъ улучилъ минуту, оставшись съ Васютинымъ наединѣ, притворилъ дверь въ его кабинетъ и началъ:

— А что, ваше скородіе, я съ вами давно поговорить хотѣлъ, да все случаю не было.

— Что, батюшка, Михеичъ?

— Извините вы меня, вашескоблагородіе, замялся Михеичъ...

— Что, голубчикъ, что?

— Да вотъ изволите видѣть — старъ я... Съ Кузьмы Демьяна восьмой десятокъ пошелъ... Можетъ скоро Богъ и приберетъ, а у меня деньги есть, большія деньги—триста рублевъ. Ну помру,—кому онѣ? Одинъ я какъ перстъ. Вотъ я и хочу поговорить съ вашимъ скородіемъ. Какъ я покойницу Софью Ивановну... родная какъ она мнѣ племянница была, и по сейчасъ я, за доброту ея, всякое воскресенье свѣчи ставлю, душу ея поминаю. Такъ вотъ не обидьте вы меня — возьмите эти деньги. Вамъ нужно, а онѣ у меня такъ въ ломбардѣ лежатъ.

Васютинъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Я съ простоты своей, а не то что, къ примѣру... Да и вотъ и Вѣру Васильевну, все равно, какъ покойницу почитаю... Махонькую на рукахъ носилъ. Бывало: „дѣдушка, дѣдушка!..“ Въ церкву думалъ положить, да опять же думаю... Не погнушайтесь, возьмите... Своими трудами скопилъ.

Васютинъ заплакалъ.

— Я Михеичъ, началъ онъ:—твоихъ денегъ не возьму. А ужь коли ты рѣшился отдать ихъ—отдай Вѣрочкѣ, это ея счастіе.

— Главная причина, ваше скородіе, въ томъ разсчетъ— помру скоро. Сенаторъ одинъ на паперти меня увидалъ.— Живъ, говоритъ, Михеичъ?—Такъ точно, говорю, ваше превосходительство.—Ну, говоритъ, живи!

— Дѣлай какъ хочешь — твое дѣло. Ты знаешь, я Вѣрочку люблю, хоть она и не дочь моя...

— И я, ваше скородіе... все равно, какъ родная она мнѣ. Вотъ такъ бы все глядѣлъ на нее. Намедни безъ васъ заходилъ: поплакали мы съ ней. Какая, говоритъ, моя жизнь будетъ Михеичъ? Ничего кругомъ меня нѣтъ! И васъ-то ей, ваше скородіе, жалко; тоже говоритъ, состарѣлся, а все работаетъ.

— Да, Михеичъ, какъ подумаю я объ ней — сердце поворачивается. Вдругъ, сохрани Господи!.. Куда она пой-

детъ. За нее больше мнѣ отвѣту, чѣмъ за родную дочь: самъ взялъ на свое попеченіе. Можетъ быть, къ другому-то попала—счастливѣй бы была.

— Истинныя ваши слова, истинныя!—согласился Михеичъ, глубоко вздохнувши.

— А работа моя что! Работать буду до послѣдняго издыханія.

— Дай вамъ Господи добраго здоровья. Такъ извольте взять...

— Нѣтъ, ты самъ ей отдай.

— Не могу. Извольте сами отдать.

Михеичъ вынулъ засаленный ломбардный билетъ и положилъ его на столъ. Васютинъ обнялъ Михеича и горячо расцѣловалъ его.

— Спасибо, добрый человѣкъ, произнесъ онъ сквозь слезы. Родной того не сдѣлаетъ, что ты сдѣлалъ.

— Вашескородіе, вѣрно вамъ говорю — люблю ее, какъ родную. А вы не извольте ей говорить, пущай ничего не знаетъ. Все равно, покойница была бы жива—ей бы отдалъ.

Васютинъ ничего не сказалъ Вѣрѣ Васильевнѣ, но она стала замѣчать, что онъ повеселѣлъ, сталъ чаще ходить въ билліардную и даже воротился однажды „какъ слѣдуетъ“, чего она конечно не замѣтила, потому что онъ прошелъ въ свою комнату тихо, утромъ выпилъ огуречнаго разсольцу, пожевалъ гвоздички и отошелъ. Онъ радовался, что на первое время, послѣ его смерти, Вѣрочка не выскочитъ на улицу нагишемъ. Невелики деньги, разсуждалъ онъ самъ съ собой: все-таки обернуться можно. Старикъ Михеичъ какъ будто предугадывалъ свою кончину. Онъ завѣщалъ Васютину свой георгіевскій крестъ и нѣсколько медалей отдать въ церковь, а на могилѣ поставить крестъ. Горько оплакала Вѣра Васильевна почтеннаго старика, узнавши о его благодѣяніи уже послѣ его смерти. Васютинъ не вытерпѣлъ—сказалъ.

Годъ прошелъ съ кончины старика. Въ жизни Васютиныхъ никакихъ перемѣнъ не произошло, но Малозеленина улица начала понемногу украшаться: кое-гдѣ перестлали мостовую, потому что не было возможности проѣхать пожарному обозу; обыватели разумѣется о своихъ ребрахъ не помышляли, прикусывали на рытвинахъ языки, но все-таки ѣздили. Кое гдѣ покрасили заборы, наконецъ выстроили новый домъ, противъ дома, въ которомъ жилъ

Васютинъ. Въ окнахъ второго этажа этого дома показались штофныя портьеры; по вечерамъ слышались звуки рояля; къ воротамъ стали подъѣзжать экипажи, которыхъ до того времени не видно было въ Малозелениной улицѣ. Васютинъ рѣшилъ, что должно быть въ домѣ поселилась какая-либо важная особа, потому что въ числѣ прiѣзжавшихъ онъ видѣлъ одного значительнаго чиновника. Прiѣздъ на жительство важной особы произвелъ въ небольшой улицѣ, имѣвшей свои нравы и обычаи, сенсацiю. Стали доискиваться: кто?.. Лавочникъ Соколовъ говорилъ, что прибѣгала разъ къ нему горничная за огурцами, но „ничего такова“ не говорила. Дворникъ дома говорилъ, что въѣхала генеральша, а кто она такая — Господь ее знаетъ, „это до насъ не касающее“. Трактирщикъ говорилъ, что ходятъ ихнiе люди на биллiардѣ играть, водку пьютъ „и даже оченно“, особливо поваръ, но какiе господа—неизвѣстно. Владѣлица одного крошечнаго деревяннаго домика, вдова придворнаго арапа Миронова, проникавшая во всѣ щели Малозелениной улицы, попробовала спросить кучера, назвавши его милостивымъ государемъ, тотъ ее обругалъ, „какъ не надо быть хуже“. Родственница Васютина не преминула тотчасъ же толкнуться съ свидѣтельствомъ о бѣдности. „До самой ее не допустили“, а черезъ горничную выслали рубль.

— Горничная, матушка, послѣ говорила она: этакая барственная особа, Анной Матвѣевной зовутъ. Я говорю: я матушка, болѣзненная женщина и вотъ свидѣтельство о моей бѣдности отъ отца моего духовнаго. Она сейчасъ доложила и вынесла. А въ передней-то, матушка, офицерская шинель висѣла... Сама видѣла... На красномъ подбоѣ. Мнѣ бы, дурѣ, подать свидѣтельство отъ квартала, можетъ быть больше бы выслали, потому оно чувствительнѣе написано, а я думала, что отъ отца духовнаго дѣйствительнѣе, потому какъ онъ всѣ тайные грѣхи мои знаетъ.

Послѣ долгихъ справокъ, которыя не привели ни къ чему, обыватели утвердились на словахъ дворника, что это въ самомъ дѣлѣ генеральша. А это совсѣмъ была не генеральша.

Хаджибейскiй лиманъ.

[не окончено].

МЕДВѢДЬ.

РАЗСКАЗЪ.

[Посвящается А. К. Кузнецову].

> Паче же почитайте сію книгу, красныя и славныя охоты, прилежные и премудрые охотники, да многія вещи добрыя узрите и разумѣете.
>
> ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ.

I.

Въ роскошно убранномъ кабинетѣ очень богатаго молодого человѣка, на изящномъ креслѣ сидѣлъ мужикъ; у двери, заложивши назадъ руки, стоялъ франтоватый лакей.

— Долго Александръ Ивановичъ проклажается, заговорилъ мужикъ послѣ продолжительнаго молчанія: — пожалуй и на чугунку не попадешь.

— Эхъ вы, егоря! язвительно прошепталъ лакей: — нечего вамъ дѣлать-то!

— Ты, Николай Петровъ, понимать нашего дѣла не можешь, потому твое дѣло больше у тарелки.

— Что говорить! Дѣло ваше хитрое!

— Наше-то?! Хитрое дѣло! Хитрѣе твоего. Ты подика, попутайся по лѣсу-то, животъ-то тебѣ и подведетъ.

— Для какого это разсчету я пойду?..

Послышался звонокъ. Мужикъ всталъ. Въ дверяхъ показался баринъ.

— Здравствуй, Кузьма, заговорилъ онъ, ласково протягивая руку.

— Здравствуйте, Александръ Иванычъ.

— Что скажешь? Николай, ты бы водки ему далъ.

— Подносили, благодаримъ покорно, выкушалъ... Вѣдьмедя сударь, обложили.

— Чудесно! Большого?

— Порядочный. Не мы его обкладали: онъ легъ въ пищалинскомъ косякѣ, а ужо опосля къ намъ перешелъ.

— А мѣсто хорошее?

— Первый сортъ мѣсто; на самой на просѣкѣ станемъ.

— А если на берлогу?

— Неспособно: очено ломы, опасно. Одному ежели— ничего, а съ господами не справишься.

— Спасибо, что вспомнилъ меня.

— Очено даже мы вами благодарны, Александръ Иванычъ, и завсегда...

— Такъ ладно, по рукамъ!

— Пріѣзжайте, сударь. Я нонѣ поѣду; завтрашняго числа съ кумомъ мы обойдемъ, провѣримъ и сейчасъ вашей милости лепешу...

— А пищалинскіе не прогонятъ его?

— Ничего, мы съ ними сдѣлаемся. Шумъ-то промежду нами пожалуй что будетъ, а ничего.

— Даромъ бы не пріѣхать?

— Какъ возможно. Вѣдьмедь вѣрный. Дѣйствительно, онъ спервоначалу у ихъ лежалъ, но только важность небольшая...

— Если мы послѣ завтра пріѣдемъ, успѣешь ты?

— Безпремѣнно. Сейчасъ какъ пріѣду, народъ соберу и сейчасъ и въ лѣсъ.

— Такъ ужь ты депеши не посылай: мы пріѣдемъ. Только на счетъ пищалинскихъ — у васъ должно быть неладно.

— Безъ сумлѣнія! Охоту нашу портить имъ недадимъ. Мы, сударь, всѣ эти резоны знаемъ... Какъ возможно!..

— Ну, съ Богомъ! окончилъ баринъ, касаясь нѣжными пальцами корявой руки мужика.

На другой день утромъ Кузьма уже былъ въ деревнѣ. Оповѣстивъ всѣхъ о предстоящей утромъ охотѣ, они съ кумомъ Акимомъ отправились въ лѣсъ провѣрять медвѣдя. Пищалинскіе мужики не зѣвали. Около вечеренъ они съ шумомъ вошли въ деревню и засѣли въ кабакѣ.

II.

— Но ужъ и стужа же на дворѣ, то-то страсть! говорилъ Герасимъ, входя въ избу: вьюга такая — свѣту божьяго не видать!.. Ежели теперича наши ребята подъ выселками въ оврагъ влопаются—тамъ имъ и помирать— не вылѣзутъ.

— Тьфу! Типунъ-те на языкъ-отъ! перебила его старуха.

— Что?! Истинная правда, подтвердилъ парень: — въ экую стужу какая охота—однѣ слезы.

— Вся и жизнь-то наша слезы, отозвался съ печи старикъ:—родимся мы во слезахъ и помремъ во слезахъ... И сколько я этихъ слезъ на своемъ вѣку видѣлъ,—и сказать нельзя! Бывало хошь въ некрутчину: и мать-то воетъ, и отецъ-то воетъ, и у жены-то у некрутиковой изъ глазъ словно горячая смола капаетъ...

Старикъ тяжело вздохнулъ.

— Это ты, дѣдушка, насчетъ чего? спросилъ его Герасимъ.

— Самъ про себя говорю, отвѣчалъ старикъ.

— А я думалъ — на счетъ нашего положенія... А на счетъ нашего положенія я те вотъ что скажу: грѣха тутъ не оберешься! Вѣдьмедь нашъ, мы его обложили, а пищалинскіе мужики говорятъ, что съ ихней межи перегнали. Я такъ понимаю—безъ драки тутъ нельзя... И такъ намъ эти пищалинскіе накладутъ въ загривокъ, такъ они насъ обработаютъ...

— Вольный звѣрь, не по пачпорту ходитъ — гдѣ захотѣлъ, тамъ и легъ, вмѣшалась старуха: — запрету ему нигдѣ нѣтъ.

— Да, ты вонъ поди, съ ними поговори, продолжалъ Герасимъ: — ужь они теперь, оглашенные, два ведра почитай выхлестали, ничего съ ними не сдѣлаешь. Пущай, говорятъ, судъ намъ разрѣшеніе сдѣлаетъ, коли возможно съ нашей земли вѣдьмедевъ сгонять. Намъ, говорятъ, все единственно!.. Мы, говорятъ, тутъ въ кабакѣ и жить будемъ, пока господа не пріѣдутъ...

— И все-то, братцы, какъ я погляжу, перебилъ старикъ:—брань у васъ, да все другъ противъ дружки.

— Это дѣйствительно, дѣдушка! Главная причина,

мужики сердитые, опять же это—налопаются, настоящаго-то и не могутъ, какъ должно. Ежели теперь по настоящему—какъ? Обложилъ ты его, народъ сколотилъ, господъ поставилъ... бухъ! Честь имѣемъ поздравить! И вѣдьмедю хорошо, и господамъ лестно, и самъ ты, примѣрно... и народъ тобой доволенъ.

Въ избу ввалился пьяный, оборванный пищалинскій мужиченка Миронъ, съ ружьемъ въ рукахъ. Онъ былъ весь въ снѣгу.

— Это за нашу-то добродѣтель, началъ онъ, ткнувшись раза два о печку:—спасибо! Вѣдьмедь нашъ—пищалинскій! У насъ онъ лежалъ; Кузьма Микитинъ съ нашей земли его перегналъ...

— Крѣпостной онъ твой что-ли? проворчала старуха.

— Вѣдьмедь онъ божій... это мы все очченно хорошо...

— Спать бы, дядя, тебѣ, сказалъ Герасимъ.

— Спать мы пойдемъ, потому мы маленько... потому мы пьяные... спать намъ требуется безпремѣнно, а этого дѣла мы такъ не оставимъ...

— Ружье-то, съ пьяныхъ глазъ, не потеряй, заворчала опять старуха: а то еще застрѣлишь кого...

— Могу! Стволъ у насъ французскій — долбанетъ—своихъ не узнаешь. Волку намедни такую ваканцію показалъ... Эхъ, Петровна, понимать моей души ты не можешь!

— А нализался ты здорово, дядя, отозвался съ печи дѣдушка.

— Въ самый разъ!.. А на счетъ вѣдьмедя все мы завтра обозначимъ.

— А можетъ, Богъ дастъ, проспишь, дѣло-то и обойдется, проговорилъ Герасимъ.

— Никакъ этого нельзя! Всю ночь наскрозь ходить буду, потому вѣдьмедя намъ Богъ даровалъ! горланилъ Миронъ. — Онъ все лѣто, батюшка, на нашихъ овсахъ питался...

— Эхъ, Миронъ Масеичъ, голова-то у тебя не съ того конца затесана! Ступай-ка ты, откуда пришелъ, окончилъ Герасимъ, выводя подъ руки Мирона изъ избы.

— Вѣдьмедь нашъ! Нашъ онъ, батюшка, пищалинскій! продолжалъ онъ орать за дверью.

Отъ крику зашевелились проснувшіеся на полатяхъ ребятишки.

— Что, дѣдушка, господа еще не бывали? заговорила, почесываясь, желтая, какъ ленъ, хохлатая головенка.

— Нѣту, батюшка, спи скокойно, отвѣчалъ дѣдушка.

— Я въ загонъ пойду.

— Какъ-те нейдти! подхватила бабушка.

— Вѣстимо, пойду.

— Съ чѣмъ ты пойдешь-то, дурашка? Махонькой ты человѣкъ...

— Хворостинку возьму, да и пойду.

— Сиди-ко лучше на печи, да таракановъ загоняй— не страшно!

— Ну, ладно!

— Нѣтъ, Матрена Петровна, ввязался въ споръ Герасимъ: ты намъ не препятствуй. Васютка, пойдемъ.

— Пойду и есть!

— На мерлогу ежели, продолжалъ Герасимъ, страшно, а въ загонъ ничего. Дѣвки ходятъ, стало быть намъ можно. Но только я такъ понимаю: хоша господа и прiѣдутъ, а на охоту имъ идти неспособно: въ экую стужу, да жидкому человѣку... бѣда!

III.

Намаялись бѣдные развѣдчики, день-деньской ерзая на лыжахъ по лѣсу. Медвѣдь лежалъ крѣпко. Ужъ темнѣло, когда они вышли изъ лѣсу. Посвистывалъ вѣтеръ, подымалась мятель, до деревни, по мужицкому счету, три версты, а мужицкая верста длинная, длиннѣе казенной. Прiунылъ Акимъ, запечалился и Кузьма. Холодъ самъ по себѣ мужику ничего—дѣло привычное, а вотъ какъ вьюга въ полѣ разыграется—горе великое!

— Не застрять бы какъ... заговорилъ тревожно Кузьма.

— Возможно, соглашался Акимъ: хитраго нѣтъ! Полемъ тамъ даже оченно...

— Съ Богомъ ничего не сдѣлаешь!...

— Его святая воля, что сдѣлаешь... рѣшили они, миновавъ лѣсную просѣку.

Вьюга въ полномъ ходу. Въ полѣ зги божьей не видать. Залѣпило глаза, заледенило бороды.

— Господа, пожалуй-что не прiѣдутъ, промолвилъ тоскливо Акимъ.

— Ужъ до господъ-ли теперь! Помогъ бы Богъ вылѣзти. Въ экую пургу какая охота, пропади она совсѣмъ!...

— Сосну бы намъ не прозѣвать. На сосну попадемъ— дома.

— Вишь, вьюга какая—у лошади хвоста не видать, а ты сосну.

Лошадь, побуждаемая и кнутомъ, и лаской, и бранью, едва передвигала ноги, наконецъ, выбившись изъ силъ, остановилась.

— Должно сбились!

— Ужъ давно по цѣлому ѣдемъ. Сбились какъ есть.

— Бѣда!...

— Поди-жь ты!...

Акимъ сунулся въ сугробъ и, пройдя шаговъ двѣсти, воротился назадъ.

— Что Богъ далъ?

— Ничуть!

— Постойка, я потопчу; можетъ Господь дастъ... сказалъ Кузьма, опускаясь по-поясъ въ снѣгъ.

И Кузьма пришелъ ни съ чѣмъ.

— Столько этого снѣгу наворотило—не выдерешся.

— Въ оврагъ бы не влетѣть?

— Тамъ и душу свою оставишь... въ оврагѣ... Такъ ты это и понимай!

Долго молча и сосредоточенно стояли они, придумывая, на что имъ рѣшиться.

Акимъ хотѣлъ было посовѣтовать ѣхать прямо, да, вспомнивъ, что лошадь потому и остановилась, что прямо ѣхать нельзя, удержался. Кузьма былъ рѣшительнѣе: онъ что есть мочи сталъ хлестать кнутомъ несчастное животное. Лошадь тронулась.

— Ну, ну, ну, кричалъ Кузьма, учащая удары.

— Трогай, трогай, подбадривалъ Акимъ, ухватившись за оглоблю.

— Господи, да вонъ она сосна-то! закричалъ съ радостью Кузьма.

— Она и есть!

— Батюшки мои!... Вотъ какое дѣло. Помирать ужь сбирались.

— Это мы, значитъ, все около ей барахтались! Ну, оказія! Что же это огневъ-то не видать? Озерецкое, должно, вотъ оно... направо?

— Да теперь все село разожги, никакого огня не увидишь...

Оть сосны уже недалеко до деревни и по торной дорогѣ, какъ ее ни занесло, все-таки добраться можно.

— Дома теперь... Слава те, Господи!...

— Ужъ теперь что... теперь ежели... А то какъ возможно...

— Само съ собой, коли... Эхъ!...

— Горе!

— Вотъ ты и думай!

Безсвязныя эти фразы произносили мужики съ большими паузами.

Овинъ... другой... избенка... Въ деревнѣ!...

Все забыто: и страхъ быть занесеннымъ, и стужа, прохватившая до костей. Миновала бѣда и слава Богу!

— Кабакъ, поди, еще не запертъ.

— Надо полагать...

— Одной косушкой, пожалуй, не поправишься?

— Какая косушка! Много ли въ ей, въ косушкѣ! Теперича, ежели очувствоваться какъ должно, и полштофа мало, рѣшилъ Акимъ.

Изъ кабака слышался шумъ: безобразничали пищалинскіе мужики, ожидавшіе пріѣзда господъ изъ С.-Петербурга. Больше всѣхъ заинтересованъ былъ Миронъ. То онъ хвастался своимъ ружьемъ, то репетировалъ рѣчь, которой онъ встрѣтитъ охотниковъ.

— Сейчасъ пріѣдутъ и сейчасъ... воля милости вашей!.. Вѣдьмедя намъ Богъ даровалъ! Собственно они съ нашей земли его перегнали... Какъ вашей милости угодно!..

— Это точно, поддакивалъ спившійся пищалинскій ех-старшина: а коли что—два ведра на все наше общество. Тогда и дѣйствоваться можно.

— Два ведра!.. Вѣрую, Господи! Такъ ли я говорю? Два ведра пожалуйте на столъ, а мы выкушаемъ...

— А вы, ребята, не кричите, вмѣшался въ разговоръ рыжій мужикъ:—а то въ запрошломъ году Демьянъ Иванычъ налетѣлъ тоже на барина, сталъ права доказывать, да послѣ недѣли двѣ скулы растиралъ...

— А въ судъ?

— Судись тамъ! Такъ огрѣетъ...

— Меня?! закричалъ съ бахвальствомъ Миронъ.

— Ты-то первый наскочишь!

— Я?!

— Ты!..

— Не надѣюсь! Вотъ что!..

— Не надѣюсь!

— Пожалуйте намъ осьмушечку, окончилъ онъ, подходя къ стойкѣ.

Было около девяти часовъ вечера. Утомленные, продрогшіе до костей развѣдчики миновали кабакъ и задами въѣхали въ деревню.

— Живы ли вы тутъ? заговорилъ Кузьма, входя въ избу.

— Ай, батюшки! Ужъ мы не чаяли васъ, заторопилась старуха.

— То-есть такъ-то прохватило, такъ-то прохватило, что кажись...

— Порядочно! перебилъ Акимъ:—маленько бы еще, тамъ бы, пожалуй, и заночевали на полѣ...

— Хотѣли было согрѣшить по стаканчику, да пищалинскіе въ кабакѣ галдятъ.

— Слѣдоваетъ, а то никакъ не раздышешься.

— Я сейчасъ къ честной вдовѣ схожу: у ней водка безъ пакенту, вызвался Герасимъ.

— Не дастъ!

— Мнѣ-то?! Даже оченно... Съ великимъ удовольствіемъ!

Вотъ и водка на столѣ. Выпили медвѣжатники, раздышались, очувствовались и стали отходить ко сну. Акимъ съимпровизовалъ подушку: обернулъ полѣно полушубкомъ и растянулся на голомъ полу.

— Ты бы, бабушка, сапоги-то въ печь сунула... да смотри не изжарь, завтра потребуются, проговорилъ Кузьма, влѣзая на полати.

Вьюга успокоилась. Сквозь рваныя облака, повременамъ, показывался мѣсяцъ. Кабакъ смолкъ. Общее спокойствіе нарушалось изрѣдка бродившимъ по деревнѣ Мирономъ: онъ разыскивалъ свою шапку.

— Безъ шапки мнѣ невозможно! Безъ шапки я не человѣкъ,—кричалъ онъ во всю глотку.

IV.

Рано утромъ, на зарѣ по деревнѣ послышались бубенцы. Къ избѣ Кузьмы подъѣхало нѣсколько саней, на-

груженныхъ людьми, ружьями, рогатинами, чемоданчиками, корзинами и т. п. Кузьма уже былъ на ногахъ. У воротъ встрѣтилъ прiѣхавшихъ Миронъ; онъ всю ночь пропутался на улицѣ.

— Все благополучно, ваше сiятельство, вѣдьмедь какъ есть... васъ дожидаетъ, отрапортовалъ онъ, трясясь всѣмъ тѣломъ выходившему изъ саней полковнику.

— Что это? Ни свѣтъ-ни заря, а ужъ ты откушалъ, замѣтилъ полковникъ.

— Точно такъ, ваше сiятельство! Не я пью — горе мое пьетъ, отвѣчалъ Миронъ.

— Полно-ко ты, непутный человѣкъ, мутить-то отозвался Кузьма, отряхивая снѣгъ съ полушубка полковника—всю ночъ спать не давалъ, старый чортъ!..

— А что, медвѣдь лежитъ? подскочилъ къ Кузьмѣ молодой человѣкъ въ изящномъ черномъ полушубкѣ, съ красивымъ ружейнымъ ящикомъ подъ мышкой.

— Лежитъ, сударь.

— Большой.

— Да вѣдь Богъ его знаетъ: мѣрить его нельзя.

— Большущiй, ваше сiятельство! Лапа съ ведро, а то и больше. Потому какъ онъ есть вѣдьмедь нашъ пищалинскiй, у насъ, онъ все лѣто кормился, вмѣшался опять Миронъ, поддерживая подъ руку уходившаго въ избу полковника.

Сани разгружались. Вылѣзали, отряхаясь, охотники, мужики вытаскивали ружья, рогатины и т. п. Къ избѣ мало-по-малу подходили любопытные. Пищалинскiе всѣ собрались въ кучу и стояли у избы молча. Нѣкоторые разговаривали шопотомъ.

— Я такъ понимаю, говорилъ одинъ:—битва у насъ будетъ великая.

— Безъ рвани тутъ ничего не сдѣлаешь, дѣло видимое, соглашался другой.

Полковникъ, войдя въ избу, привѣтствовалъ хозяевъ, прилаживаясь къ ихъ обиходной рѣчи.

— Здравствуйте, добрые люди, началъ онъ, низко кланяясь старухѣ.

— Здравствуйте, батюшка, господинъ честной, ваше благородiе.

— А таракановъ-то у васъ порядочно!

— Сила, сударь! Такая сила этихъ таракановъ—ничего съ ними не сдѣлаешь, отвѣчалъ Кузьма.

— Морить надо...

— И морили, сударь, и морозили, изъ С.-Петербурга былъ какой-то, мазью смазывалъ, но между прочимъ куры всѣ передохли, а тараканы остались.

— Здравствуй, божій человѣкъ, обратился онъ къ слѣпому старику.

— Здравствуйте, батюшка, отвѣчалъ старикъ, поднявши къ небу незрячіе, черные, какъ уголь, глаза.

— Давно на божьемъ свѣтѣ маешься?

— Годовъ восемьдесясять есть, баринъ.

— Много!

— Что сдѣлать, сударь:—и не хочется, да живешь.

— Ужъ и мы, сударь, говоримъ, вмѣшался шутливо Кузьма:—пора бы, мѣсто ему тамъ ужь заготовлено. Ты бы, тятенька, пошелъ, ослобонилъ тутъ господамъ. Васютка, сведи дѣдушку.

— Погоди, дай намъ со старикомъ побесѣдовать, остановилъ полковникъ.—Крѣпостной былъ?

— И подъ господами жилъ, и волю сподобилъ сподь увидѣть.

— А чьихъ былъ?

— Господъ-то? У меня былъ господинъ большой; такихъ нынче и господъ-то нѣтъ, да и въ тѣ поры пожалуй-что не было.

— Аракчеевскіе наши-то были, подсказалъ Кузьма.

— Графа Алексѣя Андреевича Аракчеева дворовый я человѣкъ былъ—спервоначалу фалеторомъ, и опосля того кучеромъ, подтвердилъ старикъ съ достоинствомъ.

— Хорошъ онъ для васъ былъ? продолжалъ допрашивать полковникъ.

— Строгой былъ человѣкъ, горя нашего не чувствовалъ.

— Потерпѣли наши-то при немъ на порядкахъ...

— Лютой былъ человѣкъ, попилъ нашей крестьянской крови вволю.

— А жить намъ за нимъ было хорошо, продолжалъ старикъ:—страхъ былъ, баловства не было, пьянства этого, кабаковъ... Мужикъ былъ сытый.

— Это что говорить, ввернулъ отъ себя Акимъ:—мужикъ былъ въ тѣ поры форменный... какъ есть... Теперича народъ горькій, всѣ пропимшись.. Теперича только пьютъ да на погорѣлое мѣсто собираютъ.

— А пожары часто бываютъ?

— Бываютъ и пожары, а больше такъ.

— Какъ такъ?

— Пропьются, оглоблю обожгутъ, значитъ погорѣли.

— Царство ему небесное, окончилъ старикъ, ощупывая висѣвшій на стѣнѣ полушубокъ, и вышелъ съ Васей изъ избы.

Пока Акимъ бѣгаетъ по деревнѣ, сколачивая народъ въ загонъ, пока господа осматриваютъ ружья, надѣваютъ сапоги, услаждаются чаемъ и напитками, врутъ всякую охотничью небывальщину, я отвлекусь отъ разсказа и познакомлю съ ними читателя. Вы не думайте, что это пріѣхали охотники по ремеслу, по страсти. Изъ нихъ нѣтъ ни одного, который бы въ холодную осень окунулся въ воду, доставая убитую птицу; который бы въ палящій зной безъ воды, безъ пищи оставался цѣлый день въ болотѣ для того, чтобы положить въ сумку двѣ пары бекасовъ; который бы изнурялъ себя, бродючи въ лѣсу по ломамъ, по корягамъ, отыскивая тетеревиный выводокъ; который бы въ грозу, въ ливень, промокшій до костей, пробирался спокойно по изрытому сохой грунту, чтобы принять ночлегь въ лѣсу, въ на-скоро сдѣланномъ изъ листьевъ шалашѣ. То поэты, а мои охотники просто милые, прелестные люди, едва умѣющіе держать ружье въ рукахъ. Пріѣхали они просто подышать свѣжимъ воздухомъ, а въ случаѣ подвернется подъ руку медвѣдь, то лишить его жизни, если не будетъ предстоять къ тому большой опасности и если пуля нечаянно его задѣнетъ. Такихъ охотниковъ очень много. У иного не знаешь, что въ кабинетѣ: оружейный магазинъ, или зоологическій музеумъ? Шкафъ съ ружьями. Какихъ тамъ системъ нѣтъ: заряжающіяся и сзади, и сбоку, и сверху... Какихъ къ нимъ нѣтъ приспособленій!.. А вотъ ножи, пистолеты, свистки, рога, рогатины и всякая охотничья утварь. Все чисто, какъ говорится, съ иголочки. А на стѣнахъ, а на шкафахъ!—Чучелы глухарей, вальдшнеповъ, дупелей... а вотъ стоитъ рысь... а вотъ оскалившій зубы волкъ... а вотъ всталъ во весь ростъ и сложилъ лапы по-наполеоновски медвѣдь, и ни въ одной душѣ владѣлецъ этихъ чучелъ неповиненъ.

Снарядились мои охотники. Полковникъ одѣвался и подтягивался очень долго. Въ скобкахъ замѣчу, что называемый мною полковникъ — не полковникъ, а совсѣмъ штатскій господинъ. Мужики его прозвали полковникомъ за солидную фигуру и за необыкновенную способность кричать и браниться безъ всякой злобы.

— Шибче полковника никому не изругаться, замѣчаютъ объ немъ мужики!—такъ обложитъ, лучше требовать нельзя.

Молодой человѣкъ въ изящномъ полушубкѣ, подпоясанный кавказскимъ поясомъ съ серебрянымъ наборомъ, видимо безпокоился и начиналъ жаловаться на зубную боль, когда одинъ изъ мужиковъ совралъ ему, что онъ медвѣдя видѣлъ, что онъ большой и должно быть медвѣдица съ медвѣжатами лежитъ на чистомъ мѣстѣ и пожалуй „потрепать“ можетъ.

Одинъ изъ пріѣхавшихъ охотниковъ былъ одѣтъ черкесомъ: на немъ накинута бурка, а на головѣ огромная баранья шапка:

Онъ весь обвѣшанъ былъ ремнями,
Желѣзомъ ржавымъ и кремнями,
На поясѣ широкій ножъ.

Онъ fвралъ отъ самаго Петербурга вплоть до мѣста охоты и наконецъ до того заврался, что заставилъ усумниться даже мужиковъ. Онъ разсказалъ, какъ онъ убилъ медвѣдя изъ пистолета.

— Мертваго? живо спросилъ полковникъ.

Всѣ засмѣялись.

— Нѣтъ, не мертваго! возразилъ черкесъ.

— Ну, такъ нечаянно, промолвилъ молодой человѣкъ.

— Словно бы баринъ-то маленичко... замѣтилъ лукаво Акимъ...

И посыпался на бѣднаго черкеса градъ насмѣшекъ.

— Ты, можетъ, въ звѣринцѣ—говорилъ полковникъ.

Черкесъ уже начиналъ обижаться, но вошедшій Кузьма доложилъ, что подводы готовы и народъ дожидается.

На улицѣ толпа. Мужики, бабы, одна съ груднымъ ребенкомъ, дѣвки, мальчишки, съ дубинками, съ хворостинками, съ палками, съ ружьями, въ рваныхъ полушуб-

кахъ, въ кафтанишкахъ, въ сапогахъ, въ лаптяхъ, въ валенкахъ стоятъ смирно. Одинъ мужичекъ заряжаетъ ружье, перевязанное около курка веревкой, выдергивая изъ шапки паклю для пыжа.

— А мое давно заряжено, заговорилъ стоящій съ нимъ рядомъ: подъ самый подъ Покровъ я его зарядилъ... господа въ тѣ поры пріѣзжали. Ружьишко оно ничего, только стволъ сталъ отскакивать.

Вышли охотники.

— Здорово, ребята, воскликнулъ полковникъ.

Загонщики молча поклонились.

— Это что такое? закричалъ онъ, увидавши бабу съ ребенкомъ.

— Бабеночка, сударь, наша...

— Что-жъ, она съ ребенкомъ въ лѣсъ пойдетъ?

— Мужъ, сударь, у ей замерзъ, такъ, значитъ, кормится... въ чужимъ людяхъ живетъ.

— Ничего, сударь, мы привычные, робко проговорила бабенка.

Пищалинскіе всей кучей выступили впередъ заявлять свою претензію.

— Что вамъ нужно? Вы загонщики? обратился къ нимъ полковникъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше сіятельство, выступилъ впередъ красный, какъ кирпичъ, мужикъ: мы пищалинскіе.

— Что значитъ?

— Вы какъ на счетъ вѣдьмедя этого понимаете? заговорилъ онъ вкрадчиво.

— А что?

— Онъ легъ, значитъ, въ нашемъ косякѣ, а они теперича его перегнали... перегнали они его, а мы, значитъ...

— Обижены: подхватилъ другой. Надо говорить побожьему—обижены!..

— За нашу добродѣтель, закричалъ Миронъ.

— Ты, кажись, рвань ты эдакая, еще не проспался, замѣтилъ Кузьма.

— Кузьма Микитичъ! Живъ Богъ, жива душа моя! Понялъ? Ну, и больше ничего! отрѣзалъ Миронъ.

Заговорили всѣ вдругъ.

— Мы таперича, значитъ, пищалинскіе, все наше общество...

— Сдѣлайте вашу такую милость...

— Собрамши таперича все наше общество... мы, ваше степенство, люди бѣдные...

— Опосля этого они и скотину нашу угонять будутъ.

— Вѣдьмедя намъ Богъ даровалъ, мы съ имъ живы не разстанемся...

— Ежели ихъ теперича не сократить...

Крикъ увеличивался. Охотникамъ становилось непріятно, полковникъ не зналъ, кого слушать и кому отвѣчать. Разлилось море нескладнаго мужицкаго шуму. Раздались оплеухи. Бабы завизжали. Загонщики ринулись.

— Стой! кричалъ черкесъ.

— Стрѣлять буду, кричалъ полковникъ.

Миронъ, раненый въ глазъ, прислонился къ воротамъ и оралъ во всю глотку:

— Помираю! Деревню спалю! Все выжгу!

Бой длился не долго. Неистовая брань полковника остановила нападающихъ. Кто поднималъ сбитую съ головы шапку, кто разчесывалъ бороду, кто потиралъ разбитыя скулы. Изъ переговоровъ выяснилось, что они желаютъ получить свою долю, т. е. ведро водки.

Охотники согласились:—будь по вашему, сказалъ полковникъ.

— Ну, вотъ и дѣлу конецъ! Трогай, ребята!..

— Коли ежели ведро — всѣ мы согласны! Шабашъ! Согласны! Ведро мы, господа-мужички, выпьемъ за ихнее здоровье, а тамъ ежели что—твори Богъ волю!.. Всѣ подъ Богомъ! Такъ ли я говорю? Все я пропилъ, а Бога я люблю! Вѣрую, Господи!.. Вотъ я какой человѣкъ! Вѣдьмедь меня боится! У меня ходи круче!..

Кузьма дѣлалъ распоряженія.

— Ты, Акимъ Иванычъ, съ бабами иди по ручью...

— Что-жъ я тамъ съ бабами буду дѣлать?

— Постой! Опосля вамъ всѣмъ отъ меня разрѣшеніе будетъ. Пойдешь ты съ бабами къ ручью, да тамъ меня и ждите. Ребятъ тоже возьми. Бабы, трогай! А ты, Микитичъ, веди народъ къ старой плотинѣ... Дойдешь до старой плотины и сейчасъ стой!.. А вы, пищалинскіе, ступай всѣ за бабами.

Загонъ тронулся. Осталось нѣсколько мужиковъ въ качествѣ тѣлохранителей. Миронъ пристроился къ полковнику.

Охотники подъѣхали къ густому лѣсу и стали на просѣкѣ. Видно было, какъ вереницей тянулись по поясъ по рыхлому снѣгу бабы, прокладывая путь сзади идущимъ пищалинскимъ мужикамъ.

— Что же это они, черти, бабъ-то впередъ пустили, замѣтилъ кто-то изъ охотниковъ.

— Потому, сударь, баба завсегда помягче, потяжеле мужика, проминать ей дорогу способнѣе, отвѣтилъ шутливо Кузьма.

Вынули нумера и пошли всѣ въ непроницаемую чащу лѣса, задѣвая и отряхая пушистый снѣгъ съ густыхъ вѣтвей сосенъ. Полковника вели двое подъ руки. Вышли на поляну.

— Первый нумеръ? спросилъ шопотомъ Кузьма.

— Мой, отвѣтилъ молодой человѣкъ въ изящномъ полушубкѣ.

— Пожалуйте тутъ.

Пошли дальше.

— Второй нумеръ?

— Я, отвѣчалъ мрачно черкесъ.

— Извольте тутъ становиться.

Третьимъ нумеромъ сталъ полковникъ, четвертымъ какой-то господинъ въ очкахъ, никогда не бывшій на охотѣ и не имѣющій объ ней никакого понятія; пятымъ— не знаю кто. Кузьма пожелалъ добраго часа и пошелъ въ лѣсъ дѣлать дальнѣйшія распоряженія.

Охотники стояли другъ отъ друга на разстояніи сорока шаговъ. Тѣлохранители сзади, то присѣдая, то выпрямляясь, слѣдили за малѣйшимъ шорохомъ, за малѣйшимъ движеніемъ каждаго прутика.

Тихо...

Молодой человѣкъ въ изящномъ полушубкѣ любовался своимъ новенькимъ штуцеромъ, обтирая батистовымъ платкомъ его стволы. Черкесъ пилъ водку изъ фляжки и дѣлалъ соображенія на случай непріятнаго столкновенія съ жильцомъ сосноваго лѣса. Полковникъ прислонился къ дереву и осматривалъ мѣстность. Господинъ въ очкахъ безучастно смотрѣлъ на все окружающее и разъ только полюбопытствовалъ узнать отъ мужика — „на заднихъ лапахъ выходитъ медвѣдь или просто“. — „Всячески, отвѣчалъ мужикъ:—какъ ему лучше, бываетъ—и на лапы подымается“.

Надъ головами охотниковъ пронеслась стая птицъ.

Изъ-за лѣса послышался собачій лай. Выстрѣлъ!.. И мертвая тишина сосноваго бора смѣнилась нескладнымъ, безобразнымъ крикомъ загонщиковъ. Всѣ схватились за ружья; тѣлохранители попятились назадъ.

Кричатъ...

Съ притаеннымъ дыханіемъ всѣ смотрятъ впередъ. Черкесъ сбросилъ съ себя бурку.

— Ваше сіятельство, подайтесь маленько, способнѣе будетъ, сказалъ мужикъ полковнику, взявши его за руку и передвигая съ мѣста.

Полковникъ молча повиновался.

Мужики, стоящіе около молодого человѣка, держали рогатины на-перевѣсъ. Самъ онъ, блѣдный, безпокойно глядѣлъ впередъ.

Господинъ въ очкахъ стоялъ до наивности храбро. Казалось, что ему схватиться съ звѣремъ—дѣло за обычай.

Миронъ всталъ на пень и тупо глядѣлъ на линію охотниковъ.

Кричатъ...

Черкесъ поминутно вскидываетъ ружье. Вотъ онъ присѣлъ и прицѣлился. Всѣ встрепенулись. Полковникъ взялъ быстро на прицѣлъ. Оказалось: фальшивая тревога.

— Баловники! сказалъ тѣлохранитель.

Крикъ на лѣвой сторонѣ усилился. Ужъ ясно слышатся слова: Аяяй! Береги, береги!.. У-ту-ту!.. Идетъ, идетъ... Батюшки, береги! Кричи, кричи... Лай собачій превратился въ отчаянный визгъ и на полянѣ, въ виду всѣхъ охотниковъ, показался во всей своей красотѣ большой бурый медвѣдь.

Тафъ! тафъ! тафъ! раздались глухіе выстрѣлы.

Медвѣдь мгновенно повернулъ и скрылся въ чупыгѣ.

Тафъ! Тафъ! отсалютовалъ ему вслѣдъ черкесъ.

Господинъ въ очкахъ выстрѣлилъ два раза въ воздухъ.

Пятый нумеръ закричалъ: „тиро!"

Полковникъ былъ убѣжденъ, что онъ медвѣдя ранилъ: ему показалось, что медвѣдь перевернулся. Черкесъ былъ убѣжденъ, что онъ медвѣдя убилъ, потому что, послѣ его выстрѣла, медвѣдь привскочилъ. Но ни того, ни другого не совершилось: не перевертывался медвѣдь и не привскакивалъ, а просто цѣлымъ и невредимымъ вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ.

Полковникъ начиналъ сердиться; ему казалось, что лѣвая сторона кричитъ слабо.

— Что у васъ, чертей проклятыхъ, лѣвое крыло спитъ! Эки анафемы! Убью! закричалъ онъ на весь лѣсъ.

— Сударь, что же это вы кричите? Вы вѣдьмедя сбиваете, замѣтилъ ему тѣлохранитель: — онъ долженъ опять выйти.

Медвѣдь между тѣмъ метался по лѣсу изъ стороны въ сторону, стараясь прорвать цѣпь загонщиковъ. Вотще! Загонщики стояли кучно и кричали немилосердно. Звѣрь рѣшился на отчаянное средство: онъ бросился на загонщиковъ, повалилъ бабу и вырвался на полную волю съ правомъ лечь въ новую берлогу и дожидаться новаго обрѣтенія, новой депеши, по которой будутъ вызваны болѣе умѣлые охотники, которые влѣпятъ ему пулю подъ самую лопатку и украсятъ его чучелой кабинетъ или парадную лѣстницу.

Хотя крикъ замѣтно смолкалъ, чувствовалось, что медвѣдь изъ округа вышелъ, но полковникъ не хотѣлъ этому вѣрить. Онъ послалъ Мирона подбодрить загонщиковъ. Крикъ приближался. Уже изъ лѣсу слышался разговоръ. Вотъ изъ чащи показалась пара лаптей... вонъ мальчишка вышелъ съ растегнутымъ воротомъ, вонъ баба... а вотъ и Кузьма съ Мирономъ.

— Что же ты, долговязый чортъ, набросился на него полковникъ: — чего смотрѣлъ?

— Что дѣлать, сударь! За хвостъ его не ухватишь, отвѣчалъ уныло Кузьма.

— За хвостъ! Тебя за бороду надо!

— Воля милости вашей, какъ угодно, а что вѣдьмедя дѣйствительно выставили.

— А онъ куда ушелъ? спросилъ господинъ въ очкахъ.

— Дѣ вѣдь Богъ его знаетъ, отвѣчалъ неохотно Кузьма.

— Онъ теперича бѣжитъ... Онъ теперича... съ нимъ теперича ничего не сдѣлаешь. Хоть на лошади — его никакъ невозможно... пояснилъ Миронъ.

На полянѣ разсуждали вышедшіе изъ лѣсу загонщики.

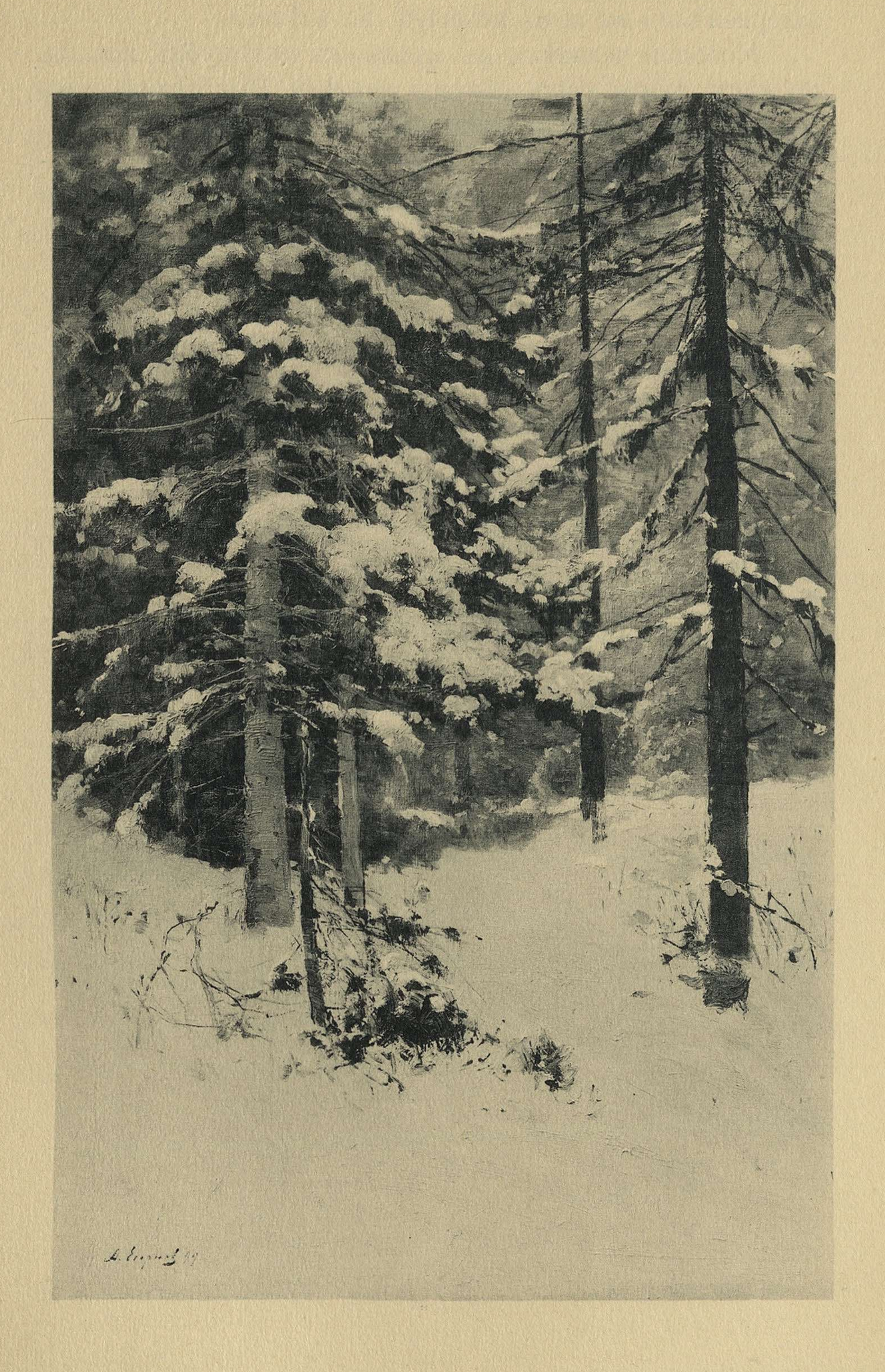
— Ужъ какъ старались — страсть!

— Мы въ кругу были. Онъ какъ прыснетъ, да влѣво и ударился... Ударился онъ влѣво, а мы...

— Онъ мимо меня два раза пробѣгъ.

— Снѣгу сколько я наглотался, полонъ ротъ.

— Какой звѣрища-то здоровенный!



— Да, этакой подберетъ подъ себя—пить запросишь.

— Такъ озябъ, пропади эта охота совсѣмъ! Ноги такъ задеревенѣли—на печь, пожалуй, не влѣзешь.

Молодой человѣкъ въ изящномъ полушубкѣ пошелъ въ лѣсъ, думая найти убитаго медвѣдя. Выстрѣлилъ тамъ два раза въ дерево и опять вышелъ на поляну.

Всѣ поѣхали обратно. Черкесъ, при въѣздѣ въ деревню, убилъ въ упоръ пѣтуха, промолвивъ: „тебѣ этого что-ль хотѣлось?“

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ЦАРЬ ПЕТРЪ ХРИСТА СЛАВИТЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РАЗСКАЗЪ.

„Они (дьяки) учинили то дуростію своею не гораздо и такого безстрашія никогда не бывало, что его государевъ пѣвчихъ дьяковъ, которые отъ него великаго государя Христа славить ѣздятъ во дворъ къ себѣ не пущать и за такую ихъ дерзость и безстрашіе — быть имъ въ приказѣхъ безкорыстно и никакихъ имъ почестей и поминковъ ни у кого ничего ни отъ какихъ дѣлъ не имать“.

Тяжелое время переживали москвичи въ послѣдній годъ XVII столѣтія. Пять мѣсяцевъ съ ужасомъ натыкались они на стрѣлецкіе трупы, висѣвшіе на стѣнахъ Бѣлаго и Земляного города и валявшіеся на Красной площади... „Блудозрѣлищное неистовство“ являли собою въ глазахъ благочестивыхъ людей обритые въ венгерскихъ кафтанахъ бояре. Кремлевскій дворецъ, дворъ великаго государя московскаго, былъ запертъ. Святѣйшій патріархъ лежалъ на смертномъ одрѣ. Великій государь не показывался больше народу, подобно его предкамъ, во всемъ блескѣ и величіи царскаго сана, „въ большомъ царскомъ нарядѣ“, въ сопровожденіи сановитыхъ бояръ „въ золотыхъ ферезяхъ“: въ селѣ Преображенскомъ онъ стоялъ въ офицерскомъ мундирѣ иноземнаго покроя во главѣ своего лейбъ-регимента, салютуя князю Кесарю.

Наступилъ праздникъ Рождества Христова. Невылаз-

ные сугробы снѣга покрывали всю Москву, не было дороги ни пѣшему, ни проѣзжему; но все-таки по первому удару Ивановскаго колокола, Кремль сталъ наполняться народомъ. Въ окнахъ боярскихъ домовъ замелькали огоньки, не свѣтился только огонь изъ оконъ опустѣвшаго дворца великаго государя. Нищіе сплошной стѣной стояли у сѣверныхъ дверей Успенскаго собора.

— Для праздника какая стужа-то на дворѣ, говорилъ одинъ калѣка, ползая у стѣны собора:—не согрѣешься.

— Теперь который и на ногахъ-то и тому не въ мочь, а тебѣ безногому не приведи Богъ! Совсѣмъ застынешь.

— Застынешь и есть!

— Ползъ бы ты, божій человѣкъ, къ Архангельскому, тамъ, можетъ, теплѣе, сшутилъ безрукій калѣка.

— Вчера мы на Красной цѣлый день зябли—хоть бы-те копѣечку кто. Сболтнулъ кто-то, что на земскомъ дворѣ подаютъ: рванулись мы туда—ничуть!

— Вотъ-те и праздникъ!

— Толкались мы у Двѣнадцати *), такъ думали, что у патріарха кормить будутъ: ничего, говорятъ, у насъ для вашей братьи не припасено.

— Подай, батюшка, слѣпому-убогому...

— Сотвори свою святую милостинку томному человѣку.

— Христосъ народился! Подай, милостивецъ, сирому, незрячему.

— Дѣва днесь присуственнаго рождаетъ... голосилъ, подпрыгивая на одной ногѣ, нищій идіотъ: — подай бѣдному, безъ роду — безъ племени, поминаются родители ваши въ царствіи небесномъ.

— Ишь ты! Даромъ что на одной ногѣ, а поди ужъ весь Кремль опрыгалъ! замѣчаетъ кто-то изъ нищей братіи.

— А что ты сдѣлаешь стоючи на одномъ-то мѣстѣ? Ну вотъ и стой!.. Какъ звоны отойдутъ — мы къ Казанскому.

— Скобленный народъ сталъ! Вѣрь ты мнѣ: кто бороду оскоблилъ, того душа въ рай не попадетъ...

— Подайте, милостивцы, денежку пытанному-застѣночному...

---

*) Соборъ двѣнадцати апостоловъ.

— Посторонись, посторонись!.. послышалось въ толпѣ:— подаютъ!

Неистовые крики, визгъ и стонъ смѣшались съ трезвономъ Ивановской колокольни. Толпа нищихъ охватила патріаршаго боярина, раздававшаго милостыни отъ святѣйшаго патріарха.

— Не напирайте, не напирайте, кричали стряпчіе, но ихъ никто не слушалъ: издрогшая на холоду, рваная, голодная толпа бросалась, какъ бѣшеная.

— Батюшки, слѣпенькаго раздавили!

— Тутъ и зрячаго не помилосердуютъ! Вчера у Лобнаго-то и подачи не было, да семь человѣкъ до смерти замяли.

— Батюшки! Святители! Іона митрополитъ! Душа съ тѣломъ разстается! дикими, нечеловѣческими голосами кричали раздавленные. Патріаршій бояринъ едва вырвался изъ толпы.

Заутреня, совершавшаяся при прежнихъ государяхъ съ особой торжественностью и блескомъ, шла по обыкновенному церковному чину. Патріархъ не служилъ, за него священнодѣйствовалъ митрополитъ Крутицкій. Невольно принявшіе на себя „блудоносный образъ“ бояре и царедворцы стояли какъ бы сконфуженные. Одна только, какъ бы оставленная для образца, окладистая московская борода патріаршаго боярина, важно стоявшаго у посоха Петра митрополита, обращала на себя вниманіе.

Праздникъ пошелъ по обычаю. Изъ воротъ въ ворота переходили славельщики, нищіе, странники; на людныхъ площадяхъ и перекресткахъ безобразничали халдеи, подпаливая встрѣчнымъ бороды; на улицахъ валялись пьяные гуляки, орали пѣсенники и бѣгали въ вывороченныхъ тулупахъ и неуклюжихъ маскахъ ряженные; на Москвѣрѣкѣ съ утра до ночи кипѣли кулачные бои; бражныя тюрьмы гостепріимно отворили свои двери для пропоицъ; убогіе дома принимали опившихся и замерзшихъ. Благочестивые люди съ сожалѣніемъ смотрѣли на проявленіе народныхъ привычекъ и характера.

На Земляномъ валу, въ полуразвалившемся домишкѣ, коротал̆ъ свои дни бывшій „верстанный“ подъячій одного изъ московскихъ приказовъ, у котораго отъ приказанаго сидѣнья ослабло зрѣніе. Лишенный возможности продолжать службу великому государю, онъ билъ челомъ, чтобъ его, „сироту, за долголѣтнее сидѣнье государь пожало-

валъ — велѣлъ ему быть, гдѣ онъ похочетъ". И государь его пожаловалъ. Съ однимъ глазомъ, которымъ еще онъ кое-какъ видѣлъ, конечно немного наработаешь, но онъ все-таки работалъ: строчилъ на Варварскомъ крестцѣ челобитныя, помогалъ совѣтами, однимъ словомъ, продолжалъ свою практику и поддерживалъ свое существованіе.

На третій день праздника посѣтили его бывшіе сослуживцы по приказу: одинъ „въ приказѣ посѣдѣлый", трезвый, серьезный, другой молодой и пьющій. Посидѣли, выпили и повели бесѣду.

— Вотъ жисть-то! началъ старый подъячій, на старости лѣтъ обругать человѣка! Паренекъ, ты бы шелъ отсюда: видишь, большіе говорятъ, обратился онъ къ мальчику, племяннику хозяина.

— Дема, поди въ ту горницу. Когда нужно—я кликну, поддакнулъ хозяинъ.

— Такъ вотъ я и говорю, продолжалъ старый подъячій: на старости лѣтъ бороду соскоблили, да сказываютъ къ Велику̀ дню по нѣмецкому одѣнутъ.

— Слышалъ, сказывали... со вздохомъ произнесъ хозяинъ.

— А пуще всего надо уповать на Бога, подхватилъ молодой подъячій, съ жадностью проглатывая оловянный стаканчикъ водки: одно упованіе и больше ничего! Воля царская! Меня во что хоть одѣвай, только души моей не трогай! Борода-то на томъ свѣтѣ опять должна вырости, а душа ежели—та не выростетъ.

— Тебѣ, съ пьяныхъ-то глазъ, все единственно! Тебя хоть арапомъ облачи...

— А хочь бы и арапомъ! Ну, пущай арапомъ облачаютъ, но только чтобы душа моя...

— Много ты объ своей душѣ думаешь!

— Тотъ мало объ душѣ думаетъ у кого руки трясутся, а у тебя ишь ты какъ онѣ...

— А отчего онѣ у меня трясутся? Это значитъ—душа моя робѣетъ, не пей говоритъ. А я ей говорю: я пью тебѣ на утѣшеніе.

— Съ тобой говорить-то, только слова терять даромъ. Не въ приказѣ бы тебѣ сидѣть...

— Мало, Илюша, мало хорошаго въ этихъ новыхъ порядкахъ, многодумно замѣтилъ хозяинъ. Ты говоришь, тебѣ все равно хочь арапомъ: а арапы-то на страшномъ судѣ на которой сторонѣ стоятъ?

— Да вѣдь и приказные, которые себя не соблюдаютъ, на той же сторонѣ стоятъ. А я себя соблюдаю! Сказано: „повинуйтеся властямъ и покоряйтеся“. Ну, я и покоряюсь. Вотъ ежели такой указъ выдетъ — впередъ пятками ходить, я тогда скажу: не умѣю, обучите. А насчетъ одежины — все одно. Еще нѣмецкая-то лучше — смѣшнѣе.

— И шелъ бы ты въ нѣмецкую слободу, тамъ бы свой у нихъ былъ...

— Былъ и тамъ! Бояринъ Тихонъ Никитичъ двухъ пѣтуховъ со мной къ одному нѣмчину посылалъ. Живутъ чудесно! Водка какая у нихъ важная — съ перцемъ... Насчетъ закуски только въ недостачѣ: нѣмка всего двѣ картофельки вынесла. Дѣвки какія у нихъ жирныя, здоровенныя, рыла красныя, словно бы какъ алифой смазаны.

— Патріахъ-то батюшка разнедужился отъ его дѣловъ, видючи какое поруганіе творится. Господи, вспомнишь, прежній-то бывало выйдетъ — Богъ земной. Бояръ-то, бояръ-то!.. Да все-то въ золотахъ, какъ жаръ горятъ, а этотъ... не глядѣли бы глаза!.. Ну бывало ли когда на Москвѣ, чтобы царевновъ, сестеръ родныхъ, по монастырямъ разсылали.

— А онѣ не балуй!

— Кто?

— А царевны. Хоть бы Софья Алексѣевна: зачѣмъ она смуту заводила? Ея дѣло сидѣть сложивши руки, а она мутить пошла! И въ нашемъ быту, коли бабенка замутитъ...

— Много ты знаешь?

— Да какъ же не знать то? Нѣтъ, царь справедливо! Много черезъ нея кровища-то по Москвѣ потекло, много народу-то располосовали. Стрѣльцы служили съ полнымъ усердіемъ, пока бабы не вмѣшивались...

— Полно, Илюша, пустяшныя-то рѣчи говорить, замѣтилъ хозяинъ:—хмѣльнымъ дѣломъ ты это...

— Нѣтъ, не хмѣльнымъ! Я пью, а разуму своего не теряю. Я царя Петра Алексѣевича во какъ почитаю! Царь справедливый! Ты еще посмотри, какъ онъ боярамъ пузото поспустилъ... Больно зажирѣли!... Намъ такого царя и надо, чтобы правду соблюдалъ.

— Сохрани Богъ и насъ съ тобой въ застѣнокъ потащутъ, окончилъ старый подъячій, подымаясь съ лавки: пустяшныя твои рѣчи и больше ничего!

— Я и въ застѣнкѣ эти рѣчи буду говорить, горячился молодой подъячій.

— Полно, Илюша, останавливалъ его хозяинъ:—такія страшныя слова говорить—дѣло-то къ ночи.

— Отъ слова ничего не подѣлается! Ежели бы теперича самъ царь объявился на этомъ самомъ мѣстѣ...

У воротъ бѣдной лачуги остановилось четверо саней. Послышался стукъ въ калитку.

— Дема, закричалъ хозяинъ: — отопри калитку, да спроси кто? Должно гулящіе какіе, или ряженые.

— Ежели бы теперича самъ царь объявился на этомъ самомъ мѣстѣ, продолжалъ, ударяя по столу кулакомъ, возбужденный хмѣлемъ подъячій...

— Дядюшка, вбѣгая впопыхахъ, заговорилъ Дема: государевы пѣвчіе Христа славить пріѣхали.

— Господи, вотъ напасть-то! — засуетился растерявшійся хозяинъ: — что тутъ дѣлать-то? Скажи, батюшка, здѣсь живетъ подъячій, а дьякъ дальше, на искоски отъ насъ... Богатый молъ тамъ дьякъ живетъ, посольскій...

Черезъ нѣсколько секундъ Дема вбѣжалъ со слезами на глазахъ.

— Дяденька, серчаютъ. Велятъ отпирать, а не то царю хотятъ жалиться.

— Ну такъ отпирай, дѣлать нечего... Наказанье божеское! Двѣ гривны да пять алтынъ всего и денегъ-то... и угощать-то нечѣмъ...

— Ежели бы таперича самъ царь объявился...

Черезъ порогъ низенькой двери, нагибая голову, переступилъ самъ государь, за нимъ бокомъ протискался тучный Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, за нимъ Никита Моисеевичъ Зотовъ и еще два боярина, въ венгерскихъ кафтанахъ.

Собесѣдники оцѣпенѣли.

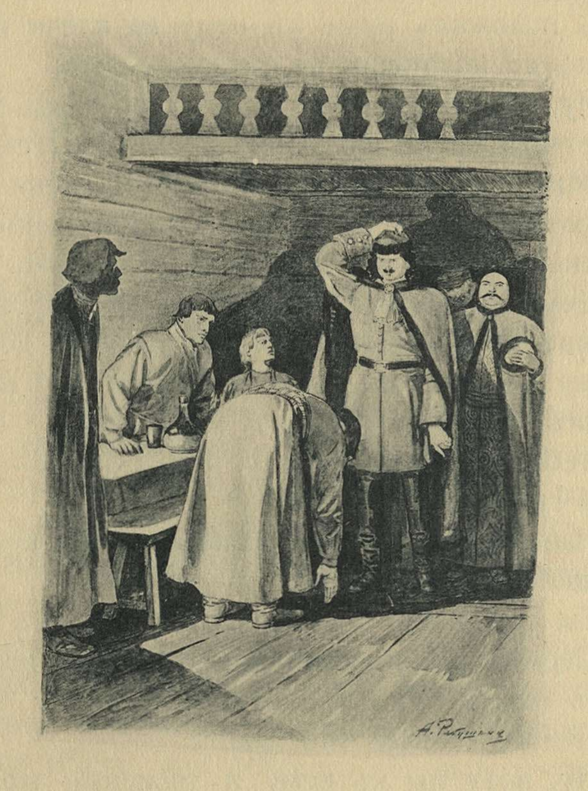
Князь обратился къ образу и запѣлъ „Рождество твое Христе Боже нашъ“... Царь подхватилъ густымъ басомъ. Пропѣвши „Дѣва днесь“, Ѳедоръ Юрьевичъ обратился лицомъ къ предстоявшимъ и началъ читать рацею.

Азъ отроча младо
Пришедъ въ домъ твоего стада
Рождество Христово прославить,
А тебя, господинъ честный, съ праздникомъ поздравить.
Сей день свѣтлѣйшій,
А ты господинъ честнѣйшій,

Буди здравъ въ покою,
Да милость Божія будетъ съ тобою
Днесь праздникъ прославляю,
Главу свою преклоняю,
Многая лѣта желаю.

Прочитавши, онъ низко поклонился подъячимъ.

— Какъ ты осмѣлился не пускать насъ, государевыхъ пѣвчихъ, Христа славить? Знаешь указъ? обратился Государь къ подъячему.



Подъячій тресся всѣмъ тѣломъ.

— Ну мы тебя для такого великаго праздника, прощаемъ. А ты что бы сдѣлалъ, если бы царь объявился на этомъ мѣстѣ?

Подъячій не мигнувъ глазами, отвѣчалъ:

— Я бы твоему пресвѣтлому царскому величеству сказалъ всю правду, что бы ты меня ни спросилъ. Они говорятъ—въ застѣнкѣ страшно, а я говорю—съ правдой нигдѣ не страшно.

Петръ долго и пристально смотрѣлъ ему въ глаза.

— Ты пьешь?

— Пью.

— Много?

— Лѣтомъ меньше. По разчисленію: по праздникамъ даже довольно достаточно.

— А гдѣ ты служишь?

— Въ разрядномъ приказѣ.

— Верстанный? прохрипѣлъ князь Ѳедоръ Юрьевичъ.

— Нѣтъ, изъ писчей деньги.

— А любишь ты своего государя? продолжалъ спрашивать царь.

— Люблю и всѣми твоими порядками доволенъ. И сейчасъ здѣсь всѣ твои порядки одобрялъ.

Царь положилъ руки къ нему на плечи и еще разъ пристально посмотрѣвши въ глаза, сказалъ:

— Ну, ладно! Вотъ его величество князь Кесарь тебя поверстаетъ, а за любовь твою ко мнѣ мы съ тобой сочтемся. Мнѣ нужны люди, которые бы меня любили. А тебѣ, обратившись къ хозяину: пожалуй нечѣмъ платить за славленье-то? Ну, мы тебѣ сами заплатимъ. На возьми! И далъ ему пять рублей. А тебѣ бы не слѣдовало давать, отнесся онъ къ Демѣ: — у калитки ты насъ долго проморозилъ, ну да ужь такъ и быть, вотъ и тебѣ на сосульки, на! И далъ мальчику рубль. А подростешь — приходи ко мнѣ, я тебя въ люди выведу. Ну, Богъ съ вами, прощайте. А гдѣ дьякъ-то живетъ?

— Наискоски отъ насъ, за переулкомъ, пробормоталъ растерявшійся хозяинъ.

— Ты говоришь, богатый? спросилъ онъ Дему.

— Страсть какой богатый! отвѣчалъ наивно мальчикъ: — въ самый сочельникъ гусей къ нему таскали, таскали, почитай со всей Москвы.

— Ну, вотъ мы къ нему и тронемся, окончилъ государь, выходя въ сѣни.

Подъячіе выскочили за ворота и усадили его въ сани.

— Батюшки, насилу раздышался, входя въ комнату, заговорилъ хозяинъ: — Господи, да что же это такое! Ежели бы и во снѣ приснилось...

— Вѣрь Богу, перебилъ его старый подъячій: — вѣрь ты Богу, гортань моя кровью запеклась отъ страху!

— А мнѣ, весело подхватилъ молодой подъячій: — ничего! Словно бы я наскрозь всю землю произошелъ! Вотъ еще здѣсь на донышкѣ осталось маленько, вотъ я сей и выпью за здоровье великаго государя Петра Алексѣевича, его пресвѣтлаго царскаго величества.

СБОРНОЕ ВОСКРЕСЕНІЕ.

Первая недѣля великаго поста называется „Православная“ въ память возстановленнаго благочестія и почитанія св. иконъ узаконенная *).

Въ воскресенье на этой недѣлѣ, называемое „сборнымъ“, въ каѳедральныхъ соборахъ совершается особая служба, именуемая, „послѣдованіе православія“: въ старину эта служба называлась „дѣйство православія“. Въ царствованіе Алексѣя Михаиловича она совершалась съ необыкновенной торжественностью.

Въ Кремлѣ, на Ивановской площади, у алтарей Успенскаго собора, устраивался помостъ, его покрывали краснымъ сукномъ, ставили на немъ кресла для святыхъ иконъ, аналой и два мѣста—для великаго государя и святѣйшаго патріарха.

До обѣдни, при звонѣ колоколовъ, выходилъ изъ дворца великій государь, въ предшествіи чудотворныхъ иконъ изъ всѣхъ дворцовыхъ церквей. Святѣйшій патріархъ въ облаченіи, съ сослужащими ему духовными властями, встрѣчалъ его на площади противъ Грановитой палаты. Совершивъ кажденіе св. иконамъ и великому государю, всѣ входили въ соборъ. Государь въ придѣлѣ св. Дмитрія Солунскаго „надѣвалъ свое государево царское платье, нарядъ большія казны: крестъ, діадему середнюю, чѣпь золотую колчатую; кафтанъ царской стано-

---

*) Словарь церковный П. Алексѣева.

вой; шапку царскую перваго наряду, что съ лаломъ; бралъ въ руки жезлъ царской“ и т. п. Одинъ разъ царь Алексѣй Михайловичъ „у дѣйства стоялъ въ Мономаховой шапкѣ“. Соборные ключари вынимали изъ кіотовъ св. иконы Успенскаго собора и при пѣніи канона выносили ихъ на площадь и устанавливали на помостъ, на креслахъ; двѣ иконы оставались внизу, у помоста, ихъ держали священники и архимандриты. Колокольный звонъ смолкалъ, когда государь съ патріархомъ всходили на помостъ. Послѣ пѣнія тропаря, протодіаконъ читалъ „заповѣдь святого и великаго всея вселенныя Никейскаго седьмого собора“ и провозглашалъ „вѣчную память“ поименно: святѣйшимъ патріархамъ, блаженнымъ и приснопамятнымъ митрополитамъ, архимандритамъ и игуменамъ, православія поборникамъ и учителямъ; благовѣрнымъ и христолюбивымъ великимъ князьямъ, царямъ, царицамъ, боярамъ, боярынямъ, воеводамъ, воинамъ „на брани доблественнѣ храбрствовавшимъ и усердно въ подвизаніи пострадавшимъ“; всѣмъ христіанамъ: „мужемъ, женамъ и дѣвамъ, и младенцамъ, скончавшимся во градѣхъ и селѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ отъ огня и меча, и въ водѣ истопшимъ, и въ плѣнъ отведеннымъ, и отъ смертоносныя язвы и всякою нуждою умершимъ“. Послѣ возглашалось отлученіе отъ церкви (анаѳема) еретикамъ и богоотметникамъ, нѣкоторымъ поименно. Напримѣръ:

„Арію, первому богоборцу и начальнику ересей.

„Несторію богоотметнику, страдательную св. Троицу глаголющему.

„Великаго Новгорода Юрьева монастыря Кассіану архимандриту съ товарищи и всѣмъ ихъ поборникамъ и развратникамъ святыя православныя вѣры, дондеже не покаются.

„Вору и измѣннику, и клятвопреступнику и душегубцу Стенкѣ Разину, который великому государю измѣнилъ и многія пакости и кровопролитія и убійства учинилъ.

„Новому еретику Гришкѣ Отрепьеву разстригѣ, который былъ „въ нашей русстѣй земли чернецъ и діаконъ, и обругавъ иноческій образъ способіемъ сатанинымъ, лжельстивно назвался сыномъ великаго государя и безстудно, яко песъ, на царскій престолъ великія Россіи вскочи и всѣмъ московскимъ государствомъ возмути“, и т. д.

Когда возглашалось отлученіе „возшатавшемуся сборищу на святыя иконы и причащающимся въ разумѣ хулящимъ и безчествующимъ ихъ“, царь вставалъ и прикладывался къ своимъ иконамъ, за нимъ прикладывался патріархъ и весь синклитъ. Народъ прикладывался къ иконамъ, стоявшимъ внизу у помоста.

По окончаніи „дѣйства“ протодіаконъ возглашалъ многолѣтіе Великому Государю. Затѣмъ иконы вносились въ соборъ западными дверями, устанавливались на мѣстахъ, а дворцовыя иконы ставились противъ патріаршаго мѣста и, по окончаніи литургіи, при звонѣ всѣхъ колоколовъ, въ сопровожденіи Государя и патріарха, относились во дворецъ *).

---

*) Въ наше время послѣдованіе православія совершается нѣсколько иначе.

ПОДРАЖАНІЯ СТАРИННОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

26

Письмо изъ Эмса языкомъ XVII вѣка.

Бьетъ челомъ сирота твой, государевъ (имя рекъ). Въ нынѣшнемъ 377 году прислана мнѣ твоя, великаго государя, грамота. Написано: ѣхать тебѣ, Ивану, въ розные города нѣмецкаго государства и смотрѣть тѣхъ городовъ люди и намъ, великому государю, отписывать. И взять тебѣ животовъ сколько мочно. И ѣхатчи землями нѣмецкаго государства, не грабить, не пьянствовать, и съ нѣмцы разговорныя слова говорить и отвѣтъ держать примѣрившись, съ вымышленіемъ, боясь нашея опалы и жестокаго истязанія безо всякія пощады. А будетъ который начальный нѣмецкій человѣкъ спроситъ, какія ради нужды посланъ отъ великаго государя, говорить: посланъ для его великихъ государевыхъ дѣлъ. А даровъ ему не давать. А прилучится который нѣмчинъ прошать будетъ— и тому дать кормы небольшіе да деньгами на пиво, по три алтына на человѣка.

И по твоему, государя, указу, мѣсяца мая въ 17-ый день, на память св. (имя рекъ), переѣхалъ я за рубежъ московскаго государства. Направо объявилося море пространное, а на немъ корабли, а на берегу стоитъ городъ Канюсбрекъ. И тотъ городъ и земля были допрежъ того подъ державою короля польскаго, а нынѣ всѣ тѣ польскіе люди поверстаны въ нѣмцы и жить имъ велѣно нѣмецкимъ обычаемъ, а вѣру держать католицкую, какъ до-

прежъ было. А будетъ кто похочетъ въ люторство, и тому прибавить чести. А городъ Емца не великъ, а сталъ онъ въ горахъ, а въ немъ живая вода, а та вода шипитъ, а течетъ та вода изъ горы каменныя, ростетъ на ней лѣсъ нечастый. И у котораго человѣка нутро болитъ, али утинъ, али порча, али ина хворь,—и дохтуры тоя болѣзни своимъ дохторствомъ смотрятъ, и ту живую воду пить велятъ и голымъ въ той водѣ сидѣть. А люди московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они ренское во множествѣ и здравы бываютъ. А ренское вино доброе, и я про твое, государево, здоровье пью ежедень. Палата построена каменная, большая, а въ ней сидитъ нѣмчинъ и вралетку вертитъ и прыгунца пущаетъ — бѣленькій, не великъ. А кругъ того нѣмчина народное множество — иныхъ государствъ люди — и жиды, и езовиты, и жонки, и дѣвки, и старыя бабы, и воровскіе заблудные люди, и кладутъ тому нѣмчину золотые амбургскіе и угорскіе и ефимки, и нѣмчинъ тѣ деньги емлетъ и вралетку вертитъ почасту. А въ сѣняхъ трубятъ въ трубы и въ бубны бьютъ и на стрементахъ и на свирѣляхъ — на искушеніе.

ЧЕЛОБИТНАЯ XVII СТОЛѢТІЯ.

[по титулѣ].

„Бьетъ челомъ и плачется сиротишка твой, государевъ, разбойнаго приказа писчикъ Павликъ. Въ прошлыхъ годѣхъ велѣно мнѣ сидѣти въ разбойномъ приказѣ безотступно и всякія разбойныя и татинныя дѣла списывати, а жалованье мнѣ противъ другихъ подъячихъ вполы, да сапоги, да однорядка, да шапка. И я, сирота, сидючи въ разбойномъ приказѣ, о твоемъ, великаго государя, дѣлѣ радѣлъ. А нынѣ та однорядка износилась и сапожонки поистлѣли — въ приказъ ходить нудно: пальцы прихватываетъ и пяткамъ тягота великая. Царь Государь! смилуйся для своего многолѣтняго здоровя и всемірныя радости царевича (имя рекъ) вели меня, сиротишку, обуть.

„Помѣта: Объявлено государево жалованье: дать однорядка, да сапоги, да шапка".

ЧЕЛОБИТНАЯ XVIII СТОЛѢТІЯ.

[по титулѣ].

„Его сіятельство генерал-аншефъ, генералъ-адъютантъ, преображенскаго полку бригадиръ приказалъ мнѣ, нижайшему, быть въ юстицъ-коллегіи у письменныхъ дѣлъ безъ срока. И я, будучи въ юстицъ-коллегіи, ея императорскаго величества интересу служилъ. А нынѣ мнѣ, нижайшему, отъ юстицъ-коллегіи резолюція: отъ юстицъ-коллегіи оставить, на основаніи указовъ ея императорскаго

величества. А мнѣ, нижайшему, при холодной атмосферѣ, жить въ резиденціи ея императорскаго величества невозможно. А посему...

„Резолюція: Опредѣлить ея императорскаго величества на молочный дворъ для смотрѣнія, а кормъ оттуда же натурою".

ПРОШЕНІЕ XIX СТОЛѢТІЯ.

„Прослуживъ безпорочно тридцать лѣтъ и не имѣя возможности, при настоящей дороговизнѣ хлѣба и мяса"...

„Резолюція: По непредставленію марокъ, оставить безъ послѣдствій".

Челобитная скомороха Потѣшнаго Приказа.

[Н. А. Чаеву].

[по титулѣ].

Бьетъ челомъ и плачется сирота твой Государевъ, Потѣшнаго Приказа скоморохъ Ивашка Өедоровъ. Жалоба мнѣ, Государь, того-жъ приказа на скомороха, на Өедьку Алексѣева на Бурдина.

Въ нынѣшнемъ, Государь, 377 году сошелъ я на стругѣ внизъ по Волгѣ рѣкѣ, да по Камѣ рѣкѣ до Перьми великія, для своихъ сиротскихъ промыслишковъ. И плывъ по Волгѣ рѣкѣ, близко будетъ Нижняго, у Работокъ, вышелъ тотъ Өедька ко мнѣ на устрѣтъ, съ женишкою своею Анницею, да сынишкомъ своимъ съ Алешкою, да съ Митькою, и со многими крестьяны, да съ посадскими людьми, да съ кабацкаго двора съ цѣловальники и бражники, и будетъ ихъ человѣкъ 20 и болши, со свистаніемъ и кличемъ и воплемъ, и съ нимъ животы и рухлядь розная, и пищали и иное всякое. И сошедъ на стругъ, онъ Өедька, крестъ цѣловалъ, чтобы ѣхать намъ до Перьми великія вмѣстѣ и что съ Божіей помощію испромыслимъ, дѣлить на двѣ стороны ровно, а ему чтобъ развратныя рѣчи не говорить и матерны не ругаться; а мнѣ, Ивашкѣ, ѣдучи съ нимъ, Өедькою, Камою рѣкою — на берегъ и въ лѣса не сбѣжать. И нынѣ тотъ Өедька, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, умышляетъ мнѣ дурно: въ разсчетахъ творитъ хитрость, а себѣ корысть; ѣстъ псину и мертвечину и иное скаредное и пьетъ по часту, да

онъ же, Ѳедька, рейтарскаго строя съ маеоромъ играетъ въ зернь и отъ той его игры сталъ онъ безъ портокъ. Повели, Государь, того скомороха Ѳедьку смирить, чтобы мнѣ отъ его бл..ни и озорства не притти въ конечное разореніе.

Царь, Государь, смилуйся, пожалуй.

Челобитная по скопческому дѣлу.

[А. Н. Островскому].

Холопъ твой государевъ Ивашка Ѳедоровъ низко челомъ бьетъ. Въ нынѣшнемъ, Государь, въ 378 году былъ я изыманъ приставы и волоченъ пѣшъ до губныя избы и великія отъ того ихъ волоченья мнѣ холопу твоему чинены убытки: однорядку на мнѣ вишневу — твое государево жалованье — изодрали всю безъ остатка и однорядочки къ Свѣтлому дню у меня нѣтъ. И губной староста съ подъячимъ учали меня бить и за волосья таскать и истерзавъ довольно, стали говорить распросныя рѣчи съ пристрастіемъ. И тѣ ихъ вопросныя рѣчи и мою сказку, для вѣдомости тебѣ Государю объявляю, боясь твоего гнѣва и опалы.

На Москвѣ живучи, ты, Ивашка, лихихъ людей и зершиковъ и иныхъ заблудящихъ богомерзкихъ людей знавалъ ли, и за пьянствомъ съ ними ходилъ ли, и по харчевнямъ скитался ли? И будетъ ты, Ивашка, лихихъ какихъ людей знавалъ и еретичество и б..... вѣдалъ и самъ съ ними на б..... ходилъ ли? И ходючи съ ними на б..... у Гурія Бурлакова срамные у.. видалъ ли? И я... у него были ли? И кто ему тѣ я... порѣзалъ и нынѣ гдѣ тѣ я... тебѣ вѣдомо-ль?

И какъ тѣхъ я... у него не стало, онъ, Гурій, убоину ѣлъ ли и бѣсовскую и богоненавистную табаку пилъ ли? Да онъ же, Гурій, на Москвѣ ежеденъ скрывался и то тебѣ кто скрывалъ его и наровилъ вѣдомо-ль?

И я, сирота твой, памятуя Страшный судъ, противъ тѣхъ распросныхъ рѣчей сказалъ прямо въ правду.

Живучи на Москвѣ въ скоморохахъ лихихъ людей не знавалъ, а всякихъ заблудныхъ и зершиковъ и скомороховъ и мнишецкаго чина и гостинной сотни запойныхъ людей и иныхъ всякихъ художниковъ зналъ довольно и за пьянствомъ съ ними ходилъ и составныя затѣйныя рѣчи имъ говаривалъ, а еретичества ихъ не вѣдалъ и срамные у.. не видывалъ и кто Гурія легчилъ то мнѣ не вѣдомо.

А онъ, Гурій, человѣкъ былъ смирный, а кто онъ родомъ то мнѣ не вѣдоможъ. То моя и сказска *).

---

*) Къ этой челобитной 1870 года Горбуновъ сдѣлалъ слѣдующую приписку: „Въ самомъ дѣлѣ, Александръ Николаевичъ, меня вызывалъ Прокуроръ Окружнаго Суда и спрашивалъ о Бурлаковѣ очень подробно. Мое показанье отправлено въ Москву. Я болѣнъ—болитъ горло, другую недѣлю не выхожу изъ дому. Въ Москву попаду къ Вербному, потому что на шестой недѣлѣ, если оправлюсь, приглашенъ къ Наслѣднику.

Вашъ душевно
И. Горбуновъ.

Грамота московскимъ людямъ.

Вѣдомо намъ учинилось, что у васъ на Москвѣ, на бражныхъ станахъ, въ Бѣломъ городѣ, у Ивашки Тѣстова, да въ Бѣломъ же городѣ, въ Саратовскомъ стану, на Устрѣтенки, у Васьки у Дубровина, въ Бѣломъ же городѣ, въ Большомъ Московскомъ стану, въ бывшемъ Ивашки Гурина, противу старыхъ московскихъ Приказовъ, да въ Китаѣ городѣ на Никольской, въ Черкасскомъ ўзилищѣ, въ Арсентьевскомъ стану, да въ Китай же городѣ въ Варварскомъ стану, у Алешки у Лопашева и на всѣхъ московскихъ бражныхъ станахъ и становивищахъ, во всю мясопустную седьмицу, пьянство преумножается.

Дворяне и дѣти боярскіе, и жильцы, и гостинной сотни люди, и посадскіе мужики, и бобыли крестнаго знамени не кладутъ и правило не держатъ, женъ и дочерей съ собою по бражнымъ станамъ водятъ, а гостинной сотни люди тройки въ сани впрягаютъ и за посадъ въ бражныя становища къ фрязину Яру, да къ цѣловальнику Ивашкѣ Натрускину ѣздятъ, а тамъ шлющіе цыгане бѣсовскія пѣсни поютъ и пляшутъ, со свистаніемъ и кличемъ и воплемъ и фряжское пьютъ и шпанское торговаго человѣка Ланина, и жонокъ силой поятъ, и подолъ на голову воздымаютъ и голыми раздѣваютъ—все, какъ въ грецкихъ Аѳинѣхъ было — и тако даже до восхода солнца пребываютъ и утренняго къ пѣнію клепанія не слышатъ.

А иніи въ домѣхъ своихъ опиваются и объѣдаются и чревонеистовствуютъ, и всякимъ страстямъ безчестія

прилежатъ, и въ безднѣ грѣховной валяются и по сихъ съ умиленіемъ въ ноги кланяются, чающе чрезъ всю четыредесятницу въ покаяніи и воздыханіи преполовеніе совершить.

А посадскіе людишки и бобыли и черной сотни боярина Хитрова и на иныхъ московскихъ площадяхъ и заставахъ по кабакамъ валяются, и всякою лаею ругаются, и бороду другъ другу рвутъ, и носы откусываютъ, и увѣчатся, и до смерти убиваются. И будетъ въ мясопустную седьмицу на Москвѣ всѣ убогіе дома и бражныя тюрьмы полны увѣчными, опившимися, избитыми, разслабленными и умопомраченными.

И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ и ты бы московскимъ людямъ заказывалъ накрѣпко, чтобы они всю мясопустную седьмицу въ домѣхъ своихъ во всякомъ благочестіи пребывали, а кому сидѣть не мочно, и тѣ бы мимо бражныхъ становъ не ходили, а лучится идти мимо, шли бы не озираючись, памятуя жену Лотову, а пришедъ домовъ, о грѣхахъ бы своихъ воздыхали.

А которые московскіе люди не послушаютъ и въ бражные станы ходить будутъ, и тѣхъ московскихъ людей изъ бражныхъ становъ выбивать силою и сапожонки сымать, и платьишко отбирать до указу.

Статьи, како увѣщати глаголемаго лампописта.

[лампопо, напитокъ].

Рци ми, о лампописте, коея ради вины къ душепагубному и умоомрачающему напою — аллемански же рѣчется „лампопо“—присталъ?

Не вѣси ли, о лампописте, егда ти „лампопо“ пріемлеши, вси бѣси великаго града Москвы, съ слободы и посады, ликовствуютъ, и руками плещутъ, и очима помизаютъ, и гласомъ радованія восклицаютъ: „се книжникъ лампопистомъ содѣялся и сыномъ отца нашего Вельзевула учинился“!

Оле твоего безумія, лампописте!..

Не имаши тайнаго зрѣнія и не разумѣеши яко въ бѣлыхъ ризахъ окрестъ тебя стоящіе не суть слузи гостинника Тѣстова, а бѣси ярославстіи отъ нихъ же главоболѣзный покой пріемлеши; и не вѣси, неразумія ради, яко дымъ, исходящій съ сосуда — дыханіе Вельзевулово суть.

Вонми вся сія, о лампописте!

ПРИГЛАШЕНІЕ НА БЕНЕФИСЪ.

[Т. И. Филиппову].

Государю, ближнему боярину, Тертію Ивановичу. Вѣдомо тебѣ, государю: Въ прошлыхъ годѣхъ объявился на Москвѣ гудошникъ Ивашко. И тотъ гудошникъ, по Москвѣ ходючи, съ зершики и бражники и гостинной сотни воровскими запойными людьми, говорилъ составныя смѣхотворныя рѣчи и дѣйствовалъ какъ не належало человѣку быть, и о боярѣхъ и мнишецкаго чина людехъ и о попѣхъ многія затѣйныя слова сказывалъ. И тотъ Ивашка взятъ въ Приказъ за приставы и въ Приказѣ пытанъ — раздѣванъ и руки въ петлю кладены и къ огню приношенъ и держанъ. И съ пытки тотъ Ивашка въ своихъ винахъ винился. И бояре приговорили того гудошника бить кнутомъ нещадно и, вынявъ ноздри, отдать въ монастырь старцу доброму. И тотъ гудошникъ ударилъ челомъ въ Верхъ къ Великому Государю, что онъ всѣми вымыслами, потѣхами Великому Государю угодитъ и къ тому всегда добрый, готовый и должный будетъ. И Великій Государь того гудошника пожаловалъ—велѣлъ поставить предъ свои, Великаго Государя, пресвѣтлыя царскія очи. И тотъ гудошникъ, будучи на очахъ Великаго Государя, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, дѣйствовалъ и говорилъ смѣхотворныя рѣчи и яко быть пьяному боярину и подъячему и попу и пѣсню пѣлъ. И Великій Государь, Его Царское Величество, смѣявся довольно, жаловалъ того гудошника къ рукѣ и повелъ къ Царицѣ и къ Царевичамъ и приказалъ дѣйствовать. И тотъ гудошникъ предъ Царицею и Царевичами дѣйствовалъ. И указалъ Великій Государь того гудошника взять въ Верхъ

въ верховые Его Царскаго Величества скоморохи, а жалованье тому гудошнику противъ другихъ верховыхъ скомороховъ вполы до указу. И, будучи въ верховыхъ скоморохахъ, тотъ гудошникъ ударилъ челомъ, что онъ, гудошникъ, обносился и оборвался, а Государева жалованья ему мало, чтобъ повелѣлъ ему Великій Государь, для своего многолѣтняго государскаго здоровья, дѣйствовать при всенародномъ множествѣ и со всякаго чина людей, которые его, гудошниковы, дѣйства смотрѣть будутъ, брать деньги, что онъ, гудошникъ, по своему произволенію, положитъ. И Великій Государь того гудошника пожаловалъ—указалъ ему дѣйствовать при всенародномъ множествѣ, а что онъ, гудошникъ, дѣйствовать будетъ и какія слова говорить—указалъ взять въ Приказѣ списокъ за рукою, что бы онъ чего, своею дуростію, не своровалъ. А чтобъ вѣдомо всѣмъ учинилось его, гудошниково, потѣшенье, будутъ подметные прелестные листы. И нынѣ тѣ прелестные листы въ дворы къ бояромъ и къ купцамъ и въ приказы и по кабакамъ метаны и на площадяхъ наклеены. И я тебѣ, Государю, листъ и ярлыкъ, гдѣ тебѣ, милостивцу моему, сидѣть, посылаю. Низменне касаясь честнымъ стопамъ твоимъ, много челомъ бью.

25 декабря
1878.

ТИТУЛЯРНИКЪ.

I.

Добронравіе отъ незримаго яда Книжныхъ писаній и сумнительныхъ помысловъ ограждающему, трость книжника скорописца въ исправленіе приводящему, храненіе устомъ полагающему, государю моему...

II.

Великодержавнаго скиѳтра предстоятелю, царскому особнику, яко кринъ въ добродѣтелѣхъ цвѣтущему, славою предковъ осіянному и въ благоподражательномъ имъ житіи крѣпкостоятельну пребывающему, древнихъ писаній ревнителю, Государю моему...

III.

Іерейскаго ради любленія отъ небытія въ бытіе происшедшему и, яко чадо духовное, сосцы семинарскаго любомудрія ссавшему и въ стихарь посвященному и по сихъ образъ духовный премѣнившему и выспрь превознесенному, царскому совѣтнику, безначальнаго царя предстоятелей и преславныхъ свѣтильниковъ земныхъ серафимовъ руководителю и штабъ-офицеру преизрядному и благопоспѣшному, государю моему...

IV.

Драгихъ и сочныхъ лозъ умственнаго винограда и многолиственнаго древа литорскаго любомудрія хранителю словеснаго вертограда, въ немъ же благоухаютъ духовными ароматы Лиманарь и Акосъ и Маргаритъ и Трефолой и Луцидаріусъ и Измарагдъ драгій, доброму дѣлателю и благому насадителю, алчущихъ разумѣнія древнихъ письменъ насытителю, разуму превысочайшему, государю моему...

V.

Отъ Гайканскія страны просвѣщенія ради Словенъ притекшему, суемудрія гонителю, юноши римскимъ и эллинскимъ языки, яко въ пещи халдейстѣй палимые, оросителю, Арменъ щиту не уязвимому, государю моему....

VI.

Пространнаго пути и бѣсоподражательнаго житія ревнителю, умильно-гласному, яко птица райская, честныхъ дѣвъ скверному блудному смѣшенію, инако рещи въ сѣти блуды непрестанному уловителю, естества женскаго любителю, блуднику ненасытимому, безвременну въ ономъ скверномъ дѣланіи, сирѣчь въ калѣ блуда пребывающу, здѣ прележащаго садомскаго града жителю, душегубнаго пьянственнаго житія до конца навыкшему, еще же и люторскаго омраченнаго главоболѣзненнаго напою преклонителю и иные юноши (ангеломъ плачущимъ, демономъ же ликовствующимъ) въ пьянства вмѣшателю, чревобожныхъ сопричастнику, чревонасыщенія служителю, съ зазорники и глумцы витія многословесному, многословущія и преименитыя Палкинскія лавры соборному старцу, плешью мужа мудра преукрашенному и благоизрядно звѣздами царевыми, яко Оріонъ, осіанному, государю моему.....

КУШКА.

По титулѣ.

Въ нынѣшнемъ, Государь, 392 году, стоялъ я съ твоими, Великаго Государя, ратными и конными и пѣшими людьми на рѣкѣ Кушкѣ. И мѣсяца марта въ 20 день вѣдомо мнѣ учинилось, что аглинскіе воровскіе люди ссылаются съ афганскимъ мурзою и говорятъ воровскіе развратныя рѣчи, наговаривая, что бы тотъ мурза съ своими татарами содиначась, къ злому воровству ихъ присталъ и противъ твоихъ, Великаго Государя, ратныхъ людей учинилъ бой. И мурза, предався въ неискусенъ умъ, тѣхъ воровскихъ рѣчей слушалъ. И я, холопъ твой, жалѣючи того мурзу, сдѣлалъ съ нимъ ссылку, а писалъ: непригоже де тебѣ мурзѣ слушать богоотступниковъ и противъ государевыхъ ратныхъ людей чинить злой умыселъ. Мы де не для смуты пришли, а стоимъ на своей землѣ для береженья, чтобы кровь невинная не проливалась. А будетъ ты, мурза, противъ государевыхъ ратныхъ людей будешь чинить дурно и тебѣ быть отъ насъ въ жестокомъ наказаніи, а отъ владѣтеля твоего въ отвѣтѣ. И мурза говорилъ: велѣно-де мнѣ отъ моего владѣтеля ссылаться съ аглинскими людьми и рѣчей ихъ слушать. И королевинъ аглинскій капитанъ прислалъ мнѣ письмо съ воровской мыслью. И я, выразумѣвъ то письмо, послалъ полуполковника Алиханова съ товарищи говоритъ съ тѣмъ капитаномъ и со всѣми гулящими воровскими аглинскими людьми. И сошедшись, говорили. Аглинскіе люди говорили: вы де въ Индею идете? А полуполковникъ съ товарищи говорилъ: мы де въ Индеи будемъ, когда нашъ великій государь

похочетъ. А топерво мы въ Индею не идемъ, а пришли для береженья новыхъ государевыхъ городовъ, которые ударили челомъ Великому Государю, чтобъ быть имъ со всѣми людьми подъ его высокою рукою. А будетъ Государь вашъ похочетъ и вы въ Индею пойдете ли? Коли великій нашъ Государь, Его Пресвѣтлое Царское Величество, похочетъ, и въ томъ будетъ его воля, и мы въ Индею пойдемъ тогожъ числа, какъ указъ будетъ. А зачѣмъ де вамъ итти въ Индею: у вашего Государя земли довольно? У Государя нашего земель много, а въ Индею намъ итти, чтобы милордамъ вашимъ и купцамъ и прочимъ королевинымъ аглинскимъ людямъ въ Московскомъ государствѣ дуровать было негораздо. И какъ мы будемъ въ Индеи и вамъ то будетъ за страхъ, а Московскому государству утѣшеніе. И пивъ боевой часъ ренское, разошлись. На утро Мурза ударилъ съ татарами на твоихъ, Великаго Государя, ратныхъ людей и милостію Божіею и твоимъ Государевымъ счастіемъ, твои ратные люди бились крѣпкостоятельно и били татаръ безъ всякія пощады. И видя татары надъ собою твоихъ, Великаго Государя, ратныхъ людей промыселъ и жестокій приступъ и пожарное раззореніе — побѣжали розно, а аглинскіе воровскіе люди, снявъ порченки, тожъ побѣжали, и городъ Пинже отъ татаръ и аглинскихъ воровскихъ людей очистился. И мурза аглинскаго королевина капитана за бороду退 дралъ: въ своей де землѣ вамъ не сидится, пришли къ намъ заводить смуту. И аглинскіе воровскіе люди, видючи надъ собою отъ мурзы и отъ татаръ жестокое истязаніе, прислали ко мнѣ гонца просить заступы и я послалъ на споможенье козаковъ, сколько пригоже. И къ вечеру того дня козаки воротились и говорили: аглинскихъ людей татары угнали въ свои улусы. А городъ Пинже я взялъ для прицѣпленія онаго къ твоему великодержавному скиѳтру.

УКАЗЪ ОКОЛЬНИЧЕМУ.

[А. Ѳ. Кони].

Отъ Государя, Царя и Великаго Князя Окольничему нашему Анатолію Ѳедоровичу.

Били намъ челомъ всякихъ чиновъ люди, емлютъ де съ нихъ въ Разбойномъ Приказѣ подъячіе деньги не малыя, волочатъ и убытчатъ безъ разсудку. И намъ бы, Великому Государю, ихъ пожаловати—велѣти для сыску татиныхъ и разбойныхъ и убiвственныхъ дѣлъ быти человѣку доброму, кому бъ въ такихъ дѣлѣхъ можно было вѣрить. И мы Великій Государь всякихъ чиновъ людей пожаловали, велѣли тебѣ, Анатолію, сидѣти въ Разбойномъ Приказѣ безотступно и всякіе татинныя и разбойныя дѣла вѣдати. И кому грѣшною мѣрою учинится смерть, или который человѣкъ удавится, или, вина опився, сгоритъ, или кто межъ собою подерется хмѣльнымъ дѣломъ и убьетъ и про то сыскивати подлинно, и которые людей волочатъ и убытчатъ и тѣхъ вѣдати и оберегати и расправу промежъ всякими людьми чинити безволокитно — и въ поклепныхъ искѣхъ, и въ подметѣ и въ бою и въ грабежу и кто крадетъ и разбиваетъ и до смерти людей убиваетъ и въ какой сварѣ зубомъ ухватитъ и носъ отъястъ; и женскій полъ и дѣвичъ, которыя по насердкѣ, на всякихъ чиновъ людей б.... сказываютъ для своей бездѣльной корысти — потомужъ сыскивати накрѣпко всякими сыски. И кто въ городѣ корчму и б..... держитъ и татинною рухлядью промышляетъ и мнишецкаго чину и гостинной сотни запойныхъ людей и чаровницъ, и которыя дѣвки въ ско-

морошествѣ оголяются, глазами помизающе блуднаго ради смѣшенія—сыскивати подлинно. А какова вора, или татя, или убійцу изымаютъ и приведутъ и видоковъ ставить къ кресту къ цѣлованію. А учнутъ видоки показывать подлинно и у него дворы и животы описывати и сажати въ тюрьму до указу. И будетъ воровство его и въ какихъ причинахъ онъ бывалъ сыщется до пряма, вынявъ изъ тюрьмы, судити въ Разбойномъ Приказѣ при всенародномъ множествѣ, а въ помочь ему ставити подъячаго добраго, который бы вины его очищалъ. Да для сидѣнья жъ въ Разбойномъ Приказѣ пожаловали мы Великій Государь велѣли выбирать судей по двѣнадцати человѣкъ да по два изъ лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей, добрыхъ, небражниковъ, которые бъ были душою прямы и всѣмъ людямъ любы. И тѣхъ людей приведчи къ крестному цѣлованію, а доводчику велѣти воровы вины честь. А какъ доводчикъ вины его прочтетъ и тебѣ Анатолію ставити его съ видоки на очи и допрашивать накрѣпко. А какъ подъячій учнетъ воровы вины очищать и тебѣ противъ того подъячаго потому жъ говорить. А слушавъ вашихъ рѣчей, выборные судьи пойдутъ въ другую палату за пристава, чтобы сговору какого промежъ ихъ съ народомъ не было. А пришедъ въ палату, судятъ сопча боевой часъ и больши чего воръ доведется. И будетъ вышедчи скажутъ что за воромъ вина есть и тебѣ судити по Уложенію. А будетъ учинишъ ты не по уложенію, а тотъ воръ, или тать, или убойца, или корчемникъ ударитъ челомъ въ нашу Царскую Думу, что учинилъ ты не по уложенію и того вора судить вдругорядь иными судьи. А тебѣ Анатолію, будетъ учинилъ ты не по Уложенію съ простоты—вины нѣтъ, а будетъ учинилъ ты по насердкѣ на того вора, или татя, или убойцу, или корчемника — наша царская опала съ записью въ разрядной книгѣ.

1877 года,
марта 24.

ПИСЬМА.

I.

[Т. И. Филиппову].

Непреоборимыя письменныя хитрости трудолюбезному подвижнику, литорскія любомудрыя трапезы причастнику, эллинскія словесныя цѣвницы любителю, любвеобильному учителю и наставителю моему, государю Тертію Ивановичу, мысленне касаясь честнымъ стопамъ твоимъ, много челомъ бью. А пишешь, государь, о посылочкѣ и я ту посылочку благородію твоему съ вѣрнымъ человѣкомъ отправляю и извѣствую, что я по сіе число по неизреченной милости присно-гремящаго надъ водами многими, тѣлесне здравъ и тебѣ, государю моему, здравія желаю. Нѣкто зовомый Ивашка, пресвѣтлаго царскаго величества верховый скоморохъ, писалъ своеручно.

II.

[Графу С. Д. Шереметеву].

Златыя отрасли и вѣтвѣ позлащенной, грозду зрѣлому, древу многолиственному, мірскаго житія уклонившемуся и уединеніе возлюбившему, древнихъ писаній и отеческихъ преданій ревнителю, еще же литорскаго любомудрія и философскаго ученія рачителю, служебникъ твоей свѣтлости и работникъ твоему благородству, его пресвѣтлаго царскаго величества верховый скоморохъ, худородный въ человѣцѣхъ, Ивашка Ѳедоровъ Горбуновъ, низ-

менне касаясь честнымъ твоимъ стопамъ, много челомъ бьетъ. Грамотку свѣтлости твоей получилъ и прочетъ выразумѣлъ. А пишешь, государь,—книжицу тебѣ прислать, въ ней же сказаніе о злокозненномъ еретикѣ, богоотступникѣ и вѣдомомъ блудодѣѣ Гришкѣ Отрепьевѣ и я книжицу тою къ свѣтлости твоей, не мотчавъ, посылаю. А книжицу тою слагалъ вольный человѣкъ Николай Новиковъ, а онъ, Новиковъ, въ Бога не вѣровалъ и дворовыхъ людишекъ своихъ продавалъ по одиночкѣ.

III.

[А. Ѳ. Кони].

1.

Присносіятельнаго россійскаго синклита служебнику, мужу благоизрядному и отъ царя вознесенному и звѣздами яко Оріонъ осіянному, судіи крѣпкостоятельному, чадомрачныхъ дѣяній искоренителю, литорскаго наученія и философскаго любомудрія сопричастнику, государю моему Анатолію Ѳедоровичу. Рабъ твоего благородія, худородный въ человѣцѣхъ царскій скоморохъ, Ивашка Ѳедоровъ, низменно касаясь честнымъ твоимъ стопамъ много челомъ бьетъ. Прошу благородіе твое придти ко мнѣ, худородному, на мянинишки, завтра въ день Воздвиженія Честнаго Животворящаго Креста Господня, о второмъ часу по полуднѣ. А будутъ къ ѣствѣ сослужебникъ твоего благородія Николай Степановичъ Таганцевъ, да царскія казны оберегатель (да не имутъ царское), Тертій Ивановичъ. А ѣства будетъ Московскаго и иныхъ городовъ, и съ Дону, и отъ рѣки великія.

2.

Худородный рабъ благородія твоего, зовомый Иванецъ, Ѳедоровъ сынъ Тимоѳеевича, низменне касаясь честнымъ твоимъ стопамъ, много челомъ бьетъ и извѣтствуетъ, что онъ, Иванецъ, во Вздвиженіе Честнаго и Животворящаго Креста Господня (въ понедѣльникъ, въ первомъ часу пополудни) прилучился быть имянинникъ. И тебѣ бы, государю, меня, Иванца, пожаловать — моего хлѣба-соли прикушать и впредь меня, Иванца, въ своей милости держать до окончанія моего живота, а я тебѣ,

государю, рабъ и служебникъ твоего благородства съ женишкою своею Марьицею и съ дѣтишками.

3.

Высокородный господинъ! Случился я, нижайшій, 14 Сентября, въ часъ пополудни, имянинникъ и соберутся ко мнѣ, нижайшему, нѣкоторые гости и будетъ трактація пирогомъ съ грибами и разною конфитюрою и вашему высокородству меня, нижайшаго, пожаловать — не презрѣть моей хлѣба-соли, а я, нижайшій, есмь вашего высокородства, моего милостивца, худородный и худоумный рабъ.

Челобитная государевыхъ пѣвчихъ.

Благочестиваго корени отросли благоцвѣтущей, вѣтви позлащенной, благоразумному и благоизрядному и пресвѣтлому, благочестіемъ сіяющему, по царской милости заступнику нашему отъ сильныхъ враговъ, добронравному благочестію, господину честнѣйшему, нелицемѣрному о насъ печальнику, графу Сергію Дмитріевичу. Мы государевы верховые пѣвчіе всѣхъ станицъ — вершники, нижники, домественники и путники — (имена)..., низменне касаясь честнымъ твоимъ стопамъ, много челомъ бьемъ и просимъ тебя держать насъ государевыхъ сиротъ въ своей милости до скончанія живота и никоимъ обычаемъ насъ не оставлять.

РОСПИСЬ СТОЛОВОМУ КУШАНЬЮ.

[М. Г. Савиной].

Мѣсяца Сентября въ 26 день

БУДЕТЪ ПОДАВАНО КЪ СТОЛУ:

Коврига монастырская.
Хлѣбцы нѣмецкіе.
Грибовъ два наряда.
Рѣдисъ красный.
Икра зернистая на блюдо.
Сырть новгородская на блюдо.
Сельди соловецкія.
Звѣно бѣлуги ставное, свѣжее.
Пироги долгіе съ грибы, да съ яицы, на московское дѣло.
Пироги малые съ вязигой, да съ яицы, да съ рыбьи тѣлесы.
Взваръ аглицкой изъ бычьи хвосты.
Тѣлеса ершовыя съ кореньи, да съ сахарнымъ горошкомъ, изъ живыхъ.
Огузокъ жареный на фряжское дѣло, съ заморскими овощи.
Андива кудрявая съ чеснокомъ.
Легюмъ нѣмецкая, грѣтая.
Блюдо пряжья.
Водка бѣлая, да помаранцовая, да калуферная, да бонбарисовая.
Вино фряжское, да шпанское.
Груши, дули сливы, да яблоки хана крымскаго.

А будутъ гости къ столу того дни въ навечеріи, въ пятомъ часу. А пришедъ, сядутъ къ ѣствѣ безъ мѣстъ. А будетъ столъ въ полустолѣ, встанутъ и говорятъ составныя рѣчи по произволенію, какъ кому Богъ въ умъ положилъ. А слушавъ тѣхъ рѣчей, хозяйка обноситъ шпанскимъ и допускаетъ къ рукѣ. А бывъ у руки, идутъ въ другую палату, а полоненный армянинъ Лазарь на стрементѣ играетъ и на губахъ трубитъ, а жидовинъ Павликъ, да верховые скоморохи, Давыдка, да Ивашка тѣшутъ хозяйку своимъ скоморошествомъ.

ПОДПИСЬ НА ПОРТРЕТѢ.

[Н. П. и А. П. Барсуковымъ].

Въ многословущую и всюду именитую, пречестную Патріаршую Палату, твердымъ постникомъ, шатательныя ереси попирателемъ и латинскія прелести обличителемъ нѣкто зовомый Ивашка, персоною своею, челомъ бьетъ.

Декабря
13/1887.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ.

НОЧЬ.

„Божественная ночь! Очаровательная ночь“.

Гоголь.

Спи, кто можетъ—я спать не могу,
Я стою потихоньку, безъ шуму,
На покрытомъ стогами лугу
И невольную думаю думу.

Некрасовъ.

И уноситъ душа меня далеко: уноситъ она меня въ „пышный“ Петрополь, въ „очаровательный“ Павловскъ, съ его „восхитительной“ иллюминацiей, съ его „обворожительнымъ“ оркестромъ. Я какъ будто вижу „волшебную“ палочку Главача. Мысль моя переносится въ Новую Деревню съ ея увеселительными притонами. Воображенiе вводитъ меня и въ Ренесансъ, и въ Каскадъ, и въ Русскiй семейный садъ, и въ Зоологическiй садъ, и въ Крестовскiй садъ и вообще во всѣ сады, кругомъ опоясывающiе „славный городъ Петербургъ“. Я какъ будто слышу чарующiй голосъ Зориной; я какъ будто сижу въ какомъ-то загородномъ театрѣ, гдѣ играютъ какую-то безсмысленную пьесу, поютъ какiе-то невыносимо глупые куплеты...

А надо мной

„Открылась бездна, звѣздъ полна.
Звѣздамъ нѣтъ счета, безднѣ дна“...

Ломоносовъ.

А кругомъ меня „святая тишина“.

„Ни гласа на брегѣ, ни зыби на влагѣ—все тихо“.

Гнѣдичъ.

Боже, какъ хорошо здѣсь... А докучливая фантазія все отвлекаетъ меня, все уноситъ меня изъ міра поэзіи въ театръ — въ міръ суеты, въ міръ озлобленнаго самолюбія и самомнѣнія, въ міръ мелкихъ интригъ и всякой дрязги... Вѣдь здѣсь лучше, въ этомъ чарующемъ безмолвіи!.. Но я не властенъ надъ ней. Она ведетъ меня все дальше и дальше...

Вотъ показался на сценѣ, завитый въ колечки театральнымъ парикмахеромъ, чтецъ. На рукахъ у него бѣлыя перчатки, въ рукахъ складная шляпа. „Салимская гетера“, произноситъ онъ съ апломбомъ. На половинѣ стихотворенія голосъ его достигаетъ высшихъ предѣловъ. Онъ начинаетъ кричать, мускулы въ напряженіи, лицо краснѣетъ и кривится, лѣвая ладонь сжата въ кулакъ, правая разсѣкаетъ шляпой воздухъ. Послѣдній стихъ:

И онъ сказалъ ей кротко: встань!

произноситъ съ какимъ-то остервенѣніемъ, какъ будто:

И онъ сказалъ ей: пошла вонъ!

— Браво! разносится по всему театру. Чтецъ раскланивается и уходитъ за кулисы. Какъ я взволновался, произноситъ онъ тамъ:—эки у меня нервы проклятые!

Сцена на мгновеніе остается пуста. Вотъ изъ боковой кулисы сверкнулъ лаковый сапогъ и исчезъ... Еще сверкнулъ и опять исчезъ...

— Что дразнишь-то! Ступай скорѣй! говоритъ кто-то въ заднихъ рядахъ.

— Куплетчикъ, что-ли, теперь пойдетъ?

Вотъ показалась наконецъ странная, толстенькая фигура во фракѣ. Лицо его выражаетъ полнѣйшее отсутствіе какой-либо мысли; оно только до нельзя гладко выбрито. Онъ быстро подбѣжалъ къ рампѣ, скроилъ принужденно-веселую гримасу, положилъ ладони одну въ другую, потеръ ихъ такъ, какъ обыкновенно трутъ руки, когда въ нихъ находится кусокъ мыла, шепнулъ что-то дирижеру, тотъ далъ знакъ оркестру и зала огласилась куплетами, не тѣми милыми, веселыми, подчасъ ѣдкими куплетами, которыми восхищалъ публику даровитый и симпатичный

Монаховъ, а куплетами глупыми, грубыми, не литературными. Въ залѣ подымается буря аплодисментовъ. Браво! Bis! Куплетистъ начинаетъ снова. Bis! снова кричитъ удовольствованная публика. Куплетистъ продолжаетъ. „Бисы“ не прерываются. Наконецъ, спѣвши съ дюжину куплетовъ, онъ усталъ. Красный, какъ ракъ, онъ откланивается публикѣ и спѣшно бѣжитъ за кулисы; но неистовое „bis“ снова тащитъ его на сцену. Въ недоумѣніи онъ останавливается. Репертуаръ его истощенъ. Всѣ имъ обруганы: и кассиры, которымъ судъ воздалъ „коемуждо по дѣломъ его“, и кассиры—кандидаты скамьи подсудимыхъ, и банки съ ихъ бухгалтерами, и присяжные повѣренные и желѣзнодорожные дѣятели, и инженеры... Кого-бы еще обидѣть? думаетъ онъ. И не имѣя болѣе подходящаго куплета — передразниваетъ двухъ астраханскихъ армянъ, судящихся у мироваго судьи.

Я въ Москвѣ, въ Эрмитажѣ... Садъ освѣщенъ электричествомъ. Налѣво театръ, направо буфетъ, прямо эстрада; тамъ, гдѣ-то въ кустахъ, еще фантастическій театръ. Въ одномъ театрѣ раздаются звуки Корневильскихъ колоколовъ, въ другомъ—актеры треплятъ „Каширскую старину“. „Bis“, раздается въ одномъ театрѣ. „Браво“, кричатъ неистово въ другомъ. У эстрады тѣснится публика. Идетъ разговоръ.

— Вы не слыхали?

— Кого?

— Егорова?

— Нѣтъ.

— Вотъ, батюшка, по собачьи-то лаетъ! Изумительно!

На эстрадѣ показался г-нъ Егоровъ и тотчасъ закричали пѣтухи, залаяли собаки, замяукали кошки. Bis! кричитъ публика. „Кукурику“, выкрикиваетъ въ удовольствіе ей г-нъ Егоровъ.

— Bis! Пѣтуховъ довольно! Валяй по собачьи!—говоритъ кто-то у эстрады.

— На дворѣ лежатъ двѣ собаки, начинаетъ имитаторъ.

— Пѣтуха! раздается рѣзкій голосъ.

— Пѣтуха! подхватываютъ энергически нѣсколько голосовъ.

— У одной собаки, продолжаетъ имитаторъ, не обращая вниманія на требованія публики...

— Пѣтуха! кричитъ крайняя лѣвая и центръ.

— Пѣтуха! Bis! Пѣтуха! поддерживаетъ московская люстриновая сибирка въ суконномъ картузѣ.

— А я, можетъ, собаку желаю слушать, протестуетъ господинъ въ цилиндрѣ.

— Это сколько вамъ будетъ угодно, мы не препятствуемъ... Пожалуйте къ намъ на Зацѣпу, тамъ ихъ сколько угодно, на разные голоса могутъ, отвѣчаетъ сибирка.

— Ты мнѣ дерзостей не говори! вспылилъ цилиндръ.

— Мы вамъ ничего такого не говоримъ, даже не можемъ знать какой на васъ чинъ, уклоняется сибирка:— можетъ повыше сапожника, пониже портного... Мы за свой рубль! Bis! Пѣтуха!

Къ центру присоединились прогрессисты. Начинается буря. Стоящій вдали участковый приставъ ужъ начинаетъ подумывать о распущеніи собранія.

Имитаторъ уступаетъ.

— По двору ходитъ индѣйскій пѣтухъ, начинаетъ онъ.

— Не надо индѣйскаго! Нашего, обнаковеннаго! закричала вновь сибирка.

— Шши! грозно раздается со всѣхъ сторонъ.

— Ну, какъ угодно! Намъ все равно! Вася, пойдемъ выпьемъ по штучкѣ, говоритъ, отходя отъ эстрады, сибирка:—мы пѣтуховъ-то довольно слыхали, важности это не составляетъ. У насъ, у нашей бабушки, можетъ, по Москвѣ первые пѣтухи. Индѣйской-то пѣтухъ какой онъ? Его и ѣсть-то невозможно. Вся сила у него въ хвостѣ. Хвостъ дѣйствительно. А больше ничего. Глупый пѣтухъ!

Представленіе на эстрадѣ вдругъ прерывается. Публика, какъ одинъ человѣкъ, повскакала со своихъ мѣстъ и ринулась въ одну сторону.

— Пожаръ?

— Боже сохрани!

— До тѣхъ поръ, пока у насъ будутъ деревянные театры...

— Да театръ вонъ гдѣ...

— Куда же это бѣгутъ?

— Не знаете что случилось?

— Я давно слышалъ, что гарью пахнетъ.

Изъ отрывочныхъ фразъ ничего нельзя понять.

— Какой же это пожаръ, успокоиваетъ кто-то. — Шаръ надъ прудомъ лопнулъ и самъ воздухоплаватель въ воду упалъ.

— Спасли? пронзительно восклицаетъ одна барыня.

— Надъ самымъ надъ прудомъ, вмѣшивается сибирка. Разъ! Яко прославися.

— Вы видѣли?

— Да, тутъ стояли... Разъ! И сейчасъ въ пучину... Мы бросились, думали, откачивать будутъ... Докторъ подбѣжалъ къ нему: ничего, говоритъ, вы такого въ себѣ не чувствуете?

— Если-бы повыше маленько вознесся — бѣда! подхватываетъ другая сибирка:—и потроха-бы его не собрать. У насъ одинъ пьяный съ третьяго этажу свезрился...

Наконецъ, публика успокоилась. На опустѣвшихъ столахъ опять появились бутылки съ краснымъ виномъ и пивомъ. Буфетъ пошелъ полнымъ ходомъ.

— Я больше къ поповкѣ прилежаніе имѣю, говоритъ одинъ московскій обыватель. — Смирновскую пробовали... да въ груди что этакое опосля ее... дыханіе, значитъ...

— Тѣснитъ, поддакиваетъ другой:—это вѣрно. А поповку хоть не закусывай... ровно идетъ, чисто!.. Налей-ка намъ, миленькій, поповочки три штучки.

— А ты попробуй-ка смирновскую-то, вмѣшивается третій: свѣжимъ огурцомъ закусывать — такъ она себя покажетъ! Говорятъ, отъ нея огурецъ свертывается, опять, какъ есть, цѣльнымъ дѣлается...

Къ одному изъ столовъ подошелъ молодой, очень тучный господинъ, румяный и бѣлый, какъ севастьяновская булка. Одѣтъ онъ очень изящно, по лѣтнему, весь въ бѣломъ, начиная отъ шляпы и кончая ботинками. Человѣкъ онъ, должно быть, здѣсь свой, потому что лакеи со всѣхъ сторонъ бросились къ нему съ предложеніемъ услугъ.

— Семенъ Ильичъ, началъ бѣлый господинъ, относясь къ старшему слугѣ.—Самъ служи и еще кого-нибудь поумнѣе поставь. Двѣ бутылки Помри; ну, а для меня ты знаешь что... только холоднаго. Потомъ ты позови Василья Яковлевича и честеру мнѣ. Скажи Буданову — нѣтъ ли свѣжаго, а то я буфетъ разнесу, онъ меня знаетъ. Да вотъ что... Впрочемъ, ничего, ступай. Живо! Или нѣтъ: кликни Сережу, не здѣсь ли она гдѣ путается.

— Она въ Шереметевской больницѣ другую недѣлю лежитъ, отвѣчаетъ старикъ.

— Ну, царство ей небесное. Виноватъ: дай ей Богъ добраго здоровья! Говорилъ ей — не пей! Да, Семенъ

Ильичъ! Пошли къ Ечкину за четверкой. Чтобы Гараська ѣхалъ...

Этотъ бѣлый господинъ, т. е. отецъ этого бѣлаго господина, очень богатый. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ онъ пришелъ въ Москву шпульникомъ, перенесъ всю страшную тяготу фабричной жизни и впослѣдствіи нажилъ огромное состояніе. На воспитаніе единственнаго своего сына онъ употребилъ всѣ средства: училъ его дома, отдавалъ въ самые дорогіе пансіоны, посылалъ его за границу. Природа щедро надѣлила его здоровьемъ: онъ можетъ не спать „ночей по десяти“. Онъ можетъ выпить шампанскаго море. Щедрый и расточительный для домовъ терпимости и другихъ пріютовъ разврата, онъ никогда ни одного гроша не пожертвовалъ на дѣла благотворенія. Своимъ поверхностнымъ образованіемъ онъ поражаетъ всѣхъ: бѣгло и нагло говоритъ по-французски, знаетъ почти наизусть пикантныя мѣста изъ романовъ Зола, насвистываетъ на губахъ всѣ скабрезныя оперетки. Каждодневно восходъ солнца встрѣчаетъ у Яра, а закатъ — въ одномъ изъ московскихъ ресторановъ.

Покончивши съ шампанскимъ, бѣлый господинъ садится съ двумя иностранками въ коляску, запряженную въ четверку ухорскихъ лошадей.

— Ну-ка, Гарасимъ, уважь купца! Не огорчи!

— Слушаю, Никандра Ивановичъ! Развѣ это лошади! Это феверки! Ухъ вы, милыя!.. дикимъ голосомъ крикнулъ ямщикъ. И понеслась бѣшеная тройка по неопрятной московской мостовой. Понеслась она къ Яру, гдѣ хоръ русскихъ пѣвицъ поетъ не по-русски, гдѣ цыганскій хоръ поетъ не по-цыгански, гдѣ всю ночь напролетъ.

„Бушуетъ вѣтренная младость“.

— Гараська, пали! кричитъ изъ коляски Никандра Ивановичъ.

— Палю! Стараюсь! отвѣчаетъ, выпятивши бѣльма, Гараська.

Мечтой ведетъ меня все дальше... Сквозь растворенныя двери театра я какъ будто слышу звуки корневильскихъ колоколовъ.

Диги, диги, донъ! Диги, диги, донъ. А на яву влетаютъ въ мои уши звуки разбитой чугунной доски.

Тикъ, тикъ, тикъ... тикъ, тикъ, тикъ. Сторожъ Ананій Михайловичъ часы бьетъ.

Прочь мечта. Вонъ изъ этихъ увеселительныхъ заведеній, съ ихъ наркотическими оперетками, съ ихъ пошлыми куплетами, унижающими человѣческое достоинство, имитаціями. Вонъ изъ этихъ увеселительныхъ заведеній, гдѣ, вмѣсто веселья, царитъ нравственное удушье, гдѣ вмѣсто смѣха раздается какое-то неистовое ржанье.

— А вѣдь хорошо у насъ на лугу-то, сударь, заговорилъ, подходя ко мнѣ, усадебный сторожъ Ананій Михайловичъ, восьмидесятилѣтній старикъ, бывшій дворовый человѣкъ. Сѣно-то теперь косятъ, духъ какой чудесный! Въ Пруднѣ тоже вчера закосили, опять же и въ старомъ селѣ... Со всѣхъ сторонъ тянетъ. Этакого духу въ городу-то у васъ чай, въ С.-Петербургѣ-то, нѣтъ?

— Нѣтъ, Ананій Михайловичъ, отвѣчаю я.

— То-то, я думаю, что нѣтъ. А у насъ, вишь ты какая благодать! Тихо, чудесно!.. Небо чистое...

— Всѣмъ хорошо, только комары очень одолѣваютъ, замѣтилъ я.

— Комаръ, сударь, ничего; комаръ нашъ лекарь.

— Какъ лекарь?

— А какже, серьезно отвѣчалъ Ананій Михайловичъ. Это нашъ первый лекарь: онъ изъ человѣка простуду высасываетъ. Вотъ ежели слѣпни, то бѣда! Да мы, сударь, по нашей кожѣ, комарей этихъ и не чувствуемъ, потому ему что лыко сосать, что кожу нашу—удовольствіе одно. Вотъ бабъ, гдѣ въ низинахъ, тѣхъ забижаютъ.

Пока мы разговаривали съ Ананіемъ Михайловичемъ, на Старосельской колокольнѣ продолжали бить часы и уже пробило ихъ больше двадцати.

— Да что же это? Который же теперь часъ? Обратился я къ старику.

— А вы, сударь, этимъ часамъ не вѣрьте, тамъ безъ счету звонятъ, отвѣчалъ Ананій Михайловичъ. Пономарь тамъ старый, глухой. Онъ бьетъ какъ ему вздумается. Инный разъ на дворѣ два часа, а онъ разъ пятнадцать отпуститъ... Считаешь, считаешь, инда надоѣстъ.

— А ты вѣрно бьешь?

— Я-то? съ гордостью произнесъ старикъ. Я, сударь, самъ часы, повѣрять по мнѣ можно. Пѣтухъ скорѣе ошибется, а я нѣтъ. Я съ девяти часовъ до трехъ вѣрно бью, а послѣ за меня пѣтухъ старается, а передъ солнышкомъ пастухъ на рожкѣ... Такъ у насъ время-то и идетъ.

— А богатое, должно быть, было прежде ваше помѣстье.

— Большое, сударь, было помѣстье... богатое. Кругомъ дремучіе лѣса были на моей еще памяти. Все оголили. Вотъ этотъ лугъ-то — это прежде все садъ былъ, вплоть до рѣки онъ шелъ... Пруды какіе были богатѣйшіе, рыбы сколько въ нихъ саженой было, и пруды теперича всѣ позатянуло. Все въ разоренье пришло!.. Лѣсъ-то купцы свели, ну, а все прочее мужики разорили и свой-то лѣсъ до послѣдняго прутика пропили.

— А шибко пьютъ мужики-то?

— Пьютъ шибко и бабы не отстаютъ.

— Неужели и бабы пьютъ?

— Не брезгуютъ! Съ другой, пожалуй, и мужику не сладить. Извѣстное дѣло, у бабы нѣтъ тягла — напилась да спать легла, съ нея не взыщется.

— А ты давно въ этой усадьбѣ живешь?

— Я, сударь, здѣшній и родимши здѣсь. Я при покойныхъ господахъ садовникомъ былъ, да въ старостахъ десять годовъ ходилъ. Ранжереи у насъ свои были; купецъ все нарушилъ. Какъ раздумаешься это, когда что было...

— А француза ты помнишь?

— Чуть помню. По девятому годочку я былъ. Помню конница черезъ нашу деревню проѣхала, а матушка упала на полъ и воетъ. А у барскихъ хоромъ все пушки стояли... Это я помню. Да еще помню — одного значительнаго генерала подъ-руки въ хоромы провели... Въ хоромахъ онъ и умеръ. Да помню, упокойникъ батюшка два ружья принесъ, а казаки у него отняли. А ночью-то зарево, кругомъ все горитъ... А тутъ намъ батюшка бѣжать велѣлъ. У матушки на рукахъ годовалый ребенокъ, да я малолѣтокъ. Не пимши, не ѣмши всю ночь мы бѣжали. Лютое страженье было. Я, сударь, за четырьмя господами былъ. Послѣ француза-то насъ продали другому барину Нерыгину... Двадцать пять годовъ онъ нами владалъ, а отъ него мы достались сестрамъ его. Двѣ дѣвицы старыя были, богомольныя такія, ни во что не входили, нѣмецъ нами командовалъ, вотъ онъ лѣсъ-то весь господскій и свелъ. А послѣ ужъ насъ Людмила Владиміровна купила, при ней мы и на волю вышли.

— А крутые господа-то все были?

— Всякіе, батюшка, были, всего натерпѣлись. За

своими-то не сладко было, а ужъ за нѣмцемъ какъ мы были, какъ онъ-то насъ тѣснилъ—не приведи Богъ.

— А жена-то у тебя жива?

— Не далъ ей Господь вѣку большого, молоденькая померла. Вотъ этотъ самый нѣмецъ ее и извелъ. Пять годковъ только и радости мнѣ съ ней было. Воззрился онъ на нее и сталъ сманивать на грѣхъ. Та, что вы, говоритъ, сударь, помилуйте, я мужняя жена. А онъ, мы, говоритъ, мужа по пачпорту пошлемъ, а тебѣ положенье хорошее будетъ. У кого пойдешь защиты искать? Сидимъ оба да и плачемъ. Нѣмка узнала про его дѣла-то. Ко мнѣ: — если, ты, говоритъ, свою жену не сократишь, я тебя въ Сибирь упеку. Матушка, говорю, Матильда Карловна, ни въ чемъ мы съ женой не причинны: супругъ вашъ на боловство идетъ. Та его бить—злая такая была— а онъ меня изъ садовниковъ на скотный дворъ сослалъ. Безъ малаго годъ мы тамъ бѣдствовали. Растенія безъ меня всѣ рѣшились, деревья всѣ позасохли... Пришелъ какъ-то къ намъ на скотный, меня не было — онъ къ женѣ: покорись, говоритъ. А та схатила топоръ, да на него! Связали ее, да въ острогъ свезли, тамъ, батюшка, ее и замучали, тамъ въ острогѣ и померла. И ему Господь не продлилъ вѣку: въ тотъ же годъ, въ самый сочельникъ, его бѣшеный волкъ искусалъ. Дѣтей много оставилъ: нѣмцевъ четыре человѣка, до нѣмокъ пять. Барышни наши отъ нихъ отступились. Ужъ мужики Христа ради свезли ихъ въ Москву. Такъ я, батюшка, въ тѣ поры мучился, въ монастырь на тяжкую работу просился, ея душу замаливать хотѣлъ, да Людмила Владиміровна, царство ей небесное, купимши насъ, всѣ дѣла-то узнала, меня старостой сдѣлала, а за ея душу велѣла батюшкѣ цѣлый годъ часть вынимать. Добрѣйшая была барыня, благороднѣйшая. Досталось ей имѣніе-то раззоренное. Одной дворни двадцать человѣкъ и все-то воръ на ворѣ. Мужики-то послѣ нѣмца, два года, кто такъ по-міру ходилъ, кто на погорѣлое мѣсто сбиралъ. И все это она, черезъ свой умъ, въ порядокъ привела, и церковь разукрасила, и избы мужикамъ выстроила, и садъ хотѣла сызнова поднять, да воля-то намъ пришла... не успѣла. Ну ужъ, говоритъ, теперь сами собой владѣйте. Старухъ которыхъ дворовыхъ — нянюшку, Катерину Егоровну, экономку, Петровну, въ Москву свезла до самой смерти жить у себя, а всѣхъ прочихъ наградила. Молебенъ, матушка, съ

нами на полѣ отслужила. Простите, говоритъ, православные, если я для васъ не хороша была. А батюшка проповѣдь говорилъ: вамъ, православные, говоритъ, надо вамъ вашей помѣщицѣ монументъ поставить.

— Чтожь, поставили?

— Четыре кабака черезъ годъ на своей землѣ поставили, вотъ все туда и тащатъ. Горе, сударь, въ этакомъ кабакѣ, какъ посмотришь! Другой придетъ, нечего ужъ заложить-то — все пропилъ — плачетъ, въ ногахъ у кабатчика-то валяется. Смотрѣть на него жалко. Ахъ, вотъ и цыганъ за мной пришелъ. Что, дуракъ, смотришь.

Черная собака, шевеля хвостомъ, легла у ногъ его.

— Прощенья, сударь, просимъ, окончилъ Ананій Михойловичъ, погуляйте по лугу-то и хорошо!..

M-r BOURGUÈS.

И, затерянный въ народѣ
Вдругъ исчезъ Иванъ...
Какъ живешь ты на свободѣ?
Гдѣ ты? Эй, Иванъ!

Некрасовъ.

I.

— Я здѣсь, сударь! Не прикажете-ли что? заговорилъ хриплымъ голосомъ, подходя ко мнѣ, въ какомъ-то странномъ костюмѣ, очень пожилой человѣкъ, съ бритой бородой, съ приподнятыми кверху взъерошенными усами...

— Что за странный костюмъ, что за странная физіономія! Кто же это? думаю. Да ужъ не одинъ-ли это изъ оставшихся въ живыхъ крѣпостныхъ Ивановъ?

Смотрю: пьянъ... Смотрю: въ ухѣ бѣлая серьга... Да конечно, это—Иванъ. Всматриваюсь пристальнѣе:

Не прикрыты, голенищи
Рыжіе торчатъ.

Да и костюмъ-то чуть-ли не тотъ же самый, въ которомъ онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ въ великій день освобожденія.

Вступаю съ нимъ въ разговоръ.

— Какъ васъ зовутъ?

— Жанъ Бургесъ, сударь.

— Вы иностранецъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: бывшій господскій человѣкъ отставного надворнаго совѣтника и орденовъ кавалера Петра Осиповича Дубнина, доставшійся ему въ приданое за супругой его княжной Людмилой Владиміровной... А при покойномъ князѣ...

— Почему же у васъ фамилія иностранная?

— Такъ какъ покойница барыня завсегда изволила меня такъ называть, такъ я долженъ ихъ волю до гробовой доски... потому, какъ онѣ были мои благодѣтельницы— изъ петли меня приказали вынуть, не дали помереть безъ покаянія, опять же на поселеніе хотѣли сослать и ужъ кандалы на руки наложили, да возсіяло солнце правды... на волю было приказано всѣхъ отпустить. Очень плакали и именно говорили, что безъ господъ намъ будетъ жить невозможно.

— Что же вы теперь дѣлаете?

— Все могу! По поварской части... Часы ежели—мое это дѣло. У священника вчера вычинилъ. А портной я природный: десять лѣтъ на Тверской у старика Бургеса на каткѣ сидѣлъ и даже не то что господамъ — покойницѣ барынѣ платья шилъ... Ружье починить могу. Вотъ извольте спросить Ананья Михайловича, онъ знаетъ, окончилъ онъ, указывая на стоявшаго тутъ же усадебнаго сторожа.

— Все это ты можешь, подтвердилъ Ананій Михайловичъ: золотыя у тебя руки; одно вотъ: не знаешь ты— на которомъ стаканѣ остановиться.

— Я знаю! Я очень хорошо это знаю, Ананій Михайловичъ, возразилъ Бургесъ съ достоинствомъ.

— Шелъ бы ты спать... Дѣло-то лучше будетъ...

— Я, Ананій Михайловичъ, кажется, ничего такова вамъ не дѣлаю, ежели съ господиномъ разговариваю. Я завсегда при господахъ былъ: и за столомъ служивалъ, и въ камердинерской должности, и жокеемъ съ барыней ѣздилъ... Обращеніе, стало быть знаю... а поварскую часть... пять лѣтъ въ аглицкомъ клубѣ въ ученьи былъ... И сервировку, и колеровку, и какъ подать, и на счетъ бланжиру... Нда-съ! Опять же консевры, ланшпигъ... все прочее!.. Тортю, теперича, маіонезъ соусъ пиканъ, барделезъ аля фуршетъ, натурель съ гарниромъ... Субисъ!.. окончилъ онъ, разсчитывая на полный эффектъ, на полное пораженіе Ананія Михайловича. Но эффекта не произошло. Ананій Михайловичъ добродушно посмѣивался надъ его несвязной рѣчью. Бургеса это разсердило. Онъ поднялъ тонъ и продолжалъ.

— Не послѣдній я человѣкъ при господахъ-то былъ, можетъ, сами знаете. А вы ничтожный были. Я даже, такъ будемъ говорить, и въ передней-то васъ никогда не видывалъ, а мы завсегда у господъ на глазахъ: и рыбу съ барчатами ловилъ, и за утками... Бывало, сейчасъ... Бур-

гесъ, аляшасъ! И сейчасъ я это понимаю! Педра, иси! Ананъ! Пиль-апортъ!.. Такъ вы меня не учите, какъ съ господами разговаривать... Вотъ что-съ!..

— А проспишься, можетъ, еще складнѣе заговоришь.

— Мнѣ просыпаться нечего, вы мнѣ не подносили.

— Вотъ мининникъ буду—приходи — поднесу, а теперь ступай.

Бургесъ вышелъ изъ себя. Онъ приподнялъ плечи, сталъ въ уморительную позу и злобно посмотрѣлъ на Ананія Михайловича.

— Ужъ ты не бить-ли меня хочешь, Бургесъ? спросилъ съ удивленіемъ старикъ.

— И надо васъ бить! произнесъ, скрипнувъ зубами, Бургесъ.

— То-то, я смотрю, ты ужъ принаравливаешься... Ахъ ты, чудакъ. Всѣ ребра у тебя, за твой характеръ, переломаны, въ чемъ ты только душу-то свою носишь, а чуть мало-мальски не по шерсти тебя погладятъ, сейчасъ ты и драться лѣзешь. Кажись, третьяго дня тебѣ клóчка-то была, а ужъ ты и забылъ!

— Какая клочка? Ну, говорите—какая клочка? горячился Бургесъ.

— Слышали мы, какое тебѣ угощеніе въ трактирѣ-то было. Говорятъ, часа два на солнышкѣ отогрѣвали. Насилу отошелъ, отвѣчалъ хладнокровно Ананій Михайловичъ.

— Ужъ это вы при себѣ оставьте! перебилъ сконфуженный и растерявшійся Бургесъ.

Мнѣ жаль его стало, онъ былъ совершенно уничтоженъ. Чтобы окончить это непріятное столкновеніе, я обратился къ нему.

— А что, добрый былъ вашъ баринъ? спросилъ я его.

— Онъ до насъ не касался, отвѣчалъ Бургесъ:—всѣмъ Людмила Владиміровна заправляла, а онъ ни во что не входилъ. На покосъ-ли, на жнитво-ли — все она. Цѣлый день, бывало, съ лошади не сходила... Гдѣ верхомъ, гдѣ въ шарабанѣ. Строгая была барыня!

— А баринъ-то что-жъ дѣлалъ?

— Тотъ больше по рыбной ловлѣ. Сидитъ, бывало, съ барчатами цѣлый день съ удочкой, пискариковъ ловитъ. Разъ она приказала ему верхомъ съ собой ѣхать. Только что выѣхали въ поле, онъ и упалъ. Съ тѣхъ поръ и мимо конюшни боялся ходить. Тихій былъ баринъ. Бывало, увидитъ, грѣшнымъ дѣломъ, когда не въ порядкѣ идешь...

Бургесъ, говоритъ, спрячься лучше: сама увидитъ—бѣды наживешь. А барыня королева была! Мужественная этакая женщина... Голосъ такой простой имѣла... Слова эти, какъ вамъ доложить, все обнакновенныя, не барскія... Бывало, примется мужиковъ гонять... Господи! Только, бывало и словъ: всѣхъ на поселенье ушлю! А намъ, сударь, дворовымъ, такъ-то жутко было, такъ-то она насъ маяла — не приведи Богъ! Ну да еще ничего, а вотъ махонькимъ какъ отъ нея доставалось! Бывало мальчику или дѣвочкѣ, какъ минуло семь годочковъ — ужъ онъ либо въ саду травку пощипываетъ, либо на скотномъ дворѣ сливки въ бутылкѣ сбиваетъ, али за грибами въ лѣсъ бѣгаетъ, а ужъ должность у всякаго есть... Даромъ хлѣба никто не ѣлъ.

— А хорошо васъ содержали?

— Хорошо—что Бога гнѣвить!—содержаніе было отличнѣйшее, отвѣчалъ Бургесъ съ ироніей:—собакамъ ихнимъ не въ примѣръ лучше нашего было! Вотъ какое намъ содержаніе отъ нашей госпожи было. Вотъ извольте спросить Ананія—онъ знаетъ.

— Я сытъ былъ, проговорилъ Ананій Михайловичъ.— И при господахъ былъ сытъ, и теперь сытъ, слава Богу...

— Съ однихъ зайцевъ-то сытъ не будешь! возразилъ Бургесъ.

— Какъ съ зайцевъ? спросилъ я.

— По здѣшнимъ, сударь, мѣстамъ очень много зайцевъ было, ну, зайцами всю дворню и кормили. Бывало и щи изъ зайцевъ, и вяленый заяцъ, и соленый заяцъ... Ну-ко круглый-то годъ поѣшь-ко ихъ! — Скрючитъ!.. А помнишь, какъ Ваську фалетора исполосовали, когда онъ сказалъ, что зайцевъ ѣсть не согласенъ?

— Вотъ что я, Бургесъ, тебѣ скажу, перебилъ Ананій Михайловичъ:—ты мою рѣчь послушай, а господинъ вотъ насъ разсудитъ. Поминать тебѣ свою госпожу лихомъ не за что. Барыня была дѣйствительно строгая, а всѣхъ она насъ наградила и землю своимъ мужикамъ всю даромъ отдала. Всѣхъ дворовыхъ малолѣтокъ въ ученье пристроила. И тебѣ, халую неблагодарному, барское ружье подарила. Помнишь? Гдѣ оно? Что пропилъ?

— Ну, пропилъ! Еще что будетъ? опять загорячился Бургесъ.

— Ничего, я такъ, къ слову. Не тебѣ бы барыню ругать! Какъ при ней ты не путный былъ, такъ и теперь

остался. Хорошіе-то люди всѣ по мѣстамъ пристроились, а ты всю жизнь путаешься гдѣ день, гдѣ ночь.

Бургесу, видимо, непріятно было слушать укоритель-ную рѣчь Ананія Михайловича. Онъ вдругъ перемѣнилъ разговоръ.

— Господинъ, не будетъ-ли съ вашей стороны? обратился онъ ко мнѣ.

— Что вамъ угодно?

— Что-нибудь вродѣ пятіалтыннаго? Бургесъ вамъ заслужитъ, кого хотите извольте спросить. Мирового изволите знать—Ивана Васильевича?

— Нѣтъ.

— Теперь я у него пребываю: новую подушку на бѣговыя дрожки дѣлаю... Краснымъ трипомъ будетъ... Очень они меня хорошо знаютъ. Брею я ихъ... Чудакъ такой! Вчера говоритъ: если ты, Бургесъ, опять пить будешь, я тебя, говоритъ, въ смирительный домъ засужу.

— Давно ужъ тебя тамъ ждутъ, ввернулъ Ананій Михайловичъ.

Бургесъ искоса злобно посмотрѣлъ на него и продолжалъ:

— А супруга ихняя, Любовь Сергѣевна, ты, говоритъ, Бургесъ, платье мнѣ сшей, только я мѣрки съ себя снимать не позволю. Стыдится!.. Полная она такая...

— Это барыня-то тебя стыдится? воскликнулъ Ананій Михайловичъ.

— Да, барыня меня стыдится! отвѣтилъ рѣзко Бургесъ.

— Не похоже бы словно, чтобы барыня стала такой рвани стыдиться, усумнился Ананій Михайловичъ.

Бургесъ растерялся. Онъ опять сталъ въ свою умо-рительную позу, опять забормоталъ иностранныя слова безъ всякаго смыслу, опять послышалось и тортю, и сервировка, и субисъ, и еще какое-то новое слово „пате-флендоранжъ“.

Я далъ ему пятіалтынный.

— Куда же вы теперь пойдете?

— А туда-съ...

— Куда?

— Сами извольте знать... У священника заработалъ пятіалтынный, да вашъ теперича... Такъ точно оно и будетъ. Позвольте мнѣ, сударь, съ вами на охоту идти. У меня три выводка тетеревей есть. Мировому я ихъ готовилъ, да онъ стрѣлять не умѣетъ.

— А вы хорошо стрѣляете?

— Я то-съ? воскликнулъ онъ съ достоинствомъ. — Бывало: Бургесъ, десять паръ дупелей къ столу! Бацъ, бацъ, бацъ! Готово! Въ кострюльку, въ духовой шкапъ... Извольте кушать.

— Хорошо, пойдемте.

— Слушаю, сударь. Счастливо оставаться, окончилъ онъ, направляясь къ рѣкѣ.

— Куда же это онъ пошелъ? спросилъ я Ананія Михайловича.

— Въ кабакъ, сударь. Больше идти ему некуда.

— Какъ онъ черезъ рѣку-то?

— Переплыветъ. На село ему идти дальше, а черезъ рѣку-то близехонько, а время-то ужъ ему пришло и выпить-то. Сейчасъ онъ переплыветъ... Въ этомъ разѣ онъ ни грозы, ни бури не боится. Вотъ, сударь, человѣкъ-то, со вздохомъ заключилъ Ананій Михайловичъ: до скончанія дней его всѣ бить будутъ и умретъ въ кабакѣ безъ покаянія.

II.

Снѣгъ валилъ хлопьями, застилалъ проторенную дорогу, не давая пути ни пѣшему, ни проѣзжему, садился кучами на крышахъ, овинахъ, прилипалъ къ окнамъ, заметалъ всѣ деревенскіе входы и выходы. А деревня готовилась къ встрѣчѣ великаго праздника. Жанъ Бургесъ развинтилъ и вычистилъ церковное паникадило и подсвѣчники и, приведя все въ порядокъ, пошелъ къ батюшкѣ въ кухню бесѣдовать съ кухаркой.

— Глупая ты женщина, хошь и у священника живешь, говорилъ онъ ей:—можешь ли ты понимать, какія завтра слова будутъ пѣть?

— Ты много понимаешь! отвѣтила кухарка.

— Я-то?! Ахъ, Маланья! Почтенная ты женщина, по обличью-то тебѣ бы купчихой быть, а умъ у тебя сорочій! Какъ же мнѣ не понимать, когда я, при покойницѣ барынѣ, на крилосѣ по нотамъ пѣлъ. Священникъ отецъ Василій со скрипкой меня училъ. Возьметъ, бывало, скрипку, до, ре, ми, фа, соль, ля...

— Да, что ты въ самомъ дѣлѣ для такова великаго праздника...

— Что? Вѣдь это по нотамъ... До, ре, ми, фа...

— Въ глазахъ-то у тебя...

— Ты думаешь на счетъ моей слабости? Нѣтъ, у меня правильно! Я до звѣзды ни Боже мой! Ты мнѣ хоть ведро теперича поставь, я до звѣзды не буду. А это со вчерашняго числа можетъ быть маленько... Вотъ постой, мы съ тобой на святкахъ рядиться будемъ.

— Какъ рядиться?

— Распишу я тебѣ ликъ твой, выворочу шубу, поставлю на четверинки, и поведу въ трактиръ, словно бы медвѣдя. А теперича въ деревню много изъ Москвы понаѣхало — что смѣху будетъ! Поповская кухарка за медвѣдя!..

— Шелъ бы ты отсюда...

— Да куда я теперь пойду, глупая! Видишь, снѣгомъ все завалило. Ты думаешь, пріятность что-ли какая съ тобой разговаривать? Вѣдь это мнѣ наказанье божеское! Я за стыдъ считаю съ вашей сестрой разговаривать.

— Ужели наша сестра не человѣкъ?

— Человѣкъ-то она человѣкъ... сказалъ бы я тебѣ, да дуэль, пожалуй, между нами пройзойдетъ, да и огорчать тебя для праздника не хочется. Вотъ поднесешь завтра—скажу. Ты вотъ посмотри лучше, какъ деревню-то занесло, народъ къ заутрени-то, пожалуй, и не отгребется, а въ дорогѣ теперича, которые застрявшіе — не вылѣзутъ.

Но стихія все-таки не мѣшала православному человѣку поспѣвать домой къ празднику. То и дѣло выбивавшіяся изъ силъ лошаденки подвозили къ избамъ своихъ хозяевъ. Вонъ Мартынъ подъѣхалъ и привезъ къ празднику задокъ свининки, а вонъ и Силантій изо всей мочи бьетъ чуть не дубиной свою измученную клячу. Дешево купилъ онъ полпудика соленой коренной рыбки, которая, можетъ быть, завтра же отправитъ его на тотъ свѣтъ со всѣмъ семействомъ.

— Маленько и поѣли-то, и отчего бы это, кажется... Оно точно, начальство не велитъ ее сырую ѣсть, да развѣ удержишься, когда тебѣ эпекитъ придетъ... такъ заключитъ деревня, а Бургесъ скажетъ: „спервоначалу надо было ее порохомъ вытереть хорошенько, а не то въ щелокъ окунуть, тогда—ничего“.

Къ ночи погода стихла, небо прояснилось и обсыпалось звѣздами. Въ два часа ночи дьячекъ ударилъ въ колоколъ, а Бургесъ зажегъ на колокольнѣ плошки. Священникъ подошелъ къ окну, взглянулъ на ярко горѣвшую звѣзду и торжественно произнесъ: „и ста звѣзда вверху идѣже бѣ Отроча“.

Великій наступилъ праздникъ.

Тотчасъ послѣ обѣдни Бургесъ пошелъ по сельской интеллигенціи славить Христа. Былъ у волостного старосты, былъ у учительницы, былъ у земскаго фельдшера, былъ у урядника, у нѣкоторыхъ зажиточныхъ крестьянъ, наконецъ пришелъ въ трактиръ, гдѣ ужъ его давно ожидали. Шуму въ трактирѣ еще не было; всѣ сидѣли смирно, слушая разсказы одного мѣщанина, пришедшаго изъ Москвы въ деревню на праздникъ. Мѣщанинъ то и дѣло вынималъ изъ кармана серебряные часы, постукивалъ по столу металлической папиросницей и вообще развязностію манеръ и изысканнымъ тономъ разговора подавлялъ, такъ сказать, свою бывшую деревенскую братію и „рядовыхъ мужиковъ“. Лица нѣкоторыхъ изъ нихъ выражали какъ бы удивленіе. „Нашъ братъ, простой человѣкъ, а теперь его и рукой не достанешь“, думали они. Мѣщанинъ это чувствовалъ и молчалъ.

— Давно уже я собирался въ вашу провинцію, говорилъ онъ, да все московскія дѣла не пущали. Къ заутрени хотѣлъ давеча идти, да признаться, проспалъ, да и обѣдню-то на концѣ ужъ захватилъ. Ну, да Богъ съ меня не взыщетъ. За московскими дѣлами иной разъ и цѣлый годъ въ церкву-то не попадешь. Тетка Матрена разговляться къ себѣ звала, а я ей: „мы, тетушка Матрена, круглый годъ наскрозь разговляемся. У насъ этого нѣтъ положенія, чтобы постное потреблять...“ Заругалась какъ... страсть. „Не по закону, говоритъ, ты жить сталъ“. А я ей: „ты, говорю, тетушка, надѣнь спинжакъ-то, и ты по другому заживешь“.

— Въ мое время бекеши все носили, а теперь вотъ спинжаки пошли, замѣтилъ Бургесъ: сколько этихъ я бекешей перешилъ — невозможно! А то еще пальто пальместромъ были... длинные... Сакъ-пальто, визитки теперича... Ажуръ, ералашъ пальто съ перехватомъ... да много!...

— Какое же теперь твое положеніе? обратился одинъ мужикъ къ мѣщанину.

— А положеніе таперича мое такое: жилъ бы ежели я въ деревнѣ — пропалъ бы совсѣмъ, ну а таперича я человѣкъ на виду и могу, значитъ, довольно слободно. Главная причина, никто мнѣ ничего не можетъ, самъ я по себѣ. Хозяинъ у насъ какой? Онъ тебя впередъ пятками ходить заставитъ! Я ужъ теперь всякаго человѣка наскрозь вижу, какой онъ есть такой... Въ деревнѣ за сохой всему этому не обучишься. Извѣстно, соха — соха она и есть. Простой кто ежели человѣкъ...

— А ты господинъ, что ли? вдругъ озадачилъ мѣщанина вопросомъ одинъ карявый мужиченко Карпуха. Мѣщанинъ сконфузился.

— Хотя и не господинъ, отвѣтилъ онъ, понизя тонъ, а выше себя простого мужика понимаю. Первое то, по своему положенію, я на линіи купца, а второе...

— Что-жъ нашу соху-то позоришь? перебилъ мужикъ: соху-то намъ Богъ въ руки далъ. Мы съ ней впередъ пятками не ходимъ, а идемъ какъ должно. А тебѣ пятки впередъ вывернули, въ куцую штуку нарядили — ты думаешь, ужъ ты и человѣкъ сталъ!

Скрипка да гудокъ
Разорили нашъ домокъ,
А соха да борона
Нажили наши дома.

Пропѣлъ Бургесъ и обратился къ мѣщанину:

— Ты насчетъ сохи напрасно. Я всѣ степени произошелъ, на охотѣ съ господами за однимъ столомъ сиживалъ, все господское серебро на моихъ рукахъ было, а сохой я не гнушаюсь. Соха, братецъ ты мой, понять только надо, что она значитъ! Дмитрій Семенычъ, поднеси для праздника стаканчикъ! Мѣщанинъ, что значитъ? Мѣщанинъ—горе! Земли у него нѣтъ, мѣста тоже не про всякаго приготовлены, ну, и пошелъ воровать! Вѣрно это, истинно! Вотъ я теперича мѣщанинъ: самый я есть несчастный человѣкъ!

— Съ образованнымъ человѣкомъ разговаривать мы слова знаемъ, началъ оправившійся мѣщанинъ, а съ тобой говорить все одно — съ медвѣдемъ. Всѣ прочіе, которые сидятъ, слушаютъ благородно, а ты сейчасъ свой умъ доказывать сталъ. Темный ты человѣкъ, вотъ что! Я и вниманія не возьму съ тобой говорить!

— Мѣщанинъ, ты вотъ что: ты поставь намъ что

слѣдоваетъ, а мы этого Карпушку каряваго прогонимъ, чтобы онъ не мѣшался, проговорилъ кто-то изъ бесѣдовавшихъ.

— Вѣрно! поддакнулъ Бургесъ:—Поднеси для праздника.

— А мы тебѣ такое разрѣшеніе сдѣлаемъ, чтобы тебѣ врать сколько желаешь, добавилъ корявый мужиченко. И пятками впередъ ходи, какъ тебя хозяинъ обучилъ, и колесомъ ежели... какъ тебѣ лучше... И наши мужички радоваться будутъ, что хошь одинъ изъ ихняго брата въ люди вышелъ. Товарища мы тебѣ такого же куцаго приведемъ, по этапу къ намъ въ волость прислали, замокъ у своего хозяина сломалъ.

— Карпуха, ты вотъ что: уйди! заговорилъ Бургесъ:— За что, братецъ, обижать человѣка? Можетъ сейчасъ драка случится... не хорошо!

— И тебѣ попадетъ, и намъ непріятно. А мы вотъ что... мѣщанинъ, ставь!.. Ставь, голубчикъ, ставь, не задумывайся! Вишь народъ горячиться сталъ.

— Рваная всякая душа заблудящая придетъ въ деревню... шутилъ Карпушка.

— Точно это, вторили ему его сторонники: народъ избалованный сталъ.

— Карпуха, не мути народъ! суетился Бургесъ: мы сейчасъ равнодушно всѣ выпьемъ. Мѣщанинъ, ставь! Вонъ ужъ Калюпатра Петровна рукава засучила—наливать хочетъ. Буфетчица она у насъ первый сортъ!

— Пожалуйте намъ сюда по полуторному стаканчику, обратился мѣщанинъ къ буфетчицѣ.

— Вотъ и чудесно! Воскликнулъ Бургесъ. Сейчасъ видно, что человѣкъ полированный! Карпуха, лучше уйди!

— Ты ужъ давно за стаканъ-то продалъ свою душу, жалѣть ее тебѣ нечего, сказалъ Карпъ и отошелъ въ сторону.

— Я души своей не продавалъ! Это покойница барыня мою душу два раза продавала, да никто не купилъ.

Всѣ засмѣялись.

— Съ праздникомъ, честь имѣю поздравить! окончилъ Бургесъ, выпивъ стаканъ водки.

23-го декабря.

УѢЗДНЫЙ ГОРОДЪ.

Нашъ уѣздный городъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ уѣздныхъ городовъ серединной полосы Россійскаго государства; но едва-ли гдѣ есть другой городъ, въ которомъ бы лѣтомъ было такъ жарко и пыльно, осенью такъ дождливо и грязно, зимой такъ сугробисто, гдѣ бы мостовыя съ такою тщательностью и стараніемъ были приспособлены для прикусыванія языковъ и переламыванія реберъ, какъ въ нашемъ городѣ. Жителей въ немъ, по Арсеньевой географіи, изданія 1842 года, значилось восемь тысячъ. Въ продолженіи сорока лѣтъ, разумѣется, эта цифра значительно увеличилась, но людей на улицѣ совсѣмъ не видать... Между тѣмъ въ городѣ все есть, чему бытъ надлежитъ: и городское училище, и полицейское управленіе, и почтовая контора, и телеграфъ, и чугунка подъ бокомъ. Гдѣ же люди? Вѣдь ходитъ же кто-нибудь въ училище... Ну, положимъ, оно лѣтомъ закрыто. А на телеграфъ-то непремѣнно надо ходить... Ну, если не на телеграфъ, то ужъ съ почтой-то надо имѣть сношеніе? Ни у одного изъ этихъ учрежденій не видать ни души. Даже у полицейскаго управленія, которое обязательно должны посѣщать обыватели, влекомые туда или собственною надобностью, или стараніемъ полицейскаго агента,—и у того каменное крыльцо поросло травою и если бы не рваный городовой, свертывающій изъ клочка рѣшенной полицейской бумаги папироску, можно было бы подумать, что и полиціи въ городѣ не существуетъ.

— Арестанты есть? спрашиваетъ его проѣзжающій

мимо въ бѣговыхъ дрожкахъ письмоводитель исправника.

— Удавимши тутъ одинъ... привезли, ваше благородіе, а арестанты всѣ спущены, отвѣчаетъ съ расторопностью городовой.

— Если Иванъ Фомичъ спроситъ, такъ я тамъ буду... знаешь, на базарѣ.

— Знаю, ваше благородіе.

— Летомъ тогда за мной.

— Слушаю, ваше благородіе.

Да не на базарѣ-ли городское движеніе? Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ городъ безъ жителей.

Слѣдую за дрожками. Они повернули налѣво. Иду по тому же направленію. Дрожки остановились у аптеки. Сравнялся съ ними. Секретарь заходилъ за бумагой для истребленія мухъ. Аптекарь Беккеръ выходитъ съ нимъ на крыльцо и даетъ ему наставленіе, какимъ способомъ уловлять мухъ на эту бумагу. Дрожки снова тронулись, повернули въ переулокъ, я за ними... Вотъ и базаръ.

Довольно обширная площадь, вымощенная разбитымъ булыжникомъ, острымъ краямъ котораго сопротивляться могутъ только мужицкіе сапоги съ гвоздями: всякая другая обувь, особенно женская, дѣлается черезъ полчаса негодной къ употребленію, даже лапти и тѣ страдаютъ. Посреди площади выкрашенный желтой краской гостиный дворъ, одинаковой архитектуры со всѣми гостиными дворами русскихъ уѣздныхъ городовъ. Такъ что, если бы смѣшать всѣ уѣздные гостиные дворы и велѣть ихъ снова поставить на свои мѣста, то муромскій гостиный дворъ попалъ бы въ Москву, а можайскій въ Угличъ и т. д. Тѣ же самые товары, тѣ же самыя вывѣски, даже запахъ въ гостиныхъ дворахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на сотни верстъ, совершенно одинаковъ. Какъ въ муромскомъ гостиномъ дворѣ отдаетъ соленой рыбой и дегтемъ, такъ и въ углицкомъ, такъ и въ Сергіевскомъ посадѣ. Стоя въ лавкѣ муромскаго гостинаго двора, очень легко вообразить, что находишься въ городѣ Кашинѣ или Звенигородѣ.

Въ домахъ, окружающихъ гостиный дворъ, помѣщаются магазины и трактиры. На одной, совершенно полинявшей отъ времени вывѣскѣ, значится:

„Въ новь открытая белая харчевня Русскій піръ".

На другой:

„Трактиръ Константинъ Нополь".

На третьей:

„Ресторанъ-буфетъ Нѣаполь“ и т. д.

„Ренсковый погребъ собственнаго разлива“.

Магазины деликатесовъ и гастрантовъ тоже имѣютъ соотвѣтствующія ихъ товарамъ вывѣски. Напримѣръ:

„Магазинъ Московскихъ деликатесовъ и гастрономическихъ припасовъ“.

„С.-Петербургскій колоніально-бакалейный магазинъ съ продажѣю всехъ предмѣтовъ химической лаболаторіи и прочиго“.

„Magasin mod e rob Moscu“ и т. д.

Захожу въ колоніальный магазинъ. Ничего. Магазинъ, какъ магазинъ. За прилавкомъ стоитъ хозяинъ съ усами, въ московскомъ картузѣ съ суконнымъ козырькомъ, въ бѣлой коломянковой жакеткѣ.

— Позвольте мнѣ папиросъ, обращаюсь къ нему.

— Какихъ прикажете? спрашиваетъ онъ тѣмъ особеннымъ, изысканнымъ тономъ, который слышится почти во всѣхъ колоніальныхъ лавкахъ и въ московскихъ, и въ Петербургѣ въ Милютинскихъ, и въ Казани, и въ Касимовѣ, и въ Саратовѣ. Этотъ тонъ и вообще эту словесность можно назвать коммерческими. Вѣдь существуетъ же особенный коммерческій почеркъ, которымъ только пишутъ въ купеческихъ конторахъ.

— Бостанжогло.

— Бостанжогло у насъ нѣтъ. А не угодно-ли вамъ будетъ получить нашей выписки—Шапшалъ?

— Шапшалъ я не курю, скверныя.

— А многіе восхищаются. У насъ требованіе на нихъ большое. Такъ не прикажете-ли Габай и Мичри нашего заказа, а то шеколадныя имперіаль?

— Это можно.

— Листархъ, папиросы Габай и Мичри вчерашняго полученія. Изъ другихъ элементовъ ничего не желаете?

— Нѣтъ.

— Просимъ милости всегда, если будете имѣть касательство до нашей спеціальности.

— Благодарю васъ.

Захожу въ ренсковый погребъ. На полкахъ стоитъ и лежитъ въ бутылкахъ „собственный розливъ“. Страшно дѣлается! Что-то зловѣщее въ этомъ розливѣ! Какихъ, какихъ жидкихъ фабрикатовъ не нацѣжено въ эти „элементы“. Какой сильный токъ пройдетъ по нервамъ потре-

бителя и разрядится въ кишкахъ его отъ неосторожнаго къ нимъ прикосновенія. При входѣ моемъ прикасался къ элементу съ хересомъ письмоводитель исправника. Несчастный, подумалъ я:—какія предстоятъ тебѣ мученія!..

— Этотъ помягче будетъ, говоритъ онъ приказчику, а третьяго дня, вѣрите-ли, Василій Ивановичъ, всю внутренность сожгло.

— Мудреннаго нѣтъ, отвѣчалъ ласково приказчикъ,— не та бутылка попалась, спирту, должно быть, перепущено.

— Ужъ я не знаю тамъ что, только, по утру, руки трясутся, а тутъ привели двоихъ арестантовъ...

— Ну такъ, тепериче вѣрно. Это — который хересъ для подрядчика слѣдуетъ, вамъ отпустили. Хересъ онъ дивный, только къ нему надо приспособиться.

— Да этотъ много мягче... сравненія нѣтъ.

— Домой не прикажете завернуть бутылочку?

— Что-жъ, давай.

Я выпилъ сельтерской воды и вышелъ. На площади движеніе. Ходятъ мужики, чиновники, купецъ проѣхалъ въ пролеткѣ на сѣрой лошади, отецъ протоіерей въ камилавкѣ прошелъ въ колоніальный магазинъ; изъ магазина Mod e rob вышла очень, даже очень миловидная барыня съ собачкой, къ ней подошелъ армейскій офицеръ, она ему любезно раскланялась, подала руку и сказала:—„пріѣзжайте къ намъ вечеромъ въ деревню винтить“. Тучный исправникъ ѣдетъ, купцы ему кланяются, телеграфистъ останавливаетъ его и подаетъ ему депешу, тотъ, сидя въ дрожкахъ, прочиталъ ее, пожалъ плечами и произнесъ вслухъ: „что-жъ я могу сдѣлать?“. Увидавши барыню, онъ поспѣшно вышелъ изъ экипажа, съ ловкостію совершеннаго военнаго человѣка, несмотря на свою тучность, подбѣжалъ къ ней, снялъ фуражку, весьма почтительно поцѣловалъ у нея руку, а та коснулась губами его пухлой румяной щеки.

— Вы, кажется, чѣмъ-то взволнованы, Иванъ Ѳомичъ? обратилась она къ нему.

— Помилуйте, ваше превосходительство, совершенно потерялъ голову. Вотъ извольте видѣть, ваше превосходительство, какую получилъ телеграмму:

„По линіи желѣзной дороги горитъ лѣсъ. Пожаръ угрошаетъ Ивашкинской станціи. Просятъ немедленно помощи“.

— А съ чѣмъ я поѣду? Двѣ трубы только и то одна безъ рукава.

— Какъ безъ рукава? съ недоумѣніемъ спросила генеральша...

— Т. е., по просту сказать: безъ кишки.

Генеральша и этого не поняла и съ большимъ недоумѣніемъ посмотрѣла ему въ глаза.

Исправникъ продолжалъ.

— Ну что я буду теперь дѣлать? Вѣдь нельзя-же городъ оставить безъ пожарныхъ инструментовъ. Ну, вдругъ, сохрани Богъ...

— Да, при нынѣшнемъ жаркомъ времени, произнесъ подошедшій отецъ протоіерей, весьма и весьма надо быть бдительнымъ относительно огня. Сухо, жарко. Реомюръ показываетъ двадцать семь градусовъ.

— Какое же теперича ваше распоряженіе будетъ, Иванъ Ѳомичъ? вмѣшивается въ разговоръ хозяинъ колоніальнаго магазина.

— Какое распоряженіе, я ужъ и не знаю. Надо ѣхать...

— Если вы уѣдете, мы, торгующіе, въ большой будемъ опасности находиться. Я, напримѣръ, теперича, гласный и, значитъ...

— Ахъ, вы гласный! Что вы пожарный обозъ то мнѣ не укомплектуете?.. сказалъ съ сердцемъ Иванъ Ѳомичъ:— ну, что мнѣ теперь дѣлать?

Бакалейщикъ обидѣлся.

— Помилуйте, Иванъ Ѳомичъ, это до насъ не касающее... Ежели, теперича, управа... Я завсегда говорю... И Ильѣ Петровичу докладывалъ... Вѣдь мы что же? Намъ, теперича, говорятъ господа: гласные... Я такъ къ примѣру говорю, ну и мы... конечно... А я Ильѣ Петровичу именно докладывалъ!

— Докладывали вы! прервалъ его Иванъ Ѳомичъ. Честь имѣю кланяться, ваше превосходительство. А его превосходительство?

— Его министръ въ Петербургъ вызвалъ. Опять тамъ у нихъ какіе-то вопросы разрѣшать надо... не знаю...

Група вся разошлась. Отецъ протоіерей понесъ домой купленный чай, генеральша сѣла въ шарабанъ, городничій поскакалъ въ полицейское управленіе, а гласный отошелъ къ своему магазину и составилъ новую группу изъ сосѣднихъ торговцевъ и приказчиковъ.

— Смѣшно даже слушать! началъ онъ, обращаясь къ группѣ. Городъ оставить въ нынѣшней опасности. Я, какъ гласный, именно говорю...

— Какъ, теперича, возможно, поддакиваетъ ему продавецъ московскихъ деликатесовъ: — трубы городъ для себя имѣетъ.

— А они, теперича, Иванъ Ѳомичъ, даже при генеральшѣ меня оконфузили. Меня всѣмъ обществомъ выбрали! Я говорю: какое ваше распоряженіе будетъ... какъ есть я гласный, а они, какъ бы, словно, обидѣлись и даже... вниманія не хотѣли имѣть...

— А, сохрани Богъ, загорится... Слизнетъ городъ-то такъ, что его и не увидишь.

— Да вѣдь, Назаръ Мартынычъ, и я къ тому же! Я долженъ былъ имъ свои слова сказать. Коли-бы, ежели я не былъ гласнымъ, а то общество, можно сказать, съ полнымъ довѣріемъ... А ежели я при полномъ нашемъ засѣданіи скажу, что я докладывалъ г. исправнику... Что тогда? Они еще моего характеру не знаютъ. Общество даже можетъ телеграмму къ губернатору, какіе исправникъ поступки дѣлаетъ!..

— А можетъ еще и не поѣдетъ...

— Коли ежели такъ, намъ, гласнымъ, да и вамъ, обывателямъ, самимъ придется съ ведрами у воротъ сидѣть. Ну, и будемъ сидѣть... горячился гласный:—багры въ руки возьмемъ и лавки закроемъ... Пущай потребитель остается безъ жизненныхъ предметовъ...

— Чужую крышу кроетъ, а своя течетъ, поддакивали обыватели.

Пока обыватели, подъ предсѣдательствомъ гласнаго, обсуживали дѣйствія г. исправника, Ивашкинская станція была ужъ вся въ огнѣ и помощь исправника была безполезна, хотя онъ и выѣхалъ съ двумя спринцовками и тремя бочками на главную станцію желѣзной дороги.

И такъ, жители-то въ городѣ отыскались, даже и особы есть, которыхъ министръ къ себѣ вызываетъ, и купцы есть, и гласные есть, стало быть, городъ какъ быть слѣдуетъ.

Надняхъ городъ нашъ оживился. Движеніе на всѣхъ улицахъ, во всѣхъ переулкахъ. Петровская ярмарка. Базарная площадь кишитъ народомъ. Товару „мужику нужнаго“ навезено много: горшки, грабли, косы, сухой судакъ, хомуты, оглобли, лопаты, вообще предметы первой мужицкой необходимости. Московскіе торговцы разбили палатки съ краснымъ и суровскимъ товаромъ и галантереей. Торгуютъ бойко.

На улицѣ, въ трактирахъ, въ харчевняхъ, въ питейныхъ домахъ стонъ стоитъ. Кричатъ, спорятъ, цѣлуются, поютъ. Вонъ подрались трое, вонъ одинъ женѣ ухо укусилъ...

— Не я пью — горе мое пьетъ... Горе мое горецкое! декламируетъ съ паѳосомъ хохлатый, съ растегнутымъ воротомъ босой мужиченко, стоя на порогѣ бѣлой харчевни.

— Какое твое горе?

— Горе? Хуже быть невозможно: погорѣлъ! По той причинѣ, были всѣ выпимши... Вишь ты! Но только между прочимъ...

— Я къ тому, главная причина,—понимать моей души никто не можетъ, какая есть она у меня душа. Вотъ что! бормочетъ другой.

— Въ кабакѣ вся ваша душа-то мужицкая! рѣзко замѣчаетъ толстая лавочница.

— Напрасно! Матушка, Прасковья Петровна! Ты, голубушка, за нашей душей въ кабакъ не ходи, вотъ я тебѣ что скажу! Въ кабакѣ мы только блажимъ, а душа наша у насъ въ грудяхъ заросла... не доберешься ты даже... Поднеси стаканчикъ, вотъ я тебѣ и покажу свою душу...

— Подобно мы теперича, какъ-бы, напримѣръ, пчелы къ колодкѣ, такъ и мы къ кабаку. Такъ что-ли? Они со сластью, а мы за сластью...

— Умница, поди, я настоящій покажу, коли этотъ не ндравится, зазываетъ приказчикъ молодую щеголевато одѣтую крестьянку:—вѣдь мы видимъ, что тебѣ надобно-то. Другой которой того не покажемъ. Вотъ смотри товаръ! Ужъ что мило будетъ, такъ мило!.. Смотри! И онъ вертитъ передъ ея глазами полотнище краснаго ситца. Женщина что-то ему сказала.

— Какой же онъ линючій?.. Вѣдь онъ скрозь галандру пропущенъ, должна ты это понимать! Вѣдь я полагалъ, что ты съ понятіемъ, оттого такой тебѣ и товаръ показывалъ. Товару-то этому не въ этомъ бы городѣ быть...

— Что, мамаша, покупаете? обращается другой приказчикъ къ какой-то городской обывательницѣ.

— Да ты помѣряй, денегъ я съ тебя за это не возьму, кричитъ третій, нахлобучивая силой на парня картузъ. —

Иди теперича, куда хошь, хошь на бульваръ, хошь на гулянье...

— Да коли ежели онъ не лѣзетъ, возражаетъ парень.

— Какъ же онъ не лѣзетъ, милая душа, вѣдь это мнѣніе твое пустое!..

— Мавруха, вдругъ во всю глотку закричалъ рыжій большой мужикъ:—другой-то сапогъ у тебя что ли?

— Нѣтути, отвѣчаетъ...

— Идѣжь онъ? Голубчики! Новый сапогъ... четыре рубля... взвылъ мужикъ.

— А ты не зѣвай, замѣчаетъ ему урядникъ.

— Тѣлохранитель ты нашъ, батюшка. Что-жъ я теперь съ однимъ сапогомъ дѣлать буду?..

Сцены продолжаются все въ томъ же родѣ.

На лавочкѣ у ресторана-буфета „Неаполь" сидитъ довольно пожилой человѣкъ, плѣшивый, слѣпой, съ большими сѣрыми усами, въ изношенной до нельзя синей венгеркѣ, обхваченной по таліи узенькимъ ремешкомъ; рядомъ съ нимъ въ плисовой порыжѣвшей курточкѣ, мальчикъ лѣтъ четырнадцати. Мальчикъ держитъ въ рукахъ торбанъ. Торбанъ — музыкальный инструментъ, по конструкціи очень схожій съ мандолиной, только гораздо больше ея и съ большимъ количествомъ струнъ *). Сидятъ они очень скромно, не обращая никакого вниманія на суету ярмарочной толпы. Старикъ изрѣдка беретъ инструментъ, пробуетъ ощупью колки, проводитъ пальцами по струнамъ и опять отдаетъ мальчику. Изъ растворенныхъ оконъ бѣлой харчевни слышится нескладное пѣніе расходившагося мѣщанина или, какъ ихъ здѣсь называютъ, гражданчика:

Я въ Москвѣ у васъ бывалъ,
Енераловъ всѣхъ знавалъ,
Енераловъ и судей,
И всѣхъ прочіихъ людей.

Изъ ресторана-буфета несутся звуки арфы. Дикіе, неистовые крики цыганскаго табора, расположившагося въ трактирѣ „Константинополь", начинаютъ старика оживлять. Прежде онъ сидѣлъ сосредоточенно,

То важною думой сѣдое чело осѣняя,
То къ небу подъемля незрячія бѣлыя очи.

---

*) Бываетъ торбанъ въ двадцать восемь струнъ и сорокъ двѣ струны.

Но когда хоръ грянулъ:

Изъ-подъ дуба, изъ-подъ вяза,
Изъ-подъ вязова коренья,

онъ приподнялся, расправилъ рукой усы и сталъ въ позу.

Мой батюшка во хмѣлю,
А матушка во пиру,

продолжали цыгане.

Сестра въ терему,
Та не скажетъ никому,

подхватилъ онъ, притопнувъ ногою, и сѣлъ.

— Поютъ чудесно. Сдѣлалъ бы... кабы зрѣніе. Остались бы довольны, проговорилъ онъ со вздохомъ.

— Берегись!.. Берегись! Да берегись, чортъ! кричалъ кучеръ, проникая сквозь толпу въ какомъ-то допотопномъ шарабанѣ, запряженномъ въ пару лошадей.

— Кнутомъ его, каналью, внушительно закричалъ сидѣвшій въ шарабанѣ баринъ.

Толпа то разступалась, то опять сходилась; кучеръ и баринъ продолжали кричать. Это пріѣхалъ на ярмарку дворянинъ Комягинъ. Прежде онъ былъ богатый помѣщикъ, теперь онъ *такъ*... живетъ у себя въ маленькой усадьбѣ, никакихъ общественныхъ должностей не занимаетъ; ему шестьдесятъ пять лѣтъ. Морщины, которыми избороздила лицо его бурная жизнь, примазываетъ бѣлилами и румянами; волосы на головѣ и усахъ чернѣе смолы, потому что онъ, по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, примачиваетъ ихъ какимъ-то ляписнымъ растворомъ. Онъ былъ красавецъ, и теперь, не смотря на преклонныя лѣта, смотритъ молодцомъ и пользуется цвѣтущимъ здоровьемъ. Зовутъ его Иванъ Ильичъ. Въ полку онъ былъ ремонтеромъ, разъѣзжалъ по всѣмъ лошадинымъ ярмаркамъ, отлично игралъ на гитарѣ, счастливо игралъ въ карты, пилъ все, имѣлъ нѣсколько романовъ, изъ которыхъ одинъ очень скверный: онъ былъ причиною смерти одной очень талантливой провинціальной актрисы, которая застрѣлилась въ его квартирѣ изъ его же пистолета, оставивъ ему въ наслѣдство двухъ-лѣтняго ребенка. Иванъ Ильичъ отдалъ этого ребенка на попеченіе одной бѣдной женщинѣ и совершенно спокойно забылъ о его существованіи. Въ продолженіи тридцати-лѣтней

войны на полѣ жизни, при постоянныхъ стычкахъ съ пьянствомъ и съ оргіями, не раненъ ни каттаромъ, ни подагрой, вышелъ въ отставку такимъ же здоровымъ, какимъ вышелъ изъ чрева матери. Проживъ собственное состояніе, состояніе, оставшееся послѣ смерти жены и еще нѣсколько мелкихъ состояній, достававшихся ему по наслѣдству отъ родственниковъ, онъ сохранилъ себѣ маленькую усадебную осѣдлость и прозябаетъ въ ней въ сожительствѣ съ какой-то Елизаветой Петровной, которой никто въ уѣздѣ никогда не видалъ, хотя всѣ знаютъ, что есть какая-то Елизавета Петровна, у которой Иванъ Ильичъ находился подъ пятою. На какія средства онъ живетъ — неизвѣстно. Наши уѣздныя сплетницы говорятъ, что Елизавета Петровна женщина со средствами, что она не хороша собою, какъ смертный грѣхъ, что она не прочь выпить на воздухѣ рюмочку-другую бѣлаго портвейну и т. п. Но все это вздоръ. Елизавета Петровна прекрасная женщина. Объ ней впереди будетъ мое слово.

Красновидово.

Торбанистъ.

Наконецъ шарабанъ Комягина кое-какъ протискался сквозь шумѣвшую толпу и остановился у крыльца ресторанъ-буфета „Неаполь“. Этотъ ресторанъ посѣщается только уѣздной интеллигенціей—помѣщиками, чиновниками, наѣзжими офицерами; простой смертный, такъ называемый „суконное рыло“, туда не заглядываетъ, ему тамъ дѣлать нечего, тамъ все на барскую ногу: вмѣсто половыхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ—служатъ лакеи въ невообразимо грязныхъ, засаленныхъ фракахъ; вмѣсто простоты и ласковаго обращенія, простой смертный встрѣчаетъ тамъ холодный пріемъ и между нимъ и лакеемъ тотчасъ возникаютъ натянутыя отношенія. Фракъ, какъ бы онъ грязенъ ни былъ, простой сибиркѣ всегда даетъ себя чувствовать.

— Необразованность! говоритъ съ важностью фракъ сибиркѣ.

— Халуй несчастный! говоритъ съ презрѣніемъ сибирка фраку.

Комягинъ вышелъ изъ шарабана и вступилъ на крыльцо.

— Что за чортъ! Да неужели это Порфирій? произнесъ онъ, всматриваясь въ лицо торбаниста. Да, конечно, Порфирій... Это ты? обратился онъ къ нему.

— Лица вашего не вижу, отвѣтилъ торбанистъ.

— Да тебя зовутъ Порфирій?

— Такъ точно, Порфирій.

— А по голосу ты меня не узнаешь?

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Помнишь, въ Лебедянѣ, когда трактиръ горѣлъ...

— Иванъ Ильичъ?..

— Узналъ?

— Теперь узналъ, сударь... по голосу по вашему...

— Вѣдь я тебя, подлеца, лѣтъ тридцать не видалъ... И ты все съ торбаномъ ходишь?

— Что дѣлать-то! Пить, ѣсть надо...

— А это мальчикъ кто?

— Покойницы дочери моей сынъ... По третьему годочку на рукахъ моихъ остался... Кабы не онъ, гдѣ бы нибудь меня, слѣпого человѣка, собаки растерзали... Тоже помогаетъ мнѣ: плясать обученъ.

— Откуда же ты теперь идешь?

— Въ Кременчугѣ два года въ больницѣ вылежалъ, нутреная болѣзнь была, теперь въ Нижній пробираемся...

— На какія же деньги ты идешь?

— Да вотъ, гдѣ въ трактирѣ поиграешь, гдѣ на паперти въ праздничный день постоишь, гдѣ покойника проводишь... Намъ не къ спѣху... дойдемъ.

— Ахъ, Порфирій, Порфирій!

— Богъ вотъ смерти не даетъ, а ужъ какъ измаялся... Думаешь такъ: прибери ты меня, Господи... Опять же зрѣнія никакого не имѣю.

— А давно глазъ лишился?

— Давно. Въ острогѣ долго сидѣлъ, въ острогѣ и ослѣпъ.

— Вѣдь тебя тогда въ Тамбовѣ посадили...

— Въ Тамбовѣ... это еще при васъ было... тогда по убійству, въ трактирѣ... изволите помнить... А то послѣ въ Коренной меня взяли да въ Курскъ. Въ Курскѣ я семь лѣтъ высидѣлъ...

— За что же?

— Купецъ одинъ фальшивую бумажку далъ... Богъ съ нимъ! Погубилъ меня напрасно. Много черезъ него тогда въ Сибирь пошло, меня только Богъ помиловалъ, въ подозрѣніи оставили.

Порфирій въ старые годы былъ знаменитый торбанистъ. Ни одна ярмарка не обходилась безъ его присутствія. Слава его гремѣла отъ Ирбити по всей Волгѣ, захватывала часть Оки, неслась отъ Тамбова на Воронежъ, проникала въ Курскъ, Полтаву, Кременчугъ и стихала гдѣ-то далеко на Украйнѣ.

Уныло стоятъ заколоченныя лавки; тоскливо выглядываетъ деревянный театръ съ наклеенными на стѣнахъ въ прошлогоднюю ярмарку афишами; изъ-подъ булыжника пробилась трава на театральной площади; свалился подгнившій фонарный столбъ и растянулся во весь ростъ у театральнаго подъѣзда. Огромная лужа около торговыхъ рядовъ, остающаяся каждогодно послѣ весенней распутицы, начинаетъ подсыхать. Совсѣмъ вода изсякаетъ въ

ней уже послѣ окончанія ярмарки. Но вотъ мало-по-малу начинается оживленіе: трактиры приводятъ себя въ порядокъ, оклеиваются обоями, отскребаютъ на лѣстницахъ прошлогоднюю окаменѣвшую грязь и т. п. Какъ грачъ, первый предвѣстникъ весны, въ городѣ появляется торбанистъ — первый предвѣстникъ ярмарки. Въ одно мгновеніе онъ обѣжалъ всѣ трактиры, сдѣлалъ визиты знакомымъ купцамъ и расположился съ своимъ торбаномъ въ одномъ изъ самыхъ бойкихъ трактировъ. Вслѣдъ за нимъ движется фараоново племя, чуть ли не въ тѣхъ же самыхъ колесницахъ, въ которыхъ оно догоняло въ пустынѣ евреевъ. А вотъ и сами евреи запрыгали какъ блохи по улицамъ богоспасаемаго града. Затѣмъ показываются прибывающіе съ товарами купеческіе приказчики. Лавки постепенно расколачиваются и открываются. Спертымъ въ нихъ въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ затхлымъ воздухомъ обхватываетъ мимоходящаго. На фонарныхъ столбахъ, на заборахъ, на домахъ показались афиши:

„Съ дозволенія начальства.

Прошу покорно обратить благосклонное вниманіе на мои почти пятилѣтніе въ семъ городѣ заслуги, труды и хлопоты, удостоить нынѣшнею ярмарку своимъ полнымъ собраніемъ, это будетъ величайшею помощью мнѣ больному старику почтеннѣйшая публика, не лишитѣ же доброй надежды, а благодарность моя увянетъ развѣ только съ жизнью моею.

Антрепренеръ К. Зеленскій“.

„Въ первый разъ.
Разбойники богемскихъ лѣсовъ
или
Паденіе фамиліи графовъ Мооръ.

Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, сочиненіе знаменитаго въ свое время Шиллера“.

Каждое дѣйствіе раздѣляется на нѣсколько картинъ. Такъ, дѣйствіе 4-е озаглавлено такъ:

„Богиня голода
или
Мертвецъ съ того свѣта.
Гробовой голосъ изъ башни и разбойники“.

„Въ непродолжительномъ времени. Братья Мальгугины изъ коихъ одна сестра будутъ имѣть честь дать концертъ изъ новѣйшихъ и любимѣйшихъ русскихъ романсовъ,

имѣвшихъ огромный успѣхъ на нижегородской ярмаркѣ и удостоившихъ подарка".

„Представленіе черной магіи Жанъ Мольдуано, чревовѣщатель его величества короля сардинскаго".

Ярмарка закипаетъ. Съѣзжаются купцы. Показались помѣщики, сверкаютъ франты-ремонтеры, городской мостъ унизанъ нищей братіей, каликами перехожими.

Городскія церкви съ соборнымъ причтомъ, съ образами и хоругвями, вышли крестнымъ ходомъ на городскую площадь и отслужили молебенъ. Полиціймейстеръ города торжественно поднялъ ярмарочный флагъ и поздравилъ купцовъ съ открытіемъ ярмарки.

Въ то блаженное время на сценѣ не было ни опереток, ни куплетовъ, ни разсказчиковъ разныхъ сценъ — царила трагедія и водевиль, а оперетки, куплеты и разсказы замѣнялъ въ трактирѣ торбанъ, отчего хорошіе торбанисты, къ числу которыхъ принадлежалъ и Порфирій, были въ большой славѣ. Ни одна литература въ мірѣ не имѣетъ такого рода произведеній, которыми торбанисты услаждали слухъ своихъ почитателей. Это что-то чудовищное, безобразное, дикое, но вмѣстѣ съ тѣмъ образное, поэтическое, мѣстами доходящее до паѳоса. Ошеломленный ярмарочнымъ хересомъ, мадерой, лиссабонскимъ, или иной какой одуряющей жидкостью, купецъ наслаждался пѣніемъ торбанистовъ въ такой же степени, какъ наслаждается любитель изящнаго аріей великой пѣвицы. Да и не одинъ купецъ: прежніе помѣщики и пріѣзжавшіе ремонтеры находили въ этомъ великое удовольствіе. Комягинъ былъ почти самъ торбанистъ, только клалъ свои персты не на торбанъ, а на гитару.

„Левъ вырвался изъ клѣтки, быкъ съ бойни сорвался",

кричитъ купецъ, смотрѣвшій въ театрѣ драму Кукольника:

— Левъ я теперича. Быкъ, можно сказать, бодающій. Ежели меня теперича связать, я не дамся, а ублаготворить меня можно. Семенычъ, сдѣлай ты мнѣ на своемъ струментѣ... знаешь...

Тирири, тирири,
Какъ въ городѣ Твери...

Или вотъ эту:

Во лѣсу было лѣсу,
Во двѣнадцатомъ часу...

Порфирій бралъ торбанъ, расправлялъ усы и сквернословилъ.

— Жизнь! кричалъ обезумѣвшій купецъ.

— Самое-то это настоящее и есть! подхватывали другіе.

Не моему слабому перу, да и красокъ у меня такихъ нѣтъ, которыми бы можно было изобразить прежнюю ярмарку, а для будущаго бытописателя это было бы весьма любопытно и поучительно.

— Ахъ, Порфирій, Порфирій, повторялъ Комягинъ и въ головѣ его тѣснился цѣлый рой воспоминаній молодости.

— Ступай за мной и разсказывай, окончилъ онъ, направляясь въ ресторанъ.

Мальчикъ взялъ Порфирія подъ руку и повелъ его вслѣдъ за Комягинымъ.

РЫБОЛОВЪ.

Не важная ловля, а ужь жарко становится. Рѣка какъ зеркало. Пискари и ерши весело снуютъ по чистому песчаному дну не широкой рѣки. Вонъ тихо направляется къ кустамъ лещъ; пискари почтительно даютъ ему дорогу, разступаясь въ разныя стороны. Вонъ сверкнула серебряная плотичка, наткнулась на спущеннаго на удочкѣ червяка и свильнула въ сторону. Лещъ тоже подошелъ къ червяку, толкнулъ его носомъ и, съ презрѣніемъ махнувъ хвостомъ, поплылъ далѣе, знаемъ мы, дескать, что это значитъ... Солнце все выше и выше. Царство насѣкомыхъ въ полномъ движеніи.

— Ахъ, вы кровопивцы проклятые, ворчитъ сидящій въ кустахъ на противоположной отъ меня сторонѣ страстный до самозабвенія рыболовъ, крестьянинъ Прохоръ Силантьичъ, закадычный мой другъ по охотѣ и по рыбной ловлѣ. Его начинаютъ одолѣвать комары.

— Ахъ, ты проклятый! Зачѣмъ же ты мнѣ глазъ-то укусилъ, глазъ-то мнѣ нуженъ!

Около моего уха раздается пронзительный крикъ мухи: она попала въ изящно сотканную сѣть огромнаго лѣснаго паука. Съ какой яростію онъ бросился на свою жертву! Съ какой жадностію высосалъ кровь изъ головы несчастнаго насѣкомаго и, повѣсивъ трупъ его, въ видѣ окорока, на

тончайшую шелковинку, быстро скрылся въ кусту ожидать новой жертвы. Вотъ что-то булькнуло... Это лягушка прыгнула въ воду. Пугливые караси заметались въ разныя стороны. Вонъ на мгновенье выпрыгнулъ изъ воды шерстоперъ или просто изъ любопытства, взглянуть что дѣлается въ надводномъ царствѣ, или съ предвзятою цѣлью—осмотрѣть позиціи рыболововъ.

— Ишь ты хитрый, ишь хитрый! говоритъ Прохоръ Силантьичъ, насаживая на крючокъ свѣжаго червяка:—да ужь какъ ни прыгай, а завтра въ омуту я тебя сцапаю... Развѣ что самъ живъ не буду, а то ужь ты отъ моихъ рукъ не уйдешь.

Жарко. Пора домой. Слѣпни начинаютъ прохватывать сквозь платье.

Смотрю: Прохоръ Силантьичъ сосредоточенно глядитъ на поставленную жерлицу... Мигъ... Свистнула леска, согнулось удилище, быстро завертѣлась рагулька. Значитъ—щука.

— Ну вотъ теперича мы, голубушка, съ тобой поговоримъ, начинаетъ словоохотливый рыболовъ. Поговоримъ мы съ тобой. Вашу сестру я довольно хорошо знаю...

Щука начинаетъ бороться, леска натянута какъ струна.

— Да никакъ тебѣ сорваться невозможно. Видишь, я тебѣ всякое удовольствіе дѣлаю... Что? Впередъ хочешь? Ну, ступай впередъ, а теперь опять сюда, милости просимъ... Какъ тебѣ лучше... Ну что ты мечешься-то. Въ кусты хочешь? Врешь. Должна ты посередь рѣки погибать. А то я тебя въ кусты-то пущу, ты у меня леску перервешь... Ты вотъ здѣсь поговори со мной... Ахъ ты... какъ тянетъ подлая... На ногахъ стоять невозможно. Въ полую воду меня одна такая-то въ рѣку съ собой стащила... Нѣтъ, постой...

Около получасу продолжался подобный разговоръ у Прохора Силантьевича съ рѣчной разбойницей. Наконецъ она, выбившись изъ силъ, сдалась. Онъ ловко подхватилъ ее сачкомъ и вытащилъ на берегъ.

— Говорилъ я, что тебѣ сорваться невозможно, а ты сомнѣвалась...

Щука была огромная. Прохоръ Силантьичъ собралъ свои удочки, сѣлъ въ челночекъ и переплылъ на мою сторону.

— Челнокъ-то я здѣсь въ кустахъ пристрою, потому завтрашняго числа опять сюда съ жерлицами приду, заго-

ворилъ онъ, прикрѣпляя челнокъ къ кусту: — а щучку я къ вамъ во дворъ снесу.

— Спасибо, отвѣчалъ я:—у насъ щукъ не ѣдятъ.

— Ну?! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ. Зачѣмъ же я старался-то? Вѣдь я вашу барыню ублаготворить хотѣлъ.

— Спасибо, Прохоръ Силантьичъ.

— Ну, такъ я Лизаветѣ Павловнѣ снесу, учительница тутъ у насъ, милый очення она человѣкъ, такъ я къ ней. Она либо сама скушаетъ, либо ребятамъ своимъ стравитъ. Баринъ тутъ у насъ есть, дворянскій производитель, Владиміръ Карлычъ, вотъ онъ велитъ сейчасъ по нашей окружности набрать ребятъ и сейчасъ ихъ къ себѣ въ училище, а ужь Лизавета Павловна тамъ орудуетъ. Обучитъ ихъ всему, обломаетъ парнишку какъ слѣдоваетъ, начальство со священниками изъ городу пріѣдетъ, послушаетъ какъ что должно и сейчасъ, которые ежели хорошо обучались, похвальные листы даютъ. Чудесно! Иная мать опосля своего сына-то стыдится, потому народъ темный, а тотъ, какъ откроетъ книжку, да какъ пойдетъ помахивать, только держись. Вотъ ежели бы кабаки въ нашей сторонѣ маленичко сократить...

Мы вошли въ село. Щука, перекинутая на поясѣ за плечи, занимала своей длиной всю спину Прохора Силантьича.

— Щука! Щука! закричали, обступая насъ, желтоголовые мальчишки.

Выскочила изъ избы старуха съ ухватомъ, потрогала щуку и ушла. Подошелъ сѣдой какъ лунь старикъ, подоспѣла красноносая бабенка, потомъ почти все село, такъ какъ день былъ праздничный, высыпало на улицу...

— Петровна, а ужь ты, для праздника-то, опять носъ-то раскрасила, замѣтилъ Прохоръ Силантьичъ красноносой бабенкѣ...

— Не осуди, отвѣтила она, прикрывая носъ передникомъ.

Мы сѣли отдохнутъ на заваленкѣ.

— Куда-жъ ты теперь ее опредѣлишь? спрашиваетъ Прохора Силантьевича молодой парень. Ежели ее теперь въ городъ везти—не стоитъ, а по здѣшнему мѣсту—что тебѣ за нее дадутъ...

— Ее теперича посолить ежели... замѣчаетъ другой.

— Первый сортъ! поддакиваетъ третій. Посолить и сейчасъ... На что лучше! Рыбина старая, все одно щепка...

— Прохоръ Силантьичъ, я тебѣ вотъ что скажу, вмѣшался опять молодой парень:—ты ее къ жиду тащи!.. Мыловаръ этотъ... арендатель. Такъ щукъ обожаетъ—страсть!

Совѣтовъ преподано было много, но ни одинъ изъ нихъ не былъ принятъ, потому что Прохоръ Силантьичъ твердо рѣшилъ нести свою добычу къ столу милаго человѣка, Елизаветы Павловны.

— Такъ что-жъ, сударь, вечеромъ на мельницу за налимами угодно? обратился онъ ко мнѣ, снова закидывая щуку за плечи.

— Далеко: лучше на тетеревей...

— И это чудесно. У священника я тарантасикъ выпрошу, а Васютка племянникъ за вами пріѣдетъ.

Мы согласились.

— А что, осмѣлюсь я васъ спросить, началъ, подходя ко мнѣ, солидный, съ окладистой черной бородой мужикъ:—вамъ пушки не требуются?

— Какія пушки?

— Пушка у насъ есть... настоящая... непріятельская... подъ Бородинымъ мы ее выпахали. Фельшеръ нашъ въ свои минины, въ Петровъ день, стрѣлялъ—одобряетъ.

— Много въ тѣ поры пушекъ было... Ай, много... замѣчаетъ низенькій старичекъ.

— А ты помнишь войну-то?

— Махонькій былъ, а помню. Сгоняли въ тѣ поры всѣхъ тѣла убирать, такъ я батюшкѣ хлѣбъ туда на поле носилъ. Черный народъ эти французы... низкій... Противъ нашихъ далеко... Наши всѣ высокіе, а они низменные, отвѣтилъ, покашливая, старичекъ.

Пушка оказалась дѣйствительно французская, очень небольшая, похожая на тѣ пушки, изъ которыхъ въ прежнее время въ своихъ усадьбахъ въ высокоторжественные дни палили россійскіе помѣщики.

Батюшкинъ тарантасъ, на которомъ пріѣхалъ за мной племянникъ Васютка, оказался очень удобнымъ. Такіе тарантасики уже теперь повывелись и ихъ можно встрѣтить только у какого-либо сельскаго батюшки, или въ заколоченномъ сараѣ покинувшаго свое имѣніе помѣщика. Онъ прежде былъ устроенъ для проселочныхъ дорогъ, а на большихъ никогда и не показывался. Батюшки изрѣдка, по консисторской надобности, въѣзжали въ нихъ въ Москву и то къ консисторіи въ нихъ не подъѣзжали, а оставляли ихъ на постояломъ дворѣ у той заставы, въ которую въѣхали. Такъ поступали они страха ради секретарскаго: пожалуй увидитъ да скажетъ: „отецъ Розовъ тарантасикъ ужъ имѣетъ, а консисторію посѣщаетъ лѣностно“.

Племянникъ Васютка, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, бодро сидѣлъ на козлахъ, какъ заправскій кучеръ.

Поѣхали.

— Грамотѣ умѣешь? обращаюсь я къ нему.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчаетъ онъ нѣжнымъ, ласковымъ тономъ.

— Отчего же?

— Да какъ вамъ доложить? Самъ не знаю.

— Что-жъ ты не учишься?

— Сирота я... дядя не желаетъ.

— Прохоръ Силантьичъ?

— Нѣтъ, другой, Потапъ Силантьичъ. Тотъ-то меня ужъ давно бы произвелъ. Ежели, говоритъ, тебя въ ученье отдать, ты забалуешься. Опять же, говоритъ, въ нашемъ роду никто грамотѣ не умѣлъ, а богатой рукой всѣ жили.

— А онъ богатый?

— Знамо, богатый: въ городѣ двѣ лавки у него. Въ лавку тоже не пущаетъ — воровать, говоритъ, обучишься.

— А учиться хочется?

— Само-собой, кто грамотѣ умѣетъ... Какъ же...

— Что-жъ ты дѣлаешь въ деревнѣ-то?

— Да что... обнаковенно...

— Рыбу съ дядей ловишь?

— Ловлю... за пчелами съ нимъ... Ну, въ лѣсъ когда пошлетъ... Птицъ я очинно люблю, воскликнулъ онъ вдругъ съ живостью.

— Птицъ любишь?

— У меня четыре скворешника да десять паръ турмановъ. Дядя это мнѣ не препятствуетъ, только чтобы я въ училище не просился.

Разговоръ нашъ продолжался до самаго села.

Прохоръ Силантьичъ встрѣтилъ меня у своей избы, обнесенной съ одной стороны довольно обширнымъ полисадникомъ, тынъ котораго весь сплошь былъ покрытъ рыболовными сѣтями; а изъ-за него, вдали, во все лицо, глядѣли подсолнухи.

— Милости просимъ, дорогой мой гость. Спасибо что мной не побрезговалъ. Я ужъ, грѣшный человѣкъ, подумалъ: не пріѣдетъ, думаю... да такъ маленько и огорчаться сталъ... Гляжу по дорогѣ — нѣтъ. А ты, Васютка, значитъ, въ бродъ ѣхалъ?

— Въ бродъ, отвѣчалъ Васютка.

— Растерзать тебя за это мало! шутя продолжалъ Прохоръ Силантьичъ. Влопался бы тамъ — и барина-то бы выкупалъ, да и батюшка за тарантасикъ-то насъ съ тобой бы не похвалилъ.

Мы вошли въ обширную избу. Меня поразила прежде всего чистота и опрятность, которую рѣдко можно встрѣтить въ избѣ, даже у очень богатаго крестьянина. Столъ былъ накрытъ бѣлой скатертью, стояла на немъ бутылка наливки, сотовый медъ, нарѣзанный кусками ситникъ и огромный жареный лещъ. Жена, еще очень молодая женщина, внесла самоваръ. Мы сѣли и повели бесѣду.

— Вотъ племянникъ-то учиться желаетъ, началъ я.

— Я не препятствую, да вотъ старшій-то братъ не желаетъ. Бездѣтный онъ — и жалко. Пущай, говоритъ, въ деревнѣ хорошенько выходится, за свое дѣло его посажу, а въ ихнемъ дѣлѣ грамоты не требуется.

— Балуютъ, сударь, они въ училищѣ-то, вмѣшивается хозяйка, такіе сорванцы—не приведи Богъ!

— За это ихняго брата и за вихры можно, что ты пустое говоришь, возражаетъ хозяинъ, — а, главная причина, точно, что теперича безъ науки нельзя. При господахъ дѣйствительно этого не требовалось: баринъ за тебя бывало все сдѣлаетъ: и подушные за тебя заплатитъ, и въ солдаты отдастъ, а нынче ты самъ на своихъ ногахъ стой, да думай какъ тебѣ лучше. А братъ именно ту причину пригоняетъ, что безъ грамоты онъ бойчей торговать будетъ. Я не знаю... его дѣло... онъ старшій... Я до него не касаюсь.

Послѣ чаю мы отправились на тетеревей. Путь нашъ лежалъ черезъ Бородинское поле, на которомъ я никогда не бывалъ.

— Большой ты, Прохоръ Силантьичъ, охотникъ, началъ я дорогой.

— Довольно хорошо, сударь, — двухъ работниковъ нанимаю, не могу самъ управиться. У меня это, какъ весной ледъ пройдетъ, такъ мнѣ жена на глаза не показывайся, такъ бы вотъ и жилъ въ рѣкѣ. Люблю, надо правду говорить. Да вѣдь какіе со мной случаи бывали. Раза два тонулъ, со льдины разъ сорвался—шесть недѣль вылежалъ... И все это мнѣ ничего...

Мы ѣхали по чистому полю, вдали показалась роща, изъ-за которой сіялъ золотой крестъ.

— Тамъ, значитъ, гдѣ крестъ-то—Бородинское поле... памятникъ, значитъ. А вотъ это самое село. Вотъ церква-то бѣленькая. Какъ въ тѣ поры въ кунполъ ядро ударило... такъ его и не задѣлываютъ. Извольте смотрѣть!..

Во главѣ дѣйствительно отверстіе, пробитое ядромъ. Невольное, подавляющее чувство благоговѣнія овладѣваетъ душою, когда подъѣзжаешь къ памятнику. Старый инвалидъ отперъ рѣшетку.

— А вотъ тутъ генералъ Багратіонъ лежитъ, заговорилъ онъ, подводя меня къ надгробному памятнику бородинскаго героя. Вотъ онъ, батюшка... тутъ онъ и лежитъ. А вотъ пожалуйте сюда...

Мы сошли съ кургана и повернули въ право, въ небольшую рощу.

— Вотъ это братская могила. Вотъ она-съ!.. Тутъ всѣ лежатъ. Наполеонъ вонъ оттуда забиралъ, а наши

здѣсь стояли. Да-съ!.. Пожалуйте въ домъ, тамъ въ книжкѣ всему описаніе есть.

Въ небольшомъ, одноэтажномъ, расположенномъ противъ памятника домикѣ, живутъ два очень старые инвалида. Они не были участниками бородинскаго боя. На рукахъ у нихъ находится книга для посѣтителей, учрежденная послѣ большихъ маневровъ 1839 года.

Многіе участники бородинскаго боя и простые посѣтители занесли въ нее свои имена. Дѣлаю нѣкоторыя выписки:

„Корпуса жандармовъ подполковникъ баронъ Тизенгаузенъ, временной комендантъ г. Можайска, съ благоговѣніемъ видѣлъ мѣста, гдѣ за 27 лѣтъ назадъ генералъ К. П. Бистромъ съ храбрыми гвардейскими егерями оказалъ чудеса храбрости“.

Участвовавшій въ сраженіи 1812 года муромскаго пѣхотнаго полка капитанъ Илья Прокофьевъ Шишкинъ осматривалъ монументъ 9-го сентября 1839.

Былъ въ сраженіи августа 26-го дня на главной батареѣ, — гдѣ поставленъ памятникъ, прапорщикъ Борисъ Петровъ сынъ Петровъ на ту пору еще рядовымъ имѣю сильную контузію лѣваго плеча. Жительство имѣю въ г. Можайскѣ.

Воронежскаго гарнизоннаго батальона маіоръ Константиновъ съ партіею кантонистовъ 464 человѣкъ состоящею посѣтилъ памятникъ февраля 1 дня 1840.

Можайскій уѣздный врачъ имѣлъ счастіе быть на незабвенныхъ поляхъ бородинскихъ и воздвигнутаго памятника.

Надежда Аристова, какъ патріотка, должна была воздать славу Всевышнему и подивиться славѣ русскихъ.

Памятникъ Бородина въ первый разъ въ жизни своей привѣтствовалъ дворянинъ Антонъ Яниславскій.

Пятеро русскихъ съ благоговѣніемъ смотрѣли на памятникъ памятный всей Европѣ.

Съ благоговѣніемъ поклонился мѣсту славы любезнѣйшаго отечества губернскій секретарь И. вмѣстѣ съ возлюбленною своею невѣстою, дочерью полковника Б...

Смотрѣлъ и удивлялся. А. Н.

И т. п.

Красновидово.

НА РЫБНОЙ ЛОВЛѢ.

— Эхъ, ты!.. Образованіе! Кто васъ, дуръ, на свѣтъ-то родитъ!.. Развѣ возможно бабѣ черезъ дорогу переходить, когда на охоту ѣдутъ?.. ворчалъ спутникъ мой и товарищъ по рыбной ловлѣ Силантій Сергѣевичъ.

— Что такое? спросилъ я.

— Да вонъ, бабенка черезъ дорогу перешла. Ты стоять должна, пока не проѣдутъ, окончилъ онъ внушительно:— не учили тебя этому, что ли?

Баба конфузливо поклонилась и прошла.

— Невозможный народъ! Хошь колъ имъ на головѣ теши — все свое!.. Это ужъ первое несчастіе, когда баба дорогу перейдетъ! продолжалъ онъ ворчать, похлестывая лошадей.

Крестьянинъ Силантій Сергѣевичъ страстный охотникъ и ужасный суевѣръ. У него на все примѣты.

— Ежели, напримѣръ, теперича, говоритъ онъ, собака ночью спала на брюхѣ — непремѣнно надо быть дупелю; а ежели ты вышелъ на охоту, да она у тебя скучитъ, да подъ ногами вертится — тутъ сейчасъ прямо на куропатокъ ступай.

Дунетъ легкій вѣтерокъ, онъ его пріурочиваетъ къ уткѣ:

— Обожаетъ утка этотъ вѣтеръ! Теперича ее лущи безо всякаго милосердія.

Прыснетъ мелкій дождь:

— Самый это дупелиный дождикъ... Дупелю теперь чудесно! И собакѣ лестно подходить къ нему: не жарко.

Силантій Сергѣевичъ живетъ, что называется, богатой рукой. Домъ его, по деревенскому, полная чаша. Между мужиками, по всей окружности, онъ первый человѣкъ.

— Другого такого мужика, пожалуй, и на свѣтѣ нѣтъ, говорятъ про него:—ужъ на что баба—и та отъ него во всю жизнь худого слова не слыхала, а баба наша, извѣстно, на побои рожденная: тамъ какая она ни будь, а ужъ все ей влетитъ либо съ сердцовъ, либо съ пьяну.

Веселый, добродушный, онъ постоянно окруженъ деревенскими ребятишками, которые копаются у него въ огородѣ, сопровождаютъ его въ лѣсъ, бѣгаютъ съ нимъ на рѣку осматривать верши.

— Одно мое горе, говорилъ онъ мнѣ:—Господь Богъ дѣтенкомъ не благословляетъ. Ежели бы мнѣ теперича сынка, ужъ я бы его произвелъ... Сродственниковъ у насъ съ женой никакихъ нѣтъ; помремъ —все мужики пропьютъ. Работаешь, работаешь, а на кого? Намъ съ женой не много требуется. Еще мое горе—все меня теперича мужики въ старшины налаживаютъ... Полное это мнѣ раззореніе!...

— Какъ же ты отдѣлываешься?

— Какъ? Извѣстно, какъ: два ведра выставишь, ублаготворишь, ихъ аппетитъ...

— А большой у нихъ аппетитъ?

— Извѣстно, мужицкій аппетитъ — пока съ ногъ не слетитъ...

Мы ѣхали густымъ сосновымъ лѣсомъ. Путь намъ лежалъ къ Полушинскому озеру. Старинная бричка наша имѣла свою исторію и видала виды. Въ старину въ нее впрягалась тройка откормленныхъ лошадей; кожухъ ея блестѣлъ; мимоходящіе, при ея появленіи, почтительно сходили съ дороги; когда она въѣзжала въ московскую заставу, къ ней подходилъ солдатъ и, выстроившись во фронтъ, спрашивалъ, откуда она изволитъ ѣхать и куда проѣзжаетъ? Потомъ ее эксплоатировалъ капитанъ-исправникъ. На какихъ только она слѣдствіяхъ не перебывала! Сколько она убитыхъ, опившихся, утопившихся, удавившихся людей видала. Далѣе она перешла къ какой-то небогатой помѣщицѣ, у которой стояла въ сараѣ десять лѣтъ безъ всякаго употребленія. По освобожденіи крестьянъ, вмѣстѣ съ имѣніемъ и каретнымъ сараемъ, она

поступила въ собственность одного купца; имъ подарена, за исцѣленіе отъ запоя, сельскому фельдшеру, а отъ него, покупкою, пріобрѣтена отцемъ іереемъ. Потерявши красоту и удобство, порыжѣвши и наслоивши на себя въ продолженіе многихъ лѣтъ ничѣмъ не очищаемой грязи, она все-таки была удобнѣе душу вышибающей мужицкой телѣги. Отецъ іерей отпускалъ ее всѣмъ, имѣвшимъ въ ней надобность, а на богатой крестьянской свадьбѣ она всегда шла подъ невѣсту. Тутъ ее мужики приводили въ порядокъ: окачивали водой, смазывали ссохшіяся втулки дегтемъ, подвинчивали ослабшія гайки и т. п., и бричка опять принимала видъ экипажа до новаго ремонта.

Лѣсъ становился все гуще и гуще. Стройныя сосны уже не пропускали лучей заходящаго солнца. Наступалъ мракъ.

— Эка благодать лѣсъ-то! заговорилъ Силантій.—Весной, когда вздохнетъ да загудетъ — сердце радуется... не вышелъ бы... Только, между прочимъ, не долго стоять ему, голубчику.

— Отчего?

— Купецъ сводитъ. Всѣмъ имѣніемъ теперича купецъ владѣетъ. Енеральскіе дѣти все купцу продали: и лѣсъ, и луга, и домъ который... все! Въ этомъ лѣсу не токма топора—топорища никогда не бывало, а теперь...

Онъ съ грустью махнулъ рукой и, помолчавъ немного, продолжалъ разговоръ.

— Въ этомъ лѣсу, сударь, меня разъ медвѣдь дралъ...

— Ну! воскликнулъ я съ удивленіемъ.

— Дралъ, анафемъ! Вотъ, извольте видѣть: ходилъ я за тетеревами, а тетеревей здѣсь было... Господи!.. Фабричные теперь перевели, стали петлей ловить, а прежде—страсть! Фабричный ежели гдѣ заведется — добра не жди. Рыбу тоже... Сколько въ нашей рѣкѣ рыбы было — всю отравили... Ну, вотъ, хорошо-съ. Иду я по лѣсу-то, и такая-то сила брусники! Смотрю, словно бы что черное. Ужли, думаю, медвѣдь? Какъ онъ вскочитъ... Во ломовище какой! Какъ фыркнетъ! Твори Богъ волю! Приложился, да съ обѣихъ стволовъ въ морду ему какъ дуну!..

— Близко?

— Миленькій мой, ужъ подъ ногами у меня былъ. И пошелъ это онъ морду въ кочку совать. Лѣсъ гудетъ, какъ онъ заревѣлъ. Я сейчасъ отскочилъ, ружье жеребьемъ зарядилъ, да не успѣлъ и шонпола вынуть, получай, думаю,

со всѣмъ потрохомъ. Потрафилъ подъ лопатку, да опять съ обѣихъ стволовъ бу-бу!.. Какъ онъ прыганетъ, да цапъ меня, индо зеленые огни изъ глазъ посыпались. А ужъ силы-то у него нѣтъ, такъ и покатился... Ужъ и медвѣдище же былъ!.. Необыкновенный! А вѣдь хоша плечо маленько подралъ, а недѣль шесть меня лѣчили.

— Въ больницѣ?

— Нѣтъ, дома. Спервоначалу къ доктору возили, да что-жъ эти доктора! Для господъ они, можетъ быть, хороши, а намъ они ни къ чему... Нашу натуру они не знаютъ, порошки ихніе на мужика не дѣйствуютъ. Жена меня лѣчила.

— Чѣмъ?

— Медвѣдемъ же и лѣчила, саломъ его, значитъ, медвѣжьимъ прикладывала. Отощалъ я въ тѣ поры оченно, на ѣду не тянуло. Глазамъ пищу-то берешь, а нутро-то не примаетъ. Ну, ничего—выправился. А то вотъ еще какой случай со мной былъ. Разъ меня въ рѣкѣ сомъ за ногу ухватилъ...

Кончивши разсказъ о сомѣ, началъ разсказывать, какъ онъ отъ волковъ зимой отбивался. Наконецъ, мы выѣхали на широкую поляну; налѣво, вдали показалось озеро, направо, на пригоркѣ, барская усадьба.

— Озеро-то прежде въ лѣсу было, это ужъ вотъ теперь купецъ оголилъ его. Дремучій лѣсъ былъ! замѣтилъ Силантій. Купецъ ничего... хорошій... Столовѣръ, только не настоящій. Намъ бы теперича Александра Петровича дома захватить—ловля у насъ будетъ чудесная.

— А кто это Александръ Петровичъ?

— Да какъ вамъ доложить?—должно что изъ благородныхъ. На рѣчахъ очень хорошъ. Хозяинъ, купецъ-то, завсегда предпочитаетъ съ нимъ чай пить и обѣдать. Когда ежели прошеніе какое или въ судъ ежели требуется—все онъ. Только современемъ съ нимъ та самая ошибочка бываетъ, маненичко хмѣлемъ зашибается. Купецъ ему не препятствуетъ. Мужика ежели котораго у мирового оправить — сейчасъ къ нему. Дастъ кто за это — возьметъ, а нѣтъ и не спроситъ. Мужики его очень обожаютъ.

Густой липовой аллеей мы въѣхали въ усадьбу, проѣхали мимо сада, мимо развалившихся теплицъ, мимо съ заколоченными окнами каменныхъ построекъ, наконецъ подъѣхали къ старинному барскому дому. На фронтонѣ дома виднѣлся щитъ, но герба въ немъ разобрать было

невозможно. У подножія крыльца расположены симетрично два льва. Одинъ еще придерживаетъ правой лапой щитъ, а у другого нѣтъ ни щита, ни правой лапы. На спинѣ у одного льва сидѣлъ пожилой плѣшивый купецъ, передъ которымъ стояли на колѣняхъ два тощихъ мужичка; на спинѣ у другого льва сидѣлъ верхомъ купеческій сынъ, лѣтъ тринадцати, около него стояла бабенка, держа въ рукахъ деревянную чашку съ бѣлыми грибами. Силантій остановилъ бричку, слѣзъ съ козелъ и направился мимо дома.

— Куда? спросилъ купецъ.

— Къ Александру Петровичу, ваше степенство.

— Ну такъ какъ же? обратился купецъ къ мужикамъ.

— Вся воля милости вашей! Вы наши отцы, мы ваши дѣти, отвѣчали уныло мужики, падая купцу въ ноги. Бѣдность, ваше степенство, не сами собой. Ради праздника ужъ простите.

— Ты два бревна увезъ?

— Махонькія два бревешка...

— А ты?

— Бабенка моя, по глупости... Я ужъ, признаться, побилъ ее...

— И мировой васъ теперича засудилъ? Ну, ладно, ступайте. Съ мировымъ я переговорю. Но только ежели, напримѣръ, въ другой разъ когда — все имѣніе описать прикажу и въ дальнюю губернію ушлю.

Мужики встали на ноги, опять поклонились въ землю и пошли.

— Такъ и всѣмъ скажите, продолжалъ имъ вслѣдъ купецъ: — терпѣть, молъ, этого не можетъ, коли ежели когда воруютъ. И потомъ отнесся ко мнѣ:—жалко, а попугать надо. Всѣмъ помогаю, а отучить, чтобы, напримѣръ, не воровали, нельзя.

— Ну, Богъ съ ними! сказалъ я въ его тонъ.

— Само собой — Богъ съ ними, не раззорятъ. Да и мировой-то у насъ строгій: такіе законы пригоняетъ, что мужику и дышать нельзя.

— Грибковъ ни прикажете-ли? перебила его продавщица.

— Что же я съ ними дѣлать буду.

— Скушаете...

— Такъ ты должна, по этому случаю, къ повару моему идти, къ Никитѣ Парфенову. Вонъ онъ тебя проводитъ. Вася, проводи ее къ Никитѣ Парфенову. А самому

мнѣ какой разсчетъ у тебя покупать: я стряпать не умѣю. А онъ, ежели ему потребуется, сейчасъ съ тобой въ коммерцію вступитъ, проговорилъ онъ мягко, съ добродушной улыбкой, но давая бабѣ понять, какая она глупая: обращается къ самому, когда у него есть на это поваръ, Никита Парфеновъ.

Вася соскочилъ со льва и сказалъ бабѣ:

— Пойдемъ. Только ты иди рядомъ со мной, близко къ собакамъ не подходи — на части разорвутъ. У насъ Шарикъ съ волкомъ сраженіе имѣлъ.

Баба послѣдовала за провожатымъ, который ее на дорогѣ три раза останавливалъ, разсказывая съ паѳосомъ о сраженіи Шарика съ волкомъ. Баба только приговаривала: Ахъ, батюшки! Ахъ, Господи! А на самомъ страшномъ мѣстѣ разсказа, какъ Шарикъ ухватилъ волка за горло, даже взвизгнула. Мальчикъ ее успокоилъ, сказавши: не бойся, со мной онъ не тронетъ

Никита Парфеновъ, встрѣтилъ продавшицу строгимъ замѣчаніемъ и наговорилъ дерзостей.

— Должна ты понимать, что подходить вамъ къ главному дому нельзя. Грибы ли, птицы ли, ягоды, все прочее—должны вы прямо ко мнѣ нести. Экіе идолы!

— Непривычные мы... деревенскіе, оправдывалась баба.

— Такъ вотъ васъ и учатъ! горячился Никита Парфеновъ и

Давъ волю словъ теченью,
Не находилъ конца нравоученью.

Но прибѣжавшая горничная дѣвушка его остановила.

— Никита Парфенычъ, заговорила она впопыхахъ: Прасковья Карповна приказала, которые эти грибы—обжарить къ ужину, и какъ есть однѣ шляпки, только засолить покруче и сейчасъ, какъ есть на сковородкѣ, такъ и подать и чтобы мукой обсыпать.

Баба въ умѣ полагала взять за свой товаръ пятнадцать копѣекъ, но услыхавши, что на него есть спросъ, подняла цѣну вдвое.

Поваръ вытаращилъ глаза. Ужъ онъ ее ругалъ и усовѣщивалъ, и велѣлъ смотрѣть на образъ, и пугалъ собаками, если она посмѣетъ въ другой разъ придти,— баба стояла на своемъ.

— Ходишь по лѣсу-то, ходишь, спины не разгибаючи... доказывала баба.

— Да тебѣ самой, со всѣмъ твоимъ потрохомъ, цѣна-то два пятиалтынныхъ, возражалъ Никита Парфеновъ.

То онъ выдергивалъ изъ ея рукъ чашку съ грибами и ставилъ на столъ, то опять бралъ со стола и совалъ ей въ руки; то баба сама протягивала къ столу руки за чашкой и, получивъ по нимъ ударъ, отскакивала. Наконецъ, оба выбились изъ силъ. Вбѣжавшій Шарикъ, видя смятеніе, хотѣлъ заступиться за повара, залаялъ и готовъ былъ ринуться на бабу. Баба, предувѣдомленная хозяйскимъ сыномъ о необыкновенныхъ боевыхъ качествахъ Шарика въ сраженіяхъ, исторгла изъ груди вопль отчаянія. Поваръ плюнулъ.

— На! Чортъ съ тобой! крикнулъ онъ, бросая на столъ деньги. Но только ты сюда больше и не показывайся: или кипяткомъ ошпарю, или... Останешься довольна!

— Какой у васъ прекрасный домъ, обратился я къ купцу, сидя въ бричкѣ.

— А вы по какой части? въ здѣшнихъ мѣстахъ живете?

— Нѣтъ. Рыбу на озеро ѣдемъ ловить.

— Коли кому время есть, да не скучаетъ — занятіе хорошее. Апостолы рыболовы были... грѣха въ этомъ нѣтъ. А что про домъ вы говорите — первый домъ по здѣшнимъ мѣстамъ. Старинный... Въ немъ, я вамъ доложу, въ двѣнадцатомъ году французы жили, генералы ихніе. Теперь вотъ мы замазали, а то въ одной комнатѣ стѣна была вся словами ихними исписана, вся сплошь словами была исписана и такъ вотъ до меня, пока я не купилъ, никто и трогать не смѣлъ, отъ господъ такой приказъ былъ. Одинъ ученый человѣкъ изъ Москвы пріѣзжалъ списывать. И патреты все висѣли: у кого глазъ прострѣленъ, у кого носъ, это они все въ цѣль изъ пистолетовъ орудовали.

— А портреты у васъ цѣлы?

— Нѣтъ. Намъ для Божьяго милосердія мѣста мало, а портреты эти намъ къ чему... Небель которую оставили... Идоловъ разныхъ тоже въ саду много было, книгъ... Къ Сухаревой башнѣ мы въ лавку продали. Домъ чудесный, помѣстительный. Не прикажете ли посмотрѣть?

— Очень вамъ благодаренъ. Позвольте.

— Семенъ, поди подержи лошадей.

Подошедшій конюхъ сѣлъ на козлы.

Черезъ обширную переднюю мы вошли въ залу.

— Это ужъ я оклеивалъ, а то все расписано было. Потолокъ только, коли Богъ приведетъ, на будушій годъ закрасимъ. Мы думали, что тамъ разрисованъ Іосифъ Прекрасный, а на дѣлѣ-то выходитъ совсѣмъ другое... нехорошее... Намъ это не годится.

На потолкѣ былъ написанъ Ипполитъ и Федра.

— Хлопотъ много было. Все было надо къ нашему, купеческому характеру приспособить. Вотъ тоже... пожалуйте сюда.

Просторная, въ четыре окна, комната. По стѣнамъ пустые краснаго дерева шкафы. Была прежде библіотека.

— Тутъ у насъ свояченица наша располагается... старушка. А вотъ это моя контора. Вся штофомъ была обита... Это ужъ я все переклеивалъ. А вотъ, не угодно ли сюда.

Мы вышли на террасу, окруженную балюстрадой. Съ террасы вела каменная лѣстница къ пруду. Вдали свѣтлѣло озеро, изъ-за лѣса высилась стройная монастырская колокольня.

— Чай здѣсь пить пріятно, замѣтилъ купецъ: только комары очченно, да и лягушки изъ пруда донимаютъ. А вотъ тутъ у насъ дѣдушка существуетъ...

Онъ отворилъ комнату, которая, вѣроятно, была будуаромъ хозяйки. На кровати сидѣлъ сѣдой старикъ, съ черными, потерявшими блескъ глазами, попирая ногами драгоцѣнный гобленовскій коверъ.

— Вотъ, дѣдушка, заѣзжій господинъ нашимъ домомъ любуется.

— Всѣмъ корпусомъ здоровъ, а ноги вотъ... прошамкалъ старикъ. — Пятнадцать годовъ сижу. Берется теперь одинъ докторъ вылечить, да не знаю...

Хозяинъ не далъ ему договорить, затворилъ дверь и повелъ меня далѣе.

— А это вотъ столовая.

Посрединѣ стоялъ огромный круглый краснаго дерева столъ, по стѣнамъ старинная тяжелая мебель, на потолкѣ была написана Венера, окруженная амурами, но смѣлая кисть костромскаго академика покрыла ее жидкимъ растворомъ мѣлу. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что была написана

„нимфа“, а подошедшая Прасковья Карповна объяснила болѣе подробно.

— Знаете, нимфа, а кругомъ купидоны, вродѣ какъ бы херувимчики съ ножками. Женщинамъ не очень-то это пріятно, опять же у насъ дочери... гости пріѣзжаютъ.

— Изъ-за гостей, главная причина, и замазали, пояснилъ хозяинъ. Соберутся, грѣшнымъ дѣломъ—выпьютъ пойдутъ на счетъ ея слова говорить; ну, женщины-то и стыдятся... У другого такое слово вылетитъ—у пьянаго-то, такъ фукнетъ, что съ нимъ сдѣлаешь! Хошь бы Иванъ Прокофьевъ въ тѣ поры, какъ всю компанію ублажилъ.

— Были-ли мы живы! воскликнула хозяйка:—просто сгорѣли всѣ!

— Ну, вотъ, по этому случаю и замазали. А живо была написана... какъ есть живая.

— Т. е. полное это съ вашей стороны безобразіе! послышался сзади голосъ.

Это вошелъ племянникъ владѣльца, молодой человѣкъ, съ развязными, но угловатыми манерами.

— Высочайшее, какое только есть невѣжество! Живописецъ, можетъ, ночи не спалъ расписывалъ, подгонялъ, какъ бы все лучше, а вы сразу!..

— Жалко, что тебя не спросились! возразилъ строго дядя.

— Въ Римѣ теперича кажной камушекъ подбираютъ, да на тоже самое мѣсто кладутъ, гдѣ онъ, можетъ быть, до Рождества Христова лежалъ, а у насъ...

— Опомнись, дуракъ! Какія ты слова-то говоришь! Очувствуйся!

Племянникъ тяжело вздохнулъ и вышелъ.

— Книгъ маленичко зачитался, замѣтилъ хозяинъ: — въ головѣ-то у него и тово... Что денегъ на эти книги изводитъ!

— Наверху тоже много комнатъ, обратилась ко мнѣ хозяйка:—мы ужъ ихъ и не отпираемъ. Сами согласитесь, не къ чему. И внизу-то вечеромъ заблудишься.

Я молча согласился. Вошелъ пожилой человѣкъ, худой, съ небольшой, съ просѣдью, рѣдкой бородкой, съ очень умными и выразительными чертами лица. Одѣтъ онъ былъ очень бѣдно, но по манерамъ сейчасъ было замѣтно, что онъ когда-то одѣвался у лучшихъ портныхъ. Это былъ Александръ Петровичъ.

— Очень пріятно, началъ онъ, обращаясь ко мнѣ: —

мнѣ Силантій еще прошлымъ годомъ говорилъ, что вы хотите пріѣхать на здѣшнее озеро... Данилинъ...

Я назвалъ свою фамилію.

— Что-жъ это вы, на ночь-то глядя, поѣдете, отнеслась хозяйка къ Данилину: — вы хоть бы закусили маленько. Хоть грибковъ вотъ сейчасъ подадутъ...

Мы отказались. Данилинъ даже замѣтилъ, что грибы ѣсть вредно, на это хозяинъ возразилъ ему очень рѣзко:

— Ну, ври еще! Въ монастыряхъ-то окромя грибовъ ничего не ѣдятъ, а какіе все тушные. Хоть бы теперича взять отца Геронтія...

Данилинъ поспорилъ съ нимъ немножко и доказалъ, что это не отъ грибовъ, и мы вышли. На лѣстницѣ намъ встрѣтилась горничная съ жареными грибами, которые на раскаленной сковородѣ чуть не подпрыгивали. Силантій, садясь на козлы, сказалъ, что онъ ублаготворенъ экономкой: поднесла и дала конецъ пирога.

Данилинъ оказался умнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ. Коснулся вопросъ о литературѣ; онъ оказался въ ней поклонникомъ изящнаго, хотя сужденія его нѣсколько поотстали. Замѣтно было, что онъ давно уже ничего не читаетъ.

— А что, не заночевать-ли намъ на посадѣ? обратился онъ къ Силантію, когда мы въѣзжали на гору, на которой былъ расположенъ монастырь.

— Да гдѣ тамъ?

— А на постояломъ дворѣ?

— Что вы, помилуйте, сударь? Тамъ теперича клопъ со всего свѣту собрался... Съѣстъ! Богомольцевъ-то какая сила! Намедни я мирового возилъ, мы тамъ приставали, такъ онъ посередь ночи выскочилъ да запрягать велѣлъ. Какъ возможно! Мы до Полушина доѣдемъ. По кочкамъ тамъ не способно будетъ, а доѣдемъ.

Мы поднялись на гору, проѣхали мимо монастыря, проѣхали посадомъ, съ его постоялымъ дворомъ, на воротахъ котораго была такая вывѣска: „Постоялый дворъ и при ономъ лавка съ продажею хомутовъ, кнутовъ, веревокъ и прочихъ съѣстныхъ припасовъ“ и направились къ Полушину. По кочкамъ дѣйствительно ѣхать было трудно, но къ полуночи кое-какъ добрались. Тоже густая, тоже липовая аллея привела насъ къ бывшему барскому дому. Залаяли псы, изъ небольшого каменнаго флигеля выскочила баба, хотѣла освѣтить насъ сальнымъ огаркомъ, но

уронила его, псы залились еще болѣе, вышелъ плѣшивый необыкновеннаго роста старикъ съ фонаремъ.

— Что за люди? спросилъ онъ.

— Да что ты, Семенъ Ильичъ, аль не узналъ? отвѣтилъ Силантій.

— Здравствуй, Семенъ Ильичъ. Ночевать къ тебѣ пріѣхали, заговорилъ Данилинъ, вылѣзая изъ брички.

— Ахъ, батюшки, Александръ Петровичъ! Не узналъ... Темно... Милости просимъ. Сейчасъ домъ отопру... Ставни прикажете открыть?

— Нѣтъ, мы только до утра... переночуемъ.

Семенъ Ильичъ открылъ крыльцо запертое висячимъ замкомъ и отворилъ дверь въ переднюю. Насъ обдало сыроватымъ затхлымъ воздухомъ. При свѣтѣ фонаря и сальной свѣчки, вставленной въ бутылку, мы вошли въ просторную залу.

Пусто, тихо, мертво, нѣтъ жизни.

Казалось, что висѣвшій на стѣнѣ портретъ бывшаго барина, въ военномъ мундирѣ, испугался насъ и свернулъ глаза въ сторону. Греческая героиня Бобелина, съ обнаженной саблей, глядѣла на меня тупыми, вытаращенными глазами.

Вхожу въ другую комнату: старинная этажерка, со множествомъ шкафчиковъ и ящичковъ, съ выпавшею мѣстами инкрустаціею; огромная ободранная софа, изломанное волтеровское кресло и та же мертвая тишина...

А вотъ и проявленіе жизни. Толстый, чуть не съ грецкій орѣхъ, паукъ, увидавши свѣтъ, быстро сталъ втягиваться къ потолку.

Отворяю одинъ шкафикъ въ этажеркѣ — пусто; другой—аптечная сигнатурка съ надписью „наружное“. Открываю одинъ ящичекъ — сухой тараканъ; другой — бураго цвѣта пятно.

Кто здѣсь жилъ? Когда?

Такъ археологъ, раскопавши курганъ и открывъ въ немъ невѣдомую никому гробницу, ломаетъ голову, кому принадлежитъ находящійся въ ней прахъ и уцѣлѣвшія отъ разрушенія вещи.

Вступаю въ узенькій корридоръ, съ отставшими отъ стѣны обоями, повертываю въ комнату направо—къ стѣнѣ прислонена трехъ-угольная вывѣска:

„Домовая его высокоблагородія, господина отставного ротмистра и кавалера Артемія Лаврентьевича, Контора“.

Въ углу, въ разрушившейся плетеной корзинѣ, связки бумагъ. За позднимъ временемъ, я оставилъ археологическія изысканія и легъ на софу.

Данилинъ долго еще не ложился, дѣлая распоряженія къ предстоящей ловлѣ, которую онъ задумалъ въ большихъ размѣрахъ.

— Ты, Семенъ Ильичъ, пошли сейчасъ на озеро кого поумнѣй, чтобы воду изъ лодки выкачалъ, говорилъ онъ старику. Да чтобы два мужика—по расторопнѣе выбери—съ нами находились. Чтобы они тамъ побольше хворосту заготовили: мы завтра къ ночи костеръ зажжемъ. Сковородку съ ними отправь, да котелокъ для ухи. Луку, десятка три яицъ... Ну, ты тамъ знаешь. Да чтобы къ нашему приходу они навѣсъ изъ хворосту сгородили попросторнѣе... Днемъ-то жарко будетъ. А за водкой самъ утромъ смахай верхомъ въ Пузыриху да къ намъ и привезешь. Да захвати, голубчикъ, два шкалика рому, только скажи, чтобъ отпустилъ хорошаго, а то онъ, чертъ его возьми, прошлый разъ прислалъ какого-то настою на волчьей ягодѣ.

Семенъ Ильичъ на каждую фразу отвѣчалъ: будьте спокойны.

Мы встали съ восходомъ солнца... Семенъ Ильичъ ужъ открылъ оконныя ставни. Оказалось, комната, въ которой я спалъ, выходитъ въ садъ. Садъ, въ цвѣтущемъ его положеніи, должно быть былъ превосходный. Видны заросшіе курганы; на одномъ курганѣ каменный столбъ, вѣроятно, на немъ были солнечные часы. Видна совершенно развалившаяся бесѣдка. Липы вышли изъ своихъ подстриженныхъ шапокъ и высятся кверху. Широкая аллея прямо съ балкона ведетъ къ небольшой каменной, упраздненной церкви. Противъ алтаря лежитъ нѣсколько обросшихъ жесткимъ зеленымъ мхомъ надгробныхъ камней. На одномъ изъ нихъ съ трудомъ можно только разобрать: Скончался отъ ранъ при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ...

Отъ Полушина озеро находится въ одной верстѣ. Мы застали на немъ кипучую дѣятельность. Надъ нимъ кружились чайки, перемѣщались съ мѣста на мѣсто утки, изъ осоки стадами проносились турухтаны, жалобно тютюкали кулички.

Отряженные Семеномъ Ильичемъ „расторопные мужики“ ужъ были на мѣстѣ, устроили намъ на четырехъ жердяхъ навѣсъ изъ березовыхъ вѣтвей и, въ ожиданіи насъ, сидѣли на веслахъ. Мы рѣшили ловить щукъ „на блестну“. Силантій не сѣлъ съ нами въ лодку,

а пристроился съ своими самодѣльными снарядами на берегу, въ камышахъ, на камнѣ.

— Щукѣ первое это ей удовольствіе у камней шнырять, потому она воръ, подлая! Паука ежели раздавить — сорокъ грѣховъ прощается, а за щуку, пожалуй, что и больше... замѣтилъ онъ.

Ловъ нашъ былъ очень удаченъ, но на водѣ долго оставаться было нельзя—начинало сильно припекать. Мы сошли на берегъ и укрылись подъ навѣсомъ. Данилинъ собственноручно изготовилъ яичницу и ужасно обрадовался пріѣхавшему изъ Пузырихи Семену Ильичу.

— Въ самый разъ, старина, попалъ! Спасибо!—произнесъ онъ, трепля его по плечу.

Силантій не терялъ времени даромъ. Онъ взялъ свое коротенькое ружьишко и скрылся въ густой осокѣ.

— Теперь жарко — сказалъ онъ — утки въ полномъ расположеніи, пойду, постукаю маленько.

Семенъ Ильичъ, несмотря на свои восемьдесять лѣтъ, съ легкостью кавалериста вскочилъ на клячу и, пожелавъ намъ счастливаго лова, поѣхалъ домой. Гребцы, получивши по двѣ порціи водки, растянулись на травѣ, подъ палящими лучами солнца.

Бесѣда съ Данилинымъ становилась скучной. Отъ чрезмѣрнаго количества и сквернаго качества водки онъ пришелъ въ возбужденное состояніе, сталъ терять нить разговора и перебѣгать съ одного предмета на другой. Я узналъ, что онъ въ пятидесятыхъ годахъ кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ и былъ любимымъ студентомъ у своихъ профессоровъ.

— А теперь чѣмъ вы занимаетесь? спросилъ я.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и съ чувствомъ продекламировалъ:

Не сбылись, мой другъ, пророчества
Пылкой юности моей:
Горькій жребій одиночества
Мнѣ сужденъ въ кругу людей.

На глазахъ его выступили слезы.

— Вы спрашиваете, чѣмъ я занимаюсь? Пью! Да, пью! Утромъ пью, и днемъ пью, и ночью пью! Но вы не презирайте меня!..

— Помилуйте!..

— Не презирайте! Передъ вами несчастный человѣкъ,

Впрочемъ, есть одно утѣшеніе:—продолжалъ онъ, помолчавъ: той средѣ, въ которой онъ погибъ и той средѣ, въ которой онъ доканчиваетъ свои печальные дни,—сказать прямо и смѣло въ лицо фразу Любима Торцова: „О, люди, люди! Любимъ Торцовъ — пьяница, а лучше васъ!“

Онъ задумался на минуту, потеръ лобъ.

— Нѣтъ, не лучше! Я—свинья!..

Мысли его совсѣмъ спутались.

— Помните, въ одномъ мѣстѣ Шекспиръ говоритъ... Виноватъ... Шиллеръ... Какъ это?.. Забылъ! Ну, все равно! „О люди, люди! Любимъ Торцовъ — пьяница, а лучше васъ!“ Какъ признoсилъ эту фразу Садовскій. Помните? А Васильевъ! Великіе были артисты! Когда я былъ студентомъ, я ни одной новой пьесы не пропускалъ, когда они играли. Гдѣ эти богатыри искусства? Шумскій... да... Отличный актеръ... но онъ актеръ, а Садовскій — геній!.. „Шире дорогу—Любимъ Торцовъ идетъ!“ Я хуже Любима Торцова: тотъ промоталъ деньги, а я промоталъ идеалы! Вы помните Грановскаго?

— Нѣтъ.

— А Никиту Крылова?

— Тоже, нѣтъ.

— Какъ живые они передо мной стоятъ! Когда Никита читалъ римское право... jus romanum... о сервитутахъ... помните о римскихъ сервитутахъ... Это мое!.. servitus prospectus... Я—свободный римлянинъ. Вы знаете, что я съ кухаркой живу... съ кухаркой! Хорошо это? Я васъ спрашиваю: хорошо это?

Я молчалъ... Грустно мнѣ было смотрѣть на человѣка, потерявшаго разсудокъ. Я не зналъ, какъ мнѣ выйти изъ тяжелаго положенія. Отъ кухарки Данилинъ неожиданно перешелъ опять къ римскимъ сервитутамъ и наконецъ заснулъ.

Жаръ началъ спадать.

Пернатые обыватели осоки и болотныхъ мочевинъ снова закружились надъ озеромъ, снова съ пискомъ засверкали надъ синевой его бѣленькія чайки. Къ шалашу, въ бѣговыхъ дрожкахъ, на ворономъ жеребцѣ, подъѣзжалъ купеческій племянникъ.

— Покойся, милый прахъ, до радостнаго утра,—сказалъ онъ, увидавши въ полномъ безпорядкѣ лежащаго Данилина, а потомъ обратился ко мнѣ:

— Беретъ?

— Очень хорошо!

— А я въ рощу ѣздилъ, да думаю, дай заѣду васъ провѣдать. Скоро Александръ Петровичъ настоялся... Это, значитъ, жаръ его одолѣлъ, а то онъ крѣпокъ по этой части. Никита, развяжи кулечекъ тамъ... Я съ собой троечку ледерцу привезъ. Да ты вотъ что: поди окуни ихъ на полчасика въ родничекъ, живо озябнутъ. Теперь по стаканчику холодненькой-то самое настоящее дѣло... Позвольте васъ просить для перваго знакомства. Я думаю, вамъ непріятно вчера было смотрѣть на моего дядю?

— Отчего?

— Какъ же, помилуйте! Памятники искусства уничтожаетъ. Семерыхъ греческихъ мудрецовъ — въ саду были разставлены—опредѣлилъ въ конюшнѣ поставить. Помилуйте, говорю, всѣмъ имъ есть описаніе въ книгахъ... Аполлонъ, теперича, бельведерскій... Какъ возможно! Всѣ ему говорили, что стыда тутъ нѣтъ никакого, а напротивъ того, даже стихами есть описаніе. Александръ Пушкинъ описывалъ...

— А вы читали его стихи?

— Первое это мнѣ удовольствіе. Только его стихи... надо ума постигнуть...

— Т. е., какъ?

— Такъ, не всякій ихъ понимать можетъ. Я самъ по этой части немножко.

— Стихи пишете?

— Да, когда вздумается... Я много книгъ прочиталъ... Вы читали „Исторію умственнаго развитія Европы“?

— Читалъ.

— Скажите, пожалуйста, что это за книга? Пять съ полтиной далъ.

— Книга очень хорошая...

— Не могу понять, а хочется. Какъ обидно! Другой безъ сапогъ ходитъ, да на разныхъ языкахъ говоритъ, а тебѣ вотъ и денегъ дѣвать некуда, да и свои-то слова не всѣ понимаешь...

Купчикъ глубоко вздохнулъ.

Силантій воротился со срамомъ — съ одной только уткой, хотя на озерѣ было ихъ тьма и слышно было, что онъ стрѣлялъ очень много. Объяснилъ онъ свою неудачу тѣмъ, что „утка птица вороватая, близко къ себѣ не подпущаетъ, да и осока очень высока—стрѣлять не способно“.

Я разсказалъ ему печальное положеніе Данилина, но не возбудилъ въ немъ сочувствія.

— Ничего, отвѣтилъ онъ равнодушно:—отойдетъ. Это съ нимъ часто...

И Данилинъ дѣйствительно отошелъ. Лишь хлопнула пробка изъ нахолодѣвшей бутылки шампанскаго, онъ вскочилъ, какъ отъ выстрѣла, мгновенно оправился, вышелъ изъ-подъ навѣса совершенно трезвый, только немного сконфуженный.

— Извините, пожалуйста, обратился онъ ко мнѣ:— скверный этотъ порокъ, но что-жъ дѣлать! Невыносимыя страданія! Скверно! окончилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ. Вы кушали когда-нибудь щуку „по-мужицки“.

— Какъ, „по-мужицки“?

— Вотъ мы вамъ сейчасъ приготовимъ. Ребята, очистите щуку, которая покрупнѣй. А ты, Силантій, разложи огонь, да поставь котелокъ.

Блюдо вышло необыкновенное. Данилинъ сдѣлался веселымъ, пилъ шампанское, называя этотъ напитокъ „купеческой погибелью“.

— Я тебя люблю, Петя!—говорилъ онъ купцу.—Ты человѣкъ съ нѣжнымъ сердцемъ, а только Дрепэра ты не читай: не поймешь.

— А можетъ пойму? обижался купецъ.

— Нѣтъ, не поймешь! Ты, сидя у себя въ Рогожской, опоздалъ къ раздачѣ мозговъ. Когда Богъ людямъ мозги раздавалъ, тебя бабушка въ это время на Таганкѣ кормила оладьями, да пряженцами. Ты вотъ лучше намъ стихи свои почитай.

Купецъ долго отнѣкивался, наконецъ прочелъ:

Станетъ весна наступать,
Станутъ грачи прилетать,
Станутъ лѣса опушку свою давать,
Станутъ снѣга изъ себя сокъ выпущать.

— Петька, скоро ли я тебя выучу соблюдать размѣръ въ стихахъ!..

— Развѣ не вѣрно? съ удовольствіемъ воскликнулъ купецъ.

— Убить за эти стихи мало!

— Что же, коли не дано! съ полнымъ огорченіемъ произнесъ купецъ.

— Петька, будь умнымъ, серьезно сказалъ Данилинъ:— не пей, стиховъ не пиши, книгъ свыше твоего понятія не

читай, а то ты, какъ смѣшаешь Дрепэра съ шампанскимъ, да у тебя въ мозгу-то Читминей отъ бабушки мѣсяца три застрялъ, да какъ разведешь все это хересомъ—прямо тебя въ съумасшедшій домъ и повезутъ.

Видно было, что подобныя наставленія Данилина были за обычай: онъ не сердился.

Въ вечерни мы снова сѣли въ лодку и пошли по озеру.

Здѣсь я долженъ остановиться и разсказать странную судьбу Данилина.

Сынъ невѣдомыхъ родителей, онъ былъ взятъ на воспитаніе вдовой одного московскаго священника. До десятилѣтняго возраста онъ воспитывался на улицѣ: игралъ съ мальчишками въ бабки, ловилъ на Яузѣ синицъ, дѣлалъ набѣги съ своими сверстниками на купеческіе сады за яблоками, получалъ иногда за это потасовки; въ свободное отъ этихъ занятій время ходилъ къ отцу діакону Сергію Взорову, учиться чтенію часослова и псалтиря. Двѣнадцати лѣтъ онъ ужъ читалъ въ церкви шестопсалміе и кафизмы и обращалъ на себя вниманіе обывателей захолустья. Одинъ благочестивый, находившійся подъ судомъ, комиссаріатскій маіоръ, такъ восхищался чтеніемъ мальчика, что взялъ его на свое попеченіе. Маіоръ былъ очень бѣдный человѣкъ, хотя имѣлъ собственный деревянный домикъ въ три окна, съ виду болѣе похожій на полицейскую будку, чѣмъ на домъ. Онъ былъ человѣкъ одинокій, днемъ куда-то ходилъ, а вечеромъ читалъ духовно-нравственныя книги: „Путь ко спасенію“, „Училище благочестія“ и др., или игралъ на гитарѣ. Гитаристъ онъ былъ отличный. Мимоходящіе часто останавливались передъ его окнами и слушали, какъ онъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, пѣлъ:

Свѣча, чуть теплясь, догорала,
Каминъ, дымяся, погасалъ,
Мечта мнѣ что-то напѣвала
И сонъ меня околдовалъ.

Нахожденіе свое подъ судомъ маіоръ тщательно скрывалъ, говорилъ, впрочемъ, иногда: „пожалуй, придется за штатомъ остаться“. Онъ былъ человѣкъ скромный и совѣстливый и хотя былъ убѣжденъ въ своей правотѣ и невинности, но любилъ возбуждать въ людяхъ къ себѣ сочувствіе.

Мальчикъ сдѣлался серьезнымъ, принялся отлично учиться. Маіоръ зналъ хорошо математику и сталъ его

учить по тому же самому руководству, по которому въ старину самъ учился, находя всѣ другіе учебники негодными. Руководство это носило заглавіе:

„Курсъ чистой математики, сочиненной артиллеріи штыкъ-юнкеромъ и математики партикулярнымъ учителемъ Ефимомъ Войтяховскимъ".

Какъ ни мудренъ этотъ учебникъ, но черезъ два года ученикъ ужъ рѣшалъ, напримѣръ, такія задачи:

„Ново-въѣзжей въ Россію французской мадамѣ вздумалось цѣнить свое богатство въ чемоданѣ: новой выдумки нарядное фуро и прозаичный чепецъ а ла Фигаро; оцѣнщикъ былъ русакъ, сказалъ мадамѣ такъ: богатства твоего первая вещь фуро въ полчетверти дороже чепца Фигаро; въ общемъ стоютъ по съ половиною четыре алтына, но настоящая имъ цѣна только сего половина. Спрашивается каждой вещи цѣна, съ чѣмъ француженка къ россамъ привезена".

Маіоръ радовался успѣхамъ своего ученика, а иногда даже разводилъ руками, когда онъ рѣшалъ задачи въ родѣ слѣдующей:

„Для сиракузскаго царя Іерона сдѣлана была золотая корона въ 12 фунтовъ Государь, подозрѣвая мастера, приказалъ изслѣдовать Архимеду, не положено-ли въ ту корону серебра. Спрашивается, сколько въ той коронѣ было серебра и чистаго золота"?

Эта задача на „Правило смѣшенія вещей", которое маіоръ очень любилъ, ибо оно входило въ кругъ его служебной дѣятельности.

Или:

„Двѣ торговки разговаривали о количествѣ своихъ яицъ"...

Впрочемъ, довольно! Всѣхъ задачъ, которыя смаху рѣшалъ Данилинъ, и не перечтешь.

Отецъ діаконъ, по просьбѣ „матушки", посадилъ его за латинскую грамматику Цумпта и аттестовалъ его маіору въ такихъ выраженіяхъ: „трудностію склоненій овладѣваетъ и подвизается стремительно, хотя не замѣчается въ ономъ мальчикѣ нѣкоторая вѣтренность".

„Съ міру по ниткѣ—голому рубаха". Старичекъ, отставной учитель Герасимъ Ивановичъ, предложилъ маіору свои услуги и началъ учить его воспитанника русской грамматикѣ и географіи. Этого учителя особенно полюбилъ Данилинъ. Старикъ заставлялъ его „твердить наизусть" стихи,

заставлялъ его читать въ слухъ книги и раскрывалъ ему красоты поэзіи Державина, котораго онъ боготворилъ. Данилинъ сталъ неузнаваемъ: изъ уличнаго мальчишки онъ превратился въ серьезнаго, не по лѣтамъ развитаго мальчика.

— Учись, Саша, учись! говорилъ ему старикъ. Ты счастливецъ! Другіе, на твоемъ мѣстѣ, на улицѣ погибаютъ, а ты окруженъ попеченіями добрыхъ людей. Почемъ знать, можетъ и съ синимъ воротникомъ будешь ходить и шпагу да треуголку надѣнешь. Примѣры эти бывали. А главное, дружокъ, какъ выростешь — не пей. Возьми вонъ лечебникъ Матвѣева и прочитай, что тамъ о пьянствѣ сказано.

Мальчикъ бралъ лечебникъ и читалъ вслухъ:

„Цвѣтущій юноша, яко кринъ тлетворнаго мраза коснувшійся, внезапу увядаетъ, ибо, предаваясь оному пороку, истощаетъ свои силы, данныя ему Создателемъ для прославленія Его благости“.

— Памятуй это всегда, говорилъ старый словесникъ.

Счастье Данилину везло. Послѣ долгихъ хлопотъ маіоръ помѣстилъ его въ гимназію, гдѣ онъ окончилъ курсъ въ числѣ первыхъ учениковъ и поступилъ въ университетъ. Маіору не удалось порадоваться на своего воспитанника: его не было въ живыхъ; матушка тоже скончалась. Данилинъ ужъ жилъ своими средствами отъ уроковъ. Герасимъ Ивановичъ, разбитый параличемъ, прикованный къ смертному одру, со слезами радости встрѣтилъ новаго студента:

— Встать-то я, дружокъ, не могу. Нагнись, я хоть одной рукой обниму тебя. Ай да Саша! Шпагу надѣлъ! Это, братъ, Овидіевы превращенья! На какой факультетъ поступилъ?

— На словесный.

— Чудесно! Я самъ словесникомъ былъ. Профессора-то теперь не тѣ... Намъ краснорѣчіе Мерзляковъ читалъ. Великій ораторъ былъ!.. Марлинскаго побольше читай!.. Какіе тамъ перлы!.. „Дико-прекрасенъ гремучій Терекъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ... Индѣ свѣтелъ и прямъ...“ Учись такъ же писать...

И умирающій старикъ дрожащею рукой перекрестилъ своего бывшаго ученика.

Даровитый студентъ скоро обратилъ на себя вниманіе ректора и профессоровъ. Ему предсказывали блестящую

будущность. Частныхъ уроковъ у него было столько, что ему едва хватало времени справляться съ ними. Разъ его на лѣстницѣ остановилъ ректоръ.

— Данилинъ, много у васъ уроковъ?

— Много, ваше превосходительство. Ужасно много.

— Не можете ли вы, въ особое мнѣ одолженіе, взять еще одинъ. Меня просили, и я указалъ на васъ. Если вы одинъ изъ вашихъ уроковъ оставите и передадите кому-либо изъ вашихъ товарищей, вы, въ матеріальномъ отношеніи, ничего не потеряете, а, думаю, выиграете. Явитесь отъ моего имени къ Степану Федоровичу Соснину, онъ живетъ въ Старой Басманной, въ своемъ домѣ.

— Слушаю, ваше превосходительство.

— Пожалуйста, окончилъ ректоръ, протягивая Данилину руку, пожатія которой ни одинъ студентъ не удостоивался.

На другой день Данилинъ подъѣхалъ къ воротамъ большого съ колоннами барскаго дома, обнесеннаго желѣзной рѣшеткой. Такіе дома попадаются теперь въ Москвѣ очень рѣдко, всѣ они перестроены на новый ладъ. Не выступаютъ на улицу изъ оконъ нижняго этажа пузатыя рѣшетки, объ которыя мимоходящіе разбивали носы; нѣтъ болѣе надворныхъ флигелей, въ которыхъ, бывало, ютились барская челядь; нѣтъ щитовъ съ гербами; нѣтъ львовъ на воротахъ... Да, многаго нѣтъ.

Пройдя огромный дворъ, онъ позвонилъ въ колокольчикъ у подъѣзда. Лакей-казачекъ отперъ ему дверь. Въ передней два лакея—одинъ крѣпостной, другой вольно-наемный—спорили о преимуществахъ соціальнаго положенія каждаго изъ нихъ отдѣльно. Споръ ихъ уже перешелъ въ ссору.

— Это вы холопъ, а я природный лакей! горячился старичекъ-лакей, сѣденькій, съ слезящимися сѣрыми глазами, въ сѣромъ фракѣ, красномъ жилетѣ и штиблетахъ. Моя душа барская, а ваша окладная, потому вы несчастный мѣщанинъ. Я коли какой непорядокъ на улицѣ сдѣлаю—должны меня къ моему барину съ будочникомъ предоставить, а васъ на веревкѣ въ часть поведутъ. Вы на запяткахъ стоите, а я при моемъ господинѣ завсегда въ комнатахъ.

— Что вы выражаетесь! вскрикнула окладная душа.

— Я не выражаюсь, а правду говорю! Вы холопъ, а не я!.. отрѣзала барская душа.

Данилинъ приказалъ доложить о себѣ.

Старый лакей ввелъ его въ зало и попросилъ обождать. Съ полчаса онъ ходилъ по залѣ, наконецъ былъ введенъ въ барскій кабинетъ. Степанъ Федоровичъ сидѣлъ въ большихъ мягкихъ креслахъ, на головѣ его былъ густой черный парикъ, съ круто подвитыми висками. Онъ курилъ изъ необыкновенно длиннаго съ огромнымъ янтаремъ чубука. Едва замѣтнымъ движеніемъ лѣвой руки онъ пригласилъ Данилина сѣсть.

— Я просилъ вашего ректора, началъ Степанъ Федоровичъ:—Вы вѣдь по его приказанію?

Данилину не понравилосъ слово „по приказанію". Онъ отвѣчалъ:

— Да, меня ректоръ просилъ взять у васъ урокъ.

Степану Федоровичу не понравилось слово „просилъ". Оно на его ухо подѣйствовало такъ же, какъ на ухо дирижера дѣйствуетъ едва замѣтная фальшь какого-либо инструмента. Онъ далъ почувствовать это Данилину.

— Такъ вы по его просьбѣ? сказалъ онъ, очень тонко подчеркнувши послѣднее слово. Данилинъ не замѣтилъ этого.

Степанъ Федоровичъ, помолчавъ немного, выпустилъ два-три клубка дыму и продолжалъ:

— У меня два сына будутъ готовиться у васъ для поступленія въ московскій университетъ. Они ужъ достаточно подготовлены, и вамъ особаго труда не предстоитъ. Вы должны будете жить у меня и быть постоянно при нихъ.

— Извините, Степанъ Федоровичъ, если въ качествѣ гувернера — я не могу. Я могу только посвящать имъ нѣсколько часовъ для науки, а остальное время я самъ долженъ учиться.

Степанъ Федоровичъ задумался. Вошли здороваться съ отцомъ двое юношей съ рыжимъ курляндцемъ гувернеромъ, за ними вошелъ также породистый черный водолазъ. Гувернеръ почтительно остановился у двери. Дѣти поцѣловали у отца руку.

— Вотъ вашъ будущій учитель, сказалъ имъ Степанъ Федоровичъ, указывая на Данилина.

Дѣти шаркнули ногами и изящно наклонили головы. По манерахъ ихъ было видно, что они прошли танцовальную школу въ совершенствѣ.

— Проведите его къ матери, а оттуда, вы будете

добры, опять зайдете ко мнѣ, окончилъ онъ, обращаясь къ Данилину.

Одинъ изъ юношей сказалъ:—не угодно ли? Они прошли залу, увѣшанную портретами, прошли гостинную, уставленную прихотливой мебелью, прошли въ комнату, украшенную севрскимъ фарфоромъ, прошли еще нѣсколько комнатъ съ разными украшеніями, наконецъ вступили во внутренніе аппартаменты хозяйки.

— Maman, началъ старшій изъ сыновей:—Papa nous a chargé de te presenter notre nouveau precepteur.

Наталья Николаевна, супруга Степана Федоровича, красивая женщина, лѣтъ на двадцать моложе своего мужа, сидѣла за чайнымъ столомъ.

Чай разливала Анна Никитишна, теперь выродившійся типъ стараго времени. Въ каждомъ барскомъ домѣ была своя Анна Никитишна. Анны Никитишны обыкновенно бывали оберъ-офицерскаго званія престарѣлыя дѣвицы, богомольныя, злющія, наушницы. Онѣ разливали чай, но не смѣли его въ присутствіи господъ пить; онѣ вмѣстѣ съ господами обѣдали, но не смѣли за столомъ говорить. Анны Никитишны были сортомъ выше обыкновенныхъ приживалокъ и смотрѣли на нихъ съ презрѣніемъ. Приживалки у нихъ заискивали; съ горничной, состоящей при особѣ барыни, у Анны Никитишны были всегда натянутыя отношенія. Какъ бы ни была горничная близка къ барынѣ, какъ бы барыня ее ни любила, Анна Никитишна давала ей понимать, что она все-таки горничная, одной ногой стоитъ въ будуарѣ барыни, а другой на скотномъ дворѣ. Горничныя и вообще вся дворня ненавидѣли этотъ типъ. Горничныя называли Анну Никитишну „судорогой“, „сывороткой“; лакеи — „барыней съ одной душой и то съ собственной“, а кучера такъ называли, что и сказать нельзя. Жестокъ кучерской языкъ!

— Очень рада! произнесла привѣтливо Наталья Николаевна, увидавши вошедшаго Данилина.—Садитесь, пожалуйста. Вы должны теперь учиться отлично, обратилась она къ дѣтямъ:—а то васъ Карлъ Адамовичъ избаловалъ.

— Nu warum doch, madame.

— Избаловали, избаловали, шутливо продолжала Наталья Николаевна. Вы съ ними въ деревнѣ воробьевъ стрѣляете... Я все знаю!

Нѣмецъ растерялся и только говорилъ:

— Nu warum doch, madame.

— Вамъ мужъ говорилъ, что они будутъ служить по дипломатическому корпусу? Мой деверь служитъ посланникомъ въ Штутгартѣ. Я ихъ пошлю къ нему.

Дѣти во время разговора пристально смотрѣли на Данилина, думая, что это за человѣкъ? можно-ли при немъ будетъ воробьевъ стрѣлять, карасей въ пруду ловить? Ну, какъ онъ прекратитъ всѣ эти занятія?

Визитъ Данилина длился недолго. Наталья Николаевна еще повторила нѣсколько разъ „очень рада“ и Данилинъ долженъ былъ откланяться. Наталья Николаевна, прощаясь, обратилась снова къ воробьямъ и къ рыбной ловлѣ.

— Когда мы будемъ въ деревнѣ, сказала она, вы пожалуйста не позволяйте имъ бѣдныхъ воробьевъ стрѣлять и рыбу съ церковными дѣтьми ловить (Наталья Николаевна называла такъ дѣтей священника). Они всегда испачкаются, приходятъ мокрые.

Данилинъ замѣтилъ, что онъ самъ рыболовъ и проситъ не лишать ихъ этого удовольствія. У дѣтей заблестѣли глаза. Младшій сдѣлалъ изящное движеніе всѣмъ корпусомъ и сказалъ, что у нихъ въ пруду необыкновенные караси.

— Ну, я съ вами тогда буду ссориться, окончила Наталья Николаевна, любезно подавая Данилину руку, которую онъ почтительно поцѣловалъ.

Степану Федоровичу хоть и не совсѣмъ студентъ понравился съ перваго взгляда, но онъ положился на рекомендацію ректора и заключилъ съ нимъ условіе. Черезъ недѣлю Данилинъ переѣхалъ въ домъ Степана Федоровича. Ему отвели двѣ комнаты окнами въ садъ и назначили для прислуги мрачнаго, соннаго, не довольнаго, неповоротливаго крѣпостного человѣка. Данилину было жалко и совѣстно употреблять это несчастное существо для своихъ услугъ и онъ безпокоилъ его лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Крѣпостной человѣкъ скоро это почувствовалъ, потому что ему открылась возможность спать подъ лѣстницей цѣлыя сутки.

— Добрый человѣкъ, говорилъ онъ про Данилина, не тревожитъ, самъ знаетъ, какъ трудно нашему брату господамъ служить. Одно только въ немъ не хорошее: скупъ очень, на чай хошь бы когда гривенникъ далъ. Это ужъ не годится... Крѣпостному человѣку взять не откуда...

Степанъ Федоровичъ былъ добрый московскій баринъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, но во взглядахъ его была

какая-то смѣсь Домостроя съ крайнимъ либерализмомъ. Онъ не притѣснялъ мужика, брезговалъ крѣпостнымъ правомъ, называлъ себя плантаторомъ; но и часто заставлялъ трепетать передъ собой „стараго Гаврилу“, за маловажный проступокъ брилъ лбы своимъ покорнымъ и вѣрнымъ слугамъ. Никогда не ходилъ въ церковь, смотрѣлъ свысока на служителей алтаря; но на груди носилъ ладонку съ мощами и соблюдалъ посты. Домъ его былъ открытый. У него бывали балы, рауты и каждый четвергъ вечернія собранія.

Наталья Николаевна, по происхожденію, „отъ добраго корени“ княжна, была очаровательная женщина, ее любили всѣ отъ сановника до мрачнаго лакея. Данилинъ, какъ говорится, пришелся ко двору. Степанъ Федоровичъ сначала относился къ Данилину съ важностью, поглядывалъ изъ подлобья, когда тотъ въ его присутствіи осмѣливался выражать какое-либо мнѣніе, но скоро сдѣлался снисходительнымъ, позволялъ даже вступать съ собою въ споръ и, оставаясь побѣжденнымъ, говорилъ: „можетъ быть по вашему и такъ, а я все-таки остаюсь при своемъ убѣжденіи“. Дѣти такъ привязались къ своему учителю, что бѣдный курляндецъ заревновалъ. Они перестали даже ходить съ нимъ гулять, предпочитая бесѣду съ Данилинымъ.

Наступило лѣто. Данилинъ кончилъ курсъ кандидатомъ и поѣхалъ къ Степану Федоровичу въ имѣніе. Наталья Николаевна, убѣдившись въ нравственныхъ качествахъ Данилина, ввѣрила окончательно образованіе своихъ дѣтей и не вмѣшивалась въ его дѣйствія; они ловили съ нимъ рыбу, ходили стрѣлять утокъ, катались на лодкѣ, ѣздили верхомъ и т. д., и если иногда замѣчала что-нибудь, дѣти прямо говорили: „намъ Александръ Петровичъ разрѣшилъ“ и она смолкала.

Въ имѣніи Степанъ Федоровичъ жилъ такъ же открыто, какъ и въ Москвѣ. Къ нему съѣзжались почти всѣ окрестные помѣщики и крупные и мелкіе. Въ торжественные дни, во время заздравныхъ тостовъ, палили изъ пушекъ, вечеромъ домъ и садъ освѣщали плошками, на лугу пускали ракеты. Артиллерійской и пиротехнической частью завѣдывалъ Карлъ Адамовичъ.

Три года въ полномъ довольствѣ, безъ малѣйшихъ лишеній и безпокойства, прожилъ Данилинъ въ домѣ Степана Федоровича и когда дѣти поступили въ университетъ, онъ оставилъ его домъ. Степанъ Федоровичъ обѣщался прі-

искать ему мѣсто и наградилъ его по-барски. Казалось бы, при важномъ общественномъ положенiи, при связяхъ Степана Федоровича, найдти мѣсто отлично образованному молодому человѣку ничего не значитъ, но вышло совсѣмъ не такъ. Отъ кого только и къ кому только ни ходилъ Данилинъ съ письмами!

— Очень хорошо-съ! Очень радъ! Я увижу сегодня Степана Федоровича въ клубѣ и переговорю съ нимъ. Все, что отъ меня зависитъ, я готовъ, говорилъ одинъ московскiй сановникъ, которому Данилинъ вручилъ письмо Степана Федоровича.

— Вотъ, извольте видѣть, молодой человѣкъ, мой старинный другъ Степанъ Федоровичъ ходатайствуетъ объ васъ. Я не могу отказать ему въ его просьбѣ, но въ настояще время и т. д., говорилъ другой.

— Графиня Авдотья Петровна ставитъ меня въ крайне непрiятное положенiе. Она требуетъ у меня для васъ мѣсто. Согласитесь сами, вы не писарскаго мѣста желаете. Съ одной стороны, я желалъ бы исполнить ея просьбу, а съ другой... и т. д., встрѣчалъ третiй.

„Любезный другъ, Степанъ Федоровичъ, остритъ на письмѣ четвертый, являлся ко мнѣ отъ тебя окончившiй здѣшняго университета курсъ кандидатъ, сколько могу упомнить, Данилинъ, съ просьбою о мѣстѣ. Ты самъ знаешь, что въ настоящее время свободныя мѣста, даже для людей изъ дворянъ происходящихъ, есть только на скамейкахъ Тверского бульвара. Вчера неожиданно посѣтилъ нашъ англiйскiй клубъ графъ Закревскiй, а тебя не было. Жалко. Посылаю тебѣ статью „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, написанную въ вольномъ духѣ. Не думаю, чтобъ третьимъ отдѣленiемъ не было обращено на оную вниманiя“.

Отъ нечего дѣлать, Данилинъ сталъ проводить время въ кофейной большого московскаго трактира, пристрастился къ билліардной игрѣ и сдѣлался любимцемъ собиравшагося тамъ веселаго общества. Скоро позабылъ онъ и завѣтъ стараго словесника: „не пей, Саша! Отъ пьянства цвѣтущiй юноша, яко кринъ, тлетворнаго мрака коснувшiйся, внезапу увядаетъ“. Сначала сталъ пить водку трехпробную, потомъ специальную, потомъ прилѣпился къ коньяку. „Ренсковые погребки“ и увеселительные притоны глухихъ московскихъ переулковъ, замѣнявшiе въ прежнее время съ большимъ успѣхомъ оперетку, предъявили ему

всѣ винные фабрикаты, каковы суть: Лиссабонъ, Тенерифъ, Санта-Анна двойной, Го-Барзакъ и т. п.

Средства его быстро истощились, уроки онъ всѣ растерялъ и долженъ былъ существовать на счетъ ближняго, на счетъ веселаго купца. Наталья Николаевна явилась къ нему на помощь: она пригласила его провести лѣто у нихъ въ деревнѣ. Данилинъ сначала не соглашался, но домашній докторъ Степана Федоровича „приказалъ" ему ѣхать.

— Странно, Александръ Петровичъ — сказалъ онъ ему — вамъ предлагаютъ чистый воздухъ, а вы желаете оставаться въ тифозномъ отдѣленіи. Поѣзжайте.

Докторъ былъ человѣкъ совершенно особенный, оригинальный. Онъ былъ красавецъ собой, имѣлъ большую практику, особенно между барынями и лечилъ „не столько медикаментами", сколько остроуміемъ. Степанъ Федоровичъ любилъ и уважалъ его, но лекарствъ его никогда не принималъ потому, что былъ тайный гомеопатъ и въ особомъ, ему одному извѣстномъ, потаенномъ ящикѣ письменнаго стола содержалъ пузыречки съ разной Ганнемановской жидкостью и крупинками. Даже Наталья Николаевна не знала, что супругъ ея принадлежитъ къ сектѣ гомеопатовъ: онъ тщательно скрывалъ это и, въ присутствіи ея, даже трунилъ надъ гомеопатіею, какъ говорится, отводилъ глаза. Докторъ зналъ его слабость къ этому способу леченія и трунилъ надъ нимъ. Онъ говорилъ: „гранъ мышьяку, растворенный въ количествѣ воды, равномъ земному шару, увеличенному въ семь разъ, составляетъ тридцатое гомеопатическое дѣленіе, одно изъ сильнѣйшихъ средствъ въ гомеопатіи, употребляемое въ самыхъ крайнихъ случаяхъ".

Степанъ Федоровичъ молча сердился.

— У меня голова третій день болитъ—говоритъ доктору барыня.

— Это непріятно—сочувствуетъ докторъ.

— Что мнѣ дѣлать?

— Ждать, пока пройдетъ—отвѣчаетъ докторъ.

— А когда она пройдетъ?

— Никто, вѣроятно, этого не знаетъ.

— Помните, вы мнѣ давали капли...

— Помню. Вѣдь онѣ вамъ тогда не помогли и теперь тоже не помогутъ. Зачѣмъ же мы съ вами будемъ безпокоить провизора?

Или:

— У меня ужасно нервы разстроены.

— Позвольте мнѣ ихъ посмотрѣть.

— Какъ посмотрѣть? Я чувствую...

— Да вѣдь чувства бываютъ обманчивы. Можетъ это и не нервы.

— А что-жъ это?

— Я не знаю же. Чего не вижу, того не ощущаю...

— Профессоръ Варвинскій...

— Позовите профессора Варвинскаго и пока онъ будетъ собираться пріѣхать къ вамъ, у васъ и такъ все пройдетъ. Можно, пожалуй, вамъ выписать капли, порошки, пилюли; аптекарь Феррэйнъ будетъ вамъ за это благодаренъ, но, по моему, это—лишнее. Не сердитесь на вашу горничную, которая васъ огорчила, и будете совершенно здоровы.

Или:

— Думаю ѣхать на воды, говоритъ предсѣдатель одной изъ московскихъ палатъ.

— Это зачѣмъ, ваше превосходительство?

— Какъ, зачѣмъ? Смотрите, какой у меня животъ то!

— Чудесный! Какой вамъ, по вашему чину, по штату полагается. Не совѣтую! Что это нѣмецкія воды—вздоръ!

— Нѣтъ, говорятъ, Эмсъ...

— Да тамъ и воды совсѣмъ никакой нѣтъ: еще древніе римляне ее всю выпили.

— Виноватъ, не Эмсъ, а Карлсбадъ...

— Соотвѣтствующее леченіе и здѣсь, въ Москвѣ, можно найти. Накажите вашъ животъ: оставьте его мѣсяца на два безъ кулебякъ съ налимьими печенками, безъ поросенка съ кашей и мозгами, безъ севрюжины, такъ никакія карлсбадскія воды его такъ не подтянутъ, какъ эти лишенія. Да и зачѣмъ его мучить? Животъ русскому человѣку—украшеніе... да въ вашемъ то чинѣ... прелесть! Не совѣтую, ваше превосходительство... Мы здѣсь васъ починимъ. Вы только представьте себѣ: если бы вся Москва со своими животами тронулась въ Карлсбадъ — чтобы это было? Повѣрьте, мытищенская вода такъ же хороша, какъ и карлсбадская.

Деревня Данилину не показалась, какъ прежде, раемъ, онъ тосковалъ и, въ тиши ночной, пилъ водку, которую ему съ удовольствіемъ добывалъ его бывшій мрачный лакей, для чего подвергалъ, если не жизнь свою, то бренное

тѣло, крайней опасности, ибо въ домѣ Степана Федоровича напитокъ этотъ строго былъ воспрещенъ. Лѣнивый и неподвижный, онъ оживлялся, откуда бралась энергія: ночью перелѣзалъ черезъ заборъ сада, переплывалъ рѣку, перебѣгалъ черезъ поле, попирая ногами золотистую рожь, отбивался отъ собакъ и возвращался домой задолго до восхода солнца. Проявлялъ онъ эту энергію не столько изъ привязанности къ Данилину, сколько изъ собственныхъ интересовъ.

Въ одинъ праздничный день къ Степану Федоровичу съѣхались гости, въ числѣ которыхъ была сосѣдка-помѣщица, Прасковья Петровна, съ дочерью. Прасковья Петровна имѣла усадьбу въ трехъ верстахъ отъ Степана Федоровича — нѣсколько десятинъ земли, двадцать душъ крестьянъ, которые ее и прокармливали, двухъ дворовыхъ людей: повара, онъ и кондитеръ, и лакея, онъ же и управляющій.

Дочь уже была въ такомъ возрастѣ, въ которомъ обыкновенно подъ звукъ унылой фортепіано, съ чувствомъ поютъ романсъ: „Уймитесь, волненія страсти, засни безнадежное сердце"... За отсутствіемъ молодыхъ людей, Данилинъ невольно сдѣлался ея кавалеромъ. Прасковья Петровна пригласила его къ себѣ въ деревню. Данилинъ съѣздилъ къ нимъ разъ, съѣздилъ два, потомъ сталъ ходить пѣшкомъ, а потомъ Наталья Николаевна сказала доктору, что Данилинъ, кажется, хочетъ жениться.

— Это изъ огня да въ полымя! разсмѣялся докторъ. Впрочемъ такіе случаи въ моей практикѣ бывали. Знаете что Наталья Николаевна: очень можетъ быть, что женитьба его встряхнетъ, онъ будетъ работать. А въ такомъ положеніи онъ совсѣмъ сопьется. Если бы онъ ко мнѣ обратился за совѣтомъ, я бы благословилъ его обѣими руками. Вѣдь онъ облѣнился, раскисъ... Мнѣ очень его жалко, онъ прекрасный человѣкъ.

— А чѣмъ они жить будутъ?

— Захотятъ ѣсть — найдутъ средства. Я не вѣрю въ неимѣніе средствъ.

Крѣпостной человѣкъ, замѣтивши перемѣну въ Данилинѣ, — затосковалъ.

— Чтобы это значило, думалъ онъ, словно обрѣзалъ! Шабашъ! Двѣ недѣли хоть бы шкаликъ! Удивительно это для меня... Пилъ какъ слѣдуетъ... Положенное... Это, надо полагать, либо докторъ ему не велѣлъ, либо что хуже...

Панютинская барыня его закручиваетъ. А теперь лукъ поспѣлъ. Хорошо бы съ лукомъ-то... посолить да!.. Тьфу! Помрешь теперь...

Онъ не ошибся. Данилинъ сдѣлалъ предложеніе Полушинской барышнѣ, которое она приняла безъ всякаго смущенія. Выдти ей замужъ было все равно — за кого угодно и когда угодно. Данилинъ не зналъ, что онъ дѣлаетъ, онъ былъ въ какомъ-то чаду. Онъ сказалъ доктору, что его гнететъ тоска, что онъ не знаетъ выхода изъ своего положенія... Докторъ прочиталъ ему такой монологъ:

— Простите меня, Александръ Петровичъ, что я выскажусь прямо, можетъ быть, даже для васъ непріятно. Одумайтесь. У васъ въ жизни два пути. Одинъ, на которомъ вы теперь стоите: лѣнь, пьянство, погребки, трактиры, билліарды, развратъ, затѣмъ нищета, продолжительная болѣзнь, а при счастьи, и то только при счастьи,— позорная смерть гдѣ-нибудь на улицѣ или въ какомъ-нибудь увеселительномъ заведеніи и анатомическій театръ, въ стѣнахъ той же almae matris, которая васъ воспитала. И есть другой путь, на который вы, въ ваши молодые года, легко можете вступить—путь труда и нравственной отвѣтственности. Какъ докторъ, я бы посовѣтовалъ избрать вамъ этотъ путь въ видахъ гигіеническихъ и діэтетическихъ, а какъ обыкновенный смертный... вы, я слышалъ, думаете жениться?

— Да, отвѣчалъ Данилинъ.

— Вы сдѣлаете или непростительную глупость, или вы переродитесь и надѣлаете много умнаго. Это отъ васъ зависитъ. Если у васъ хватаетъ здоровья и энергіи проиграть не спавши три ночи на билліардѣ, отчего же у васъ не хватитъ того же самаго матеріала для полезной работы. А пьянство —это гадость, Данилинъ! Оно только увеличиваетъ медицинскій каталогъ новыми названіями болѣзней и помрачаетъ врачебную науку. Богъ съ вами! Женитесь.

Данилинъ женился и переѣхалъ осенью въ Москву. Теща-помѣщица весьма круто повернула вопросъ о прісканіи мѣста зятю. Она обшаркала всѣ палаты, всѣ канцеляріи, перебывала у всѣхъ начальствующихъ лицъ, доходила даже до митрополита и хлопоты ея увѣнчались успѣхомъ: Данилинъ поступилъ на службу.

Первые годы онъ служилъ усердно, но потомъ у него

въ семьѣ что-то случилось, жена его бросила, онъ запилъ, уѣхалъ въ ея деревню, да такъ тамъ и остался. Деревня эта была продана, онъ прислонился сначала къ одному помѣщику, въ качествѣ гувернера, потомъ къ другому, въ другомъ какомъ-то качествѣ, потомъ къ купцу „по судейской части", да такъ и теперь проживаетъ.

Цѣлую недѣлю мы занимались рыбной ловлей на озерѣ, возвращаясь на ночь въ Полушино. Наконецъ я выбралъ время и приступилъ къ осмотру бумагъ бывшей Полушинской конторы.

Связка первая:

О состоянiи атмосферы при Полушинской экономiи за 1828 годъ.

Связка вторая:

Приказы по Полушинской экономiи за 1828 годъ.

Останавливаюсь на этой связкѣ.

Приказъ по Полушинской экономiи № 20. Мая 30.

Имѣетъ Полушинской экономiи контора съ полученiемъ сего, предложить священнику села Полушина отслужить молебенъ по случаю дарованiя мнѣ сына Григорiя, благополучно совершившагося въ двадцать пятый день мая сего 1828 года.

Отставной ротмистръ и кавалеръ Отрадинъ-Клещеевъ.

Въ копiи въ главной конторѣ оставленъ.

Завѣдующiй Груздевъ.

Слѣдующiе приказы написаны по той же формѣ, т. е. №, годъ, мѣсяцъ, число и подпись:

Въ удовлетворенiе просьбы крестьянина Ивана Зуйкова объявить ему, что сынъ его въ форейторы зачисленъ 29 iюня сего года.

Назначается скотницею при Полушинской экономiи вдова бывшаго моего крѣпостнаго человѣка, а нынѣ вольноотпущеннаго Ивана Никитина, Анисья Петровна, и при оной дочь Клавдiя. Довольствiе по штату.

Отставной завѣдывающiй хлѣбными амбарами и дровяными складами лейбъ-гвардiи Преображенскаго полка унтеръ-офицеръ Iосифъ Чероховичъ, по просьбѣ его увольняется въ отпускъ для свиданiя съ матерью въ Могилевскую губернiю на двадцать восемь дней. Въ его отсутствiе имѣть неослабное наблюденiе за оными.

Въ четвергъ приступить къ сѣнокосу, для чего разбить мою палатку на Мокровской пустоши, яко центрѣ Полушинской экономіи. Управляющій Павелъ Грибковъ верхомъ имѣетъ сопровождать крестьянъ на пустошь, гдѣ, по отслуженіи молебна, я буду находиться самъ и лично дѣлать распоряженія. Выступить въ четыре часа утра. Старосты верхомъ, имѣя въ своемъ распоряженіи десятскихъ. Крестьяне деревни Пузыриха, какъ болѣе отдаленной отъ пустоши, выступаютъ съ вечера. Въ случаѣ дождя, не выступая, ожидать дальнѣйшихъ приказаній.

Въ особой обложкѣ:

Дѣло о Фокѣ.

Вслѣдствіе возникшихъ пререканій между поваромъ Фокой и прочими дворовыми людьми при нетрезвомъ поведеніи препровождается оный Фока въ Полушинскую экономію для содержанія на скотномъ дворѣ впредь до распоряженія и имѣть за нимъ надзоръ и доносить въ главную контору.

Приказомъ отъ... за №... препровожденъ въ Полушинскую экономію поваръ Фока для содержанія на скотномъ дворѣ, а нынѣ тотъ Фока оказался въ Москвѣ и взятъ полиціею яко бродяга. Имѣетъ Полушинской экономіи контора немедленно сообщить, кто виновенъ въ упущеніи онаго Фоки и котораго числа?

Изъ рапорта Полушинской экономіи въ главную контору усматривается, что поваръ Фока скрылся тайно и, по показанію скотницы, ночью, ибо, вставъ по утру, онаго Фоки не было и она въ контору про побѣгъ донесла. При побѣгѣ его похищенъ топоръ, который проданъ куракинскому мужику за рубль пять копѣекъ ассигнаціями и вновь, яко похищенный, въ экономію отобранъ. За таковое нерадѣніе къ своимъ обязанностямъ управляющаго Полушинской экономіи Павла Григорьева Грибкова предписывается ему выдержать себя на скотномъ дворѣ двое сутокъ подъ присмотромъ старосты.

Главная московская контора увѣдомляетъ таковую-жъ при Полушинской экономіи, что пойманный въ Москвѣ поваръ Фока и, по наказаніи въ Яузской части, будучи водворенъ въ барскомъ домѣ, опять неизвѣстно куда скрылся и, если появится въ Полушинѣ, то онаго, связавъ, свезти въ Москву для отдачи въ рекруты безъ зачета.

Изъ донесенія твоего видно, что поваръ Фока появился въ Новоселкахъ и скрывался у цѣловальника, то сей крестьянинъ цѣловальникъ и не укрываетъ-ли Фоку и теперь. За неисполненіе сего приказу ты будешь подлежать строгой отвѣтственности.

Въ главную московскую контору:

Возвратившіеся изъ Москвы куракинскіе крестьяне Климъ Петровъ, да Мартынъ Косой сказывали скотницѣ Анисьѣ, что они видѣли Фоку въ Москвѣ на Смоленскомъ рынкѣ въ трактирѣ и оный Фока имъ говорилъ, что онъ человѣкъ вольный и къ зимѣ хочетъ бѣжать въ Одестъ и купленъ имъ на рынкѣ пистолетъ. Въ Полушинской экономіи все обстоитъ благополучно.

По твоему несмотрѣнію оказалось, что поваръ Фока лѣтомъ проживалъ въ кондитерской итальянца Питаде по украденному имъ венгерскому пачпорту и яко черный быкъ неузнаваемъ, и неоднократно бывалъ въ ввѣренной тебѣ экономіи за покупкою ягодъ, которыя и покупалъ у крестьянъ по дешевой цѣнѣ. Имѣешь съ полученіемъ сего явиться въ Москву.

Имѣю честь донести вашему высокоблагородію, что покупающій ягоды Иванъ Павловъ венгерецъ—вольноотпущенный кандитеръ князя Четвертинскаго бываетъ въ Полушинѣ за ягодами каждый годъ, а Фока поваръ находится въ бѣгахъ и прислалъ цѣловальнику письмо. Оное письмо цѣловальникъ съѣлъ при многочисленныхъ крестьянахъ, боясь быть въ отвѣтѣ.

Извѣтъ на тебя по появленіи повара Фоки въ Полушинской экономіи оставленъ мною безъ послѣдствій, но

я требую отъ тебя неослабнаго наблюденія, чтобы оный Фока не появился вновь. Что появились крысы въ хлѣбныхъ амбарахъ, относится къ твоему несмотрѣнію.

Въ главную московскую контору изъ конторы Полушинской экономіи:

Сего числа въ контору Полушинской экономіи изъ нижняго земскаго суда препровожденъ съ сотскими въ кандалахъ человѣкъ, именующій себя Фокою, но оный Фока оказался звенигородскій мѣщанинъ Фока Потроховъ, то и сданъ обратно.

Вчера Пузинскими крестьянами и прочими крестьянами Полушинской экономіи былъ окруженъ Устиновскій лѣсъ, ибо видѣли явившагося Фоку съ ружьемъ и заходилъ въ Пузырихѣ къ проживающему кузнецу пить молоко, но поймать не могли и деревня Пузино въ отсутствіе крестьянъ сгорѣла.

Изъ московской главной конторы въ Полушинское ея отдѣленіе.

Основываясь на ложныхъ слухахъ о появленіи въ Пузинѣ повара Фоки, для поимки онаго тобою окруженъ Устиновскій лѣсъ и деревня Пузино сгорѣла, а оный Фока, наканунѣ пузинскаго пожара былъ пойманъ въ Москвѣ на Варваркѣ. Въ отвѣтственность за сіе ты отрѣшаешься отъ должности и имѣешь по полученіи сего приказа, явиться въ Москву.

Канцелярія Басманной части, 5 квартала. Сегодня ночью полицейскимъ обходомъ былъ задержанъ на Варваркѣ дворовый человѣкъ господина Отрадина-Клещеева Фока безъ прозвища. При обыскѣ у него оказалось семь копѣекъ мѣдью, тумпаковый крестъ и въ карманѣ молитва о въ бѣгахъ находящихся, повидимому — скопческая или иной какой законами воспрещенной ереси, ибо написана гражданскими словами. Бывъ отправленъ въ часть, дорогою неизвѣстно куда скрылся и найденъ вечеромъ того дня во ввѣренномъ мнѣ кварталѣ удавившимся на берегу рѣки Яузы противъ фабрики купца Рогожина на ивѣ. О

чемъ имѣю честь вашему высокоблагородію донести. Квартальный надзиратель Херувимовъ.

Съ боку рукою частнаго пристава:

Въ дневной рапортъ генералу, а также поставить въ извѣстность владѣльца.

Рукою Отрадина-Клещеева:

Пріобщить къ дѣламъ конторы Полушинской экономіи, такъ какъ побѣгъ совершенъ изъ Полушина. Августа 3-го дня 1829 года.

Въ главную контору изъ Полушинской экономіи:

Сего числа, на храмовомъ праздникѣ въ Новоселкахъ, становымъ приставомъ арестованъ странникъ изъ Іерусалима и приономъ найдено письмо отъ бывшаго повара Фоки къ цѣловальнику Карпу Савельеву и нынѣ тотъ Фока живъ и проживаетъ въ городѣ Одессѣ, а удавился за него какой-либо другой его соумышленникъ и назвался Фокою облыжно. Письмо въ копіи представляется на благоусмотрѣніе главной конторы и писано бѣглымъ кантонистомъ, ибо Фока грамотѣ не умѣетъ. Причемъ г. становымъ приставомъ сдѣлано сношеніе съ одесской полиціей о поимкѣ онаго и доставленіи въ Москву. Мая 20, 1831 года.

Письмо бѣглаго повара Фоки:

И увѣдомляю я васъ, любезнѣйшій другъ, Карпъ Савельичъ какъ ушелъ я съ Москвы и находился въ Кіевѣ въ монастырѣ въ квасникахъ, а пачпортъ досталъ у одного богомольца за три рубля ассигнаціей и жилъ въ поварахъ у полковника и торговалъ мороженнымъ и ушелъ въ Одестъ на молдаванку. Здѣсь пачпортовъ не спрашиваютъ и бѣглыхъ много и начальства надъ нами нѣтъ, а арбузовъ и дынь очень много и я открылъ лавочку и торгую лимонадомъ, а требуется много, потому сторона жаркая и господъ здѣсь нѣтъ, живутъ все греки и корабли приходятъ съ разными товарами, а на кораблѣ можно уйти въ Турцію, въ городъ Константинополь. Какъ дѣла пойдутъ хорошо — припишусь здѣсь въ купцы, денегъ нужно сто рублей. Извѣстный вамъ Фока. А кто здѣсь попадется безъ пачпорта и съ этапу можно уйти за шесть рублей и бѣгаютъ отойдя сто верстъ отъ Одесты и бѣгаютъ въ Кишиневъ. Письмо сіе вручитъ вамъ странникъ изъ Стараго

Іерусалима, идетъ на родину въ Москву и я просилъ его побывать у васъ въ Новоселкахъ. Человѣкъ онъ вѣрный и идти ему отсюда три мѣсяца. По личной просьбѣ Константинъ Иванъ Сергѣевъ.

На бланкѣ:

Г. становому приставу 2-го стана. На отношеніе вашего благородія отъ 10 мая 1831 года, за № .... имѣю честь отвѣтствовать, что по розыскамъ въ городѣ Одессѣ бѣжавшаго двороваго человѣка господина Отрадина-Клещеева Фоки безъ прозвища, на жительствѣ не оказалось, а несовмѣстно съ нимъ живущая жена его, бывшая дочь дьячка города Одессы, Дарья Алексѣева показала, что мужъ ее Фока бѣжалъ въ Молдавію и женился на ней, назвавшись московскимъ канцеляристомъ, бывъ посажена въ острогъ за укрывательство, нынѣ по этапу препровождается къ своему помѣщику. Января 29, 1834 года. Подпись.

Ваше высокоблагородіе,

Милостивѣйшій государь,

Артемій Лаврентьевичъ!

Изъ почтовой конторы полученъ мною денежный пакетъ со вложеніемъ ста рублей ассигнаціями. По вскрытіи онаго оказалось кромѣ денегъ вложенное письмо съ раскаяніемъ отъ бывшаго повара Фоки. Чувствуя приближеніе смерти, онъ поручилъ одному довѣренному лицу препроводить свою жертву по почтѣ съ просьбою употребить ее на храмъ Божій по моему усмотрѣнію и простить ему содѣянный имъ вольный грѣхъ и умиленно предстательствовать передъ вашимъ высокоблагородіемъ о его всепрощеніи.

Съ глубокопочитаніемъ и прочее

Іоаннъ Мерцаловъ.

Сентября 14, 1842.

Рукою Отрадина-Клещеева:

Переговорить съ архіереемъ, ибо въ бѣгахъ находится съ 1827 года.

На этомъ кончается дѣло о Фокѣ.

Я обратился къ Семену Ильичу съ разспросами о немъ.

— А что, Семенъ Ильичъ, ты старожилъ здѣшній — помнишь ты повара Фоку?

— Фоку?.. Ахъ, это волшебникъ-то?

— Развѣ онъ волшебникъ былъ?

— Какъ же, батюшка, волшебникъ! Очень я его хорошо помню. Волшебникъ!.. Вотъ изволите видѣть: баринъ нашъ былъ крутой, строгій, хотѣлъ его на поселеніе сослать, а онъ и бѣжалъ и никакъ его поймать было невозможно. Поймаютъ въ Москвѣ, а онъ сейчасъ въ Полушинѣ объявится. Поймаютъ въ Полушинѣ, а онъ сейчасъ въ барскомъ домѣ очутится. Изъ петли разъ его вынули мертваго—смотрятъ, а онъ въ трактирѣ сидитъ, чай пьетъ. Въ лѣсъ къ намъ разъ пришелъ. Стали его ловить, а онъ деревню спалилъ.—Не барскій, кричитъ, я человѣкъ, а чей-нибудь другой. Къ становому разъ пришелъ, словно какъ бы купецъ, чай съ нимъ пилъ. Становой призналъ его, да и говоритъ:—а вѣдь ты не купецъ, а бѣглый!.. Хвать его за шиворотъ, смотритъ, а въ рукахъ-то ничего нѣтъ. „Слово" зналъ, ничего съ нимъ сдѣлать нельзя было. Какъ пришло это ему время нечистому свою душу отдавать — священнику письмо написалъ и денегъ на храмъ прислалъ...

— Такъ, по твоему, онъ черту душу продалъ? перебилъ его Данилинъ.

— А какъ же, батюшка, Александръ Петровичъ? Продалъ!..

— А не знаешь, что онъ ему за нее заплатилъ?

— Шутникъ вы, сударь, завсегда были!.. Ужъ я вамъ, сударь, вѣрно говорю.

— Вотъ какъ легенды-то составляются, замѣтилъ Данилинъ.

Дальнѣйшій разборъ Полушинскаго архива я отложилъ до другого раза.

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА.

[Посвящается Алексѣю Антиповичу Потѣхину].

Прежній статскій совѣтникъ, московскій статскій совѣтникъ, былъ совсѣмъ не то, что теперь. Въ Москвѣ уже онъ былъ особа и величался въ своемъ кругу, за картами въ клубахъ, на имянинахъ у чиновниковъ низшихъ ранговъ не иначе какъ ваше превосходительство. Московскій чиновникъ уже съ чина надворнаго совѣтника начиналъ внушать къ себѣ въ подчиненныхъ нѣкоторый трепетъ. Ужь у него и животъ выдавался впередъ и голосъ дѣлался внушительнѣе и жестъ былъ свободнѣе. Чувствовалось, что человѣкъ переплылъ рѣки и ручьи, перелѣзъ черезъ овраги и буераки и твердо вступилъ на торную дорогу. Ужь онъ не подаетъ руки титулярному совѣтнику, а у коллежскаго регистратора застегиваетъ вицъ-мундиръ и держитъ его на вытяжку. Въ чинѣ коллежскаго совѣтника онъ спѣетъ, утучняется. Въ чинѣ статскаго совѣтника ужь онъ созрѣлъ и останавливается въ ростѣ. Теперь ужь онъ все. Онъ и ваше превосходительство и даже полковникъ, такъ по крайней мѣрѣ начинаютъ величать сторожа присутственныхъ мѣстъ. Я разумѣется говорю о тѣхъ статскихъ совѣтникахъ, изъ которыхъ по своему происхожденію и воспитанію, достигалъ до этого чина только одинъ изъ двухъ тысячъ коллежскихъ регистраторовъ и губернскихъ секретарей.

Бушуетъ-ли на дворѣ вьюга, разверзаются-ли надъ Москвой хляби небесныя и ливень стремительно со всѣхъ семи холмовъ бросается на низкія улицы и переулки — для коллежскаго регистратора все равно. Онъ совершаетъ

каждодневно свое предопредѣленіе—стремится къ центру—къ Иверскимъ воротамъ. Тамъ былъ и магистратъ, и управа благочинія, и разные суды, и палаты, и знаменитая яма. Занявши за столомъ, въ какомъ-либо изъ этихъ учрежденій, свое мѣсто и разложивши сандаракъ и другіе канцелярскіе инструменты, коллежскій регистраторъ становился несокрушимой силой, объ которую разбивались не только купцы, даже и чиновныя особы.

А какъ дѣлъ-то самъ не знаешь,
Да въ законахъ не смѣкаешь—
Не поможетъ важный чинъ.
И не справившись одинъ,
Поневолѣ всякой мошкѣ
Поклонись чернильной въ ножки.
Иначе тебя подъ судъ
Эти мошки упекутъ.

Разсуждаетъ маіоръ Ѳедотова.

Сила эта не была у него благопріобрѣтенная: она была преемственная: онъ получалъ ее вмѣстѣ съ вицъ-мундиромъ, она передавалась ему отъ праотцевъ его московскихъ подъячихъ XVII столѣтія, которыя тоже вѣдали „московскія разбойныя и татинныя и всякія воровскія приводныя дѣла, и кто будетъ изыманъ на разбоѣ или татьбѣ, или въ зломъ дѣлѣ, смертномъ убійствѣ, и въ пожогѣ, и въ иныхъ воровскихъ статьяхъ". Эту силу не могло сокрушить строгое уложеніе царя Алексѣя Михайловича, которое брало съ нея „крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, чтобъ посуловъ не имати и дѣлати въ правду, по царскому указу и уложенію: но ничто ихъ есть вѣра и заклинательство и наказанія не страшатся, отъ прелести очей своихъ и мысли содержати не могутъ и руки свои ко взятію скоро допущаютъ" [Котошихинъ].

Эти руки не могла отшибить дубина Петра Великаго, не особенно страшенъ былъ имъ и сводъ законовъ XIX столѣтія.

Сила!

Всѣ лѣстницы, всѣ переднія присутственныхъ мѣстъ были наполнены людьми, искавшими прикосновенія къ этой силѣ. И простирала эта сила „руки свои ко взятію". И вотъ изъ этой-то силы выдѣляется счастливецъ. Изъ двухъ тысячъ коллежскихъ регистраторовъ судьба обратила вниманіе въ какомъ-то архивѣ на одного изъ нихъ,

взяла его на руки и понесла по лѣстницѣ чиновъ и отличій. Донесши до площадки, на которой обыкновенно пребываютъ статскіе совѣтники, поставила его на ноги и сказала: полѣзай выше если можешь!

Этотъ счастливецъ изъ массы коллежскихъ регистраторовъ былъ Петръ Васильевичъ. Никакихъ особыхъ даровъ природы онъ не имѣлъ. Воспитанный въ какомъ-то, ниже средняго, учебномъ заведеніи, онъ былъ посаженъ въ какой-то архивъ. Архиваріусъ полюбилъ его за аккуратность и прилежаніе, и сталъ называть его сначала Петрухой, потомъ—Петюней, а потомъ—„сынкомъ".—Сынокъ, ты бы подшивалъ „накопленіе" то, а то, пожалуй запутаешься... Сынокъ своевременно достигъ до чина коллежскаго регистратора, своевременно сталъ пить водку и своевременно на Мясницкой въ церкви Фрола и Лавра сочетался законнымъ бракомъ съ дѣвицею, дочерью вѣчнаго цѣхового кислощейнаго цеха, Дарьей Зайцевой. Дѣло это было такъ. Архиваріусъ повезъ его одинъ разъ къ своимъ знакомымъ въ Красную слободку. Въ чистенькомъ деревянномъ домикѣ жила была мать съ дочерью. Разумѣется, напились чаю. Архиваріусъ осадилъ бутылку мадеры, а сынокъ одиннадцать рюмокъ рябиновки, съѣли по два куска ветчины съ горошкомъ, поговорили о трудныхъ временахъ, что все дорого стало, что дѣти не почитаютъ родителей, что трудно найти хорошихъ жениховъ...

На этомъ мѣстѣ Архиваріусъ ударилъ сынка по плечу и воскликнулъ: а чѣмъ мы не женихи?

Сынокъ сконфузился, принялъ для возбужденія еще три рюмки рябиновой, простились и вышли.

— Сынокъ, ты умный человѣкъ или нѣтъ? началъ на другой день архиваріусъ.

— Что прикажете—я все, отвѣчалъ смиренно сынокъ.

— Ничего ты вчера не понялъ?

— Нѣтъ-съ.

Архиваріусъ всталъ, притворилъ дверь, положилъ руку на плечо сынка и подвелъ его къ образу.

— Видишь святой ликъ?

— Вижу.

— Побожись, что не разболтаешь, что я тебѣ скажу.

Сынокъ побожился.

— Ты Ивана Антоновича знаешь? началъ старикъ, сдѣлавъ важную мину.

— Знаю-съ.

— Кто онъ такой?

— Товарищъ пред...

— Довольно! Знаешь! Ну, согрѣшилъ старикъ, эка важность! Всѣ подъ Богомъ! Такъ вотъ тебѣ, если ты умный... Она дѣвушка чудесная и мать у нея...

— А гдѣ же средства... робко возразилъ сынъ.

— Ну, дуракъ! Объ средствахъ-ли тутъ думать, когда не нынче, завтра у нея ребенокъ запищитъ... Иди смѣло, по геройски: прошу благословенія вашего превосходительства. Черезъ годъ Станиславъ въ петлицѣ твой, за крѣпостнымъ столомъ стулъ твой... Ну, а тамъ... Да нѣтъ! Ты, я вижу, дуракъ! горячился архиваріусъ.

Сынокъ ошеломленный прислонился къ шкафу и молчалъ.

— У тебя нѣтъ ни отца, ни матери, объ чемъ тебѣ безпокоиться? Умрешь вѣдь въ архивѣ, дальше тебѣ ходу нѣтъ. Много вашего брата по Москвѣ-то...

— А съ ихъ стороны, безсознательно проговорилъ сынокъ.

— Все сдѣлано! Все кончено! Положилъ еси на главахъ—и счастье на всю жизнь.

Сынокъ упалъ на колѣни. Архиваріусъ заплакалъ.

— Кончено? спросилъ онъ торжественно.

— Кончено, отвѣтилъ сынокъ.

— Мнѣ передалъ Иванъ Петровичъ твое желаніе вступить въ законный бракъ съ моей крестницей, началъ товарищъ, вошедшему къ нему счастливцу коллежскому регистратору: я очень радъ! Что будетъ отъ меня зависѣть... Я конечно... Ну если тамъ что... въ вину ей не надо ставить... Бракъ—дѣло святое!.. Отсюда я тебя переведу служить въ другое мѣсто... Съ Богомъ! окончилъ онъ, подставляя ему свою гладко выбритую щеку. Благословлю я васъ самъ.

Вотъ и все.

И пошелъ по службѣ Петръ Васильевичъ, и домикъ въ Хамовникахъ съ садикомъ купилъ и парочку лошадокъ имѣетъ и дочку Елизавету Петровну, очень милую, о которой я начинаю свой разсказъ.

До тринадцати лѣтняго возраста она воспитывалась дома; у нея была гувернантка, которая учила ее всему и наукамъ, и пѣнію, и танцамъ, и рисованію, и ходила съ ней гулять, получавши за это двадцать рублей въ мѣсяцъ и каждодневное внушеніе о томъ, что она должна чувствовать въ

какомъ домѣ она живетъ и какого она происхожденія. Гувернантка это волей-неволей чувствовала и смиренно переносила капризы московскаго генерала и его супруги, хотя у самого генерала родословная начиналась такъ: „тоя-жъ церкви у почталіона Дмитрія Николаева родился сынъ и нареченъ во св. крещеніи Петромъ. Воспріемникомъ были заурядъ коллежскій регистраторъ и т. д.“ Но генералъ тщательно скрывалъ это... Однажды онъ вечеромъ, въ полумракѣ, въ порывѣ чувствъ, обнялъ ее и хотѣлъ...

Слить лобзанія струю въ пламя поцѣлуя.

Гувернантка выскочила на улицу и произвела скандалъ. Въ приходѣ, въ Хамовникахъ, всѣ узнали. Гувернантка, разумѣется, ушла; генеральша обрекла себя на долгую печаль и воздыханіе, а генералъ ѣздилъ по Москвѣ да открещивался, что ничего подобнаго не было.

— Я не зналъ, что Вы еще до сихъ поръ баловникъ, Петръ Васильевичъ, замѣтила ему лукаво одна очень значительная особа, у которой онъ былъ въ зависимости.

— Не вѣрьте, ваше превосходительство, возразилъ со слезами на глазахъ, московскій генералъ. Богомъ вамъ клянусь это—шантильяжъ.

— Да мнѣ-то ничего, продолжалъ начальникъ: графъ Арсеній Андреевичъ *) узналъ. Скажи ты, говоритъ ему, что я этого не люблю.

— Не съѣздить ли мнѣ самому, ваше превосходительство? подобострастно спросилъ гонимый судьбою.

— Ну, нѣтъ, я думаю—не надо. Экій вы какой, перешелъ на шутливый тонъ начальникъ — статскій совѣтникъ... чкъ! и генералъ! и вдругъ... Когда я былъ чиновникомъ особыхъ порученій у князя Дмитрія Владиміровича ужъ какой въ то время женскій соблазнъ-то былъ, а мы знали, что онъ этого не терпитъ, ну, и крѣпились. Такъ вѣдь мы юноши были, а вы статскій совѣтникъ!

— Ваше превосходительство, съ колокольнымъ звономъ въ Казанскій соборъ подъ присягу пойду,—что это клевета, продолжалъ оправдываться Петръ Васильевичъ.

Тѣмъ дѣло все и кончилось. Всякіе скандалы въ то время очень скоро забывались. Мировыхъ учрежденій тогда не было, газета была только одна, да и та скандалами не

*) Московскій генералъ-губернаторъ графъ А. А. Закревскій.

Прим. ред.

занималась, да и дотронуться до статскаго совѣтника было невозможно. Да тутъ помогъ еще Петру Васильевичу новый скандалъ, случившійся въ приходѣ: какой-то богатый купецъ сына на веревкѣ въ часть отправилъ, такъ дѣло Петра Васильевича и заглохло.

Генеральша успокоилась, съѣздивши въ сумашедшій домъ къ Ивану Яковлевичу *), а дочка была отдана въ одинъ изъ частныхъ пансіоновъ. Этотъ пансіонъ считался одинъ изъ лучшихъ. Дочери простого смертнаго вступить туда было почти невозможно: нужно было имѣть, хоть совсѣмъ ощипанное, но всетаки родословное дерево. Даже на вступившую какъ-то туда дочь протоіерея подруги смотрѣли косо и называли ее попадьей.—Ну зачѣмъ вы такъ, mesdames, нехотя замѣчала классная дама. Чѣмъ же она виновата, что у нея отецъ попъ.

Коверкали воспитаніемъ тамъ дѣвицъ настолько, насколько позволяло отсутствіе педагогическихъ познаній въ самихъ воспитательницахъ. Но снаружи все было чисто и изящно. Швейцаръ въ треугольной шляпѣ съ булавой. Широкая лѣстница, обкуренная какой-то душистой смолкой. Инспекторъ, въ черепаховыхъ очкахъ, постоянно пилъ кофе у одной изъ семи классныхъ дамъ. Дѣвицы въ коричневыхъ платьяхъ, съ бѣлыми пелеринками.

Французскій языкъ слышался и въ классахъ, и въ коридорѣ, и въ столовой, и въ спальнѣ. Учителя самые лучшіе и все авторитеты: учитель математики, напримѣръ, разрѣшилъ квадратуру круга; учитель русской словесности хотя не оказалъ никакихъ услугъ россійскому парнасу, но за то лично знакомъ съ Гоголемъ; учитель исторіи на диспутѣ поставилъ втупикъ Погодина; учитель французскаго языка написалъ: „L'art de la grammaire française"... Однимъ словомъ, все авторитеты, такъ, по крайней мѣрѣ, рекомендовали ихъ классныя дамы.

Мораль преподавала сама содержательница пансіона съ своими классными дамами. Катехизисъ этой морали былъ весьма несложный.

Напримѣръ:

— Зачѣмъ ты родилась?

Отвѣтъ:

— Я родилась для того, чтобы, получивши образованіе, быть украшеніемъ общества.

---

*) Московскій юродивый И. Я. Корейша. *Прим. ред.*

Вопросъ:

— Что значитъ общество?

Отвѣтъ:

— Собраніе людей одинаковаго происхожденія съ моими родителями.

Вопросъ:

— А если общество стоитъ ниже на нѣсколько степеней вашихъ родителей?

Отвѣтъ:

— Я должна чуждаться его, хотя относиться къ нему снисходительно, зная, что не всѣ люди одинаковаго со мною происхожденія и т. д.

Кромѣ весьма солидной платы за ученье, въ пансіонѣ полагались еще, для желающихъ, особенныя приплаты за англійскій языкъ, за особенные уроки на фортепіано, за приватныя занятія съ учителями, и за практическіе уроки французскаго языка и еще косвенные налоги. Это подношеніе подарковъ содержательницѣ въ день ея рожденья и имянинъ, таковыя-жъ поминки классным дамамъ. Классныя дамы, впрочемъ, не дорого стоили: онѣ брали конфетами, изъ Ножевой линіи подвязками, черепаховыми гребенками, а какая-то Аврора Карловна брала даже сухарями отъ Василія Блаженнаго, сливками, чухонскимъ масломъ, вообще жизненными припасами. А такъ какъ эти предметы, при крѣпостномъ правѣ, ничего не стоили, то она ими пользовалась и въ день имянинъ, и въ день рожденія, и по всѣмъ годовымъ праздникамъ, и даже по табельнымъ днямъ.

Каждый годъ въ пансіонѣ бывалъ публичный экзаменъ и актъ. На этихъ торжествахъ присутствовала значительная публика. Барышни, разумѣется, отвѣчали хорошо. Родители радовались. Содержательница маленькихъ цѣловала въ голову, а отличившимся большимъ подставляла щеку. На актѣ, обыкновенно, барышни играли на фортепіано, пѣли иногда контату, учителемъ россійской словесности сочиненную, читали стихи, имъ раздавали книги съ золотой надписью на переплетѣ за отличные успѣхи, потомъ онѣ обѣдали, потомъ танцовали, потомъ, окончившія курсъ оставляли навсегда пансіонъ и уходили украшать то общество, къ которому принадлежали.

Вотъ въ этотъ-то пансіонъ въ одно прекрасное утро и поступила Елизавета Петровна.

Ее привезъ самъ родитель. Содержательница провела

его по всему заведенію, показала его до мельчайшихъ подробностей.

— Я именно это и желалъ, говорилъ Петръ Васильевичъ, сходя съ лѣстницы, провожавшей его классной дамѣ. Прекрасно! Это именно то, объ чемъ я думалъ. Ну, что вы хотите—терпѣть не могу замарашекъ!

Швейцаръ вытянулся и стукнулъ булавой.

Петръ Васильевичъ съ значительной миной вручилъ ему два стертыхъ полтинника: на, дескать, чувствуй! Швейцаръ повертѣлъ въ рукахъ эти полтинники и не будучи знакомъ съ нумизматикой, все-таки рѣшилъ, что они настоящіе.

— Уйдутъ! эти уйдутъ: эти въ любомъ трактирѣ возьмутъ, заключилъ онъ, отправляя ихъ въ карманъ.

Рѣзкія, нѣсколько угловатыя манеры Елизаветы Петровны тотчасъ обратили на себя вниманіе всего пансіона, гдѣ было

Все такъ приглажено и тальи всѣ такъ узки...

Содержательница пансіона и воспитательницы въ ужасъ приходили. Цѣлыхъ два мѣсяца онѣ прямили ея станъ и внушеніями, и замѣчаніями, и строгими выговорами, наконецъ, выбились изъ силъ. Елизавета Петровна не уступала. Въ то время, когда подруги ея торчали какъ стрѣлки, она сидѣла какъ-то бокомъ, откинувъ голову въ сторону. Вѣчно съ испачканными чернилами руками, она производила на воспитательницъ удручающее впечатлѣніе; подруги же чувствовали къ ней нѣжную любовь.

— Elise, serrez votre main!

Или:

— Elise, tenez vous droit... Madame va! кричали всѣмъ классомъ, завидѣвъ кого-либо изъ воспитательницъ.

Добродушная улыбка, открытые большіе глаза, мягкій тонъ рѣчи невольно заставляли любить ее.

Черезъ годъ уже нельзя было узнать Елизаветы Петровны. Она выросла и казалась больше своихъ лѣтъ. Угловатыя черты сгладились, ихъ замѣняли изящная, оригинальная поступь и благородныя, привлекательныя манеры. Механическій книксенъ былъ доведенъ у ней до художества. Въ классѣ ее „обожали“. Воспитательницы были отъ нея въ восторгѣ. Учитель русской словесности, для котораго она старательно зубрила „Слово о полку Игоревѣ“, называлъ ее не иначе, какъ „Елизавета Петровна“.

— Вполнѣ увѣренъ, даже убѣжденъ, что никто, кромѣ Елизаветы Петровны, сегодня урока не приготовилъ.

Такъ начиналъ онъ свой урокъ. Классъ молчалъ, потому что дѣйствительно ничего не зналъ.

— Я такъ и думалъ, продолжалъ учитель. Потрудитесь, Елизавета Петровна, прочесть заданную пѣснь изъ великаго историческаго памятника русской письменности.

Елизавета Петровна безъ запинки читаетъ:

„... Гримлятъ сабли о шеломы въ поле незнаемѣ среди земли Половецкыя. Чръна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровію полеяна, тугою взыдоша“.

— Довольно. Я васъ спросилъ только для очищенія совѣсти, а главное, чтобы пристыдить вашихъ подругъ.

— Очень трудныя слова, Андрей Андреевичъ, замѣчала какая то вострушка съ задней скамейки.

— Что тутъ труднаго, восклицалъ поднявшись съ кафедры учитель: что тутъ труднаго?

„Не лѣпо ли нынѣ бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстей о пълку Игоря, Игоря Святославича“.

— Удивляюсь! Садитесь Елизавета Петровна. Ставлю вамъ баллъ, какой я только въ состояніи поставить, именно: пять съ крестомъ. (Въ пансіонѣ была пятибалльная система). Не стыдно ли, милостивыя государыни, такъ неряшливо относиться къ историческимъ памятникамъ.

— Да зачѣмъ они намъ? сорвалось шопотомъ у первой ученицы.

Андрей Андреевичъ пожалъ плечами.

— И вы, Брутъ! произнесъ онъ укоризненно, взглянувъ на нее. Грустно!

Учитель французскаго языка восхищался выговоромъ Елизаветы Петровны. Выговоръ онъ ставилъ выше всего.

— Мнѣ не надъ grammaire! La grammaire après... послѣ. Менѣ надъ prononciation! Voyez vous! Надъ такъ скоръ, Comme fleuve coule... Voila!

Остальные учителя всѣ были довольны Елизаветой Петровной, исключая учителя математики, который былъ всѣми вообще недоволенъ и говорилъ, что женщинамъ математику нужно преподавать только до дробей.

— И на кой она имъ чортъ! говаривалъ онъ въ учительской комнатѣ: математика требуетъ вмѣстительной головы: сорочьими мозгами ее не возьмешь. У меня съ ними

непрывная брань, говорилъ онъ, до непрерывныхъ дробей, а ужъ послѣ я молчу. Ври что хочешь!..

— А какже, замѣчали ему товарищи: у васъ одна ученица во второмъ классѣ любого студента осилитъ изъ математики.

— Это не доказательство! Замужъ выйдетъ — приведенie дробей не будетъ въ состоянiи сдѣлать.

Онъ не любилъ женщинъ и только нужда заставляла его преподавать въ женскомъ училищѣ.

Незамѣтно пролетѣло три года. Елизавета Петровна отлично выдержала выпускной экзаменъ. Она написала сочиненie на тему: „Истинная привязанность никогда не остается безъ награды"; она начертила и раскрасила карту Испанiи; она нарисовала акварелью букетъ цвѣтовъ; наконецъ на большомъ ватмановскомъ листѣ написала тушью готическими буквами пропись. Всѣ эти труды были признаны достойными. На торжественномъ актѣ они были разложены на столѣ и ими любовались. Одѣтая въ роскошное бѣлое платье, она публично, съ большимъ чувствомъ прочитала монологъ изъ „Орлеанской дѣвы" Жуковскаго.

Ахъ, почто за мечъ воинственный и т. д.

Этотъ монологъ шелъ къ ея фигурѣ и голосу. Нѣкоторые изъ посѣтителей акта нашли въ ней драматическiй талантъ. Она бойко сыграла какое-то „Nocturno" на роялѣ. Профессоръ университета, присутствовавшiй на актѣ ex officio, въ умныхъ и красивыхъ выраженiяхъ, поблагодарилъ ее, какъ за примѣрное прилежанie во время пребыванiя въ пансiонѣ, такъ и за эстетическое наслажденie, доставленное ему на актѣ.

Робко подошелъ учитель русской словесности.

— Позвольте мнѣ, началъ онъ дрожащимъ отъ волненiя голосомъ:—позвольте мнѣ, Елизавета Петровна, пожать вашу руку... Теперь ужъ я могу это сдѣлать! Я всегда съ величайшею радостью слѣдилъ за вашими успѣхами. Дай вамъ Богъ счастья на пути жизни, чтобы ногами вашими вы не наступали на тернiе и волчцы. Я всю жизнь буду гордиться вами, какъ одной изъ лучшихъ моихъ ученицъ. Да-съ! съ паѳосомъ воскликнулъ учитель:—какъ одной изъ лучшихъ во время всей моей тридцатипяти лѣтней практики...

— Чудакъ, замѣтилъ своему сосѣду учителю чисто-

писанія зоилъ учитель математики: зачѣмъ же кричать-то? Зачѣмъ же стулья-то ломать? А еще—говорятъ—съ Гоголемъ знакомъ. Неосновательно!

Содержательница пансіона взяла Елизавету Петровну за руку и подвела къ отцу.

Такъ садоводъ, долго трудившійся надъ произрастеніемъ рѣдкаго цвѣтка, съ гордостью выставляетъ его на показъ.

Maman'ы столбовыхъ дворянокъ не безъ зависти посматривали на Елизавету Петровну, удостоившуюся оваціи на актѣ.

Одна maman даже очень разсердилась, потому что ея дочь, по ея мнѣнію, была красивѣе Елизаветы Петровны и прочла французскіе стихи гораздо лучше ея, и когда Елизавета Петровна, проходя мимо ея, сдѣлала ей книксенъ, maman отвернулась, не удостоивъ ее поклономъ. Дочь замѣтила и думала, что это ошибка со стороны матери.

— Maman, это моя первая подруга, шепнула она съ живостью.

— Я твоихъ подругъ не знаю, я кланяюсь только моимъ знакомымъ, отвѣтила maman такимъ сухимъ тономъ, что дочь должна была мгновенно опустить глаза въ землю.

Нѣжное было разставанье у Елизаветы Петровны съ воспитательницами и подругами. Тутъ были и слезы радости, и слезы печали. Адель Александровна перекрестила ее и съ увѣренностью сказала:

— Вамъ, ma chère, предстоитъ блестящая будущность.

Она, конечно, не могла прозрѣть, что передъ Елизаветой Петровной уже отверзаются двери нищеты и неутѣшнаго горя, она не знала, что очень скоро:

...въ лицѣ ея, полномъ движенья,
Полномъ жизни—появится вдругъ
Выраженье тупого терпѣнья
И безсмысленный вѣчный испугъ.

Теперь мы пойдемъ за Елизаветой Петровной въ Хамовники.

Успокоившись отъ овацій и осмотрѣвшись кругомъ, Елизавета Петровна, къ ужасу своему, увидала, что въ Хамовникахъ украшать ей некого. Общество, которое группировалось около ея отца, оказалось гораздо ниже ея образованія. Оно не только не имѣло никакого понятія о „Словѣ о полку Игоревомъ", даже не читало ничего,

кромѣ тогдашнихъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Это все были люди занятые, почтенные чиновники разныхъ вѣдомствъ: казначеи, бухгалтеры, секретари, попадали и столоначальники, толстый маіоръ, котораго всѣ величали полковникомъ и который гордился тѣмъ, что онъ въ Аракчеевскомъ корпусѣ былъ первымъ по росту и долженъ бы быть въ Преображенскомъ полку, но такъ сложились обстоятельства... и т. п.

По воскресеньямъ они собирались съ женами и родственницами у Петра Васильевича. Онъ былъ большой хлѣбосолъ. Мужчины играли въ табéльку, а дамы разговаривали о своихъ интересахъ.

Иногда составлялась кадриль, аккомпанировалъ на фортепіано молодой чиновникъ Ураносовъ, онъ же услаждалъ слухъ и игрой на гитарѣ,—инструментъ, на которомъ онъ игралъ превосходно.

Въ одиннадцать часовъ ставили закуску, къ которой сначала подходили дамы, выпивали по рюмкѣ кагору или лисабонскаго, закусывали семгой или паюсной икрой, разсуждали о дороговизнѣ этихъ предметовъ и уступали мѣсто мужчинамъ.

— Закусить прошу покорнѣйше, провозглашалъ Петръ Васильевичъ, кладя на столъ карты.

— Да, время, взглянувъ на часы, соглашался маіоръ.

— По единой можно, подхватывалъ бухгалтеръ.

— Ваше превосходительство, почемъ вы семгу изволили брать? спрашивалъ секретарь, забивши въ ротъ кусокъ семги.

— И, право, не знаю, отвѣчалъ Петръ Васильевичъ.

— Говорятъ, будто бы по первой-то не закусываютъ, замѣчаетъ кто-то изъ гостей.

— Да вы заряжайте всю батарею, а мы на нее и пойдемъ, остритъ маіоръ: а ужь я и пыжъ себѣ приготовилъ. Вотъ онъ!

— Ха, ха, ха... прекрасное сравненіе бутерброда съ пыжомъ! хохочетъ во все горло бухгалтеръ.

— Ну, что, какъ у васъ тамъ? спрашиваетъ, отведя въ сторону и заложивши руки подъ фалды вицмундира, старенькій, прилизанный, съ ехидными, сѣренькими глазками, отставной статскій совѣтникъ секретаря какого-то вѣдомства.

— Замучилъ, ваше превосходительво, не знаемъ, что дѣлать, отвѣчаетъ секретарь.

— Слышалъ, слышалъ... Да вѣдь уходится!

— Иванъ Петровичъ вѣдь ужь ядъ былъ человѣкъ, сами знаете, ваше превосходительство, да и тотъ!.. Помилуйте! вы сами, ваше превосходительство, изволили служить у насъ...

— Правовѣдъ! иронически произноситъ старичекъ: хе, хе, хе, правовѣдъ!

— Да помилуйте ваше превосходительство, развѣ мы то не правовѣды? Гдѣ-жъ имъ столько знать, сколько мы знаемъ! Вѣдь онъ только изъ яйца вылупился уже и оберъ-секретарь, а мы... Ей Богу, обидно, ваше превосходительство!... Ну, за что онъ хромого, несчастнаго, семейнаго человѣка Ильина съѣлъ? За что? Вѣдь, нужно правду сказать—сами изволите знать—дѣлецъ былъ!

— Дѣлецъ, поддакнулъ статскій совѣтникъ.

— Вчера ко мнѣ приходилъ—рыдаетъ какъ ребенокъ! Что же мнѣ, говоритъ, теперь къ Иверскимъ что ли идти. Виноватъ, ваше превосходительство, я человѣкъ чувствительный—самъ заплакалъ. Подбивалъ, говоритъ, на фальшивую присягу! Да кто же это слышалъ? И хромого человѣка!..

— Изъ Петербурга задуло! Ну да и племянникъ...

— Помилуйте, ваше превосходительство: онъ на него кричитъ!

— Политикъ! Опытный вы человѣкъ, а не понимаете.

— А можетъ быть, согласился секретарь и перемѣнилъ тему разговора.

— Какое дѣло-то наклюнуло, ваше превосходительство! Если припомните, въ ваше время это было, объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства князя Муратова.

— Помнится что-то... Ахъ, да, помню, помню!

— Онъ оказывается незаконнорожденный...

— Аяяй!

— Да-съ... Такъ въ лоскъ всѣхъ насъ и положилъ...

Пока дѣльцы разсуждали, батарея, подъ командою маіора, была взята и войска церемоніальнымъ маршемъ пошли къ столу.

За ужиномъ общій разговоръ, ветчина съ горошкомъ, телятина съ почками, малиновое желе и отпустъ.

Домой уходили всѣ вдругъ.

Въ передней дѣлалась тѣснота и начинался оживленный разговоръ.

— Эки ночи то темныя наступили.

— Да, теперь...

— Далеко вамъ ѣхать-то...

— Доѣдемъ...

— А воровать ужь начали. Вчера въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ"...

— Мнѣ протодьяконъ Александръ Антонычъ сказывалъ... — идетъ онъ...

— Ваше превосходительство, а вы безъ калошъ?

— Всегда!

— Нѣтъ, я...

— Привычка!...

— Положимъ, что привычка, а все таки...

— Въ четвергъ къ намъ милости просимъ.

— Не чужую ли я шляпу-то взялъ... нѣтъ, моя...

— Не безпокойтесь пожалуйста...

На улицѣ тьма. Провожавшему лакею, лишь только онъ отворилъ дверь, задуло свѣчу. Свистъ вѣтра сливался съ собачьимъ лаемъ.

— Ишь ты заливаются, произнесъ статскій совѣтникъ, закинувъ ногу въ пролетку.

— Въ нашей сторонѣ тоже, ваше превосходительство, какая сила этихъ собакъ... проходу нѣтъ!

Елизавета Петровна начинала чувствовать вокругъ себя пустоту. Самый лучшій пансіонскій другъ ея, съ которой она четыре года рядомъ спала, сидѣла за обѣдомъ и въ классѣ, вышла замужъ, не извѣстивши даже ее о своемъ счастьи. Это ее ужасно огорчило. Она цѣлую недѣлю плакала. Другая ея подруга, встрѣтившись съ ней въ „Магазинѣ русскихъ издѣлій", очень жеманно съ ней поклонилась и пробормотала какую-то общую фразу. Елизавета Петровна задумалась. Что же это значитъ? Что же дальше-то будетъ?

Бѣдная! лучше впередъ не гляди.

Чѣмъ больше падала духомъ Елизавета Петровна, тѣмъ больше поднимался духъ у титулярнаго совѣтника Ураносова. Онъ съ перваго же воскресенья, въ которое встрѣтился съ ней, по выходѣ ея изъ пансіона, возмнилъ и возмечталъ. Красавица думалъ онъ, воспитанная, единственная дочь, домъ... Онъ въ полной порѣ, титулярный совѣтникъ, дядя у него архіерей, кресло секретаря консисторіи когда-нибудь будетъ вдовствовать, очень можетъ быть и т. д. Онъ постоянно являлся въ виц-

мундирѣ и какомъ-нибудь необыкновенномъ галстухѣ. Одинъ разъ онъ запуталъ себѣ шею чуть не станиславской лентой первой степени. Елизавета Петровна не обращала на него никакого вниманія. Пробовалъ онъ вступить съ ней въ разговоръ, но, встрѣтивъ ея умный взглядъ, сейчасъ же терялся, да и темы для разговора, кромѣ Марьиной рощи и билліардной Московскаго трактира, не находилъ. Въ одинъ изъ журфиксовъ онъ игралъ на гитарѣ венгерку и превзошелъ самого себя. Случись это въ концертномъ залѣ, онъ вызвалъ бы бурю аплодисментовъ. Чиновники подергивали плечами, пристукивая каблуками... Елизавета Петровна подбѣжала къ нему, пожала руку и съ восторгомъ сказала: прекрасно!

— Что жъ, Киръ Алексѣевичъ, показывать искуство, такъ показывай все, обратился къ нему отставной статскій совѣтникъ: — пропляши.

— Пожалуйста, подхватила одна дама.

— Киръ Алексѣевичъ, утѣшь! присоединился хозяинъ.

Ураносовъ долго ломался, но, наконецъ, вышелъ на середину залы. Одна изъ дамъ сѣла за фортепьяно и заиграла „По улицѣ мостовой“. Ураносовъ сталъ въ позу и началъ жестами и ногами продѣлывать, „какъ шла дѣвица за водой“; потомъ аккомпаніаторъ ударилъ трепака. Въ Ураносовѣ заходили всѣ суставы. Онъ пошелъ въ присядку, потомъ вскочилъ на носки и весьма быстро прошелся на нихъ по залѣ. Зрители были въ восторгѣ.

— Ай да Киръ Алексѣевичъ!

— Санковская! *)

— Нѣтъ, наноскахъ-то онъ, на носкахъ-то что сдѣлалъ!

— Ну спасибо, Киръ Алексѣевичъ! Удружилъ, проговорилъ, заключая его въ объятія, отставной статскій совѣтникъ.

— Отдадимъ ему, господа, батарею безъ выстрѣла! Киръ Алексѣевичъ берите ее! Мы сдаемся вамъ военноплѣнными, хохоталъ во все горло маіоръ, подводя Ураносова къ столу съ закуской.

Елизавета Петровна выбѣжала въ свою комнату, бросилась на кушетку и до истерики хохотала. Ее очень

*) Prima балерина Московскаго Большого театра. *Прим. Ред.*

разсмѣшило, какъ Ураносовъ прыгалъ на носкахъ. Она два раза выходила изъ-за стола, будучи не въ состоянiи безъ смѣху смотрѣть на него. Ураносовъ замѣтилъ это и понялъ это по своему.—Теперь, думалъ онъ, обращено вниманiе послѣ небольшой демонстрацiи, можно прямо идти на приступъ.

Черезъ два дня онъ началъ демонстрировать мимо ея оконъ на лихачѣ. Разъ проѣхалъ, два проѣхалъ, три...

— А что вдругъ, подумалъ онъ, Петръ Васильевичъ покажется на бруствере, да откроетъ огонь? Нѣтъ, надо идти тихой сапой.

И тихая сапа ни къ чему не привела. Къ твердынѣ подойти было невозможно.

— Что это ты, Киръ Алексѣевичъ, въ нашъ приходъ къ обѣдни зачастилъ? спросилъ вдругъ, неожиданно, Ураносова Петръ Васильевичъ.

-- Поютъ у васъ хорошо, ваше превосходительство, сдавливая въ себѣ конфузъ, отвѣчалъ Ураносовъ.

— То-то! Я ужъ думалъ не по родственному ли къ отцу протоiерею...

— Нѣтъ!

Попробовалъ было Ураносовъ не подходить къ батареи, прежде чѣмъ Елизавета Петровна не пригласитъ его, можетъ ей не нравятся его частыя вылазки. Только себя измаялъ: весъ вечеръ остался безъ водки; за ужиномъ ужъ кое какъ наверсталъ, подъ предлогомъ зубной боли.

Отступилъ.

И прекрасно сдѣлалъ, потому что маiоръ давно ужъ окопался и только ждалъ ключей крѣпости и съ Петромъ Васильевичемъ ужъ у нихъ давно написанъ проектъ капитуляцiи, не соглашались они только относительно контрибуцiи.

Разумѣется Елизавета Петровна ничего объ этомъ не знала. Она только спрашивала себя:

— Да гдѣ же люди? Неужели это все такъ и будетъ...

[Продолженiе будетъ]. *)

---

*) Продолженiе не найдено. *Прим. ред.*

ОБЪ САРѢ БЕРНАРЪ.

Въ одномъ изъ Петербургскихъ клубовъ, въ столовой, сидитъ нѣсколько человѣкъ и ведутъ бесѣду.

— Пріѣхала?

— Нѣтъ еще, въ ожиданіи. Секретарь ихній пріѣхалъ, орудуетъ, чтобы какъ лучше... Книжку сочинилъ, все тамъ обозначено: какого она званія, по какимъ землямъ ѣздила, какое вино кушаетъ...

— Нашего, должно быть, не употребляетъ, потому отъ нашего одна меланхолія, а игры настоящей быть не можетъ.

— По Невскому теперича мальчишки съ патретами ея бѣгаютъ...

— А какая у нихъ игра: куплеты поютъ, али что?..

— Игра разговорная. Очень, говорятъ, чувствительно дѣлаетъ. Такіе поступки производитъ—на удивленіе..! Ты то возьми: разъ по двѣнадцати въ представленіе переодѣвается!..

— Пожалуй, на чугункѣ встрѣча будетъ.

— Ужь теперь народъ разгорячился! Теперь его не уймешь! Давай ходу!.. Билеты-то выправляли — у конторы три ночи ночевали. Вѣрно говорю: три ночи у конторы народъ стоялъ, словно на святой у заутрени. На счетъ тѣлеснаго сложенія, говорятъ, не совсѣмъ, а что игра— на совѣсть! Убѣдитъ! Дарья Семеновна, на что ужъ женщина равнодушная, словъ никакихъ понимать не можетъ, а и та ложу купила.

— Которые ежели непонимающіе...

— Да она не за понятіемъ и идетъ, а больше для близиру, образованность свою показать. Капиталъ-то видѣнъ, а все прочее-то доказывать надо.

— Сырой-то женщинѣ, словно, не пристало...

— Пущай попрѣетъ, за то говорить будутъ: Дарья Семеновна Сару Бернаръ смотрѣла. Лестно! Опять и цыганы-то въ домѣ надоѣли. Вѣдь самъ-то, окромя цыгановъ, никакихъ театровъ переносить не можетъ. Ему чтобъ дьяконъ многолѣтіе сказывалъ, а цыганы величальную пѣли. Въ театрѣ сиди, говоритъ, сложимши руки — ни выпить тебѣ по настоящему, въ полную душу, ни развернуться какъ слѣдуетъ; а цыганы свои люди—командуй какъ тебѣ угодно.

— Ну да вѣдь не Рашель же, даже и не Ристори!

— Да вѣдь ты не видалъ ни ту ни другую: какъ же ты можешь судить?

— Нѣтъ, видѣлъ... То есть, Рашель не видалъ, а Ристори видѣлъ.

— А Сару Бернаръ не видалъ: какъ же ты можешь ихъ сравнивать?

— Да ты прочти...

— Что мнѣ читать!.. Я обѣихъ видѣлъ.

— Господа, я васъ помирю. Когда здѣсь была Арну Плесси...

— Это къ нашему спору не относится; мало ли кто здѣсь былъ. Онъ не признаетъ Сару Бернаръ, а для меня она — высшее проявленіе драматическаго искусства.

— Съ вами спорить нельзя...

— Вы бы лучше бутылку велѣли, чѣмъ пустяки-то говорить. Каждый человѣкъ на своемъ мѣстѣ. Что намъ путаться въ чужія дѣла. Давай бутылку...

— Нѣтъ, Иванъ Гавриловичъ, творчество великое дѣло!..

— Такъ что же?

— Поважнѣй бутылки!

— Такъ ты поди съ нимъ и цѣлуйся, а намъ не мѣшай.

— Я помню, когда Рашель произнесла свое знаменитое „jamais“ — весь театръ дрогнулъ!..

— Въ чемъ это?

— Теперь ужь я не помню...

— Завели вы эти темные разговоры, ничего не

стоющіе. На языкахъ на ихнихъ вы производить не умѣете...

— Да вѣдь вы ходите въ итальянскую оперу, а языка не понимаете...

— Такъ что же! Это я только для семейства порядокъ соблюдаю. Женѣ съ дочерью требуется, а мнѣ одна тоска. Кабы буфета не было...

— Кабы у насъ поменьше буфетовъ-то было...

— Чтожъ ты думаешь — лучше? Буфетъ на потребу, безъ него нельзя... Прибѣжище!.. Все одно — маякъ на морѣ...

— Я вамъ скажу, что Сара Бернаръ...

— Да что она тебѣ родня что ли? Ну, дай ей Богъ добраго здоровья!..

— Ахъ, Иванъ Гавриловичъ, милый вы человѣкъ, а, извините меня, невѣжа.

— А ты выпей. Это тебя сократитъ, можетъ что поумнѣе скажешь. Хотя я невѣжа, это ужь такъ Богу угодно, а только я на чести: чего понимать не могу, объ томъ и разговору не имѣю. Ты, можетъ, четыре рихметики обучилъ, гдѣ-жъ мнѣ съ тобой сладить. Одно осталось — выпить съ горя. Прости меня Господи!..

— Да вы не обижайтесь...

— Зачѣмъ обижаться...

— Сара Бернаръ дѣйствительно явленіе! Легко къ ней относиться нельзя. Это дочь парижской улицы, какъ мѣтко и справедливо сказано въ одной газетѣ. Вѣдь не даромъ же Европа и Америка преклонились передъ ея дарованіемъ.

— Пущай къ намъ пріѣдетъ. Наши тоже разберутъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, небывалая вещь: отличный рисовальщикъ, изумительный скульпторъ и очаровательная актриса!..

— Вы помните Віардо?

— Она пѣвица была!..

— Виноватъ, не Віардо, а какъ ее...

— Фанни Эльслеръ?

— Не записано ли у васъ еще кого-нибудь въ вашемъ поминаньѣ-то? Валяй всѣхъ за упокой и за здравіе.

— Василій, сходи къ повару. Пусть онъ дастъ стерлядь à la Сара Бернаръ...

— Слушаю-съ...

— Постой! Спроси у эконома: есть у насъ въ клубѣ вино, которое пьетъ Сара Бернаръ?

— Публика просто съ ума сходитъ! Представьте, у театральной конторы по цѣлымъ суткамъ стоитъ.

— А вы видѣли на Невскомъ показываютъ женскія тѣлеса разными красками разрисованы? Стеченіе публики тоже большое. Старичекъ одинъ подошелъ къ картинкѣ-то, да такъ и замеръ. Что, думаю, дѣдушка, хорошо!..

— Это картина Сухаровскаго?

— Ужъ тамъ я не знаю чья, но только... я вамъ доложу!.. Для набалованнаго человѣка можетъ великое удовольствіе, а для чистой души...

— Т. е. такого русопета, какъ Иванъ Гавриловичъ...

— Я вѣрно говорю! Соблазъ! Ничего нѣтъ хорошаго.

— А въ Пештѣ то она провалилась!

— Кто?

— Сара Бернаръ.

— Да вѣдь это газетная сплетня! Это ненависть венгерской прессы къ Россіи.

— Что тутъ общаго: Сара Бернаръ и Россія!.. Что она русская подданная что-ли?...

— А въ Одессѣ не провалилась! А въ Филадельфіи не провалилась. Ну, пусть наши сыграютъ такъ, какъ Сара Бернаръ!..

— Ну, пусть Сара Бернаръ сыграетъ такъ что-нибудь изъ нашего репертуара...

— Поваръ не знаетъ какъ приготовить стерлядь—по русски или паровую?

— Дура онъ! Ему сказано — à la Сара Бернаръ... Пусть что-нибудь покрошитъ... Ну, чертъ его возьми, давай паровую.

— А вина тоже нѣтъ.

— Глупо!

— А вы достали билетъ?

— Два посыльныхъ, дворникъ, да три пролетарія у конторы три ночи ночевали и..

— И?..

— Шишь!..

— Однако!..

— Время то она не хорошее выбрала... Лѣтнее бы дѣло въ „Аркадіи"—публикѣ то полегче бы было, и вѣтеркомъ обдуетъ, и все... А въ театрѣ жарко...

— Повѣрьте, что ея слава газетами раздута...

— Не раздуешь, какъ раздувать нечего!

— Повѣрьте, все можно раздуть!

— Даромъ народъ кричать „Ура“ не станетъ! Даромъ за каретой народъ не побѣжитъ!..

— Я не побѣгу!

— А я побѣгу!

— Я не буду васъ останавливать.

— А я не буду васъ больше убѣждать.

— Василій! дай мнѣ судака агратанъ.

— Господа, будемте справедливы, не будемъ на себя рукъ накладывать. Неужели русская актриса не можетъ возвыситься до Сары Бернаръ? Неужели г-жа...

— Позвольте!

— Да не перебивайте же меня, дайте мнѣ досказать. Неужели г-жа...

— Я знаю, что вы хотите сказать... Никогда не можетъ! Все будетъ доморощенное, а не европейское. Языкъ не тотъ! Съ нашимъ языкомъ только можно до Кіева дойти, дальше онъ не дѣйствуетъ, а по французски говоритъ весъ свѣтъ.

— При чемъ тутъ языкъ? Мартыновъ игралъ по-русски и заставлялъ предъ собою преклоняться.

— Но не Европу!

— Нѣтъ! Европу! Лучшихъ драматическихъ художниковъ Европы.

— Я вчера разговаривалъ съ нашими театральными рецензентами. Всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что раньше шестого декабря ничего нельзя сказать положительнаго.

— Когда здѣсь была Арну Плесси!...

— Честной компаніи!

— Василію Ивановичу! Откуда изволили?

— Изъ „Ливадіи“.

— Что сегодня — „Фатиница“?

— Чортъ ее знаетъ! Мы въ буфетѣ сидѣли. Вотъ скандалище-то заворотили! Вотъ вертуновъ то надѣлали! Околоточный два часа протоколъ составлялъ...

— Что долго? Стихами что-ли?

— На Сару Бернаръ достали?

— Нельзя же-съ! Да я вѣдь только для шуму... Я люблю очень шумъ въ театрѣ. Этакъ у меня часто: пошлю артельщика съ ребятами въ воскресенье въ театръ, навалитъ ихъ человѣкъ сорокъ. А отъ меня такое приказаніе:

кто бы ни вышелъ—старайся! Такой шумъ заведутъ—страсть! Кричатъ bis да и шабашъ...

— Не угодно ли стаканчикъ?

— Спасибо, не хочется.

— Въ видѣ опыта—выкушайте.

— Право, не хочется...

— За здоровье Сары Бернаръ! Дай ей Господи огрѣть хорошенько публику, а намъ за нее порадоваться, да поблагодарить за наставленіе, что она нами не побрезговала.

— Экой дикій народъ-то! Печенѣги!

— Дикій... вѣрно! Деньги на темную ставимъ... Своего купеческаго званія не роняемъ. Кто хошъ пріѣзжай—заплатимъ.

— Когда здѣсь была Арну Плесси...

— Это еще какая? Ты гдѣ сидишь-то помнишь-ли? Проснись!

— Пора домой... Я такъ удрученъ...

— Пьянехонекъ, вѣрно! Иди потихоньку, а то все расплещешь... Итакъ, за ихнее здоровье!...

Я У САРЫ БЕРНАРЪ.

Я сейчасъ отъ нея.

Видимо, утомленная, она полулежала на маленькомъ триповомъ канапе, изящно выставивъ вышитый золотомъ носокъ своей туфли. Свѣтло-русая голова ея была окутана черной кружевной косынкой, станъ ея былъ облеченъ въ тяжелый малиновый бархатный капотъ. Въ рукахъ она держала мою визитную карточку.

Смущенный я переступилъ порогъ пріемной залы и въ безмолвіи остановился передъ знаменитой артисткой. Вотъ она—тайна искусства! Вотъ она, по манію которой источаются слезы, леденѣетъ душа, разрывается сердце! Нѣсколько мгновеній я стоялъ передъ ней, подавленный какимъ-то неизъяснимымъ чувствомъ. На лбу у меня начала выступать мелкая испарина, біеніе сердца стало сбиваться съ каданса, поднятые нервы мгновенно упали, температура тѣла понизилась.

Присутствовавшій при этой сценѣ Юлій Шрейеръ быстро взялъ шляпу и, сказавъ:—„Mille pardon, madame!“ оставилъ насъ.

Вперивъ въ меня свѣтлые чудные глаза, она чарующимъ бархатнымъ голосомъ пригласила меня сѣсть, указавъ очень красивымъ жестомъ на мягкое маленькое кресло. Мы начали бесѣду.

— Вы корреспондентъ провинціальныхъ газетъ?

— Да.

— Очень рада съ вами побесѣдовать.

— Какъ вамъ понравилась Москва?

— Я ее почти не видала. Во-первыхъ, погода была

отвратительная. Боже мой, что у васъ за климатъ! Теперь я только понимаю почему Наполеонъ потерялъ въ Москвѣ свою великую армію. Это невозможно! Во-вторыхъ, я каждый день была на сценѣ, и, въ третьихъ, сдѣлалась больна.

— А какъ вы нашли Петербургъ?

— Я здѣсь встрѣтила много друзей, которыхъ знала прежде, затѣмъ пріобрѣтаю каждый день новыхъ друзей, истинныхъ поклонниковъ искусства, которому я отдала всю, всю жизнь. Вчера меня посѣтилъ профессоръ здѣшней драматической академіи... Коро... Кор... Очень трудная фамилія...

Она взяла со стола визитную карточку и почти по складамъ прочитала: Ко-ро-вья-ковъ.

— Коровяковъ, предсказалъ я ей и добавилъ: къ сожалѣнію, я такого профессора не знаю.

— Онъ преподаетъ въ своей академіи теорію мимики и жестикуляціи. Въ этомъ русскіе опередили Европу. У насъ на эту часть искусства не обращено никакого вниманія. Очень жаль, что я лишена возможности быть на его лекціяхъ. По его бойкости, выразительному лицу и манерамъ онѣ должны быть интересны. Такого подвижнаго лица, способнаго отпечатлѣть всѣ душевныя движенія, я не встрѣчала. Я ему предлагала перенести свою каѳедру въ Парижъ.

Я мало-по-малу сталъ приходить въ себя, смущеніе мое прошло и мнѣ уже захотѣлось курить.

— Сейчасъ у меня будетъ, продолжала она:—другой профессоръ той же академіи — Боборыкинъ. Онъ преподаетъ драматическую физіологію и учитъ декламаціи. Онъ мой старинный другъ и другъ президента Гамбетты.

— А извѣстенъ онъ въ парижскомъ театральномъ мірѣ?

— О, да! И какъ писатель и какъ профессоръ драматургіи — онъ стоитъ очень высоко въ мнѣніи парижскаго театральнаго міра. Я сама пользовалась его совѣтами и многимъ ему обязана. Его знаменитый трактатъ о переливаніи и застояхъ крови во время сильнаго драматическаго возбужденія на сценѣ былъ предметомъ обсужденія въ парижской академіи изящныхъ искусствъ. Мнѣ его ужасно жалко. Онъ мнѣ говорилъ, что всѣ его усилія поставить въ своемъ отечествѣ драматическое искусство на должную высоту разбиваются объ непроницаемую броню чиновничества. Разрѣшеніе частныхъ театровъ раз-

вязываетъ ему руки и искусство найдетъ въ немъ добраго руководителя. Дай Богъ. Піерръ Бобо прекрасный!

— А извѣстенъ въ Парижѣ Крыловъ?

— Который переводилъ басни Лафонтена?

— Нѣтъ, Викторъ Александровъ?

— Онъ будетъ сегодня у меня обѣдать... нѣтъ, онъ неизвѣстенъ.

Курить мнѣ хотѣлось неимовѣрно.

— Въ Москвѣ я познакомилась, продолжала она: — съ писателемъ Тарновскимъ. Представьте! Онъ мнѣ говорилъ, что имъ переведено съ французскаго семьсотъ піесъ! Онъ рановременно посѣдѣлъ и обрюзгъ. У старика навернулись слезы, когда онъ описывалъ бѣдственное положеніе русскаго театра. Я одинъ, вскричалъ онъ въ паѳосѣ, — несу непосильную тягость для своихъ соотечественниковъ!... Онъ очень гордится своимъ знакомствомъ съ покойнымъ А. Дюма и восторженно мнѣ разсказывалъ, какъ онъ съ нимъ ужиналъ. Вы его, конечно, знаете?

— Знаю, но... Я сдѣлалъ гримасу не въ пользу Тарновскаго.

Она быстро перемѣнила объ немъ мнѣніе и чтобы загладить дурное впечатлѣніе, съ чистымъ французскимъ юморомъ разсказала мнѣ, какъ къ ней въ Москвѣ явились два молодыхъ купца, изъ которыхъ одинъ дурно говорилъ по-французски, а другой упорно молчалъ. Пришли они къ ней выразить свое сожалѣніе, что снѣжный путь не установился и они лишены удовольствія прокатить ее за городъ на тройкѣ. При прощаніи, упорно молчавшій, чрезъ своего товарища, попросилъ у ней на память ея туфлю съ подписью. Она замѣнила ее фотографической карточкой.

Я хотѣлъ уже встать, она съ живостью обратилась ко мнѣ:

— А назовите мнѣ здѣшнихъ петербургскихъ драматическихъ писателей.

Я почему-то назвалъ Ге.

— Французъ?

— Нѣтъ, русскій.

Она встала, подошла къ письменному столу, отмѣтила что-то карандашемъ въ своей записной книжкѣ и снова сѣла на канапэ.

— Скажите, пожалуйста, не утомляютъ васъ оваціи? началъ я послѣ минутнаго молчанія.

— Иногда. Онѣ мнѣ непріятны очень на желѣзнодорожныхъ станціяхъ. Я всегда смущаюсь. Но друзья мои нарочно ихъ устраиваютъ рекламами, увѣряя, что въ Россіи это необходимо.

— А что вы скажите объ ужинѣ, который вамъ устроила въ день вашего пріѣзда французская колонія?

— Пріемъ, сдѣланный мнѣ моими соотечественниками, превзошелъ мои ожиданія. Въ числѣ лицъ, оказавшихъ мнѣ честь своимъ присутствіемъ, я встрѣтила много представителей русскаго свѣта; но что меня глубоко тронуло—-я встрѣтила своего товарища Бурдина, друга Рашели. Я была поражена! Могла ли я думать, что на дикомъ сѣверѣ живетъ другъ великой французской артистки.

Въ залѣ послышались твердые шаги, въ дверяхъ показался въ парижскомъ фракѣ Боборыкинъ. Сара бросилась къ нему на встрѣчу. Онъ мнѣ холодно протянулъ холодную руку и, обращаясь къ Сарѣ, воскликнулъ:

— Я вами недоволенъ!

Сара взглянула на него изумленными глазами.

— Я вами недоволенъ! продолжалъ онъ раскраснѣвшись:—Вы въ третьемъ актѣ позволили себѣ такое отступленіе...

Я всталъ и, раскланявшись, вышелъ. Когда я сходилъ съ лѣстницы, къ поѣзду лихачъ извозчикъ, на бѣшенномъ сѣромъ рысакѣ, подвезъ Виктора Александрова. Онъ былъ въ новыхъ рижскаго трико брюкахъ и въ высокомъ цилиндрѣ.

— Вы отъ нея?

— Да.

— Кто тамъ?

— Боборыкинъ.

— Онъ тоже обѣдаетъ?

— Не знаю.

Драматургъ задумался.

СЪѢЗДЪ БЕРНАРДИСТОВЪ.

СОНЪ НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Други милые, терпѣнье!
Разскажу вамъ чудный сонъ.
Воейковъ.

Около девяти часовъ вечера, зала Кононова представляла очень оживленное зрѣлища. Былъ назначенъ съѣздъ бернардистовъ. Публика заняла отведенныя ей мѣста и терпѣливо ожидала начала засѣданія. Стенографы разложили свои тетрадки и чинили карандаши. Черезъ залу мгновенно пробѣжалъ Шрейеръ, многодумно перелистовалъ какую-то на столѣ лежавшую книжку и исчезъ. Черезъ нѣсколько минутъ вернулся опять, умильно поклонился какому-то генералу, подбѣжалъ къ столу стенографовъ, что-то поговорилъ и вынулъ изъ кармана телеграмму, которую всѣ съ любопытствомъ разсматривали.

— Одолжите взглянуть, обратился къ нему одинъ изъ публики.

— Позвольте я вамъ прочту, и во всеуслышаніе перевелъ французскую телеграмму: „Въ Лугѣ я не выходила. Завтракала въ Вильно. Привѣтъ нашимъ“.

Съ быстротой молніи по залѣ распространился слухъ, что Сара Бернаръ завтракала въ Вильно. Шрейеръ сіялъ.

— А изъ Варшавы куда она поѣдетъ? спросилъ кто-то.

— Въ Вѣну, потомъ въ Тріестъ, а потомъ въ Мадридъ, отвѣчалъ Шрейеръ.

Раздался звонокъ, наступила торжественная минута. Говоръ смоклъ. Всѣ обратили къ двери „полныя ожиданія очи“. Дверь разверзлась, съѣздъ вошелъ въ залу.

Первымъ вошелъ съ портфелью Коровяковъ, за нимъ Засулинъ, какой-то высокій мужчина съ длинной бородой, директора частныхъ театровъ Ѳедотовъ и Танѣевъ, за ними полностію редакція „Петербургскаго Листка“, имѣя во главѣ одного изъ своихъ хозяевъ, Редакцію „Листка“ замыкалъ редакторъ „Минуты“, за нимъ ввалилась масса репортеровъ, потомъ показались Гриневъ, Зарудный и Макшеевъ, за ними генералъ Комаровъ безъ сотрудниковъ, далѣе редакція „Петербургской газеты“, предводимая отставнымъ маіоромъ Худековымъ. Лейкинъ и Голике появились уже во время засѣданія вмѣстѣ съ московскими редакторами — Ланинымъ и Пастуховымъ. Всѣ чинно заняли мѣста. Шрейеръ роздалъ всѣмъ бѣлые карандаши. Въ залѣ сдѣлалось душно и жарко. Встаетъ Боборыкинъ.

Милостивые государи и милостивыя государыни! Позвольте мнѣ выразить вамъ благодарность отъ лица съѣзда за честь, которую вы ему оказали, почтивши своимъ присутствіемъ первое его засѣданіе. Это первый случай не только въ Россіи, но и въ Европѣ, когда пресса малая и большая, совершенно различныхъ взглядовъ и оттѣнковъ, собралась...

Баталинъ. Малой прессы не существуетъ... (Звонокъ).

Боборыкинъ. ...Собралась — во-первыхъ, для заочнаго публичнаго выраженія благодарности великой артисткѣ, во-вторыхъ, для окончательнаго постановленія о ея художественной дѣятельности приговора. Объявляю засѣданіе съѣзда открытымъ. (Обращаясь къ делегатамъ). Не угодно ли вамъ, милостивые государи, приступить къ выбору изъ среды себя предсѣдателя. Я полагалъ бы произвести этотъ выборъ записками.

Голоса. „Записками долго, лучше простымъ предложеніемъ“... „Надо было прежде намѣтить предсѣдателя“... (За шумомъ ничего не слыхать).

Баталинъ. Имѣю честь донести...

А. Соколовъ. „Петербургскій Листокъ“ высказалъ объ ней свое мнѣніе безповоротно.

Боборыкинъ. Съѣздъ васъ своевременно выслушаетъ. Теперь поставленъ вопросъ о выборѣ предсѣдателя.

Голосъ. А. А. Соколова. (Смѣхъ).

Другой голосъ. Нужно выбрать старшаго въ чинѣ: В. П. Макшеева. (Гробовое молчанье).

Зарудный. Да выберемъ же единогласно.

Гриневъ. Нѣтъ, лучше въ темную, записками, никому не обидно.

Племянникъ купца Исакова. Предложимъ единогласно занять предсѣдательское кресло много для Сары Бернаръ потрудившемуся достопочтенному дѣйствительному статскому совѣтнику... (Буря аппладисментовъ и браво! За шумомъ фамиліи не слышно).

Высокій мужчина, съ окладистой бородой, быстро садится на кресло. Исакова окружаютъ и благодарятъ. Боборыкинъ хотѣлъ что-то сказать, но раздумалъ и сѣлъ.

Зазулинъ (повертѣвшись около хозяина „Петербургскаго Листка"). Господа, позвольте предложить въ секретари съѣзда А. А. Соколова.

Предсѣдатель. Вы кто такой?

Зазулинъ. Я делегатъ отъ „Петербургскаго Листка".

Предсѣдатель. Садитесь. Я уже назначилъ секретаремъ Коровякова.

А. Соколовъ. Вы не имѣете права назначать должностныхъ лицъ безъ вѣдома съѣзда.

Предсѣдатель. Имѣю!

А. Соколовъ. Нѣтъ, не имѣете!

Предсѣдатель. Даю вамъ первое предостереженіе и предлагаю занять мѣсто.

А. Соколовъ. Я такой же литераторъ, какъ и вы. (Гомерическій хохотъ. Шумъ. Гриневъ вскакиваетъ на столъ и неистово кричитъ. Предсѣдатель звонитъ во всю мочь. Зарудный обнимаетъ Соколова и цѣлуетъ. Зазулинъ трепетно подаетъ ему стаканъ воды. Мало-по-малу тишина и порядокъ возстановляются).

Предсѣдатель. Въ настоящемъ засѣданіи вы будете приглашены выслушать два реферата. Первый принадлежитъ почтеннѣйшему профессору Боборыкину: „О неуловимыхъ междометіяхъ въ игрѣ Сары Бернаръ". Второй издателю газеты „Эхо": „Интендантская часть въ труппѣ Сары Бернаръ во время ея передвиженія".

Баталинъ. Я прошу слова.

Предсѣдатель. Подождите. (Роется въ бумагахъ). Какой-то г. Пастуховъ просилъ слова. Г. Пастуховъ!

Пастуховъ. Я, собственно, москвичъ... извините... человѣкъ маленькій... (Молчаніе). Прошу защиты у съѣзда... Я хочу сдѣлать заявленіе, что на публику угодить трудно. Недовольны всѣ направленіемъ моей газеты...

Предсѣдатель. А какая у васъ газета?

Пастуховъ. „Московскій листокъ"... На манеръ здѣш-

няго „Петербургскаго листка“... Тоже надо кормиться... Уподобляютъ ее питейному заведенію... А про „Петербургскій Листокъ“ говорятъ, что въ немъ господствуетъ тонъ ломовыхъ извозчиковъ и нечестное... (Обращаясь къ Соколову). Александръ Алексѣевичъ, я вамъ говорилъ объ этомъ... Ежели бы трактиры не поддерживали... Да еще осмѣлюсь доложить, отъ Серпуховскихъ воротъ купцы бить хотятъ. Здѣсь людъ деликатный, а у насъ одна грубость, ходишь да оглядываешься. Вонъ Николай Александровичъ Лейкинъ знаетъ этотъ народъ-то... Ужь я вечеромъ никуда не выхожу... Городовыхъ у насъ мало...

Предсѣдатель: А какое направленіе у вашей газеты?

Пастуховъ: (По долгомъ молчаніи). Да, собственно, никакого. Кормимся.

Предсѣдатель: Впрочемъ, что-жъ я васъ спрашиваю! Въ программѣ занятій съѣзда ясно и опредѣленно намѣчены всѣ вопросы... Вы выходите изъ программы.

Пастуховъ: Я хотѣлъ воспользоваться случаемъ...

Предсѣдатель: Вы, можете, посредствомъ вашей газеты, обратиться къ недовольному вами обществу и объясниться съ нимъ.

Пастуховъ: (Расшаркиваясь). Я удовлетворенъ. (Садится, умильно поглядывая на хозяина „Петербургскаго Листка“).

Соколовъ: Г. предсѣдатель, я не понимаю, почему вы изволили остановить г. Пастухова и не дали ему...

Предсѣдатель: Это мое дискреціонное право.

Соколовъ: (запальчиво). Въ такомъ случаѣ я долженъ буду оставить залу засѣданія?

Зарудный: Мы всѣ оставимъ!! (Звонокъ. Молчаніе).

Предсѣдатель: Г. Баталинъ, вы просили слова.

Баталинъ: Кто десять лѣтъ неуклонно и честно слѣдилъ за ростомъ и направленіемъ общества; кто заставилъ читать свою газету и купца и сановника; кто, наконецъ, постоянно доносилъ всѣ малѣйшія...

Предсѣдатель: Скажите пожалуйста: вы будете говорить что-нибудь о Сарѣ Бернаръ?

Баталинъ: Нѣтъ, я хочу сказать нѣсколько словъ объ образовательномъ цензѣ...

Предсѣдатель: Отсылаю васъ къ программѣ занятій съѣзда. Тамъ вы объ образовательномъ цензѣ ничего не найдете. Долгомъ считаю, м. г., поставить вамъ на видъ, что всякіе посторонніе, не касающіеся Сары Бернаръ, во-

просы, мною допущены не будутъ. Г. секретарь, не угодно-ли вамъ будетъ прочитать программу занятій съѣзда.

Голоса: Не надо! Мы знаемъ. (Шумъ).

Шрейеръ: Приступить къ чтенію перваго реферата.

Голоса: Нельзя останавливать! Вы не дадите никому высказаться.

Гриневъ: Перемѣнить предсѣдателя!!. Мы все свои!!.

Голоса: О!!! Ого!!!

Зарудный: Я, какъ основатель трехъ петербургскихъ газетъ требую... (За шумомъ ничего не слыхать).

Голике: Милостивые государи!

Ге: Я...

Ужасающій крикъ. У Шрейера лопнулъ галстухъ. Стенографы положили карандаши. Соколовъ, красный, какъ вареный омаръ, неистовствуетъ. Зазулинъ обмахиваетъ его программой съѣзда. Публика повскакала съ мѣстъ и съ недоумѣніемъ смотритъ на происходящее. Изъ шума рѣзко выдѣляются слова предсѣдателя: „Человѣкъ, сельтерской воды"!

Раздается команда генерала Комарова: „Смирно!"

Всѣ мгновенно очутились на своихъ мѣстахъ и смолкли. Предсѣдатель жадно пьетъ сельтерскую воду, Шрейеръ зашпиливаетъ галстукъ, Баталинъ спѣшно заноситъ что-то въ записную книжку, маіоръ Худяковъ блѣдный выходитъ изъ залы, Сократъ Исаковъ закусываетъ бутербродомъ.

Тихо.

Предсѣдатель: Своей страстностью и несдержаностію вы, мм. гг., вызвали вмѣшательство военной силы. Я прерываю засѣданіе на полчаса, чтобы дать вамъ возможность успокоиться.

Сократъ Исаковъ: Буфетъ открытъ.

Всѣ встали и расходятся. Въ залѣ остаются только газетные псевдонимы и Корнфельдтъ. Къ одному изъ псевдонимовъ „Петербургскаго Листка" подходитъ актриса.

— Если я не ошибаюсь, вы театральный Нигилистъ? начала она съ ласковой улыбкой.

— Да-съ.

— Я давно искала случая познакомиться съ вами, даже одинъ разъ чуть было не попала къ вамъ въ редакцію. Представьте, мнѣ указали дверь вашей редакціи, я вошла и оказалась въ полицейскомъ участкѣ... Грязь, нечистота... Меня спрашиваютъ, что мнѣ нужно. Я извиняюсь, говорю, что ошиблась, не туда вошла, мнѣ нужно редак-

цію „Петербургскаго Листка“. Мнѣ говорятъ, что я въ редакціи. Я увидала, что надо мной шутятъ и ушла. Сядемте и побесѣдуемъ о нашемъ съ вами больномъ мѣстѣ—о театрѣ. Вы мнѣ простите мою откровенность. Не сердитесь, выслушайте съ должнымъ порядочному человѣку спокойствіемъ. Давно ужъ это было. Въ одной изъ вашихъ статей о театрѣ вы сказали, что вы чуть-ли не избранникъ божій, ниспосланный провидѣніемъ для спасенія русскаго театра. Я и стала слѣдить за вашей литературой. Признаюсь вамъ, мнѣ, какъ женщинѣ, противно было читать ваши статьи о театрѣ, писанныя яаыкомъ театральныхъ кучеровъ; но я все-таки читала.

Театральный Нигилистъ вскакиваетъ.

— Вы мнѣ говорите дерзости.

— Потерпите, не горячитесь. Я терпѣла когда вы меня ругали какъ актрису, касались моей частной жизни и печатали обо мнѣ пасквили. Читала я, да и думаю: какой же онъ учитель? Учителя бываютъ кроткіе, снисходительные, просвѣщенные, а это какой-то литературный безстыдникъ. Да и можетъ ли онъ учить такому великому искусству, когда самъ даже въ пансіонѣ знаменитаго Ильи Арсеньева курса не кончилъ. И совсѣмъ-то я въ васъ разочаровалась! Теперь я вамъ совѣтъ дамъ: не пишите статей о театрѣ. Богомъ вамъ клянусь, честное слово вамъ даю — никакой вы намъ пользы не приносите. Петръ-то Дмитріевичъ Боборыкинъ почище васъ: и образованный, и умный, и ученый, на нашу кафедру-то, какъ Фаэтонъ на колесницу Феба вскочилъ, да долго-ль насидѣлся? Въ Москву ее передвигалъ, да и тамъ ничего не вышло — „свои его не пріяша“. Такъ гдѣ же вамъ-то? Съ вашими-ли мозгами? А ругаться-то всякій умѣетъ, чѣмъ человѣкъ необразованнѣе, тѣмъ онъ хуже ругается. А знаете какъ васъ у насъ въ театрѣ называютъ? Безсовѣстный носъ!

(Быстро исчезаетъ. Театральный Нигилистъ зеленѣетъ. Актриса появляется снова).

— Забыла вамъ сказать: не играйте въ клубахъ. Отвратительно! Если бы вы видѣли себя играющимъ, вы бы себя ужасно обругали. Вы такъ кричите, словно васъ бьютъ полѣномъ.

(Исчезаетъ. Театральный Нигилистъ стоитъ въ недоумѣніи и мало-по-малу окрашивается въ пунцовый цвѣтъ. Актриса появляется снова).

— Еще забыла. Не пишите драматическихъ глупостей.

(Окончательно исчезаетъ. Двери въ залу отворяются съ шумомъ. Съѣздъ входитъ въ четыре шеренги, Комаровъ и Ге верхами).

Предсѣдатель: Прошу занять мѣста. Будетъ приступлено къ чтенію перваго реферата.

Боборыкинъ появляется на кафедрѣ.

Милостивые государи! Художественное развитіе сценическаго дѣятеля находится въ зависимости отъ степени его образованія, отъ среды, изъ которой выдѣлился индивидумъ, наконецъ, отъ школы, которой онъ соприкасался... Квалификація...

Вѣтеръ со свистомъ врывается въ залу сквозь вентиляторъ Санъ-Галли, газъ начинаетъ мигать, въ залѣ подымается вихрь, пыль ослѣпляетъ глаза, предсѣдатель звонитъ. Съ Петропавловской крѣпости слышится пальба, пушечные выстрѣлы раздаются подъ самыми окнами, стекла разлетаются въ дребезги, стѣны залы дрожатъ и разсѣдаются, въ окна хлещетъ вода, птицы ищутъ спасенія на люстрѣ... Страшно! Господи, да когда же дѣйствительность?

Просыпаюсь, бьетъ 12 часовъ. Съ Новымъ Годомъ, читатель.

Переписка Дюма-фиса съ г. Корвинымъ-Круковскимъ по телеграфу.

Счастливая случайность вручила намъ подлинныя телеграммы, отправленныя изъ Петербурга въ Парижъ и полученныя въ Петербургѣ изъ Парижа по поводу постановки „Анюты“ или „Данишевыхъ“. Приводимъ ихъ дословно.

Парижъ. Дюма-фису.

Пьесу „Данишевы“ переводимъ успѣшно, хоть французскій текстъ съ трудомъ поддается грубому русскому языку. Дѣлаются большія отступленія отъ оригинала.

Ему же.

Переводъ пьесы оконченъ. Вышло что-то небывалое въ русской драматической литературѣ. Мы съ Татищевымъ—предметъ изумленія. Мнѣ очень жалко Островскаго. Мы его успокоиваемъ. Вчера онъ сказалъ мнѣ: „передайте мой душевный привѣтъ великому французскому драматургу“.

Петербургъ. Круковскому.

Скажите Островскому, чтобы онъ не огорчался. Я всегда готовъ придти къ нему на помощь. Пусть онъ пришлетъ мнѣ „Воеводу“ въ французскомъ переводѣ, я его обработаю какъ слѣдуетъ. Да скажите и другимъ русскимъ драматургамъ, чтобъ присылали — все обработаю.

Парижъ. Дюма-фису.

Вчера читали пьесу въ театрально-литературномъ комитетѣ. Два литератора нашли въ ней сходство съ „Воспитанницей“ Островскаго и были немедленно удалены изъ засѣданія. Энтузiазмъ полный. Дежурившiе капельдинеры представлены къ прибавкѣ жалованья.

Ему же.

Имѣли серьезное объясненiе съ цензоромъ, не допустившимъ появленiя на сценѣ священника. Дикость нравовъ изумительная... какъ видите. Употребленiе кнута также не дозволено. Ѣздили съ Татищевымъ жаловаться французскому послу. Посолъ ломается почему-то.

Петербургъ. Корвину.

Телеграфировалъ французскому послу, переговоривъ съ Жюлемъ *). Если онъ и теперь ломаться будетъ, то или посла отзовутъ, или пьесу мою запрещу давать на русской сценѣ.

Парижъ. Дюма-фису.

Я не совсѣмъ понялъ вашу телеграмму. Почему вы мою пьесу называете вашей.

Петербургъ. Корвину.

Потому что она моя, а моя потому, что я ее написалъ.

Парижъ. Въ редакцiю „Фигаро“.

Мои недоразумѣнiя съ Дюма, о которыхъ было сказано въ „Фигаро“, кончены. Дюма будетъ получать гонорара съ полнаго сбора 29 рублей 38 копѣекъ, да съ части переводчика Татищева 6 рублей 18 копѣекъ, которые будутъ вносимы въ Лiонскiй Кредитъ на текущiй счетъ для приращенiя процентовъ до его востребованiя.

Парижъ. Дюма-фису.

Дѣло кончилось безъ вмѣшательства посла, относительно кнута. Владимiру **) разрѣшено одинъ разъ замахнуться на Петра **) плетью. Бракъ будетъ совершенъ за кулисами, но приняты мѣры, чтобы одинъ актеръ былъ похожъ на дьякона.

---

*) Вѣроятно, съ Жюлемъ Ферри.

**) Дѣйствуюшiя лица съ „Анютѣ“.

Парижъ. Дюма-фису.

Начались репетиціи. Участвуютъ въ пьесѣ двѣсти дѣйствующихъ лицъ. Обѣщаютъ триста человѣкъ „народу". Первая репетиція продолжалась ровно двѣнадцать часовъ безъ перерывовъ. Мы съ Татищевымъ устроили дежурство, по шести часовъ каждый.

Ему же.

Полное утомленіе. Актрисѣ Карповой принуждены были поставить піявки. Для третьяго акта начинаютъ съѣзжаться тамбовскіе дворяне. Театръ осажденъ публикой.

Ему же.

Въ „Новомъ Времени" появилась гнусная статья о пьесѣ. Авторъ арестованъ, ибо огромная толпа осадила его квартиру и хотѣла растерзать. Мы разрѣшили Чайковскому написать изъ пьесы оперу. Актеры отъ сильнаго утомленія начинаютъ заговариваться. Рѣшено распустить ихъ по домамъ на двое сутокъ. Въ это время мы будемъ репетовать съ Татищевымъ вдвоемъ.

Ему же.

На репетиціяхъ проявилъ дарованіе прежде незамѣтный актеръ Ремизовъ. Съ нимъ немедленно заключенъ контрактъ на двадцать лѣтъ.

Ему же.

Пьеса срепетована окончательно. Завтра актеры будутъ читать намъ свои роли наизустъ. Я буду экзаменовать мужской персоналъ, а Татищевъ женскій. Освобождены отъ экзамена актриса Ленская, по преклонности лѣтъ, и актеръ Ремизовъ, по совершенному знанію. Заказанъ электрическій аппаратъ.

Петербугръ. Корвину.

Въ „Фигаро" напечатано, что мои недоразумѣнія съ вами окончены. Это неправда. Я вамъ не давалъ права эксплоатировать мою пьесу въ Россіи. Я ее писалъ для Франціи. Я знаю, что своей передѣлкой вы испортили ее окончательно.

Парижъ. Дюма-фису.

Будьте покойны, успѣхъ обезпеченъ, потому что образовалась партія. Михельсонъ поднялъ вопросъ въ Думѣ

о чествованіи. Депутатомъ будетъ Лейкинъ. Актеры готовятъ намъ адресъ. Боборыкинъ въ оцѣпенѣніи.

Ему же.

Послѣдняя репетиція. Всѣ въ волненіи. Актеръ, играющій Петра, послѣдній молитвенный монологъ доѣзжачаго произноситъ съ такой душевной теплотой, такъ вѣетъ отъ него инокомъ, что у присутствующихъ невольныя исторгаются слезы. Электрическимъ аппаратомъ будетъ сдѣлано сіяніе вокругъ его головы. Мы испытываемъ отрадныя минуты. Анюта прелестна. Савина играетъ эту роль лучше, чѣмъ въ Парижѣ. Впрочемъ, автору свойственно увлекаться. Обѣдаемъ у Донона. Татары будутъ пить за наше здоровье.

Петербургъ. Корвину.

Отчего вы въ моей пьесѣ изъ роли кучера сдѣлали доѣзжачаго?

Парижъ. Дюма-фису.

Не знаю.

Ему же.

Пьеса напечатана въ журналѣ „Новь“. Городъ въ страшномъ возбужденіи и восторгѣ. Составляется петиція съ ходатайствомъ для насъ и для васъ высшей награды. Телеграфируйте, какой желаете орденъ? Всю ночь актерамъ примѣряли костюмы. Для бодрости взлѣзали съ Татищевымъ на каланчу.

Петербургъ. Корвину.

Желаю орденъ за храбрость и за заслуги.

Парижъ. Дюма-фису.

Получите орденъ за храбрость и медаль за заслуги. Сегодня была окончательная, нѣмая репетиція. Актеры выходили на сцену и мысленно читали свои роли, съ соотвѣтствующими жестами. Театральные плотники, бывшіе крѣпостные крестьяне, выражаютъ на своихъ простыхъ добрыхъ лицахъ неподдѣльный энтузіазмъ. Они собираются насъ вызывать артелью. Рѣшились выходить на вызовы только 250 разъ. Ахъ, душа моя, Тряпичкинъ, какой восторгъ! Вечеромъ буду телеграфировать.

Театръ взятъ приступомъ. Пятьдесятъ человѣкъ задавлено и изуродовано. Приказано объ этомъ молчать, а потому въ печати объ этомъ упомянуто не будетъ.

Парижъ. „Фигаро“.

18 Января, 8 часовъ 49 минутъ. Александринскій театръ. Представители большой и малой прессы въ сборѣ. Въ антрактахъ, въ корридорахъ и въ буфетѣ идутъ оживленные разговоры. Маіоръ Амикусъ и Маіоръ Худековъ составляютъ отдѣльную группу. Михневичъ ходитъ въ боярской шапкѣ и молчитъ. Суворинъ не смѣетъ выйдти изъ ложи, подавленный общимъ энтузіазмомъ. Лейкинъ говоритъ одну фразу: „да позвольте, господа“. Ему не даютъ говорить. „Это еффектная ерунда! Вздоръ“—произноситъ кто-то.—Въ публикѣ же одинъ восторгъ ожиданія. У всѣхъ на устахъ имя Дюма. Аверкіевъ образовалъ группу и читаетъ лекціи объ Аристотелѣ. Шумъ.

Мишле *).

„Фигаро“. 18 Января, 9 часовъ 12 минутъ вечера.

Въ театрѣ происходитъ что-то странное. Во время перваго антракта Корвина можно было встрѣтить во всѣхъ ложахъ, во всѣхъ корридорахъ, на всѣхъ лѣстницахъ. Онъ справлялся, сильное ли впечатлѣніе произвелъ первый актъ и достаточно ли онъ напоминаетъ послѣдній актъ „Воспитанницы“ Островскаго. Артель театральныхъ плотниковъ отказалась отъ вызова авторовъ. Въ корридорахъ оживленные споры... о собакѣ, которая является въ первомъ актѣ—какой она породы и заключенъ ли съ ней контрактъ?

„Фигаро“. 9 часовъ 40 минутъ.

Къ актерамъ за ихъ сверхъ-естественные труды публика относится благосклонно. Называющіе себя авторами ходятъ по корридору, повѣсивъ носы, и просятъ, чтобы ихъ не вызывали, что они желаютъ остаться въ неизвѣстности. Корвина спрашиваютъ, какое участіе принималъ Татищевъ въ составленіи пьесы? Отвѣчалъ, что пьеса всецѣло принадлежитъ ему, а Татищевъ только подбиралъ жалкія слова.

---

*) Агентъ французскихъ драматурговъ.

Парижъ. „Фигаро“. 18 Января, 10 часовъ 20 минутъ.

Одного саратовскаго помѣщика приняли въ корридорѣ за Дюма и сдѣлали ему оваціи. Потребовалось вмѣшательство полиціи. Послѣ спектакля предполагается большой ужинъ въ честь тріумфаторовъ.

Мишле.

Дюма-фису. 10 часовъ.

Сейчасъ изъ буфета. Восторженный пріемъ отъ находившейся тамъ публики.

Корвинъ.

Ему же.

Занавѣсъ опущенъ. Желаніе наше исполнено: насъ не вызывали. Сейчасъ пойдемъ въ ложи первыхъ трехъ ярусовъ. Я обойду правую сторону, а Татищевъ лѣвую.

Петербургскому артисту Петипа.

Крѣпко жму вашу руку, дорогой соотечественникъ. Очень жалѣю, что вы поставлены въ необходимость играть вашу роль не на родномъ языкѣ. Впрочемъ, говорятъ, что ее превосходно передаете и по-русски.

Дюма.

Корвину.

Купите на причитающійся мнѣ за первое представленіе моей пьесы гонораръ нѣсколько билетовъ въ парадисъ и раздайте бѣднымъ на второе представленіе.

Дюма-фисъ.

Дюма-фису.

Вашей части гонорара я предполагаю сдѣлать другое назначеніе — поднести Савиной вѣнки отъ Парижскихъ театровъ: „Одеона“, „Варьете“, „Французской Комедіи“ и прочее.

Ему же.

На второе представленіе пьеса выступитъ подъ другимъ названіемъ „Петръ или немощный, но добродѣтельный доѣзжачій“. Привѣтъ Зола. Мы приступаемъ къ передѣлкѣ „Нана“ на русскій языкъ.

Ему же.

Предполагавшіяся намъ оваціи и чествованія не состоялись! Михельсонъ ревизуетъ богадѣльню, а у Лейкина флюсъ. Готовлю въ „Фигаро“ громовую статью противъ русской печати.

Парижъ. Дюма-фису. 19 Января, 2 часа пополуночи.

Мы, представители разныхъ профессій, собравшись за дружеской бесѣдой, пьемъ за здоровье великаго французскаго драматурга, познакомившаго культурный Западъ съ своеобразной жизнью далекаго Сѣвера. — За всѣхъ присутствующихъ, по ихъ порученію.

Монеро, парикмахеръ.

СЛОВА,

вмѣстѣ съ выражаемыми ими дѣйствіями, вышедшія изъ употребленія въ новой и свободной Россіи послѣ 19 февраля 1861 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

РОЗГОСЛОВІЕ.

Порка — пороть — сѣчь.

Глаголы, спрягавшіеся становыми приставами:

Выпороть, отпороть, запороть [до смерти запорю].

Выдрать, дерку задать, [я тебѣ такую дерку задамъ, что ты у меня на двѣнадцати языкахъ заговоришь!], отодрать.

Вздуть, взодрать, вздрючить, вздрючка, вздрючку задать.

Взбутетенить
Взъерепенить } употреблялось становыми приставами.

Взъерихонить [употреблялось въ училищахъ духовнаго вѣдомства].

Выхлестать
Отхлестать } глаголы сельскаго начальства.
Похлестать

Баню задать. [Такую баню задамъ—небо съ овчинку покажется].

Березовой лапшей угостить [въ воспитательныхъ заведеніяхъ].

Брюки примѣрить [употреблялось въ мужскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ].

Ж... побезпокоить
.... навѣстить
.... потревожить } употреблялось при наказаніи женскаго пола.
.... разрумянить
.... съ праздникомъ поздравить

Память къ ж... пришить.

Жару задать. [Я тебѣ такого жару задамъ, ты у меня до новыхъ вѣниковъ не запросишь].

Ж... расписать.

Глаголы дѣйствительные полицейскаго вѣдомства до реформы:

Отпотчевать.
Отжарить.
Отжварить.
Освѣжить.
Отшпандорить.
Оттрезвонить, трезвону задать.
Отлупить.
Отлущить.
Отчехвостить.
Отбарабанить.
Отрапортовать.
По ж... прогуляться.
Подбодрить.
Попугать.
Поучить.
Портки спустить.
Прописать.
Разложить.
Распороть.
Растянуть.
Рѣпицу заголить [для воспитанниковъ млашаго класса].
Съ казенной части взыскать [употреблялось въ казармахъ].
Спрыснуть [для воспитанниковъ младшаго класса].
Шкуру содрать
Шкуру спустить } эти глаголы примѣнялися къ дворникамъ, извощикамъ и т. д.
Ѵжицу прописать [для воспитанниковъ младшаго класса].

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

САМОУПРАВСТВО.

Для всѣхъ православныхъ христіанъ, не избавленныхъ отъ тѣлесныхъ наказаній.

Морду разбить.
Морду растыкать.

Морду расквасить.
Морду починить.
Зубы вышибить.
Зубы раздробить.
По зубамъ съѣздить.
Въ морду!
Въ зубы!
Въ гробъ заколочу!
Изобью!
Съѣмъ!
Въ бараній рогъ согну!

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

БРАДОИЗДРАНІЕ и ВЛАСОИСХИЩЕНІЕ.

Я тебѣ бороду по волосику выщипаю!
Вся борода твоя у меня въ рукахъ останется!
Береги свою бороду!
Всѣ волосы въ бородѣ твоей сосчитаю!
Я тебѣ виски выдеру!
Я тебя за волосы оттаскаю!

А ты его за волостное правленіе, да въ нижній земскій судъ! [т. е. возьми за волосы и пригни долу].

Изъ давней записи.

ИЗЪ ЗАПИСНЫХЪ КНИЖЕКЪ.

[Въ записныхъ книжкахъ И. Ѳ. Горбунова, сохранившихся начиная съ 1862 года, на ряду съ ежедневными записями его, нашлись краткія замѣтки и нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, наскоро занесенныя, большею частію карандашемъ. Они помѣщаются здѣсь въ случайномъ порядкѣ. Часть осталась неразобранною. Нѣкоторыя вошли въ разсказы Горбунова].

Изъ дневника.

О рекрутскомъ наборѣ. Сцены у пріема. Рекруты связанные и скованные ..... Сцены въ трактирахъ. Писаря въ пріемѣ.

Первое чтеніе у Павла Степановича *). Глинка, Леонова, Александръ Михайловичъ **).

Начало Театрально-Литературнаго Комитета.

Чтеніе у Князя Одоевскаго: Писемскаго „Плотничья артель". Были: Князь Вяземскій, баронъ Бруновъ, Киселевъ, Плетневъ...

— Шельма ты этакая!

Фрейлины конфузились.....

Въ записки:

Рюль. Левицкій.

Вечеръ у Краевскаго.

Обѣдъ у Левицкаго. А. Н. ***) купилъ 40 штукъ спаржи.

---

*) П. С. Ѳедоровъ, управляющій Императорскимъ театромъ.
**) А. М. Гедеоновъ.
***) А. Н. Островскій. Прим. ред.

У князя Барятинскаго фельдмаршала [въ записки].

На Волгѣ свирѣпствовалъ трагикъ.

Трагикъ, предъ которымъ преклонились всѣ поволожскіе города..., а по вину—столичный комикъ.

Курилъ сигары семь рублей сажень [трагикъ].

Петръ Великій.
Шуты.

Елизавету Петровну *) везутъ къ Натрускину **). Хоръ. Балконъ, утро, роса...

„Ночи безумныя".

Учитель:

Помню, что было 1000 лѣтъ тому назадъ, а что вчера было—не помню.

Берегись хлѣба недопеченаго, а доктора недоученаго.

Пролетѣлъ комаръ мимо носа—простудилась.

Комаръ простуду высасываетъ.

Ее всею лечить нужно.

У него скрозь ребра кишки видно.

Три любовника, а любить не кого.

Не постижимой силой
Я приверженъ къ милой.

---

*) Смотри разсказъ „Елизавета Петровна", с. 313.
**) Московскій загородный ресторанъ. Прим. ред.

Она такая важная нашего брата за извозчика считаетъ.

Мой тоже разводиться хотѣлъ..

Ну, чѣмъ не баба? Купцу не стыдно.

Нѣтъ, какъ заберетъ ихнюю сестру.

Онъ у меня въ резервѣ [мужчина].

За капельдинера 2000 франковъ даютъ женщины.

— Увлеклась, ваше превосходительство.
— Т. е. какъ это увлеклась?.
— Не въ томъ смыслѣ...
— Васильки и ландыши собирала.

Дѣжуне.

Водка—растворъ.

Эту пьете даже. Я вашу оченно хорошо знаю, только не могу вамъ въ ладъ потрафить, почему что вы пьете протяжно.

Резедой водку занюхивалъ.

„Разгонная бутылка“

Смирный сортъ [Сиги].

Этотъ ромъ—настой на волчьей ягодѣ.

Перелей по бутылкамъ — три года торговать можно.

Пьетъ — пьетъ... волдыри пойдутъ, ну, перестанетъ.

Въ пьяномъ восторгѣ.

Все отъ винъ... отъ сладкихъ.

Теперь въ рощѣ съ любимой женщиной хереску выпить.

Пьяный говоритъ по французски: Амбрасе муа.—Санъ дутъ.

Сигары 7 рублей сажень, огнеупорныя.

Размѣняй!

Костюмъ лакея. Видѣлъ на станціи въ Динабургѣ. Сюртукъ, штаны, глухой жилетъ, бѣлый галстукъ, трость.

Гимназисты. Дѣдушка партикулярный генералъ.
— Нюхаешь дѣдушка?
— Балую.

Крестьянъ отняли, теперь имъ оченно скучно.

Ходи круче!

Шершавый, не нашей державы.

Животная!

Мѣщанинъ въ загулѣ.

Свѣтлый люстриновый длинный сюртукъ. Суконные штаны въ сапоги. Свѣтлая открытая жилетка, черная манишка. Фуражка.
— Эхъ ты милая!
— Еще что...
— Эхъ ты, голубка.
— Пьяница!
— И это опять же мы знаемъ.

Ямщику фамилія Жареный.

Фамилія - „Рубашкинъ“.

Филипъ Охлѣбаевъ.

Деревенская баба—Анна Лобастиха.

Алеандровъ.
Ансеровъ.

Я ему дѣло говорю, а онъ мнѣ закономъ тычетъ *).

Пратухель [портфель].

Отпири—то бишь отопри **).

Письма писарей съ дикту.

Только сѣрный запахъ остался.

Какъ бы ты былъ счастливъ, еслибъ зналъ, что ты дуракъ...

Актрисѣ:—Здѣсь то такъ, а въ высшемъ то божественномъ селеніи... [Архіерей].

Анекдотъ объ исправникѣ и горшкѣ.

Я человѣкъ полнокровный [вмѣсто хладнокровный]. Я разсуждаю довольно полнокровно.

Говорили чинно съ великой учтивостью, а не крикомъ.

Въ пьяномъ восторгѣ.

Двор[янскій] пр[едводитель] носилъ постоянно конфекты. Носитъ ихъ въ карманѣ.

---

*) С.-Петербургскій генералъ-губернаторъ князь А. А. Суворовъ.
**) Оговорка провинціальнаго трагика. Примѣчанія М. И. Писарева.

Желудокъ третій срокъ служитъ.

Купчиха сыну:
— Я тебя изъ пистолета застрѣлю.

Всѣ вещи, блески имѣющія, у меня заложены.

Что вы объ Ренанѣ думаете? — Что же объ немъ думать? Ренанъ, какъ Ренанъ. — Нѣтъ, я съ нимъ согласна.

Приведши всѣ дѣла въ циркуль.

Рюмка какъ есть пропорціональная.

Учитель чистописанія исправлялъ почеркъ какому-то сановнику.

Повторили въ рюмочки, для вѣрности глаза.

За сліяніе интелигенціи съ капиталомъ [тостъ].

Учитель французскаго языка Пижонъ.

Актриса родила на станціи, въ дорогѣ [разсказъ]. Актриса добрая, родитъ каждый годъ...

Во ввѣренной мнѣ труппѣ позволяютъ себѣ распущенность, какъ-то: куреніе табаку и такъ же и прибытіе на репетиціи въ возбужденномъ видѣ. Дѣлаю на сей разъ неисполнителямъ строгое замѣчаніе, предваряя, что повтореніе сего поставитъ меня въ необходимость довести до свѣдѣнія г-на начальника губерніи.

Оцыганизировался.

У бабы нѣтъ тягла—поѣла да спать легла.

Пьяный утъ-діезъ беретъ.

Фантазію на себя нагоняли.

Шеврель изъ дикой козы.

По горлометру.

Ошиблись во взглядахъ: вы думали, что я дуракъ, а я думалъ, что вы умный *).

Давай намъ еще этого монплезиру. [Ив. Гавр.].

Загрунтовались.

---

400 бутербродовъ выгоняетъ изъ фунта икры **).

Строчныя и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и тріодей драгія вещи, со всякимъ благочиніемъ.

---

*) Выраженіе П. М. Садовскаго.
Прим. ред.

**) Выраженіе театральнаго буфетчика.
Прим. М. И. Писарева.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

---

*) Прим. ред.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

---

*) Прим. ред.

ПЕРЕЧЕНЬ РИСУНКОВЪ.

Передъ выходнымъ листомъ внѣ текста портретъ генерала Дитятина. Офортъ Н. З. Панова.

*) Набросокъ изъ записной книжки И. Ѳ. Горбунова. Приписывается М. О. Микѣшину.

**) Изъ записной книжки И. Ѳ. Горбунова.

***) Съ единственнаго корректурнаго оттиска, перечеркнутаго въ 1884 году краснымъ карандашемъ цензора. Изъ собранія Н. П. и А. П. Барсуковыхъ. Даръ И. Ѳ. Горбунова.

****) Принадлежитъ гр. Д. С. Шереметеву. *Прим. ред.*

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА *).

---

*) Печатается въ приложенiи: нашлась, когда книга была уже отпечатана.
Прим. ред.

Я нашелъ очень интересную записную книжку. Кому принадлежала она, кто писалъ ее—я не знаю.

Каждое воскресенье я хожу по рынку у Сухаревой башни, въ полной увѣренности, что найду когда-нибудь что-либо въ родѣ Слова о полку Игоревомъ или Краледворской рукописи.

Случалось мнѣ находить цѣлыя связки любовныхъ писемъ, альбомы съ засохшими въ нихъ цвѣтами; разъ нашелъ латинскую грамматику Цумта *), подаренную на экзаменѣ „за благонравіе и успѣхи" одному юношѣ, въ настоящее время большому сановнику. Съ какой благодарностью онъ принялъ отъ меня эту книжку, напомнившую ему лѣта его юности...

Въ прошлое воскресенье, я, по обыкновенію, пришелъ на рынокъ, думая не растрепалъ ли въ теченіе этой недѣли какой-нибудь судебный приставъ, гдѣ-либо у Благовѣщенья на Бережкахъ или на Сивцовомъ вражкѣ, какого-нибудь книгохранилища. Если—да, то часть этого книгохранилища непремѣнно должна въ первое же воскресенье появиться у Сухаревой.

— Что новенькаго? — спашиваю у одного пріятеля-книжника.

Онъ мнѣ предложилъ порыться въ корзинѣ, въ которой лежали разныя растрепанныя книги, учебныя тетради, аспидная доска и почему-то попала чайная чашка безъ ручки.

---

*) Старинная латинская грамматика, по которой многіе въ прежніе годы выучивались латинскому языку. *Прим. ред.*

Я взялъ въ руки въ осьмушку сшитую тетрадку, на лицевой сторонѣ которой четко написано: „Записная книжка, тетрадь третья“.

Сталъ искать другихъ тетрадокъ—не нашелъ, но есть надежда отыскать и ихъ. Пока предаю тисненію то, что есть.

Какъ ученые до сихъ поръ не открыли, кто творецъ Слова о полку Игоревомъ, такъ по настоящему отрывку невозможно узнать, кто авторъ этой книжки. Слогъ его то напоминаетъ знаменитаго Фотія, то сбивается на простую рѣчь. Ни года, ни мѣсяца, ни числа, даже мѣста, гдѣ происходило дѣйствіе, не обозначено; можно только догадываться, что то-то было въ Петербургѣ, а то-то въ Москвѣ.

„На Страстномъ бульварѣ былъ у самого *). По кабинету ходитъ одинъ. У меня, говоритъ, какъ у Петра Великаго, мозоли съ рукъ не сходятъ, а они меня не боятся. Многонько говорено было.

Вышелъ на бульваръ, городовой мнѣ подъ козырекъ сдѣлалъ, свистнулъ три раза.

Опять былъ.

Гнѣвенъ.

Далъ письмо въ Питеръ рабу Божію Владиміру. На словахъ велѣлъ сказать, чтобъ не угасалъ.—

У купца былъ.

Угощалъ меня ананасной водой; настоящая, говоритъ.

На самого сердитъ: торговать, говоритъ, мѣшаетъ; разносную торговлю совсѣмъ остановилъ.

Въ головы хочетъ баллотироваться. Если выберутъ, говоритъ, всѣ свои глупости брошу, по родителю пойду.—

На Воробьевы горы ѣздилъ.

Высокія.

Молоко двадцать копеекъ стаканъ.—

У купца въ складѣ былъ, газету читалъ, уснулъ и страшный сонъ видѣлъ, будто въ меня изъ пушки стрѣлять хотятъ.

Купецъ говоритъ, что водка располагаетъ.

Мудренаго нѣтъ.—

---

*) М. Н. Катковъ. *Прим. ред.*

Сырой день въ Петербургѣ.

У А. былъ.

Злымъ духомъ обуянъ. Скрежещетъ.

Два года, говоритъ, я его за хвостъ держу.—

У раба Божія Владиміра былъ.

Втроемъ сидятъ.

Мятутся.

Подалъ письмо отъ самого.

Хорошо, говоритъ, ему тамъ разговаривать-то!—

Былъ у извѣстнаго мнѣ человѣка. Чай пили и разговоръ былъ.

У Б. былъ.

Черный.

Ходитъ по комнатѣ, мухъ ловитъ.

Читалъ мнѣ по секрету нѣкую записку.

Любопытная.—

Въ Пушкинскомъ кружкѣ былъ.

Удивленія достойно! Отроки съ отроковицами въ коридорѣ подъ ручку ходятъ; у буфета нелѣпостно подвизаются пожилые и старцы. Овъ простираетъ руки къ питію, овъ чревонасыщенію предается. Нѣкій отрокъ взялъ книгу, вступилъ на помостъ и сталъ стихи читать на разные голоса.

Что симъ достигается? *)

Недоумѣваю...—

У дружка своего, вологодскаго купца Ивана Петровича, моего милаго земляка, былъ. Тесомъ здѣсь торгуетъ. Про Петербургъ разговорились.

Это, говоритъ, огромная кузница, въ которой, если не обожжешься, то непремѣнно замараешься **).

Вѣрно!—

Рабъ Божій Владиміръ книжку свою для прочтенія прислалъ. Отъ мудрости слово поставлено! Смѣлымъ слогомъ написана, отважнымъ.—

У Виктора былъ. Дѣла его пошатнулись. Печаловался. Все, говоритъ, по судамъ хожу, измышлять некогда. Хотя за лѣто и создалъ нѣчто съ иностраннаго, но встрѣчаю препоны.—

У Л. чай пилъ. Липовый медъ былъ и варенье. Велѣлъ послѣ лошадь заложить и прокатилъ меня по Нев-

---

*) Изрѣченіе Кіевскаго митрополита Іоанникія.

**) Изрѣченіе Московскаго Митрополита Иннокентія. *Прим. ред.*

ской перспективѣ до Думы, самъ пошелъ внутрь оной объ нѣкоторыхъ важныхъ городскихъ дѣлахъ разговаривать.

Сильный человѣкъ.—

Съ нѣкіимъ молодымъ учителемъ познакомился—ввѣренныхъ ему учениковъ бьетъ.

Похваляю.

Меня самого били.—

У нѣкоторой значительной дамы на дачѣ многопестротная трапеза была и я былъ.

Съ рабомъ Божіимъ Владиміромъ рядомъ сидѣлъ. Говорили „о проникновеніи" и объ самомъ.

А. съ умиленіемъ къ жаркому салатъ стряпалъ. Въ чужихъ земляхъ, говоритъ, научился. Послѣ обѣда сидѣлъ съ другомъ своимъ Владиміромъ въ саду подъ смоковницею и фрукты ѣли. Открылъ онъ мнѣ нѣкоторую тайну о французской политикѣ.—

Собираюсь въ Москву.

У П. былъ. Было многое злохуленіе всѣмъ. Послѣ всѣ пошли въ трактиръ Тѣстова солянку ѣсть, а я отправился къ нѣкоему дружку своему, первостатейному купцу, въ Таганку.

Свѣтъ не видывалъ такого пьянства, какое я засталъ вчера у дружка своего въ Таганкѣ, по случаю тезоименитства его дочери, вдовствующей благородной особы. П. съ частнымъ приставомъ обнявшись ходили, и, какъ видимо, онъ въ большой силѣ.—

У нѣкоего простеца былъ, въ думѣ служитъ—шары въ ящики раскладываетъ. Разговоръ былъ. Объ освѣщеніи Невской перспективы электричествомъ спрашивалъ. „Не знаю, говоритъ, шары у насъ давно разложены, чтобы таковому освѣщенію быть и храмину для сего нарочитую устроили, но нѣкоторыя есть препоны".

У одного-жъ простеца спрашивалъ: коея ради вины онъ, природнымъ разумомъ простоватый и на отговоры не смышленый, въ думѣ служитъ? Невѣдѣніемъ отрекся.—

Человѣкъ одинъ, изъ Москвы пріѣхавшій, сказывалъ: нѣкоторый шумъ былъ слышенъ въ Петровскомъ паркѣ и мнитъ, что нѣкіе купцы, хмѣльному питію прилежащіе, дрались.—

Созерцателя одного театральнаго видѣлъ на Фонтанкѣ. Лентовскаго не одобряетъ, вкупѣ и новоотдѣланный театръ „Фантазію" весьма порицаетъ. „Кормленія ради хозяевъ,

говоритъ, устроены, а не для утѣшенія ищущаго утѣшенія“.

Правда.

Видѣлъ я онаго Лентовскаго, въ странномъ одѣяніи по Москвѣ ходящаго и тоскующаго ради несоотвѣтствія между предложеніемъ грѣховныхъ зрѣлищъ и ихъ потребленіемъ.

Зарваться можно. —

Познакомился съ мужемъ нѣкіимъ. Видѣніемъ благообразнъ, браду имѣши и умъ не весьма проникновенный, глаголанію же его нѣсть предѣла.—

Читалъ нѣкоторую газетную статью въ „Гражданинѣ“...

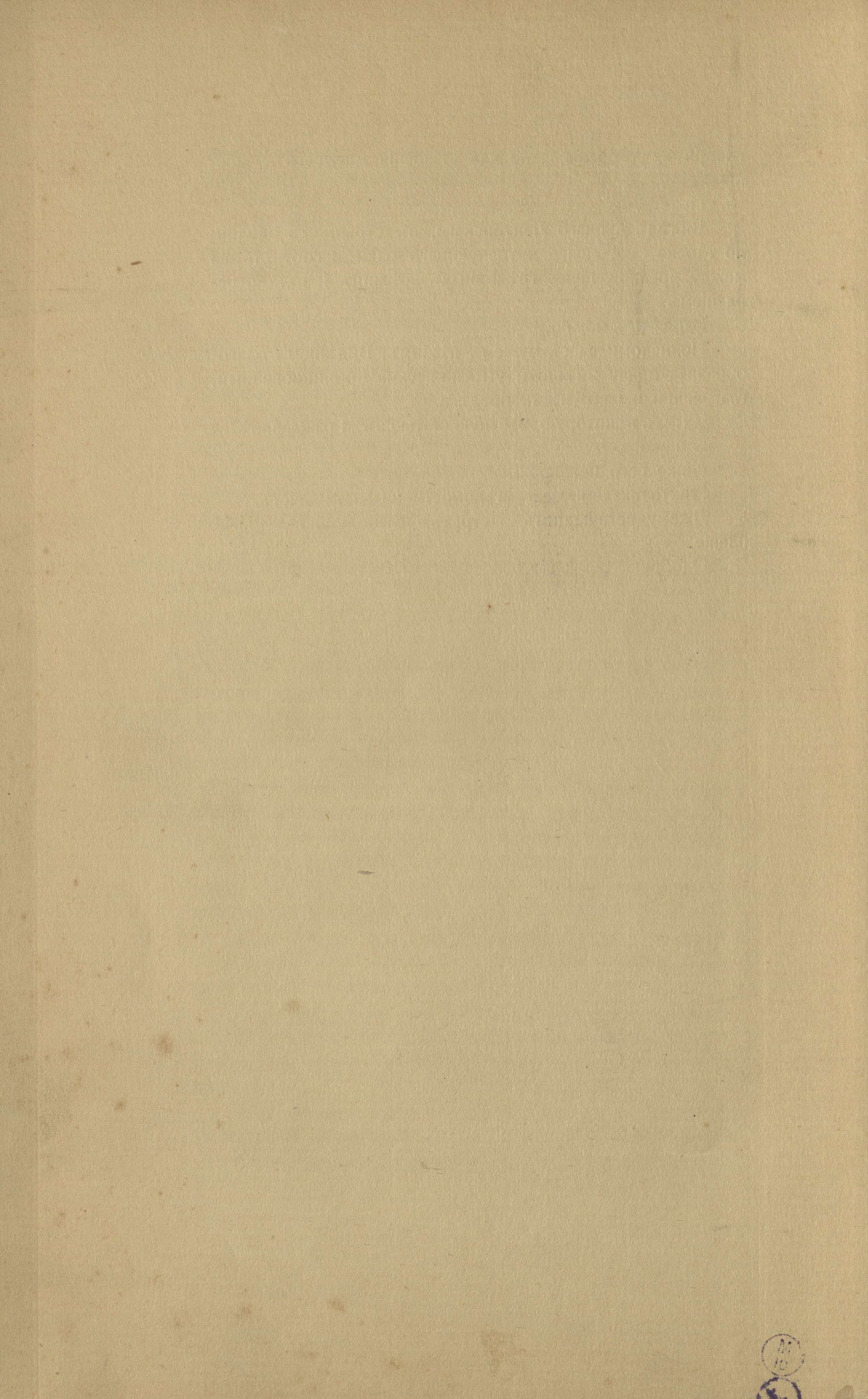
Однако!

Ниже сего поговорю.—

Нѣкто академическія вѣдомости издавать хочетъ.

Лжемудрствующимъ — страхъ, слабодушію — укрѣпленіе.

Одобряю.



ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 1. # ВАТЕРПАСЪ 1883 г.

ГАЗЕТА УРАВНИТЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВСѢХЪ ПАРТІЙ.

МЫ ГОТОВЫ.

С.-Петербургъ, 1 января 1883 г.

Мы готовы, готовы на все. На что же, однако? Готовы ли парить въ высь? Готовы ли ползать во прахѣ? Готовы ли идти впередъ? Готовы ли отступать назадъ? Готовы ли стоять на одномъ мѣстѣ? Ничего не знаемъ. Но знаемъ, что мы готовы.

Комета съ необыкновенно широкимъ хвостомъ, которая такъ хорошо была видна въ сентябрѣ и октябрѣ прошлаго года, произвела разныя пертурбаціи въ атмосферѣ, черезъ что произошли бури, наводненія, мадагаскарская королева родила дочь вмѣсто сына, Гамбетта себя ранилъ, Шанзи умеръ, рабочіе во Франціи произвели безпорядки; въ Берлинѣ выстроили центральный вокзалъ, причемъ Бисмаркъ сказалъ: „хорошо".

Такъ какъ Россія самое обширное государство, то и естественно, что всѣ городскіе банки у насъ не выдержали давленія кометы и лопнули.

Вотъ почему столько порядочныхъ людей проворовалось.

Вслѣдствіе неестественнаго состоянія умовъ, газеты подняли ожесточенную полемику изъ-за кавказскаго транзита, а въ то время, какъ поднимался этотъ споръ, кредитный рубль, никѣмъ не поддерживаемый, опять упалъ.

Кто его роняетъ? Куда онъ падаетъ?

Вотъ вопросы, которые мы считаемъ нужнымъ поднять.

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ сказать, что мы уже говорили въ такомъ то № „Ватерпаса" по этому поводу.

Почему мы не можемъ сказать?

Потому, что „Ватерпаса" прежде не было...

Еще вопросы: откуда мы? что мы? и куда мы идемъ?

На это мы можемъ отвѣтить, что мы только все подымаемъ, но ни на что и ни за что не отвѣчаемъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

ПАРИЖЪ, 31-го декабря, пятница. Сегодня сюда прибылъ г. Петръ Бо—нъ съ вѣнкомъ на гробъ Гамбетты, но по ошибкѣ вѣнокъ надѣлъ на себя и уѣхалъ назадъ.

ПАРИЖЪ, 31-го декабря, пятница. Сегодня прибылъ сюда г. Евгеній У—нъ. Онъ отправился инкогнито на балъ въ Valentino, но во время исполненія имъ канкана былъ узнанъ парижанами и провозглашенъ великимъ человѣкомъ и еще болѣе великимъ гражданиномъ. Упоенный нежданной оваціей, г. У—нъ вызвался замѣнить Франціи усопшаго Гамбетту. Франція согласилась на это великодушное предложеніе. Парижъ ликуетъ. Департаменты сочувствуютъ.

БЕРЛИНЪ, 31-го декабря, пятница. Сегодня кн. Бисмаркъ остригъ себѣ ногти.

ЛИППЕДЕТМОЛЬДЪ, 31-го декабря, пятница. Сегодня жена бургомистра, кажется, забеременила.

КАРКАРАЛЫ, 31-го декабря, пятница. Сегодня у насъ морозище забралъ страсть! 35 градусовъ!

ХРОНИКА.

Мы слышали изъ достовѣрныхъ источниковъ, что г. Ст—чу къ нынѣшнему Новому году не только не дадутъ звѣзды, но даже отнимутъ отъ него чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, какъ оскорбительный для либерала чистой крови. Г. Ст—чъ, говорятъ, груститъ по этому случаю, но готовъ принести жертву для торжества либерализма.

Вчера въ зданіи окружнаго суда, извѣстный присяжный повѣренный Александровъ произвелъ покушеніе на самого себя. Во время произнесенія рѣчи въ защиту трехъ шулеровъ и двухъ содержательницъ пансіона безъ древнихъ языковъ, г. Александровъ вдругъ ударилъ самого себя два раза по ланитамъ и громко, и гнѣвно при этомъ воскликнулъ: „вотъ тебѣ, моветонъ!" Всѣ лица, присутствовавшія на судебномъ засѣданіи, ни мало не были удивлены этимъ, а сочли этотъ актъ самоназанія вполнѣ резоннымъ. Но г. Александровъ, однако, остался недоволенъ своимъ собственнымъ поступкомъ и, говорятъ, намѣренъ подать на себя жалобу въ судъ за нанесеніе себѣ самому публичнаго оскорбленія дѣйствіемъ и словомъ.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ.

Ночь была. Собаки выли,
На дворѣ морозъ трещалъ.
Шелъ по улицѣ Б—асовъ,
Посинѣлъ и весь дрожалъ.

***

„Боже, говорилъ Б—асовъ,
Какъ собакъ ужасенъ вой!..
Я озябъ, хочу я кушать
И „порядокъ правовой".

***

Шла дорогой той старушка,
Услыхала сироту,
Накормила и порядокъ
Правовой дала ему.

Вася Младенцевъ.

ЕРОПКИНЪ и ВОРОБЕЙ.

или

МОСКОВСКАЯ ЧУМА въ 1771 г.

Историческій романъ **В. Соловьева** 2-го

Часть I.

Какъ бы то ни было, рѣшено было охраненіе Москвы ввѣрить Еропкину.

Часть II.

Еропкинъ окончательно пришелъ къ убѣжденію, что безъ квартальныхъ надзирателей нельзя принять никакихъ мѣръ. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ одного изъ самыхъ благонадежнѣйшихъ и сталъ спрашивать его о настроеніи умовъ въ его квартанѣ. Онъ грозно поднялся съ кресла. Онъ былъ въ шелковомъ малиноваго цвѣта халатѣ, на лацканахъ коего блистали орденскія звѣзды. Квартальный надзиратель представлялъ изъ себя комическую фигуру: онъ вытянулся въ струнку, крѣпко прижалъ руки ко швамъ и при каждомъ движеніи Еропкина прищуривалъ глаза и откидывалъ назадъ голову, какъ бы отстраняясь отъ удара.

— Неужели ты не могъ внушить имъ, что наша всемилостивѣйшая государыня, по своей высокомонаршей милости и по материнскому...

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше...

— Что-о?!

Квартальный откинулъ голову назадъ и ударился затылкомъ объ стѣну. Капитанъ-поручикъ невольно улыбнулся.

— Кому ввѣрила, продолжалъ кричать Еропкинъ, ея императорское величество, съ наивсемилостивѣйшаго своего соизволенія, достодолжное попеченіе о своей древнепрестольной столицѣ и охраненіе заблудшихъ своихъ вѣрно-подданнѣйшихъ чадъ?

Въ это время въ растворенное окно влетѣлъ воробей.

Еропкинъ поблѣднѣлъ и затрясся всѣмъ тѣломъ. Лучи заходящаго солнца мгновенно озарили его и безъ того яркія звѣзды.

— Страшное предзнаменованіе! Арестовать! вскричалъ онъ прерывающимся голосомъ и поспѣшно выбѣжалъ изъ кабинета. Квартальный выхватилъ изъ ноженъ шпагу и опрометью бросился на воробья, метавшагося по потолку и по угламъ кабинета.

Долго происходила эта сцена. Изнемогъ воробей и квартальный.

А у подъѣзда дома московскаго главнокомандующаго свирѣпствовала пьяная, буйная чернь.

Часть III.

Чума усмирена. Еропкинъ выѣхалъ въ Тверскую заставу рано утромъ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

№ 2. **ВАТЕРПАСЪ** 1883 г.

ГАЗЕТА УРАВНИТЕЛЬНАЯ ДЛЯ ВСѢХЪ ПАРТІЙ.

С.-Петербургъ, 9-го января.

Для газеты „уравнительной“ теперь настаетъ такая кипучая дѣятельность, что мы могли бы потерять голову. Извѣстно, что настоящая мудрость заключается именно въ томъ, чтобъ въ данный моментъ потерять голову и бросить всякое руководительство: тогда все само собою обойдется благополучно. Доказательство—природа: сегодня бушуетъ буря, вѣтеръ свищетъ, мачта гнется и скрипитъ, а завтра ни бури, ни вѣтра, и мачта стоитъ прямо.

Мы не мудры, а потому головы не только не потеряли, но примѣнили къ событіямъ свои принципы. Во Франціи разомъ открыто нѣсколько заговоровъ, изъ которыхъ мы ни въ одномъ не участвуемъ, но наши корреспонденты такіе ловкіе люди, что успѣли взять въ свои руки руководительство; одинъ изъ нихъ написалъ манифестъ для принца Жерома, а Крапоткинъ, по просьбѣ принца, перевелъ его по французски; другой нашъ корреспондентъ вступилъ въ адъютанты къ генералу Шарету. Дѣйствуя уравнительно, они устроили такъ, что оба заговора разомъ обнаружились, а когда два заговора открываются разомъ, то третьему лицу, т. е. французскому правительству, остается только благодарить Бога и нашихъ корреспондентовъ. Спѣшимъ объ этомъ заявить, чтобъ президентъ Греви озаботился благовременно о присылкѣ „Ватерпасу“ ордена Почетнаго Легіона.

На родинѣ продолжаются морозы, но кое-гдѣ есть и оттепель. Жители продолжаютъ негодовать: одни на морозы, другіе на оттепель. Впрочемъ, намъ телеграфируютъ, что есть и такіе граждане, которые говорятъ во всеуслышаніе, что имъ все равно, что бъ ни случилось, потому все отъ Бога.

Съ удовольствіемъ мы можемъ сказать, что въ прошломъ нумерѣ „Ватерпаса“ мы говорили, что наша печать по прежнему занимается вопросомъ о транзитѣ, что при нашемъ взглядѣ на транзитъ, состоящемъ въ томъ, что этотъ вопросъ потому только и вопросъ, что онъ связанъ, кромѣ контрабанды, съ вопросомъ о существованіи общества содѣйствія промышленности и торговли, которое заботится о томъ, чтобы было говорить про что; а что только тогда и бываетъ что, когда оно которое. Такимъ образомъ, мы считаемъ вопросъ разрѣшеннымъ.

Открыты два отдѣленія литературно-театральнаго комитета; члены оныхъ, говорятъ, недовольны тѣмъ, что артистки неравномѣрно распредѣлены, ибо въ одномъ отдѣленіи двѣ молодыхъ артистки, а въ другомъ только одна молодая. Впрочемъ, эта распря можетъ быть устранена общимъ собраніемъ обоихъ отдѣленій. Артистки съ своей стороны недовольны тѣмъ, что рѣшающій голосъ принадлежитъ не имъ исключительно и, повторяя извѣстную французскую пословицу: „Чего женщина хочетъ—того Богъ хочетъ“, требуютъ пересмотра устава комитета. Г. Боборыкинъ этому не противится, но зато г. Крыловъ говоритъ: „такъ нельзя, нѣтъ, такъ нельзя“.

P. S. Открытіе комитета совпало съ провозглашеніемъ г-жи Савиной газетою „Голосъ“—великой. Это очень пріятно: за неимѣніемъ великихъ людей, мы по крайней мѣрѣ будемъ имѣть великую Савину. Vive la grrrande Savina!

ТЕЛЕГРАММЫ:

ПАРИЖЪ, 9-го января, воскресенье. Прочитавъ манифестъ принца Жерома, Базенъ прислалъ ему изъ Испаніи поздравительную телеграмму, которая заключается въ слѣдующихъ словахъ: „Заслышалъ я конское ржанье и пушечный громъ и трубу“. На это Жеромъ отвѣчалъ: „Благодарю; еще рано; будемъ пока хладнокровны“.

КОНСТАНТИНОПОЛЬ. Вчера въ Ильдизъ-Кіоскѣ два неизвѣстныхъ человѣка, оба имѣвшіе крайне огорченный видъ, пошли домой и легли спать.

ПАРИЖЪ, 9-го января, воскресенье. Принцъ Орлеанскій выразился по поводу легитимистскаго заговора: „Я объ этомъ совсѣмъ ничего не зналъ, потому что я долженъ былъ узнать объ этомъ въ свое время, которое еще не пришло“.

МОСКВА, 9-го января, воскресенье. Тараканы крайне недовольны полицейскимъ осмотромъ пекарнаго отдѣленія въ булочной Филиппова. Опасаются безпорядковъ.

КОНСКЪ, 9-го января, воскресенье. У насъ ничего кромѣ морозовъ.

ГАЗЕНПОТЪ, 9-го января, воскресенье. У насъ морозы.

ДЖУЛЬФА, 9-го января, воскресенье. У насъ ничего. Были морозы да прошли.

ИСКУССТВЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Театръ. Какъ много въ этомъ словѣ! Прочелъ „Театръ“ Пальма и нашелъ, что редакторъ мрачными красками рисуетъ состояніе русскаго театра: „охлажденіе и недовольство къ театру публики, ожесточенныя нападки на него печати, внутренняя неурядица, отсутствіе твердо намѣченной цѣли, значительный дефицитъ, домашніе раздоры, жалобы на несправедливость, непотизмъ, кумовство и всяческія запустѣлыя дрязги“. Я зарыдалъ. Театръ, школа народная, находится въ такомъ ужасномъ положеніи! Думаю: вѣдь есть же спасители, давно ужъ они чешутъ свои спины объ углы и подъѣзды Александринскаго театра и на нихъ дирекція не обращаетъ никакого вниманія. Да, поставьте во главѣ управленія А. Соколова и сейчасъ публика удовольствуется, дефицитъ прекратится, домашніе раздоры смѣнятся дружескими объятіями, однимъ словомъ, изъ театра сдѣлается счастливая Аркадія. Да, счастье такъ возможно, такъ близко. Читаю журналъ Раппопорта. Не напишите ли статью объ Александринскомъ театрѣ? телеграфируетъ Раппопортъ графу А. Соллогубу. Нѣтъ, отвѣчаетъ графъ:— хвалю французовъ, совѣстно бранить русскихъ [Благородно! Великодушно! подумалъ я]. Раппопортъ не унялся: посылаетъ другую телеграмму: Не стѣсняйтесь, прошу писать. Самъ бы бранилъ. Раппопортъ. Думаю: его сіятельство своихъ не выдастъ. Смотрю: выдалъ? „Скрѣпя сердце“ согласился. Извольте, говоритъ, хотя „тяжело говорить о своемъ, о русскомъ, и сознаваться, что оно плохо“. Графъ, впрочемъ, не бранится, а дѣлаетъ „легкій“ обзоръ, „легкія“ замѣчанія. Хорошо! Я остался очень доволенъ. Видно только, что графъ въ театральномъ дѣлѣ ничего не знаетъ, ну, да это ничего, попривыкнетъ. Прочелъ въ журналѣ „Искусство“ совершенно безъискусственнаго столько, что рѣшился самъ издавать журналъ подъ заглавіемъ „И мое искусство“. Чтобъ не просить разрѣшенія объ этомъ журналѣ, я думаю пристроиться съ нимъ въ „Ватерпасѣ“.

ИЗРЕЧЕНІЯ и МАКСИМЫ.

При хорошемъ газовомъ освѣщеніи нельзя принять извозчика за даму.

Отдыхъ порождаетъ мысли, а мысли—усталость; не мысли—чтобъ не уставать, но отдыхай—чтобы мыслить.

Писатель! если ты бѣденъ и хочешь написать большое сочиненіе, то разведи свои чернила водой, но не думай, что творенія твои отъ того станутъ лучше. Чернилъ и времени для этого еще недостаточно.

Если ты влюбленъ, то объяснись.

Какая была чудная ночь, сказалъ одинъ глупецъ, проспавъ оную.

Будучи адвокатомъ, можно безбоязненно выразить соболѣзнованіе парижскимъ адвокатамъ по случаю смерти Гамбетты, не взирая на то, что за такое „дѣло“ гонорара не полагается.

Въ одной еврейской петербургской газетѣ напечатано: „Россія похожа на большой домъ, въ которомъ пустуютъ почти всѣ покои, за исключеніемъ тѣхъ, окна которыхъ выходятъ въ Европу“. Мы къ этому прибавимъ: „И въ этихъ окнахъ сидятъ евреи—мѣнялы“.

ХОРОШЕЙ ПѢВИЦѢ.

I.

Въ безмолвіи снѣговъ среди хрустальныхъ льдинъ
Раздался вдругъ плѣнительный твой голосъ
И на главѣ моей поднялся волосъ
Одинъ.

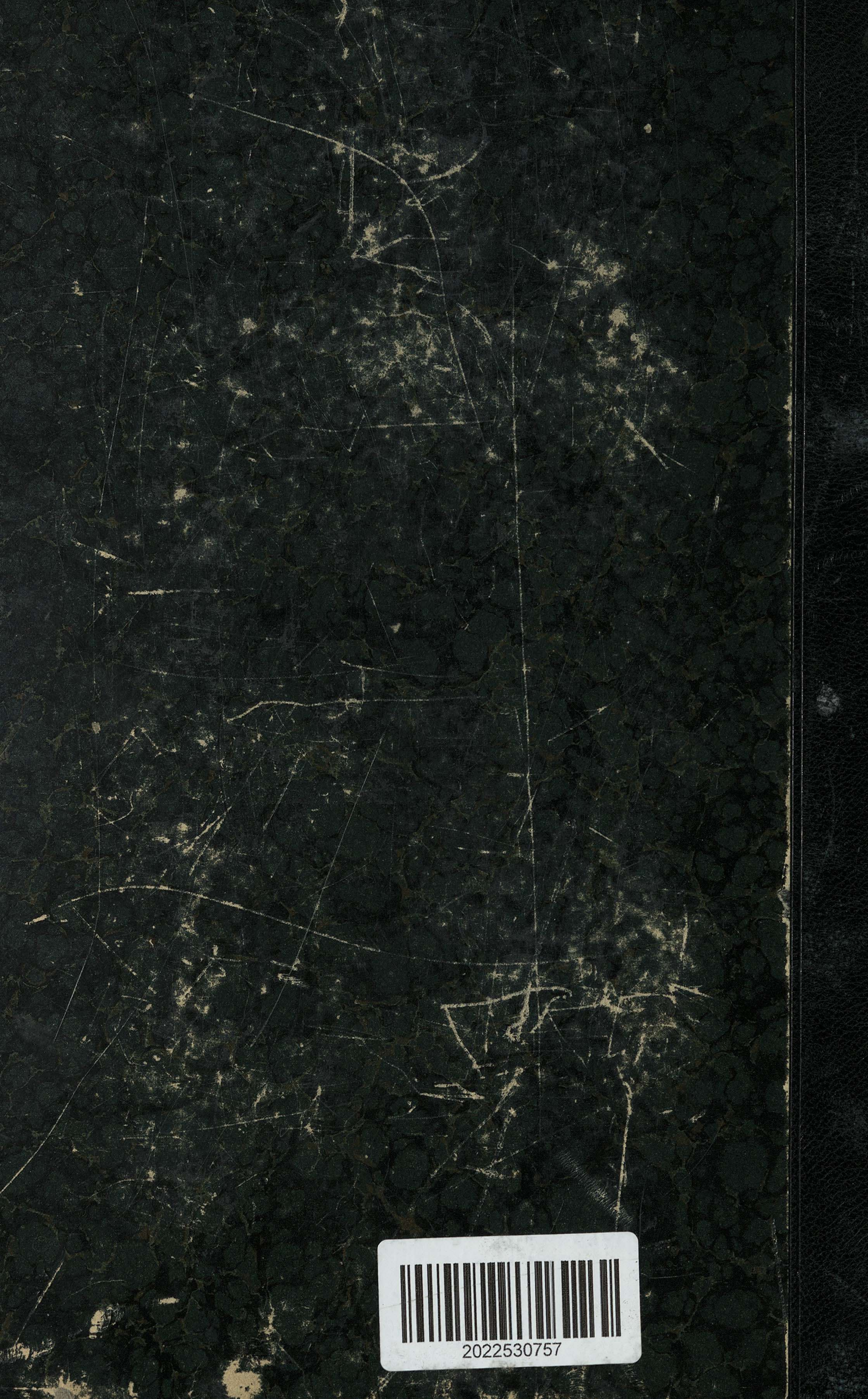
II.

Ахъ, кто имѣетъ маленькія средства,
Тому полезно получить наслѣдство.

III.

Я бъ могъ сказать: онъ глупъ, какъ сивый меринъ;
Но лошадь обижать я не намѣренъ.

Вася Младенцевъ.


2022530757